

Министерство науки и высшего образования РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ЕЖЕГОДНИК
финно-угорских исследований

Том 15
Выпуск 3

“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

Volume 15
Issue 3

Ижевск
2021

Редакционная коллегия журнала

Главный редактор: Загребин Алексей Егорович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Зам. главного редактора: Кондратьева Наталья Владимировна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Мерзлякова Галина Витальевна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Жеребцов Игорь Любомирович (ИЯЛИ Коми ФИЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Муллонен Ирма Ивановна (ИЯЛИ Карельский ФИЦ РАН, Петрозаводск, Россия)

Сааринен Сиркка (Туркуский университет, Турку, Финляндия)

Тулуз Ева (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж, Франция)

Насибуллин Риф Шакрисламович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Надь Золтан (Печский университет, Печ, Венгрия)

Владыкина Татьяна Григорьевна (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Зверева Татьяна Вячеславовна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Ванюшев Василий Михайлович (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Шаланки Жужанна (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)

Чепреги Марта (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)

Шутова Надежда Ивановна (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)

Норманская Юлия Викторовна (Институт языкознания РАН, Москва, Россия)

Кудрявцева Раисия Алексеевна (МарГУ, Йошкар-Ола, Россия)

Миннихметова Татьяна Гильнихметовна (Инсбрукский университет, Инсбрук, Австрия)

Саарикиви Янне (Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия)

Мызников Сергей Алексеевич (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Кудрявцева Екатерина Львовна (Пирейский университет, Пирей, Греция)

Винклер Эберхард (Гёттингенский университет им. Георга-Августа, Гёттинген, Германия)

Пуабо Тьерри (Университет Париж III Новая Сорбонна, Франция)

Матичак Шандор (Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия)

Ответственные редакторы: Шульга Елена Борисовна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Кириллова Роза Владимировна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Тот Силард (Нарвский колледж, филиал Тартуского университета, Нарва, Эстония)

The Editorial Board

Chief Editor: *Aleksey Ye. Zagrebin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Deputy Chief Editor: *Natalia V. Kondratyeva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Galina V. Merzlyakova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Igor L. Zherebtsov (Institute of Language, Literature and History of Komi Research Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

Irma I. Mullonen (Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia)

Sirkka Saarinen (University of Turku, Turku, Finland)

Eva Toulouze (National Institute of Oriental Languages and Civilizations, Paris, France)

Rif Sh. Nasibullin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Zoltán Nagy (University of Pécs, Pécs, Hungary)

Tat'yana G. Vladykina (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Tat'yana V. Zvereva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Vasilii M. Vanyushev (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Zsuzsanna Salánki (Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary)

Márta Csepregi (Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary)

Nadezhda I. Shutova (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Yulia V. Normanskaya (Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russia)

Raisia A. Kudryavtseva (Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia)

Tat'yana G. Minniyakhmetova (Institute of History and European Ethnology, University of Innsbruck, Innsbruck, Austria)

Janne Saarikivi (University of Helsinki, Helsinki, Finland)

Sergei A. Myznikov (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Ekaterina L. Kudryavtseva (University of Piraeus, Piraeus, Greece)

Eberhard Winkler (University of Göttingen, Göttingen, Germany)

Thierry Poibeau (New Sorbonne University, Paris, France)

Anatolii V. Ishmurov (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Sándor Maticsák (University of Debrecen, Hungary)

Executive Editors: *Shulga Elena Borisovna (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Roza V. Kirillova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Szilárd Tóth (Narva College of the University of Tartu, Narva, Estonia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю.* «Говорить» по-вепски: именованья некоторых глаголов речи в языке вепсов (лингвогеографический и семантико-этимологический аспекты)..... 376
- Сибатрова С. С.* Изменения в марийских нумеральных словосочетаниях в условиях марийско-русских языковых контактов..... 389
- Карпова Л. Л.* Морфология личных местоимений в нижнечепецком диалекте удмуртского языка..... 402
- Лёриц Г., Лёриц Ю., Тот С.* Архаизмы венгерского поэта Яноша Араня и трудности в их изучении..... 414

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Миронова В. П., Иванова Л. И.* К вопросу об изучении сказочной и причетной традиции карелов (на примере трудов А. С. Степановой)..... 424
- Панюков А. В.* Вомидз 'сглаз' как феномен вербальной магии коми-зырян..... 433

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Ельцова Е. В.* Пути развития коми поэзии второй половины XX – первой четверти XXI вв..... 446
- Сойни Е. Г., Маташина И. С.* Эпоха СССР глазами современных финских писателей..... 457

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

- Памяти ученого-археолога, педагога-наставника Маргариты Григорьевны Ивановой..... 467
- Руденко К. А.* Средневековые удмурты и Волжская Булгария в X – начале XIII в..... 469
- Подосёнова Ю. А.* Калачевидные височные украшения с территории Среднего Предуралья в эпоху средневековья..... 481
- Крыласова Н. Б., Белавин А. М.* Особенности цветной металлургии и металлообработки в протогородских центрах Среднего Предуралья..... 494
- Модин Р. Н.* Ранний горизонт Кушманского городища Уччакар, IX–XII вв..... 507

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ

- Зайцева Е. Н.* Этнокультурное наследие финно-угорских народов в подготовке магистров (на примере магистерской программы «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении» в Удмуртском государственном университете)... 517
- Воронцов В. С., Зворыгин Р. В., Касимов Р. Н.* История внедрения и опыт преподавания комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» в школах Удмуртской Республики..... 527

РЕЦЕНЗИИ

- Рогачев В. И., Степин С. Н.* Слово о подвижнике..... 540
- Сергеев О. А.* Новая страница функционирования и развития удмуртского и русского языков.... 547
- Волкова Л. А., Сухова М. В.* Рецензия на: Предметные реалии удмуртской этнокультуры: коллективная монография..... 550

CONTENTS

LINGUISTICS

- Zaytseva N. G.* «Speak» in Vepsian: names of some verbs of speech in the Vepsian language (linguo-geographic and semantic-etymological aspects)..... 376
- Sibatrova S. S.* Changes in Mari numeral phrases under the influence of Mari-Russian language contacts..... 389
- Karpova L. L.* Morphology of personal pronouns in the lower Cheptsä dialect of the Udmurt language.... 402
- Lőrincz Gábor, Lőrincz Julianna, Tóth Szilárd Tibor.* Archaisms of János Arany, the Hungarian poet, and their teachability..... 414

FOLKLORISTICS

- Mironova V. P., Ivanova L. I.* More on the study of the folklore tradition of Karelians..... 424
- Panyukov A. V.* Womidz 'evil eye' as a phenomenon of verbal magic of the Komi-Zyryans..... 433

STUDY OF LITERATURE

- Eltsova E. V.* Ways of development of Komi poetry in the second half of the 20th – first quarter of the 21st centuries..... 446
- Soini H. G., Matashina I. S.* The USSR through the eyes of modern Finnish writers..... 457

HISTORY, ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY

- In memory of scientist-archeologist, teacher and mentor Margarita Grigor'evna Ivanova..... 467
- Rudenko K. A.* Medieval Udmurts and Volga Bulgaria in X – early XIII centuries..... 469
- Podosenova Yu. A.* Jewelry for temples in the shape of the moon from the territory of the Middle Urals in the Middle ages..... 481
- Krylasova N. B., Belavin A. M.* Peculiar Features of Non-ferrous Metal Industry and Metalworking in Prototown Centres in Central Preduralye..... 494
- Modin R. N.* The early horizon of the Kushmanskoe (Uchkakar) fortified settlement, IX–XII centuries.... 507

INNOVATIONS AND TECHNOLOGIES

- Zaitseva E. N.* The ethno-cultural heritage of the Finno-Ugric peoples in the master's training (on the example of the master's program "The Finno-Ugric World in the historical, cultural and socio-political aspect" at Udmurt State University)..... 517
- Vorontsov V. S., Zvorygin R. V., Kasimov R. N.* The history of implementation and experience of teaching a comprehensive training course "Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics" in schools of the Udmurt Republic..... 527

REVIEW

- Rogachev V. I., Stepin S. N.* A word about the Ascetic..... 540
- Kovycheva E. I., Kosareva I. A.* Review of the book by V.G. Kudryavtsev «Mari folk art» (Yoshkar-Ola, 2019)..... 547
- Volkova L. A., Sukhova M. V.* Review of: Udmurt ethnoculture subject realities: Monograph..... 550

Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова

**«ГОВОРИТЬ» ПО-ВЕПСКИ:
ИМЕНОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ
В ЯЗЫКЕ ВЕПСОВ**

(лингвогеографический и семантико-этимологический аспекты)¹

Вепсский язык в последние годы активно изучают с точки зрения лингвистической географии. В рамках данной методики актуализируются различные проблемы вепсской лингвистики, и прежде всего – лексика и семантика. Настоящая статья посвящена рассмотрению глаголов речи вепсского языка, их мотивационному и этимологическому анализу. С точки зрения семантики глаголы речи представлены в статье в следующих группах: 1) говорить довольно продолжительное время с ожиданием возможного ответа (*pagišta*, *lodeita* / *lobaata*, *bast'a* / *basida*); 2) говорить кратко, чаще без ожидания ответа (*sanuda/sanda*; *virhta*); 3) говорить более высоким тоном без ожидания ответа (*kirkta*, *heikta*, *värskatada*, *kriknida*); 4) говорить пустяки, пустословить, болтать (*vahtostada*, *vahtaita*, *bul'butada*, *buleita* (*bul'aita*), *bul'uda*, *pärpätada*, *tötötada*, *lollotada*, *tängotada*, *häblätada*); 5) говорить, произносить заговоры, молитвы (*puhuda*, *puiteida*, *loita*). Большая часть вепсских глаголов речи – прибалтийско-финское наследие (*pagišta*, *sanuda*, *virhta*, *kirkta*, *bul'aita*, *tötötada*, *lollotada*); отдельные являются вепскими инновациями (*vahtostada*, *vahtaita*) или заимствованиями из русского языка (*bast'a*, *buhvostida*, *lodaita*), некоторые пока не поддаются этимологизации (*tängotada*, *häblätada*). В качестве мотивов возникновения глаголов данной семантики выступают, прежде всего, звукоподражательность (*pagišta* «говорить» < гул, шум, звучание речи < звук, напоминающий шум ветра; *puhuda* «говорить» < выдувать слова < выдувать заклинания < выдувать семена изо рта), а также метафоры (бульканье, бултыхание воды, пена на воде – основание для возникновения глаголов с семантикой «болтать, пустословить, говорить вздор»: *bul'butada*, *buleita*, *bul'uda*, *vahtostada*, *vahtaita*) и фольклор (*sanuda*, *puiteida*, *loita* и т.д.). Особенностью вепсских глаголов речи является употребление их в паре, составляющей глагольный бином, который придает особую динамику и выразительность описанию говорения (*pagišta papatada* букв. «разговаривать + говорить, беседовать»; *lodeita loglotada* букв. «говорить + болтать, не умолкая»; *pagišta räpätada* букв. «говорить + трещать без умолку» и т.д.).¹

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, вепсский язык, лексика, глаголы речи, этимология, семантика, номинация, дескриптивность, мифология, лингвофольклористика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-376-388

Диалектологические и лингвогеографические исследования в настоящее время исключительно популярны как в финно-угорском, так и в прибалтийско-финском языкознании. В XX в. подготовлены прекрасные диалектологические атласы. Среди них можно отметить ди-

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания КарНЦ РАН. Авторы выражают искреннюю благодарность гл. инженеру по информационным технологиям ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Л. Шибановой за помощь в технической подготовке лингвистических карт.

алектологический атлас финского языка Лаури Кеттунена [Kettunen 1930–1940], диалектологический атлас эстонского языка Андруса Саарестэ [Saareste 1938, 1941], диалектологический атлас карельского языка, вдохновителем создания которого и специалистом, определившим картографируемые явления, был отечественный лингвист, член-корреспондент АН СССР Д. В. Бубрих. Важное место в этом списке мы отводим трехтомному «Лингвистическому атласу прибалтийско-финских языков», подготовленному международным коллективом авторов в 2000-е гг. [ALFE 2004, 2007, 2010], в котором довольно широко представлены также вепские материалы. В 2019 г. вышел в свет и «Лингвистический атлас вепского языка» [ЛАВЯ 2019]. В качестве современного образца диалектологического атласа назовем также обширный «Диалектологический атлас удмуртского языка», несколько томов которого уже увидели свет и широко используются в финно-угорском мире [Насибуллин 2009–2015], что способствует развитию метода лингвистической географии. Практически все атласы, за исключением атласа карельского языка², кроме своего основного диалектологического материала и карт его распространения, содержат в той или иной степени комментарии к ним разного характера: этимологического, семантического, мотивационного. Это позволяет говорить о становлении и укреплении семантического направления исследований прибалтийско-финских языков, которое по сравнению с семантическими отечественными школами, такими как Московская, Новосибирская и т.д., несколько отставало.

В прибалтийско-финском языкознании в фокусе пристального внимания специалистов всегда были именно этимологические исследования, также проливающие свет на семантику и мотивацию. Основы этимологического метода заложены еще в XIX столетии финно-угроведами Финляндии, проявлявшими пристальное внимание к исторической фонетике и морфологии прибалтийско-финских языков. Это позволило последовательно подойти к исследованиям этимологического характера. В настоящее время созданы великолепные этимологические словари финского и эстонского языков, где можно найти сведения обо всей группе родственных языков, если данные этих языков были в определенной степени доступности для составителей этимологических словарей [SKES 1955–1981, SSA 1992–2000, Häkkinen 2007, Mägiste 1983, EES 2012].

В отношении исследований семантики и мотивации хотелось бы, прежде всего, обратить внимание на «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» [ALFE 2004, 2007, 2010], который не очень известен в отечественной науке³. В нем представлен лингвистический материал из 259 пунктов (финский – 185, карельский – 29, вепский – 7, ижорский – 3, водский – 3, эстонский – 30, ливский – 2), что позволило вести их широкое сравнение. В данный атлас были включены различного рода карты, имеющие непосредственное отношение, в том числе к исследованию семантики и мотивации. В лингвистическом атласе вепского языка [ЛАВЯ 2019] также содержится значительное количество карт с комментариями различного характера.

Цель данной статьи – обращаясь, прежде всего, к материалам атласов и их ресурсам, а также используя иную научную литературу, осветить некоторые моменты семантики и мотивации, касающиеся глаголов речи в диалектах вепского языка.

В вепском языке, который является языком малочисленного народа Российской Федерации⁴, существуют три диалекта (карта 1), которые в связи с работой по подготовке «Лингвистического атласа вепского языка» в 2000-е гг. особенно активно исследовали как в полевых условиях, так и в архивах. В Фонограммархиве Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН хранится более 400 часов магнитофонных записей вепской речи из разных мест проживания

² При этом атлас карельского языка, созданный под руководством Бубриха Д. В. и не обладающий дополнительными к картам комментариями, является совершенно уникальным по густой сетке языкового материала, которая представляет исторический языковой срез первой половины XX в.; и чуть ли не половины населенных пунктов, нанесенных на карты атласа, уже нет. Особенно эти материалы ценны для самого малочисленного наречия карельского языка – людиковского, находящегося на грани исчезновения.

³ Отметим, что атлас выполнен на финском языке, однако он содержит переводы комментариев на эстонский, немецкий и русский языки и таким образом оказывается доступным многим специалистам.

⁴ По переписи 2010 г. вепсов – 5936 человек [Строгальщикова 2016, 13-14].

вепсов, а в электронных ресурсах [Корпус; ВепКар] можно познакомиться как с образцами вепсской диалектной речи, так и с рукописными текстами разного содержания: этнографического, фольклорного, литературно-художественного, переводного.

Карта 1. Вепсские территории и расположение диалектов вепсского языка [ЛАВЯ 2019, 9]

Глаголы речи и их специфика

Глаголы речи в разных языках и языковых группах привлекают внимание исследователей важностью самой семы, связанной с говорением, что является одной из главных составляющих языка. Конечно, вепсский язык не обладает таким количеством глаголов с семантикой речи, как русский язык [см. напр. Ермолаева 2017, 362–375], тем не менее и в нем можно найти для обозначения процесса говорения различные единицы речи, которые так или иначе передают искомое значение.

В данной статье, кроме передачи самого значения «говорить», мы будем обращать внимание на широту употребления глаголов в диалектах вепсского языка, в некоторых случаях сопровождая это лингвистической картой⁵, показывающей устойчивость функционирования единицы речи в вепсских диалектах. По возможности мы стремились выявить этимологию и мотивацию появления исследуемой единицы. Этому аспекту вепсского языка в последнее время посвящено значительное количество статей в научных журналах «Linguistica Uralica», «Вопросы языкознания», «Финно-угорский мир», «Язык и культура», «Научный диалог», «Вестник угроведения» и др.

Отметим, что речь прибалтийско-финских народов, среди них и вепсов, довольно, если так можно выразиться, «глагольна». Это связано как с глагольной лексикой, множеством слово-

⁵ В статье три первые группы глаголов сопровождаются лингвистическими картами, остальные даны описательно, поскольку материал по атласу для них был собран по разным причинам не в полном объеме.

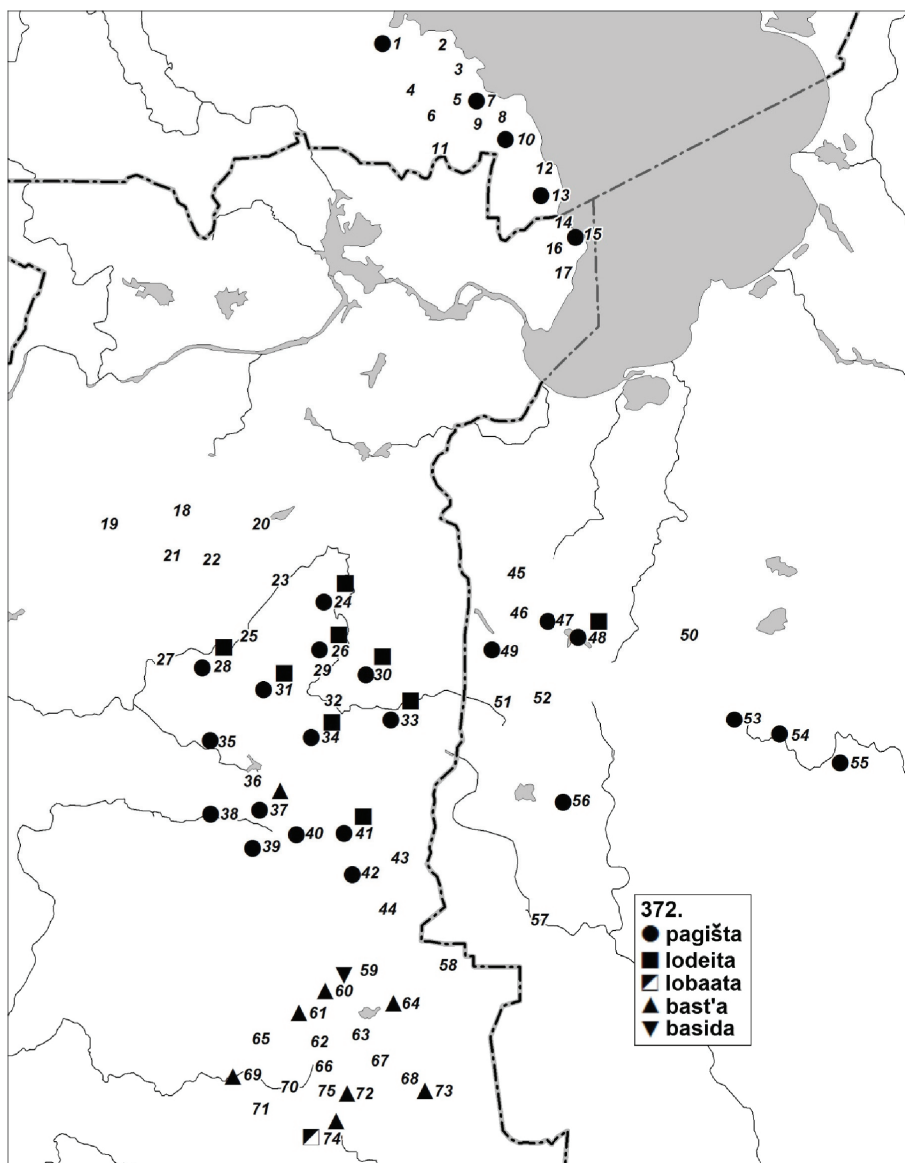

образовательных суффиксов, так и с наличием четырех времен глагола, которые именно в вепском языке выступают не только в индикативе, но даже и в кондиционале, действие которого условно, ирреально, лишь предполагаемо. Но и в этом случае вепский стремится конкретизировать глагольное значение кондиционала презенсом, имперфектом, перфектом и плюсквамперфектом, а также и основным, и возвратным спряжениями. Если возвратность в русском языке обозначается частицей *-ся* (*-сь*), то в вепском языке функционирует возвратное спряжение, обладающее особыми лично-числовыми окончаниями и всей системой времен и наклонений, как и основное спряжение, что наращивает глагольную составляющую вепского языка [Зайцева 2002].

Группы глаголов речи в вепском языке

Глаголы речи для анализа мы разместили в группах, где они обладают семантически близкими, хотя и не полностью синонимичными значениями.

1). **Глаголы с семантикой** «говорить более продолжительно, возможно, с ожиданием ответа, продолжения разговора, беседы»: *pagišta*, *lodeita* / *lobaata*, *bast'a* / *basida*.

Карта 2. Глаголы с семантикой «говорить довольно продолжительное время с ожиданием возможного ответа»

Здесь наиболее употребительны три глагола, которые были представлены лингвистической картой в ЛАВЯ [ЛАВЯ 2019, 508–512]. Среди них наиболее распространен глагол *pagišta*. Он объединяет собой два диалектных ареала: северновепский и средневепский. Этот глагол считается типичным восточноприбалтийско-финским явлением. Относительно происхождения глагола *pagišta* существует предположение, что ранее в праязыке его семантика была мотивированной, вполне возможно, что он отражал звук, напоминающий шум ветра [Häkkinen 2007, 857]. Позднее им стали обозначать и гул, шум, звучание речи.

Глагол *lodeita* характеризуется более локальным бытованием: он свойствен, прежде всего, западным средневепским говорам. В СВЯ он отмечен и в южновепском говоре с. Радогощ (Ars) в форме *lobaata* и включен в одну словарную статью как вариант глагола *lodeita* [СВЯ 1972, 294]. В ЛАВЯ мы также рассматриваем *lobaata* в качестве фонетического варианта глагола *lodeita*. В свое время авторы ALFE [ALFE 2010, 320] не включили вепский глагол *lodeita* в список картографируемых глаголов со значением ‘говорить’, посчитав его семантику не до конца выясненной. Информанты же «Лингвистического атласа вепского языка» настойчиво указывали рядом глаголы *pagišta* и *lodeita*, настаивая на их синонимичности, что позволило на материале одного языка более точно разобраться в семантике и внести глагол *lodeita* в список картографирования.

Семантическая близость этих глаголов подтверждается и фольклорными материалами. В тексте причитаний, древнейшего жанра устно-поэтического творчества вепсов, глаголы часто подбирались в пары по синонимичному принципу, что относится и к глаголам речи. В этом случае одним из устойчивых сочетаний стал глагольный бином *pagišta i lodeita* «говорить и беседовать». Дочь обращается к умершей матери: *Tule-ške, pagičemei i lodeidamei* «приди-ка, поговорим и побеседуем» [Жукова 2015, 103]. Выскажем осторожное предложение о возможном включении вепского глагола *lodeita* в этимологическую статью *laatia* ‘делать, готовить; говорить, беседовать’ [SSA 1995, 33]. Глагол *laatia* в прибалтийско-финских языках является заимствованием из русского языка, где он обладал некогда также и значением ‘говорить’: рус. *ладить* ‘организовывать, готовить, собирать; намереваться; договариваться; говорить (твердить, долбить)’ [SSA 1995, 33]. В настоящее время в русских народных говорах значение ‘говорить’ у обсуждаемой лексики в значительной степени размыто и практически утрачено (ср. *ладить* ‘договариваться, улаживать; уговаривать кого-либо...’ [СРНГ 1980, 231]).

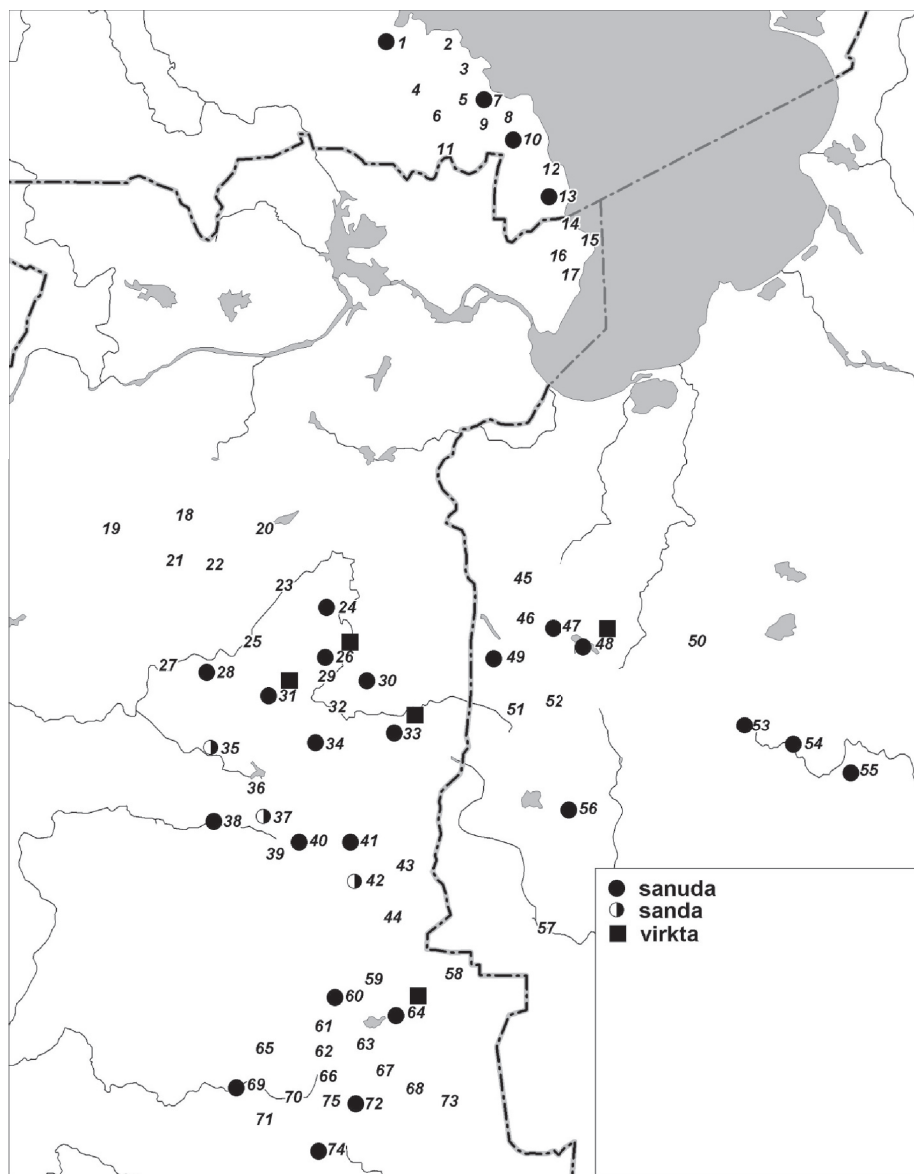
Южновепский глагол *bast'a* (и его вариант *basida*) является русским диалектным заимствованием (< рус. диал. *басить* ‘говорить много; говорить, разговаривать’ [СРНГ 1966, 130]; см. также *басить* ‘занимать в беседе других, потешать рассказнями’, что считают ранним древнерусским образованием [Аникин 2008, 247]). Данное заимствование не стало общевепским, хотя его удалось зафиксировать еще Л. Кеттунену [VVS] в начале XX в. также и в средневепской деревне Корбиничи (Kor).

2). **Глаголы с семантикой** «говорить кратко, чаще без ожидания ответа»: *sanuda/sanda; virkta*.

Глагол *sanuda* (см. карта 3) – общевепское наследие прибалтийско-финского языка-основы. Глагол является производным существительного *sana* ‘слово’ [SSA 2000: 155], у которого в ряде языков и сейчас сильна связь с мифологией, и оно может в определенном контексте обладать значением «заговор». Как утверждают и этимологи, и фольклористы, влияние силы слова на деяния – это важная сторона прибалтийско-финской народной культуры [SSA 2000, 153–154; Häkkinen 2007, 1121].

Глагол *virkta* в этом ряду менее популярен, характеризует лишь средневепские западные говоры. Он является, по всей вероятности, восточноприбалтийско-финской лексемой, поскольку его функционирование не распространяется на эстонский и ливский языки и практически отсутствует в водском. В настоящее время употребление глагола *virkta* в вепском языке значительно расширилось благодаря появлению вепсоязычных изданий: газеты «*Kodima*» (Родная земля) и литературно-художественного альманаха «*Verez tullei*» (Свежий ветер), а также учебников и художественной литературы. От него произведено по нормам вепского словообразования существительное *virkeh* «выражение, фраза», что повлияло и на семантику самого глагола *virkta*,

расширив ее. В существительном *virkeh* предполагается некая часть предложения, небольшое высказывание и т.д. Судя по внешнему виду, глагол, скорее всего, является дескриптивным, обозначающая также некое движение воздуха при произношении.

Карта 3. Глаголы с семантикой «говорить кратко, чаще без ожидания ответа»

3). **Глаголы с семантикой** «говорить более высоким тоном без ожидания ответа»: *kirkta*, *heikta*, *värškahtada*, *kriknida*.

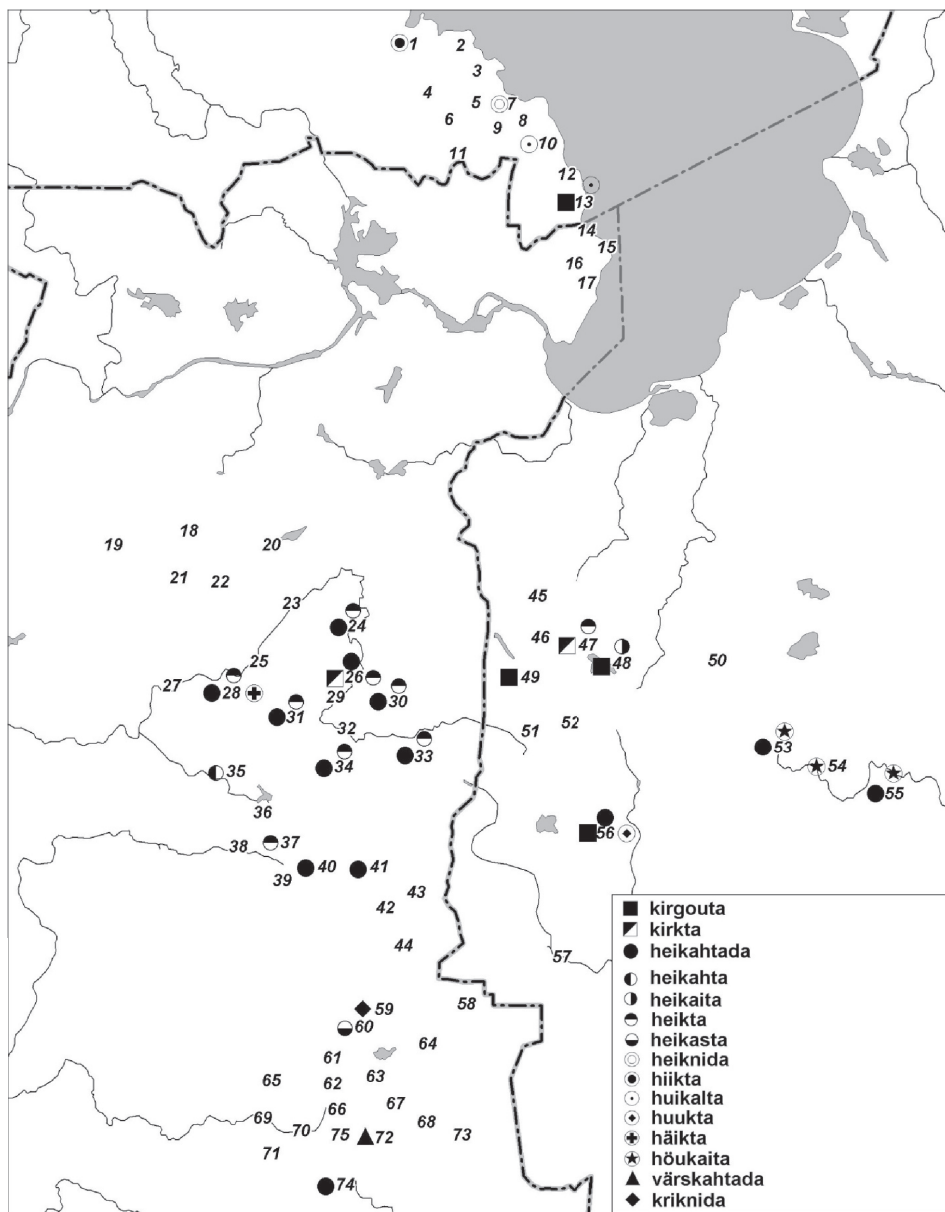
Количество фонетических вариантов данной группы, представленных на лингвистической карте (карта 4), возросло за счет глагола *heikta*, который по диалектам и говорам обладает множеством фонетических и словообразовательных вариантов (*heikahtada*, *heikaita*, *heiknida*, *hiikta*, *huikalta*, *huukta*, *häikta*, *höukaita*), свидетельствуя о его частом употреблении.

Глаголы *kirkta*, *heikta* по своей мотивации, как считают авторы этимологических словарей, являются ономатопоэтическими или дескриптивными, ведут начало из прибалтийско-финского языка-основы и известны почти всем родственным языкам [SSA 1992, 151, 370].

Южновепский глагол *värškahtada* не совсем понятен. В вепском языке имеется глагол *värišta* «плакать», который в родственных прибалтийско-финских языках, признаваясь дескрип-

тивным, обладает значением «трястись, щелкать зубами и т.д.» (см. *väristä* [SSA 2000, 483]). В вепском он приобрел значение «плакать» и, очевидно, «говорить плача, вздрагивая». Возможно, он вошел из прибалтийско-финских языков и в северорусские говоры со значением «что-то говорить» в форме *вяркать* «ворчать», *вярайндать* «неотступно просить что-либо» [СРНГ 1970, 79]. При сборе материала данный глагол был зафиксирован только в одном южновепском пункте. Полагаем, что он мог быть вновь заимствованным уже из русских народных говоров в южновепский в значении «говорить плача».

И здесь же в южновепском отмечен заимствованный из русского языка глагол *kriknida* (< рус. *крикнуть*), который конкретизирует передачу информации – «сказать громко, крикнуть».

Карта 4. Глаголы с семантикой «говорить более высоким тоном без ожидания ответа»

4). **Глаголы с семантикой** «говорить пустяки, пустословить, болтать»: *vahtostada*, *vahtaita*, *bul'butada*, *buleita* (*bul'aita*), *bul'uda*, *pärpätada*, *tötötada*, *lollotada*, *tängotada*, *häblätada*.

Полагаем, что большая часть из этого достаточно обширного списка – дескриптивные глаголы, которые не удалось собрать в полном объеме более представительно для ЛАВЯ, что не по-

зволило включить его в атлас. Тем не менее, хочется привлечь внимание к данной группе глаголов, поскольку и они активно участвуют в передаче семантики речи.

Глагол *vahtostada* и связанный с ним *vahtaita* употребительны в средне- и южновепских говорах, как свидетельствуют и собранный нами материал, и корпус вепской лексики финского лингвиста-вепсолога Л. Кеттунена [VVS]. В известных этимологических словарях подобные глаголы не содержатся. Мы полагаем, что эти глаголы связаны по происхождению с существительным *vaht* 'пена; накипь' (ср. фин. *vaahto* с идентичным значением, которое, по предположениям, является древнегерманским заимствованием со значением «моющее вещество; щелок» [SSA 2000, 382]). В этом случае мотивом для образования глаголов мог послужить внешний вид явления – пениться, быть на поверхности типа пузырей, лопаться, разбрызгиваясь во все стороны.

Думается, что мотив близок к другим глаголам с этой же семантикой: *bul'butada*, *buleita* (*bul'aita*), *bul'uda*. Глаголы семантически основаны на метафоре, отражающей схожесть бульканья, бултыхания воды с болтанием и пустословием человека. Их относят к этимологической группе звукоподражательных прибалтийско-финских глаголов *pulista*, *pulata*, *pulajaa* «плескаться (в воде), бултыхаться» [SSA 1995, 420–421], где отмечен также и вепский глагол *bul'aita* с указанием двух значений: «плескаться (о воде)» и «говорить, болтать» [SSA 1995, 420]. Таким образом, разбрызгивание, негромкость, неотчетливость говорения стали своеобразным внешним камуфляжем для пустословия, болтовни, пустяков. В свою очередь, фиксация русских диалектных форм *буляндать*, *булендять* с семантикой «говорить непонятно, невразумительно; говорить глупости, несурзности» [СРНГ 1968, 270] на территории бывшей Олонецкой губернии – это возможное заимствование из прибалтийско-финских языков.

К рассматриваемой группе относится и встречающийся во всех диалектах вепского языка звукоподражательный глагол *tötötada* «говорить глупости, болтать, тараторить» [СВЯ 1972, 596], который выступил производным для прозвища *tötö*, *tötöskin* «болтун». Этимологи соотносят названные вепские лексемы с глаголом *tötöttää* «дуть через трубочку или воронку» [SKES 1975, 1509], возводя их к слову *töttö* «берестяная или деревянная трубочка» [SKES 1975, 1508]. Таким образом, выстраивается интересная семантическая параллель в близкородственных языках, где обсуждаемые глаголы обозначают процесс дуновения и процесс говорения. Это, с одной стороны, свидетельствует о физиологической близости производимого действия, с другой – о возможной примарности значения «дуть, выдувать».

Звукоподражательное происхождение имеет также глагол *pärpätada* «болтать, пустословить»: *Ala pärpäta* «не говори глупости». Он обладает соответствиями в близкородственных языках: финское *pärpättää* с вариантами значений «болтать, пустословить, сплетничать, говорить громко и быстро» [SKES 1962, 685]. Вероятно, глагол послужил основой для русского диалектного *парпатать* «делиться с кем-либо своим горем, своей бедой» [СРНГ 1990, 242].

Примечательна лексема *lollotada* «болтать», не попавшая в диалектный словарь вепского языка, но зафиксированная в ходе полевых экспедиций у западной группы вепсов. Существование прозвища *lolločei* «болтун, болтушка», образованного от глагола, указывает на его не столь единичное проявление. В карельском языке также встречается глагол *lollottua*, обозначающий процесс говорения, пения или плача, происходящего громко, звучно [Федотова 2002, 90]. Можно высказать предположение об общности происхождения этих глаголов с эстонским, водским *lollo* «глупый, чудаковатый» и финским *lollu*, *lollo* с семантикой «назидательно-шутливого обращения к ребенку» [SKES 1958, 302].

Глаголы *tängotada*, *häblätada* малоупотребительны, они включены в диалектный словарь вепского языка [СВЯ 1972, 139, 593] с названным значением, но при сборе материала для ЛАВЯ не были обнаружены. Тем не менее глагол *tängotada* был отмечен еще и в корпусе вепской лексики Л. Кеттунена [VVS] без каких-либо примеров или объяснений. Это «темные» с точки зрения и этимологии, и мотивации глаголы, хотя в зафиксированных их источниках они были определены как глаголы со значением «говорить пустяки»; вместе с тем, из-за недостатка информации нет возможности более точно определить их семантику. Их внешний вид гово-

рит о том, что, по всей вероятности, это вепские дескриптивные глаголы, практически вышедшие из употребления.

Довольно редкие глаголы, семантически принадлежащие к этой же группе – *buhvostida* и *buheita*, но, тем не менее отмеченные в северно- и средневепском диалектах, являются заимствованиями из русских диалектов: *buhvostida* < рус. диал. *бухвостить* «сплетничать, ябедничать, носить из дома в дом вести» [СРНГ 1968, 322]; *buheita* < рус. диал. *бухать* «болтать вздор; громко говорить» [СРНГ 1968, 321].

5) **Глаголы со специфической фольклорной семантикой** «говорить, произносить заговоры, молитвы»: *puhuda*, *puiteida*, *loita*.

Глагол *puhuda* в этом ряду является наиболее употребительным. Как утверждают этимологи, он относится к группе ономатопоэтических и имеет соответствия как в дальнородственных, так и в близкородственных языках [Häkkinen 2007, 964]. Его наиболее древнее значение, очевидно, – «выдуть что-то изо рта: слюну, семена при посадке (напр., репы)». Постепенно значение стало расширяться, и в круг его функций вошло и выдуть слова изо рта, выдуть заговоры, заклинания. В вепском появилось словосочетание *puhuda puhegid* «говорить (букв. выдуть, дуть) заговоры» [СВЯ 1972, 438]. В финском языке значение глагола *puhua* вышло из сферы мифологии, и глагол приобрел семантику «говорить», а затем возникло большое количество производных как глаголов, так и существительных, вплоть до слова *puhelin* «телефон» (см. *puhua* «говорить» [SSA 1995, 416]). В большинстве же родственных прибалтийско-финских языков, так же, как и в вепском, это слово стало обозначать «дуть вообще (о ветре, о человеке и т.д.)». Данное слово является общевепским; и построить карту невозможно, так как его фонетический облик везде одинаков. Что касается семантики слова, кроме значения «дуть вообще», оно в вепском языке сохранилось и в значении «выдуть семена изо рта», а также широко функционирует в сфере фольклора [СВЯ 1972, 437–438]. Некоторые вепские заговорные тексты обладают именно подобным зачином: *Sur' Sündei sötai, abuta puhegid puhuda* «Великий бог кормилец, помоги заговоры говорить (произнести, сказать)» [Фон. ИЯЛИ КарНЦ РАН №1304, II/3].

Со значением «говорить заговоры, заговаривать» выступает также и глагол *puiteida* (*puitooda*, *piiteida*): *puitooda purendas* «говорить заговор от грыжи, заговаривать грыжу» [СВЯ 1972, 438], от него – *puitoomine* 'заговор', фиксируемый у южных вепсов. Происхождение слова не совсем ясно, и оно отсутствует в этимологических словарях. Попытаемся предположить его связь с глаголом *puitta* «идти верхом, прыгая по деревьям (о белке)», входящим в одно этимологическое гнездо с финским *puittaa* «бежать быстро, удирать» [SSA 1992, 417]. В этом случае интересным представляется упоминание в этимологической словарной статье о том, что данное слово из диалектов финского языка попало в саамский язык, где помимо значения «прыгать (о белке)» имеет семантику «спасаться, **произнося что-то**, в какой-то ситуации». В этом случае напрашивается прямое сопоставление с вепским *puiteida*.

Глагол *loita* «говорить заклинания», по мнению этимологов, является восточноприбалтийско-финским, соответствующим финскому *loitsia*: [Häkkinen 2007: 624; SSA 1995, 88]. Полагают, что лексема *loitsia* (вепс. *loita*) тесно связана с глаголом *luoda* (вепс. *loda*) «что-то делать, производить», напоминая в семантическом развитии глагол *sanuda* (фин. *sanoa*) «говорить», который исторически, как было об этом сказано выше, обладал значением «воздействовать магией слова». В карельском и финском языках глагол *loitsia* и остался в фольклорном окружении. Вепский же ввел в это слово с приходом православия значение «произносить, говорить молитвенные слова, молиться» [Зайцева 2019, 121–136]. Правда, ранее слово было распространено на диалектном уровне лишь в южновепском диалекте, но с развитием младописьменного языка было введено и успешно прижилось в литературном вепском языке [Zaiceva 2010, 225–226].

Заключение

Таким образом, семантический круг глаголов речи в вепском языке не так широк, но он обладает значительным количеством форм, поскольку, как ранее было отмечено, вепский язык

исключительно «глаголен». Группу глаголов речи значительно расширяют звукоподражательные и звукоизобразительные глаголы, которые и в целом составляют самый большой пласт дескриптивной лексики в прибалтийско-финских языках. Их считают абсолютно мотивированными словами, у которых значение вытекает из звуковой формы [Федотова 2002, 5]. Для вепского, как и для родственных прибалтийско-финских языков, характерно употребление рядом с основным глаголом своеобразной пары, в которой второй глагол – дескриптивный, словно описывает звукоподражательно семантику основного глагола. Этому явлению, несомненно, содействовал язык вепских обрядовых причитаний, наиболее специфичного жанра вепского фольклора, что сказалось и на употреблении во многих случаях глаголов речи также в глагольном биноме (напр., *pagišta papatada* букв. «говорить + разговаривать, беседовать»; *lodeita loglotada* букв. «говорить + болтать, не умолкая»; *pagišta räpätada* букв. «говорить + трещать без умолку», *sanuda mäčkahtada* «сказать + пришепнуть»; *sanuda troppahtada* «сказать + хлопнуть» и т.д.), придающем особую динамику и выразительность описанию процесса говорения.

Часть глаголов с семантикой речи являются прибалтийско-финскими по происхождению (напр., *sanuda, pagišta, virkta, kirkta, buleita, lollotada*). Некоторые глаголы затемнены, и на этом этапе их невозможно идентифицировать с данными родственных языков (*tängotada, häblätada*). Как свидетельствует анализ, многие глаголы дескриптивны или входят в разряд оноματοпоэтической лексики (напр., *pagišta*, который, как полагают, исторически отражал звук, напоминающий шум ветра, а позднее стал обозначать и гул, шум, звучание речи). Семантика отдельных глаголов и их этимологии раскрываются с привлечением лингвофольклористики, как это было возможно проанализировать при объяснении мотивов происхождения глаголов *sanuda* < *sana* «слово, заклинание», *puhuda* «произносить заговоры» < дуть, выдувать слова < выдувать семена изо рта при посеве» и т.д. Глаголы типа *bul'butada, buleita (bul'aita), bul'uda, vahtostada, vahtaita* и т.д. семантически основаны на метафоре, соотносящей бульканье, бултыхание воды, возникающую на ней пену с болтанием и пустословием человека.

Несмотря на то, что дескриптивных глаголов с семантикой речи в вепском языке немало, тем не менее появились и заимствования из русских народных говоров (*buhvostida, buheita, bast'a*). Некоторые слова с семантикой речи, отсутствующие в родственных языках, являются вепсизмами (*vahtostada, vahtaita*).

Многие глаголы исследуемой семантической группы остались за пределами данной статьи, поскольку о них был собран скудный материал, не позволяющий их представить необходимым образом. В целом отметим, что мотивы появления глаголов более скрыты, нежели мотивы появления существительных, где легче обнаружить связь с первоисточником номинации, который подтолкнул к появлению слова. И лишь выявление этимологии слов, возможность определения истоков возникновения их в языке, прежде всего, путем контактов, а также построение семантических рядов и использование данных лингвофольклористики позволяют заглянуть в тайны появления их в вепском лексическом тезаурусе.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 335 с.
- Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997. 10 с. + 209 карт.
- ВенКар – Открытый корпус вепского и карельского языков. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/125> (дата обращения: 23.01.2021).
- Ермолаева И. А. Семантическая классификация глаголов речи в русском языке // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 362–375.
- Жукова О. Ю. Вепские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2015. 158 с.
- Зайцева Н. Г. Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002. 286 с.

- Зайцева Н. Г. Христианская терминология в контексте вепсской лингвистики: вепсское vs русское (этимологический и лингвогеографический аспекты) // Язык и культура. № 48. Томск. 2019. С. 121–136.
- Корпус – Корпус вепсского языка. URL: <http://vepsian.krc.karelia.ru/about/> (дата обращения: 21.01.2021).
- ЛАВЯ – Лингвистический атлас вепсского языка / под ред. Н. Г. Зайцевой. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 573 с.
- Насибуллин Р. Ш. и др. Диалектологический атлас удмуртского языка. Ижевск, 2009–2015. Вып. 1–5.
- СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Ленинград: Наука. Ленинградское отд., 1972. 745 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Москва – Санкт-Петербург: Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.
- Строгальщикова З. И. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск: Периодика, 2016. 200 с.
- Федотова В. П. Дескриптивные глаголы в карельском языке. Словарь. Петрозаводск: Периодика, 2002. 168 с.
- Фон. ИЯЛИ КарНЦ РАН – Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. № 1304, II/3.
- ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004, 2007, 2010. Vol. I–III.
- EES – Eesti etimoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. Tallinn, 2012. 792 p.
- Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva : WSOY, 2007. 1633 p.
- Kettunen L. Suomen murteet. Vol. I–III. Helsinki, 1930–1940.
- Mägiste J. Estnisches etymologisches Wörterbuch. Helsinki, 1983. Vol. I–XII.
- Saareste A. Eesti murdeatlas. Atlas des parlers estoniens. Vol. I–II. Tartu, 1938, 1941.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1981. Vol. I–VII.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. Vol. 1–3.
- VVS – Kettunen L. Vepsän verkkosanasto [Electronic resource] / L. Kettunen. URL: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/>.
- Zaiceva N. G. Uz' vepsä-venälaine vajehnik. Petrozavodsk: Periodika, 2010. 510 p.

Поступила в печать 07.04.2021.

Зайцева Нина Григорьевна,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
e-mail: zng@ro.ru

Жукова Ольга Юрьевна,

доцент кафедры прибалтийско-финской филологии,
Петрозаводский государственный университет,
185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33,
e-mail: olgazhukovaveps@mail.ru

N. G. Zaytseva, O. J. Zhukova

**'SPEAK' IN VEPSIAN: NAMES OF SOME VERBS OF SPEECH IN THE VEPSIAN LANGUAGE
(linguo-geographic and semantic-etymological aspects)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-376-388

In recent years, the Vepsian language has been actively studied from the point of view of linguistic geography. Various problems of Vepsian linguistics and first of all of Vepsian vocabulary and semantics are presented in the method.

This article is devoted to the consideration of speech verbs of the Vepsian language, their motivational and etymological analysis. From the point of view of semantics, the speech verbs of the Vepsian language are presented in the article in the following groups: speak for a rather long time while waiting for a possible answer (*pagišta, lodeita / lobaata, bast'a / basida*); speak briefly, often without waiting for an answer (*sanuda / sanda; virkta*); speak in a higher tone without waiting for an answer (*kirkta, heikta, värškahtada, kriknida*); talk trifles, babble,

chatter (*vahtostada, vahtaita, bul'butada, buleita, pärpätada, tötötada, lollotada, tängotada, häblätada*); speak, pronounce conspiracies, prayers (*puhuda, puiteida, loita*). Most of the Vepsian verbs of speech are Finnic heritage (*pagišta, sanuda, virkta, kirkta, bul'aita, tötötada, lollotada*), some are Vepsian innovations (*vahtostada, vahtaita*) or borrowings from the Russian language (*bast'a, buodahvita*), some are not yet amenable to etymologization (*tängotada, häblätada*). The motives for the emergence of the verbs of this semantics are, first of all, onomatopoeia (*pagišta* 'to speak' <hum, noise, sound of speech <a sound reminiscent of the noise of the wind; *puhuda* 'to speak' <blow out words <blow out spells <blow out seeds from the mouth), and also metaphors (gurgling, splashing water, foam on the water – the basis for the emergence of verbs with the semantics of 'chatting, babbling, talking nonsense': *bul'butada, buleita, bul'uda, vahtostada, vahtaita*) and folklore (*samuda, puiteida, loita*). A feature of Vepsian speech verbs is their use in a pair that makes up the verbal binomial, which gives a special dynamics and expressiveness to the description of speaking (*pagišta papatada* letters. 'To talk + speak, to converse'; *lodeita loglotada* letters. 'To speak + to talk without stopping'; *pagišta räpätada* letters. 'talk + pop incessantly', etc.).

Keywords: Finnic languages, Vepsian language, vocabulary, verbs of speech, etymology, semantics, nomination, descriptiveness, mythology, linguistic folkloristics.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 376–388. In Russian.

REFERENCES

- Anikin A. E.** *Russkii etimologičeskii slovar'*. Vyp. 2 [Russian etymological dictionary. Issue 2]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2008. 335 p. In Russian.
- Bubrich D. V., Belyakov A. A. Punzhina A. V.** *Dialektologičeskii atlas karelskogoazyka* [Dialectological atlas of the Karelian language]. Helsinki, 1997. 10 p. + 209 cards. In Russian.
- VepKar – Otkrytyi corpus vepsskogo i karelskogoazykov* [Open Corpus of Vepsian and Karelian languages]. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/125> (Last accessed: 23.01.2021). In Russian, in Vepsian, in Karelian.
- Ermolaeva I. A.** Semanticheskaya klassifikatsiya glagolov rechi v russkomazyke [Semantic classification of speech verbs in Russian]. *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*. 2017. T. 14. Iss. 3. Pp. 362–375. In Russian.
- Zhukova O. Yu.** *Vepsskie obryadovye prichitaniya: ot poetiki zhanra k poetike slova* [Veps ritual lamentations: from the poetics of the genre to the poetics of the word]. Petrozavodsk: KarNC RAN Publ, 2015. 158 p. In Russian.
- Zaytseva N. G.** *Vepskiy glagol. Sravnitelno-sopostavitelnoye issledovaniye* [Vepsian verb. Comparative study]. Petrozavodsk: Periodika, 2002. 286 p. In Russian.
- Zaytseva N. G.** Khristianskaya terminologiya v kontekste vepsskoi lingvistiki: vepsskoe vs russkoe (etimologičeskii i lingvogeograficheski aspekty) [Christian terminology in the context of Vepsian linguistics: Vepsian vs Russian (etymological and linguo-geographical aspects)]. *Jazyk i kul'tura*. № 48. Tomsk, 2019. Pp. 121–136. In Russian.
- Corpus – Corpus vepsskogoazyka*. URL: <http://vepsian.krc.karelia.ru/about/> (Last accessed: 21.01.2021). In Russian, in Vepsian.
- LAVYA – *Lingvisticheski atlas vepsskogoazyka* / pod red. N.G. Zaitsevoi. [Linguistic Atlas of the Vepsian language / ed. N. G. Zaitseva] – Sankt-Peterburg: Nestor/Istoriya, 2019. 573 p. In Russian.
- Nasibullin R. Sh.** *i dr. Dialektologičeskii atlas urdmurtskogoazyka*. [Dialectological atlas of the Udmurt language]. Izhevsk, 2009–2015. Iss. 1–5.
- SVYa – Zaytseva M. I., Mullonen M. I. Slovar' vepsskogoazyka* [Vepsian dictionary]. Leningrad: Nauka, 1972. 745 p. In Russian.
- SRNG – Slovar' russkikh narodnikh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects] – Moskva – Sankt-Peterburg: Nauka, 1965–2016. Iss. 1–49. In Russian.
- Strogalschikova Z. I.** *Vepisy v etnokul'turnom prostranstve Evropeiskogo Severa* [Vepsians in the ethnocultural space of the European North]. Petrozavodsk: Periodika, 2016. 200 p. In Russian.
- Fedotova V. P.** *Deskriptivnie glagoli v karelskom yazike. Slovar'*. [Descriptive verbs in the Karelian language. Dictionary] Petrozavodsk: Periodika, 2002. 168 p. In Russian, in Karelian.
- Fon. IYALI KarNC RAN – Fonogramarhiv instituta yazika, literaturi i istorii Karelskogo nauchnogo centra RAN* [Phonogram archive of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. № 1304. II/3.

ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004, 2007, 2010. Vol. I–III. In Finnish.

EES – Eesti etimoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. Tallinn, 2012. 792 p. In Estonian.

Häkkinen K. *Nykysuomen etymologinen sanakirja* – Juva : WSOY, 2007. 1633 p. In Finnish.

Kettunen L. *Suomen murteet.* Vol. I–III. Helsinki, 1930–1940. In Finnish.

Mägiste J. *Estnisches etymologisches Wörterbuch.* Helsinki, 1983. Vol. I–XII. In German.

Saareste A. *Eesti murdeatlas. Atlas des parlers estoniens.* Vol. I–II. Tartu, 1938, 1941. In Estonian.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1981. Vol. I–VII. In Finnish.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. Vol. 1–3. In Finnish.

VVS – Kettunen L. Vepsän verkkosanasto [Electronic resource] / L. Kettunen. – URL: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/>. In Finnish, in Vepsian.

Zaiceva N. G. *Uz' vepsä-venälaine vajehnik.* Petrozavodsk: Periodika, 2010. 510 p. In Vepsian, in Russian.

Received 07.04.2021

Zaytseva Nina Grigoryevna,

Doctor of Philology Leading Researcher of the Institute of Language,
Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11, str. Pushkinskaya, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia,
e-mail: zng@ro.ru

Zhukova Olga Juryevna,

Candidate of Philology, docent of the Department
Petrozavodsk State University,
33, Pr. Lenina, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
e-mail: olgazhukovaveps@mail.ru

УДК 811.511.151

С. С. Сибатрова

**ИЗМЕНЕНИЯ В МАРИЙСКИХ
НУМЕРАЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ
В УСЛОВИЯХ МАРИЙСКО-РУССКИХ
ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ**

В настоящей статье излагаются результаты исследования марийских нумеральных словосочетаний в аспекте воздействия на них русского языка. Цель работы – проследить участие русских заимствований в образовании марийских нумеральных словосочетаний, прежде всего в выражении их компонентов, и другие изменения, возникшие под влиянием аналогичных словосочетаний и конструкций русского языка. Фактической базой для работы послужили материалы лексической картотеки МарНИИЯЛИ, составленной на основе письменных источников лугово-восточной литературной нормы, а именно ее электронной части в объеме около одной тысячи авторских листов. В ходе сбора и анализа материала использованы приемы таких исследовательских методов, как описательно-аналитический (наблюдение с выявлением изучаемых фактов в источниках, их обобщение, интерпретация и классификация, описание в ходе изложения), сопоставительный (регулярное сопоставление марийских моделей с русскими на идентичность и неидентичность), сравнительно-исторический (в иных случаях – указание на генетическую принадлежность слов), количественный (подсчет моделей различных групп, содержащих русизмы). Согласно результатам исследования, русские заимствования могут выступать в позиции как опорного (3 единицы в 4-х моделях), так и зависимого компонентов (главным образом – субстантивные падежные формы и послеложные конструкции, числительные, а также отдельные местоимения и наречия меры и степени в 14-ти моделях). 3 модели с ядерными количественными числительными допускают единичные словосочетания с русизмами в обеих составных частях. В результате всего этого в известной мере пополнились ряды синтаксических единиц в отдельных моделях и самих моделей нумеральных словосочетаний (последние – на 3 единицы), а также появились сдвиги в формах числа зависимых имен существительных у некоторых схем.

Ключевые слова: марийский язык, синтаксис, нумеральные словосочетания, структурные модели, компоненты словосочетаний, русский язык, русские заимствования, изменения в моделях.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-389-401

Статья посвящена анализу марийских нумеральных словосочетаний с точки зрения влияния на них русского языка – русских заимствований, соответствующих словосочетаний и конструкций. До настоящего времени марийские словосочетания, как и словосочетания в других финно-угорских языках, такому изучению не подвергались, несмотря на то, что они, в т.ч. нумеральные конструкции, подобно многим лингвистическим единицам, испытывают сильное воздействие со стороны русского языка. Поэтому результаты данной работы во многих отношениях являются новыми в марийской лингвистике и представляют определенную значимость также для финно-угроведения.

Работа опирается на традиционные в современной марийской лингвистике подходы к рассмотрению имен числительных (см. об этом: [СМЯМ 1961, 118–130; Учаев 1982, 140–158; Игнаева 1999]), а также на результаты предыдущего исследования автора, посвященного моделям марийских нумеральных словосочетаний (см.: [Сибатрова 2020, 46–54]). Необходимые примеры изучаемых конструкций выявлялись в источнике (в материалах электронной части лексической картотеки МарНИИЯЛИ) с учетом как лексического состава русизмов в различных лексико-грамматических классах слов, так и установленных моделей марийских нумеральных словосочетаний в целом. Извлеченные из предложений словосочетания с русскими заимствованиями подверглись систематизации по группам в зависимости от представленности в их компонентах таких иноязычных лексем, от их частеречной принадлежности и конкретной грамматической формы (в т.ч. обслуживающих послелогов), причем в рамках существующих образцов нумеральных словосочетаний. Далее путем сопоставления идентичных марийских и русских моделей определялись (иногда с привлечением нелингвистических факторов) структурные схемы, на формирование которых оказал или мог оказать влияние русский язык.

В марийском языке (по материалам лугово-восточной литературной нормы) установлено всего 18 моделей нумеральных словосочетаний: ИЧР + ИЧ_{кол.}, ИЧР + ИЧ_{кол. «кругл.»}, ИЧР + ИЧ_{кол. «кругл.»} + ИЧ_{кол. гыч}, ИЧ_{кол. полн., неопр.-кол.?} + ИЧ_{кол. полн., неопр.-кол.?} ИЧР_{кокта гыч} + ИЧ_{кол. полн., неопр.-кол.?} ИЧР_{коклаште} + ИЧ_{кол. полн., неопр.-кол.?} ИЧР_{местн. п.} + ИЧ_{кол. полн.?} ИЧР_{дат. п.} + ИЧ_{кол. полн.?} ИЧР_{дене} + ИЧ_{кол. полн.: икте?} ИЧР_{деч} + ИЧ_{неопр.-кол.?} ИЧР_{гана, пачаи} + ИЧ_{неопр.-кол.?} ИЧ_{кол. гана} + ИЧ_{кол. полн.?} М + ИЧ_{неопр.-кол.?} Н_{меры, степ.} + ИЧ_{неопр.-кол.?} Н_{меры, степ. эн} + ИЧ_{пор. первый?} ИС_{деч, гыч} + ИЧ_{пор.?} ИЧР + ИЧ_{совм. -ынь?} ИС_{дене} + ИЧ_{совм. -ынь?} (см.: [Сибатрова 2020, 45–56]); в ходе настоящего исследования дополнительно выявлена прономинально-нумеральная модель М + ИЧ_{пор.} (расшифровку моделей см. ниже). Ими и наличествующим в языке лексическим составом нумеральных и других именных и неименных заимствований обусловлено участие русизмов в составных компонентах изучаемых словосочетаний. В связи с тем, что числительных-русизмов в марийском языке совсем немного (определенно-количественные *ноль*, *миллион*, *миллиард* и другие «круглые», порядковое *первый*, а также дробное *осмушка* ‘осьмушка’ (см. об этом: [Сибатрова 2011, 105]) и среди них нет числительных неопределенно-личных и совместных с суффиксом *-ынь*, практически только четыре модели допускают русизмы в качестве своего главного компонента: ИЧР + ИЧ_{кол.}, ИЧР + ИЧ_{кол. «кругл.»}, ИЧ_{кол. гана} + ИЧ_{кол. полн.?} Н_{меры, степ. эн} + ИЧ_{пор. первый?}. В зависимой позиции из именных частей речи употребляются преимущественно заимствованные существительные, некоторые из вышеназванных числительных и единичные местоимения (ибо обычно «местоимения и количественные числительные не заимствуются» [Бережки 2005, 47]; в статье при расшифровке именных частей речи в моделях называются лишь те, которые могут быть представлены русскими заимствованиями), а из неименных – единичные наречия меры и степени. Вполне естественно, что в нумеральных словосочетаниях с русизмами между компонентами имеют место те же (объектно-, обстоятельственно- и также определительно-количественные) синтаксические отношения и грамматические связи (послеложное и падежное управление, примыкание, также согласование), что и в моделях с составляющими нерусского происхождения (см. об этом: [Сибатрова 2020]).

Итак, в зависимости от того, какой из компонентов выражается русизмом, нумеральные словосочетания можно разделить на три группы:

1. Словосочетания, в которых русским заимствованием (практически числительными *миллион*, *миллиард* и *первый*) выражается главный компонент. Они реализуются (или могут реализоваться) в следующих моделях:

– ИЧР + ИЧ_{кол.} (именные части речи – местоимение, прилагательное, причастие + имя числительное количественное): *ты (тиде) миллион (ен)* ‘этот миллион (людей)’, *ты (тиде) миллиард (тенге)* ‘этот миллиард (рублей)’, *вес миллион (ий)* ‘другой миллион (лет)’, *вес миллиард (тенге)* ‘другой миллиард (рублей)’, *пытартыш миллион (ий)* ‘последний миллион (лет)’, *пытартыш миллиард (ий)* ‘последний миллиард (лет)’, *кодшо миллион (ен)* ‘остальной миллион; остальные миллионы (людей)’, *кодшо миллиард (ен)* ‘остальной миллиард; остальные миллиар-

ды (людей)'. То, что *миллион* и *миллиард* являются русскими заимствованиями (хотя это и очевидно), отмечено в ряде работ марийских лингвистов [Саваткова 1969, 103; Игнаева 1999, 29; Сибатрова 2011, 100; Исанбаев 2014, 57].

Надо заметить, что в русской академической грамматике слова *миллион*, *миллиард* и другие подобные «круглые», также *нуль* и *тысяча* «с грамматической точки зрения» относят к существительным, так как они «совмещают в себе значения как числительных, так и счетных существительных» [ГРЯ 1953, 378–379], «обладают всеми морфологическими категориями существительных (значениями рода, числа и падежа) и не имеют собственных грамматических признаков, отличающих их от этой части речи» [КРГ 1989, 246; также РГ 1980 I, 573; РГ 1980 II, 59–60]. Русским языком они заимствованы из западноевропейских языков: *миллион* – через немецкий или французский из итальянского, *миллиард* – из французского [Фасмер 1986, 621]. По мнению Р. П. Игнаевой, и в марийском языке «лишь в названиях «круглых» больших чисел сохранилась в какой-то степени предметность (*тўжем*, *миллион*)» [Игнаева 1999, 69].

Ввиду того, что в данном случае главную позицию занимают заимствования, выражающие «круглые» числа, то эта модель оказывается очень близкой к следующей, связанной только с «круглым» количеством;

– ИЧР + ИЧ_{кол. «кругл.»} (именные части речи – числительное неопределенно-количественное, местоимение с количественным значением + имя числительное количественное «круглое»). В зависимой позиции выступают числительные *шуко* 'много', *ятыр* 'достаточно много' и местоимения *икмыняр* 'несколько', *ала-мыняр* 'несколько, неизвестно сколько', *мыняр* 'сколько', также *мочол* 'сколько': *шуко миллион (айдеме)* 'много миллионов (человек)', *шуко миллиард (киловатт)* 'много миллиардов (киловатт)', *ятыр миллион (гектар)* '(достаточно) много миллионов (гектаров)', *ятыр миллиард (тенге окса)* '(достаточно) много миллиардов (рублей денег)', *икмыняр миллион (метр)* 'несколько миллионов (метров)', *икмыняр миллиард (шўдыр)* 'несколько миллиардов (звезд)', *ала-мыняр миллион (тенге)* 'несколько миллионов (рублей)', *ала-мыняр миллиард (ий)* 'несколько миллиардов (лет)', *мыняр миллион (калык)* 'сколько миллионов (людей, букв. народу)', *мыняр миллиард (колиге)* 'сколько миллиардов (мальков)', *мочол миллион (тонн)* 'сколько миллионов (тонн)', *мочол миллиард (ий)* 'сколько миллиардов (лет)'; также *шуко триллиард (ракывот)* 'много триллиардов (ракушек)', *ала-мыняр триллион (кубометр)* 'несколько триллионов (кубометров)'. Небезынтересно, что русские слова количественного значения *сколько*, *несколько*, *сколько-нибудь*, *сколько-либо*, *сколько-то*, *столько*, *столько-то*, т.е. соответствия марийских количественных местоимений, в академических грамматиках рассматриваются в ряду «неопределенно-количественных числительных» как «местоимения-числительные», «местоименные числительные», указывающие на неопределенное количество [КРГ 1989, 247, также 23, 202; также: ГРЯ 1953, 368, 380; РГ 1980 I, 573, 579; РГ 1980 II, 78], причем по семантическим основаниям их относят и к различным разрядам «местоименных слов» [КРГ 1989, 202–205]. На взгляд Р. П. Игнаевой, не вызывает возражения местоименный характер значения и марийского слова *икмыняр* 'несколько'. Однако она считает, что «понимание местоимения как грамматического класса слов, наделенного грамматическими свойствами, отличающими эти слова от других слов, <...> приводит к заключению, что среди местоимений для этого слова места нет» [Игнаева 1999, 75]. При этом в ее монографии о марийских именах числительных слово *икмыняр*, к сожалению, не подвергнуто какому-либо дальнейшему анализу.

Важно добавить, что русские заимствования типа *миллион*, *миллиард*, как и марийское числительное *тўжем* 'тысяча', участвуют в образовании соответствующих «круглых» составных числительных именно по описываемой схеме: *пел миллион (парыш)* 'полмиллиона (дохода)', *кум миллион (пуд)* 'три миллиона (пудов)', *латшым миллион (вуй)* 'семнадцать миллионов (голов)', *кокишўдө миллион (тенге)* 'двести миллионов (рублей)'; *вич миллиард (ий)* 'пять миллиардов (лет)', *лучко миллиард (киловатт)* 'пятнадцать миллиардов (киловатт)', *шўдө миллиард (шўдыр)* 'сто миллиардов (звезд)' и т.д. Понятно, что такие числительные составляются на

основе словосочетаний частной модели ИЧ_{кол. кратк.} + ИЧ_{кол. «кругл.»} и, кажется, что не без влияния русского языка (см. переводы на русский язык). Однако предпосылки для их образования имелись уже ранее в самом марийском языке, ср.: *коло* ‘двадцать’ < *кок* ‘два’ + *лу* ‘десять’, *нылле* ‘сорок’ < *ныл* ‘четыре’ + *лу* ‘десять’, *кокишудд* ‘двести’ < *кок* ‘два’ + *шудд* ‘сто’, *кумишудд* ‘триста’ < *кум* ‘три’ + *шудд* ‘сто’ [СМЯМ 1961, 122–123; Галкин 1964, 105–106; 1986, 50; Учаев 1982, 142–143]. Поэтому можно говорить о вполне самостоятельном формировании данной модели, как и предыдущей;

– ИЧ_{кол. гана} + ИЧ_{кол. полн.} (имя числительное количественное краткой формы с послелогом *гана* ‘раз, раза’ + имя числительное количественное, в данном случае заимствованное «круглое»; причем *миллион* и *миллиард*, в отличие от собственно марийских количественных числительных, имеют только одну форму): *кум гана миллион* ‘трижды миллион’, букв. ‘три раза миллион’, *кок гана миллиард* ‘дважды миллиард’, букв. ‘два раза миллиард’. Ясно, что числительные в данной модели обозначают отвлеченное количество (число). Употребление таких словосочетаний с *миллион* и *миллиард*, выражающих кратность множителя, в принципе вполне возможно, однако в источнике они не обнаружены. И это, очевидно, объясняется тем, что подобные арифметические действия не входят в таблицу умножения для обязательного запоминания (такую же схему, но уже с зависимыми «круглыми» числительными, т.е. с перестановкой местами компонентов – множимого и множителя см. ниже). Данная модель, скорее всего, появилась и получила распространение в марийском языке поздно, с зарождением и развитием школьного образования среди марийцев, причем в ходе перевода таблицы умножения с русского языка на марийский. К тому же марийскому языку вполне свойственны нумерально-глагольные словосочетания типа: *кок гана иземдаш* ‘в два раза снижать’, *кум гана вашиляш* ‘три раза встречать’, *лу гана умылтараш* ‘десять раз объяснять’;

– Н_{меры, степ. эн} + ИЧ_{пор. первый} (наречие меры и степени *эн* ‘самый’ + имя числительное порядковое *первый*): *эн первый (вер)* ‘самое первое (место)’, *эн первый (мут)* ‘самое первое (слово)’, *эн первый (йоратымаш)* ‘самая первая (любовь)’, *эн первый (поэт)* ‘самый первый (поэт)’. Ясно, что *первый* является заимствованием из русского языка [Raasonen 1948: 91; СМЯМ 1961, 125; Саваткова 1969, 62, 108; Майтинская 1979, 181; Сибатрова 2011, 101; Исанбаев 2014, 66; Гаврилова 2014, 115, 151], где относится к словам общеславянского происхождения, имеющим параллели в других индоевропейских языках [Фасмер 1987, 235]; а *эн* – тюркского, татарского происхождения [Raasonen 1948, 18; Галкин 1964, 98; 1986, 43; Майтинская 1979, 161; Исанбаев 1994, 195], «булгарского или чувашского происхождения. Продолжение ее ныне встречается только у чувашей, проживающих в Башкирии (см. Bereczki 2002: 61–62)» [Берецки 2005, 23]. Заслуживает внимания то, что при собственно марийском эквиваленте *икымше* ‘первый’ (а при остальных марийских порядковых числительных – логически) невозможно употребление данного наречия. Поэтому вполне вероятно, что словосочетание *эн первый* появилось в марийском языке под влиянием часто употребляемой в русском конструкции *самый первый*: *самый первый рейс*, *самый первый сборник*, *самый первый опыт*. Тем более, что в разговорной речи марийцев нередко используется и заимствованная синтаксическая единица *самый первый*. Такое влияние норм (здесь – синтаксических) одного языка на другой лингвисты, в т.ч. финно-угроведы, квалифицируют как «явление интерференции», которое может проявляться на разных уровнях речи и языка (см. об этом: [Шаланки, Кондратьева 2019, 380–381 и др. стр.]).

Надо заметить, что в современной академической грамматике русского языка слово *первый*, как и другие подобные слова, относят к категории прилагательных, а именно – к разряду «порядковых (счетных)», «счетно-порядковых» относительных прилагательных, однако их с оговорками рассматривают и в разделе об именах числительных [КРГ 1989, 216–217, 245–246; также РГ 1980 I, 573] (иначе: *первый* – порядковое числительное [ГРЯ 1953, 385]).

Синтаксическое соединение *эн первый* может осложняться препозиционно использованным количественным числительным *ик* ‘один’ – *ик эн первый* ‘один из самых первых’ (букв. ‘один самый первый’): *ик эн первый (поэт)* ‘один из самых первых (поэтов)’, *ик эн первый (вер)*

‘одно из самых первых (мест)’, *ик эн первый (почеламут)* ‘одно из самых первых (стихотворений)’. Правда, такие конструкции встречаются достаточно редко и характерны только для книжно-литературного языка. Они, несомненно, стали функционировать в книжной речи под воздействием аналогичных русских конструкций, представляют собой результат адаптированного перевода (см. переводы на русский язык).

2. Словосочетания, в которых русским заимствованием выражается зависимый компонент. Они реализуются (или могут реализоваться) в следующих моделях:

– ИЧР + ИЧ_{кол.} (именные части речи – местоимение, числительное + имя числительное количественное, в т.ч. приблизительного счета и также дробное *пеле* ‘половина’). Круг заимствованных лексических средств подчиненной части ограничивается употреблением определительного местоимения *кажне* ‘каждый’ (< рус. диал. *кажнѣй* [Ramstedt 1902, 41; СМЯМ 1961, 144; Майтинская 1966, 236; 1979, 235; Саваткова 1969, 62; Галкин 1986, 40; Bereczki 2002, 242]) и порядкового числительного *первый* < рус. *первый* (см. выше): *кажне кум (сурт)* ‘каждые три (дома)’, *кажне ик (менге)* ‘каждый один (километр)’, *кажне вич (шагат)* ‘каждые пять (часов)’, *кажне лу-лучко (минут)* ‘каждые десять-пятнадцать (минут)’, *кажне кокшудд-кумшудд (метр)* ‘каждые двести-триста (метров)’, *первый кум (тылзе)* ‘первые три (месяца)’, *первый кок (курым)* ‘первые два (века)’, *первый лу (менге)* ‘первые десять (километров)’, *первый кокытшо (пайдалырак)* ‘первые два (полезнее)’, *первый кумытшо (вурса)* ‘первые трое (ругают)’, *(курымын) первый пелыже* ‘первая половина (века)’ (также *первый чырык* ‘первая четверть’ – о четвертой части учебного года [Игнаева 1999, 133]). Примеры показывают, что *первый* используется при числительных как зависимой определительной позиции, так и самостоятельного употребления вместо имен существительных. Небезынтересно, что собственно марийское числительное *икымше* ‘первый’ в подобных словосочетаниях, за исключением конструкций типа *икымше пеле* ‘первая половина’, не фиксируется, хотя теоретически и допускается.

По данной модели и, скорее всего, не без влияния русского языка в книжном языке стали употребляться словосочетания типа *(курымын) икымше* (также: *тунгалтыш*) *пелыже* ‘первая (также: букв. начальная) половина (века)’, *(30-шо ийлан) кокытшо (вес) пелыже* ‘вторая (другая) половина (30-х годов)’, а также *(курымын) икымше чырыкше* ‘первая четверть (века)’, *(тунемме ийын) кумытшо чырыкше* ‘третья четверть (учебного года)’, *кодшо чырыкыште (тунемме)* ‘(изученное) в прошлую четверть’. В них стержневые дробные имена числительные имеют субстантивное употребление, выражают одну из двух и одну из четырех частей чего-либо (века, десятилетия, учебного года);

– ИЧР_{гыч} + ИЧ_{кол. полн., неопр.-кол.} (именные части речи – существительное, количественное числительное полной формы с послелогом *гыч* ‘из’ + имя числительное количественное, в т.ч. приблизительного счета, полной формы и изредка – неопределенно-количественные *шукыжо* ‘многие’, *ятырже* ‘(достаточно) многие’ и также дробное *пелыже* ‘половина’): *кок окна гыч иктыже* ‘одно из двух окон’, *ныл номер гыч иктыже* ‘один из четырех номеров’, *кум гол гыч кокытшо* ‘два из трех голов’, *лучко район гыч визыт-кудытшо* ‘пять или шесть из пятнадцати районов’, *шудд балл гыч кандашле* ‘восемьдесят из ста баллов’, *миллион гыч икте* ‘один из миллиона’, *миллион гыч шудд* ‘сто из миллиона’, *миллиард гыч тужем* ‘тысяча из миллиарда’; *(кружок) член гыч шукыжо* ‘многие из членов (кружка)’, *салтак гыч ятырже* ‘многие из солдат’, *(ойырымо) фонд гыч пелыже* ‘половина (букв. из выделенного) фонда’. Когда в главной части словосочетания речь идет о конкретном количестве (чаще всего *икте*), зависимое имя, практически существительное, обычно сопровождается каким-либо восполняющим количественным определением большего значения. Имена числительные, употребленные в пределах предложения самостоятельно, т.е. без определяемого имени, и в главной, и в зависимой позициях, как правило (здесь и во всех других моделях, правда, за исключением тех, где числительное имеет отвлеченное числовое значение), замещают какое-либо целое субстантивное словосочетание. Об этом свидетельствуют аналогичные примеры с определяемыми именами существительными, например: *ныл номер гыч иктыже* ‘один из четырех номеров’ – ср. *нылыт гыч иктыже* ‘один из четырех’ (так-

же возможна субстантивная конструкция: *нылыт гыч ик номерже* ‘один из четырех номеров’, букв. ‘из четырех один номер’), *кок окна гыч иктыже* ‘одно из двух окон’ – ср. *кокыт гыч иктыже* ‘одно из двух’ (возможна субстантивная конструкция: *кокыт гыч ик окнаже* ‘одно из двух окон’, букв. ‘из двух одно окно’). Это происходит в речи или во избежание тавтологии (обычно в нормированной речи), или по закону лингвистической экономии (чаще в ненормированной речи);

– ИЧР_{кокла гыч} + ИЧ_{кол. полн., неопр.-кол.} (именные части речи – практически существительное с послеложной конструкцией *кокла гыч* ‘из; среди, в числе кого-, чего-либо’ + имя числительное количественное, в т.ч. приблизительного счета, полной формы и изредка – неопределенно-количественные *шукыже* ‘многие’, *шагалже* ‘мало кто, немногие’, *ятырже* ‘(достаточно) многие’ и также дробное *пелыже* ‘половина’): *поэт-влак кокла гыч иктыже* ‘один из поэтов’, (*трактор*) *бригаде кокла гыч иктыже* ‘одна из (тракторных) бригад’, *бурлак кокла гыч кумытшо* ‘трое из бурлаков’, *студент-влак кокла гыч нылыт-визытише* ‘четверо или пятеро из студентов’, (*кандашле кандаш*) *патриот кокла гыч кудло кудытшо* ‘шестьдесят шесть из (восьмидесяти восьми) патриотов’, *предприятий-влак кокла гыч шукыже* ‘многие из предприятий’, *колхозник-влак кокла гыч шагалже* ‘немногие (мало кто) из колхозников’, (*тунемме*) *предмет кокла гыч ятырже* ‘многие из (учебных) предметов’, *участник-влак кокла гыч пелыже* ‘половина из участников’. Обращает внимание то, что зависимые имена в данной модели могут употребляться как в форме единственного (что, правда, является нормой в случаях наличия при них определено-количественного числительного), так и множественного числа. Причем они в этой схеме заметно реже снабжаются количественными определениями (типа *кок вестовой кокла гыч иктыже* ‘один из двух вестовых’), что, вероятно, объясняется прежде всего семантикой конструкции, обслуживающей имя как совокупность лиц или других одушевленных предметов, только в иных случаях – неодушевленных предметов;

– ИЧР_{коклаште} + ИЧ_{кол. полн., неопр.-кол.} (именные части речи – практически существительное, в основном одушевленное, с послелогом *коклаште* ‘среди; в составе, в числе кого-, чего-л.’ + имя числительное количественное, в т.ч. приблизительного счета, полной формы и изредка – неопределенно-количественные *шукыже*, *шукышит* ‘многие’, *шагалже* ‘мало кто, немногие’, *ятырже*, *ятырышит* ‘(достаточно) многие’ и также дробное *пелыже* ‘половина’): *арестант коклаште иктыже* ‘один из (букв. среди) арестантов’, *артист коклаште икте* ‘один из (букв. среди) артистов’, *пленный-влак коклаште икте-кокытшо* ‘один или двое из (букв. среди) пленных’, *писатель коклаште шукыже* ‘многие из (букв. среди) писателей’, *руш коклаште шукышит* ‘многие из (букв. среди) русских’, *председатель-влак коклаште шукышит* ‘многие из (букв. среди) председателей’, *участник-влак коклаште ятырже* ‘(достаточно) многие из (букв. среди) участников’, *колхозник-шамыч коклаште ятырышит* ‘(достаточно) многие из (букв. среди) колхозников’, *студент-влак коклаште шагалже* ‘немногие из (букв. среди) студентов’, *делегат коклаште шагалже* ‘немногие из (букв. среди) делегатов’, (*ушем*) *член коклаште пелыже* ‘половина (букв. среди, из) членов (общества)’. Как и в предыдущей модели, управляемые имена используются как в форме единственного, так и множественного числа. Очевидно, употребление в данных, последних двух, моделях показателей множественного числа является избыточным для нормированной речи (скорее всего, оно возникло по образцу соответствующих русских конструкций с предлогами *из, среди*, в которых форма множественного числа является нормой, см. переводы примеров на русский язык), так как лексическое значение единиц *кокла гыч* и *коклаште* уже предполагает не единичность, а известную совокупность предметов, называемых обслуживаемыми именами;

– ИЧР_{местн. п.} + ИЧ_{кол. полн.} (именные части речи – существительное, количественное числительное полной формы в местном падеже + имя числительное количественное, в т.ч. приблизительного счета, полной формы): *кок окнаште иктыже* ‘один из (букв. среди) двух окон’, *коло возышто нылыт-визытише* ‘четыре или пять из (букв. среди) двадцати возов’, *миллионышто икте* ‘один из (букв. среди) миллиона’, *миллиардышто шүдд-кокишүдд* ‘сто или двести из (букв.

среди) миллиарда'. В сравнении с предыдущими словосочетаниями выделительного значения русизмы в данной модели встречаются редко;

– ИЧР_{дат. п.} + ИЧ_{кол. полн.} (именные части речи – существительное, количественное числительное полной формы в дательном падеже + имя числительное количественное, в т.ч. приблизительного счета, полной формы): *ик группылан шымыт* 'на одну группу семь', *кок класслан икте* 'на два класса один', *гектарлан кумло (лекташ)* 'на гектар тридцать (выходить)', *миллионлан икте-кокыт* 'на миллион один или два', *миллиардлан лу* 'на миллиард десять'. В качестве зависимых существительных обычно выступают слова (в данном случае русские заимствования), выражающие совокупность, объединение кого-, чего-либо как целое или единицу измерения чего-либо, на которую приходится какое-либо количество кого-, чего-либо;

– ИЧ_{кол. гана} + ИЧ_{кол. полн.} (имя числительное количественное, в данном случае заимствованное «круглое», с послелогом *гана* 'раз, раза' + имя числительное количественное полной формы): *миллион гана кокыт* 'миллион раз два', *миллиард гана лу* 'миллиард раз десять'. Такие словосочетания с определенно-количественными числительными-русизмами числового значения, а именно с *миллион*, *миллиард* и другими «круглыми», в зависимой позиции теоретически вполне возможны, однако, как и словосочетания этой же модели с такими же русизмами в качестве множителя (см. выше), употребляются в речи крайне редко, в использованном источнике они не выявлены;

– ИЧР_{дене} + ИЧ_{кол. полн.: икте} (именные части речи – практически существительное с послелогом *дене* 'с' + имя числительное количественное полной формы *икте* 'один', часто с усиительной частицей *-ак* – *иктак* 'один же'): *саботажник дене иктак* 'все одно как (что) саботажник, как (словно) саботажник, подобно саботажнику', букв. 'с саботажником один же', *пожар дене иктак* 'все одно как (что) пожар, как (словно) пожар, подобно пожару', букв. 'с пожаром один же', *пычал дене иктак* 'все одно как (что) ружье (пищаль), как (словно) ружье, подобно ружью', букв. 'с ружьем один же'. Судя и по примерам, слово *икте* (*иктат*) в данном случае обозначает не количество, а имеет определительное значение 'одинаковый, сходный с кем-, чем-либо, подобный кому-, чему-либо; словно, как, что' и является синонимом имени прилагательного *икгай* 'одинаковый, сходный, похожий' (а все словосочетание в предложении обычно выполняет роль сказуемого, по семантике передающего предмет, с которым сравнивается кто-, что-либо (т.е. субъект) по подобию, сходству: *Пашаш коштыдымо ег дезертир дене иктак* 'Не работающий человек **все одно как дезертир**');

– ИЧР_{деч} + ИЧ_{неопр.-кол.} (именные части речи – существительное, числительное определенно-количественное, в единичных случаях прилагательное с послелогом *деч* 'от' + имя числительное неопределенно-количественное). В главной позиции выступают, как правило, числительные *шуро* 'много' и *шагал* 'мало' (со сравнительным суффиксом: *шукырак* 'больше', *шагалрак* 'меньше'): *кум тонн деч шуро (шукырак)* 'более (больше) трех тонн', *кум процент деч шагал огыл* 'не менее трех процентов', *миллион деч шуро (шукырак)* 'более (больше) миллиона', *миллиард деч шуро (шукырак)* 'более (больше) миллиарда', *миллион деч шагал (шагалрак)* 'меньше миллиона', *миллиард деч шагал (шагалрак)* 'меньше миллиарда', (*сайже*) *уда деч шуро (шукырак)* '(хорошего) больше плохого';

– ИЧР_{гана, пачаш} + ИЧ_{неопр.-кол.} (именные части речи – практически числительное определенно-количественное с послелогам *гана*, *пачаш* 'раз, раза' + имя числительное неопределенно-количественное). Как и в предыдущей модели, определяемую позицию занимают числительные *шуро* 'много' и *шагал* 'мало' (со сравнительным суффиксом: *шукырак* 'больше', *шагалрак* 'меньше'). В зависимой части в данном случае могут иметь место только заимствования *миллион*, *миллиард* (теоретически другие подобные «круглые» числительные): *миллион гана шуро (шукырак)* 'в миллион раз больше', *миллион пачаш шагал (шагалрак)* 'в миллион раз меньше', *миллиард гана шагал (шагалрак)* 'в миллиард раз меньше', *миллиард пачаш шуро (шукырак)* 'в миллиард раз больше'. Определяющая часть передает кратность большего или меньшего количества кого-, чего-либо, равную миллиону, миллиарду (и другим «круглым» числам);

– Н_{меры, степ.} + ИЧ_{неопр.-кол.} (наречие меры и степени + имя числительное неопределенно-количественное). При числительных *шуро* ‘много’ и *шагал* ‘мало’ (с сравнительным суффиксом: *шукырак* ‘больше’, *шагалрак* ‘меньше’) встречается только одно наречие-русизм меры и степени – *эше* (с выделительно-усилительной частицей *-ат*: *эшеат*) ‘еще’ (< рус. *ещё* [Галкин 1964, 187; 1986, 82; Саваткова 1969, 71, 97; 2002, 271; Коведяева 1976, 88; Bereczki 2002, 169; Исанбаев 2014, 96]: *эшеат шуро (окса)* ‘еще больше (букв. много) (денег)’, *эшеат шукырак (кумдык)* ‘еще больше (площади)’, *эшеат шагал (ен)* ‘еще меньше (букв. мало) (людей)’, *эше шагалрак (вер)* ‘еще меньше (места)’. Наречие *эше* выражает проявление неопределенно большого или малого количества кого-, чего-либо в еще большей степени;

– ИЧР + ИЧ_{совм. -ынь} (именные части речи – практически существительное со значением лица + имя числительное совместное с суффиксом *-ынь*): *пожарник-влаккан когыляныштат* ‘пожарникам обоим’, *салтак-влакым когыныштымат* ‘солдат обоих’, *спортсмен-влакын кумыныштынат* ‘у всех троих спортсменов’. В связи с тем, что в первом и втором лице множественного числа с такими числительными (а они функционируют только в форме какого-либо лица множественного числа и какого-либо объектного падежа одновременно) могут соединяться только личные местоимения и среди последних нет русских заимствований, субстантивные русизмы выступают только при словоформах 3 лица множественного числа;

– ИС_{дене} + ИЧ_{совм. -ынь} (имя существительное, выражающее лицо, с послелогом *дене* ‘с’ + имя числительное совместное с суффиксом *-ынь*): *бухгалтер дене когыньнам* ‘нас двоих с бухгалтером’, *директор дене когындам* ‘вас двоих с директором’, *кондуктор дене когыныштым* ‘их двоих с кондуктором’. С такими числительными часто связываются собственные имена (а также фамилия, имя и отчество) людей, в т.ч. русского происхождения, которые образуют абсолютное большинство среди личных имен: *Веруш дене когылянышт* ‘им двоим с Веруш’, *Йогор дене когылянда* ‘вам двоим с Йогором’ (< рус. Егор [Черных 1995, 185]), *Васлий дене когындам* ‘у вас двоих с Василием’, *Ведаси дене когындам* ‘вас двоих с Ведаси’ (< рус. Федосия [Черных 1995, 103]); *Иванов дене когыньнам* ‘нас двоих с Ивановым’, *Николай Андреевич дене когылянда* ‘вам двоим с Николаем Андреевичем’. В главной позиции, как и в предыдущей модели, используются главным образом словоформы числительного *когынь-* (одновременно какого-либо лица множественного числа и объектного падежа – родительного, дательного, винительного). Словосочетание в целом передает значение совместности – лица, выраженные в компонентах существительным и притяжательным суффиксом в числительном, охватываются действием совместно;

– М + ИЧ_{пор.} (практически определительное местоимение-русизм *кажне* ‘каждый’ + имя числительное порядковое): *кажне кумшо (тунемше)* ‘каждый третий (ученик)’, *кажне визымше (она)* ‘каждая пятая (доска)’ (этимологию местоимения *кажне* см. выше). Такие словосочетания встречаются весьма редко, причем характерны для книжного языка, скорее всего, появились по образцу аналогичных конструкций русского языка (см. переводы), где они являются достаточно употребительными. Во-первых, в марийском языке нумеральные словосочетания с главенствующим порядковым числительным почти не наблюдаются (см. выше модель Н_{меры, степ. эн} + ИЧ_{пор. первый}, которая также возникла под воздействием русских конструкций). Во-вторых, ни одно другое местоимение из разряда определительных (а их более 15 единиц) не реализует себя в подобной модели.

3. Словосочетания, в которых русскими заимствованиями выражаются оба компонента.

Такие синтаксические соединения фиксируются исключительно редко. Понятно, в данном случае опорную позицию должны занимать числительные-русизмы, а именно: *миллион*, *миллиард*, *первый* (при числительных *ноль* и *осьмушка* подчиненные слова не наблюдаются). Из них только количественные «круглые» обладают способностью присоединять к себе некоторые слова русского происхождения. Существующие в языке модели нумеральных словосочетаний с ядерными количественными числительными (здесь с *миллион*, *миллиард* и, возможно, с другими «круглыми» числительными) допускают только следующие синтаксические едини-

цы с русизмами и в неглавной части: *кажне миллион (ий)* ‘каждый миллион (лет)’, *кажне миллиард (тенге)* ‘каждый миллиард (рублей)’ (модель ИЧР + ИЧ_{кол.}); (теоретически могут быть словосочетания выделительного значения) *миллиард гыч миллионжо* ‘миллион из миллиарда’ (модель ИЧР_{гыч} + ИЧ_{кол. полн.}) и *миллиардыште миллионжо* ‘миллион из (букв. среди) миллиарда’ (модель ИЧР_{местн. п.} + ИЧ_{кол. полн.}).

Заключение

Русские заимствования имеют место почти во всех моделях марийских нумеральных словосочетаний (исключением являются модели М + ИЧ_{неопр.-кол.}, ИС_{деч, гыч} + ИЧ_{пор.}; в первой из них русизмы не могут участвовать ввиду их отсутствия среди характерных для данной схемы местоимений и неопределенно-количественных числительных, во второй – также среди логически присущих моделям имен существительных и порядковых числительных). Причем они выступают как в главной, так и в зависимой позициях. Среди нумеральных словосочетаний с компонентами-русизмами наибольшую группу образуют единицы, в которых заимствованием выражается первая зависимая часть. Немногочисленны словосочетания, где такое иноязычное слово представляет главный компонент или оба компонента. В 4-х моделях в качестве опорного количественного слова используются 3 русизма – *миллион*, *миллиард*, *первый*. В 14-ти моделях зависимую позицию занимают заимствованные, главным образом, существительные (в 9-ти моделях), а также числительные – количественные *миллион*, *миллиард* (в 6-ти моделях) и порядковое *первый* (в одной модели), местоимение *кажне* (в двух моделях), наречие меры и степени *эше* (в одной модели); в отдельных случаях фиксируются заимствованные имена прилагательные и причастия в субстантивном значении. Согласно моделям существительные-русизмы, подобно остальным именам нерусского происхождения, используются с каким-либо послелогом (в словосочетаниях с выделительным значением – *гыч* ‘из’, *кокла гыч* ‘из; среди, в числе кого-, чего-либо’, *коклаште* ‘среди, в составе, в числе кого-, чего-либо’, со значением совместности – *дене* ‘с’, со значением объекта сравнения – *деч* ‘от’) или в форме какого-либо падежа (местного, дательного и при совместных числительных – дательного, родительного и винительного). В словосочетаниях выделительного значения (в моделях: ИЧР_{кокла гыч} + ИЧ_{кол. полн., неопр.-кол.}, ИЧР_{коклаште} + ИЧ_{кол. полн., неопр.-кол.}, ИЧР_{местн. п.} + ИЧ_{кол. полн.}, ИЧР_{дат. п.} + ИЧ_{кол. полн.}) существительные нередко сопровождаются количественными определениями конкретного значения. Подчиненные числительные *миллион*, *миллиард* (возможны и другие «круглые»), как правило, замещают имя существительное (нумерально-субстантивное словосочетание) или выражают отвлеченное число. Несомненно, нумеральные словосочетания с русизмами (как в главной, так и в зависимой позициях) являются одним из результатов воздействия со стороны русского языка на системы марийских числительных и других частей речи. Незначительное количество числительных-русизмов (прежде всего – *миллион*, *миллиард* и другие «круглые», *первый*) определяет ограниченность моделей словосочетаний и самих словосочетаний с заимствованным стержневым компонентом. Более широкое использование русских заимствований в позиции подчиненного слова обусловлено в первую очередь выражением неядерных компонентов именами существительными, которым свойственно иметь самые разные формы, в т.ч. характерные для этой части нумеральных словосочетаний. В зависимой позиции установленных моделей нумеральных словосочетаний невозможно присутствие русизмов следующих лексико-грамматических категорий: личных и других местоимений (за исключением определительного *кажне*), числительных, в т.ч. неопределенно-количественных, совместных с суффиксом *-ынь* (за исключением заимствований *миллион*, *миллиард*, *первый*), наречий меры и степени (за исключением *эше* ‘еще’); подобное ограничение продиктовано тем, что среди них очень мало русских заимствований. Почти не фиксируются в данной позиции действительные и страдательные причастия от глаголов-русизмов, прилагательные-русизмы (так как причастия и прилагательные в большинстве моделей должны быть субстантивированными или должны употребляться в значении имен существительных, что в марий-

ском языке явление достаточно редкое; а непосредственные причастия-русизмы в марийском языке никак не представлены).

В марийских нумеральных словосочетаниях наблюдаются некоторые изменения и другого порядка, связанные с воздействием русского языка. Это то, что в незначительной мере, но все же пополнило ряд их моделей (см. модели ИЧ_{кол. гана} + ИЧ_{кол. полн.} 'меры, степ. эн' + ИЧ_{пор. первый} 'М + ИЧ_{пор.}); появились отдельные нехарактерные словосочетания уже в рамках существующих моделей (см. модель ИЧР + ИЧ_{кол.} с русизмом в зависимой части); произошли изменения в формах подчиненных компонентов иных моделей (в формах числа зависимых имен существительных; см. модели ИЧР_{кокла гыч} + ИЧ_{кол. полн., неопр.-кол.} ИЧР_{коклаште} + ИЧ_{кол. полн., неопр.-кол.}).

ЛИТЕРАТУРА

- Берецки Г.* Взаимосвязи языков Волжско-Камского ареала // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Joshkar-Ola, 15.08–21.08. 2005. Joshkar-Ola, 2005. Pars I. Orationes plenariae. С. 5–53.
- Гаврилова В. Г.* Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов: монография / Мар. гос. ун-т; В. Г. Гаврилова. Йошкар-Ола, 2014. 212 с.
- Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология: В 2 ч. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. Ч. 1. 203 с.
- Галкин И. С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис: Тунемме книга = Историческая грамматика марийского языка. Морфология и синтаксис: Учебное пособие / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1986. 122 с.
- ГРЯ 1953 – Грамматика русского языка: В 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; редкол.: акад. В. В. Виноградов и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. I: Фонетика и морфология. 720 с.
- Игнаева Р. П.* Классификация имен числительных в марийском языке: Проблема статуса и функции / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1999. 212 с.
- Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты: В 2 ч. / Н. И. Исанбаев. Йошкар-Ола, 1994. Ч. 2: Словарь татарских и башкирских заимствований. 208 с.
- Исанбаев Н. И.* Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке: словарь-справочник / Мар. гос. ун-т; Н. И. Исанбаев. Йошкар-Ола, 2014. 97 с.
- Коведяева Е. И.* Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1976. С. 3–96.
- КРГ 1989 – Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина и др.; под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. 639 с.
- Майтинская К. Е.* Заимствованные элементы в местоименной лексике финно-угорских языков // Советское финно-угроведение. 1966. № 4. С. 235–240.
- Майтинская К. Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
- РГ 1980 I – Русская грамматика: В 2-х т. / Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова и др.; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.
- РГ 1980 II – Русская грамматика: В 2-х т. / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др.; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 709 с.
- Саваткова А. А.* Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 130 с.
- Саваткова А. А.* Горное наречие марийского языка // Bibliotheca seremissica. T. V. Savariae, 2002. 292 с.
- Сибатрова С. С.* Об изменениях в системе марийских числительных под влиянием русского языка // Динамические процессы в системах пермских языков: сб. тр. / Рос. акад. наук, Уральское отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории; отв. ред. Е. А. Цыпанов. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2011. С. 100–106.
- Сибатрова С. С.* Марийские нумеральные словосочетания и их модели // Финно-угроведение, 2020. № 61. С. 45–56.
- СМЯМ 1961 – Современный марийский язык. Морфология / отв. ред. Н. Т. Пенгитов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 323 с.

Учаев З. В. Марий йылме: Туныктышо-влаклан. 1-ше ужаш. = Марийский язык: Учителям. Ч. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 184 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. II (Е – Муж). М.: Прогресс, 1986. 672 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. III (Муза – Сят). М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Черных С. Я. Словарь марийских личных имен / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1995. 626 с.

Шаланки Ж., Кондратьева Н. В. Морфосинтаксическая интерференция в условиях удмуртско-русского билингвизма // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 3. С. 380–389.

Bereczki G. A cseremisiz nyelv történeti alaklana. Debrecen: University of Debrecen. Studies in Linguistics of the Volga Region. Supplementum 1., 2002. 290 p.

Paasonen H. Ost-Tscheremissisches Wörterbuch / Ed. P. Siro Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948. 210 s.

Ramstedt G. J. Bergtscheremissische Sprachstudien. Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteraturgesellschaft. 1902. 219 s.

Поступила в редакцию 14.04.2021

Сибатрова Серафима Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева
424036, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

S. S. Sibatrova

CHANGES IN MARI NUMERAL PHRASES

UNDER THE INFLUENCE OF MARI-RUSSIAN LANGUAGE CONTACTS

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-389-401

This article presents the results of a study of the Mari numeral phrases in terms of the influence of the Russian language. The aim of this work is to trace the role of Russian borrowings in the formation of Mari numeral phrases, primarily in the expression of their components, and to reveal other changes that have arisen under the influence of similar phrases and structures of the Russian language. The study was conducted on the basis of the lexical card index of the MarNIIYALI (Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History), which is based on written sources of the meadow-eastern literary norm, namely, its electronic part in the amount of about one thousand author's sheets. During the collection and analysis of material, elements and techniques of the following research methods were applied: descriptive and analytical (observation with the identification of the studied facts in sources, their generalization, interpretation and classification, description), comparative (regular comparison of Mari models with Russian ones for identity and non-identity), comparative-historical (in other cases, indications of the origin of the words), quantitative (counting models of various groups containing Russianisms). According to the results of the research, Russian borrowings may play a role of a head word (3 units in 4 models) and a dependent component (mainly substantive case forms and postpositional constructions, numerals, as well as some pronouns and adverbs of degree in 14 models). 3 models with cardinal numbers as a head very rarely can be represented by phrases with Russianisms in both components. As a result the syntactic units in some models and the models of numeral phrases themselves were replenished, the last ones by 3 units. Also the shifts in the forms of grammatical number of dependent nouns in some models appeared.

Keywords: Mari language, syntax, numeral phrases, structural models, components of phrases, Russian language, Russian borrowings, changes in models.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 389–401. In Russian.

REFERENCES

- Bereczki G.** *Vzaimosvyazi yazykov Volzhsko-Kamskogo areala* [Interrelations of the languages of the Volga-Kama area]. Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Ioshkar-Ola, 2005. Pars I. Orationes plenariae. Pp. 5–53. In Russian.
- Gavrilova V. G.** *Mariisko-russkii bilingvizm: pereklyuchenie i smeshenie kodov: monografiya* [Mari-Russian bilingualism: code-switching and code-mixing: Monography] / Mari State University; V. G. Gavrilova. Ioshkar-Ola, 2014. 212 p. In Russian.
- Galkin I. S.** *Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. Morfologiya: V 2 ch.* [Historical grammar of the Mari language. Morphology: in 2 p.]. Ioshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1964. P. 1. 203 p. In Russian.
- Galkin I. S.** *Marii iylmyñ istoricheskii grammatikyzhe. Morfologii da sintaksis: Tunemme kniga.* = *Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. Morfologiya i sintaksis: Uchebnoe posobie* [Historical grammar of the Mari language. Morphology and syntax: training manual] / Mari State University. Ioshkar-Ola, 1986. 122 p. In Mari.
- GRYA 1953** – *Grammatika russkogo yazyka: V 2 t.* [Grammar of the Russian language: in 2 vol.] / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics; ed.: akad. V. V. Vinogradov and others. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1953. Vol. I: Phonetics and Morphology. 720 p. In Russian.
- Ignaeva R. P.** *Klassifikatsiya imen chislitel'nykh v mariiskom yazyke: Problema statusa i funktsii* [Classification of numerals in the Mari language. The problem of status and function] / Mari State University. Ioshkar-Ola, 1999. 212 p. In Russian.
- Isanbaev N. I.** *Mariisko-tyurkskie yazykovye kontakty: V 2 ch.* [Mari-Turkic language contacts: In 2 p.] / N. I. Isanbaev. Ioshkar-Ola, 1994. *Ch. 2: Slovar' tatarskikh i bashkirskikh zaimstvovaniy* [P. 2: Dictionary of Tatar and Bashkir borrowings]. 208 p. In Russian.
- Isanbaev N. I.** *Russkie leksicheskie zaimstvovaniya dooktyabr'skogo perioda v mariiskom yazyke: slovar'-spravochnik* [The Russian lexical borrowings in the Mari language before 1917: dictionary] / Mari State University; N. I. Isanbaev. Ioshkar-Ola, 2014. 97 p. In Russian.
- Kovedyaeva E. I.** *Mariiskii yazyk* [The Mari language]. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya. Mariiskii, permskie i ugorские yazyki* [The basics of Finno-Ugric Linguistics: Mari, Permic and Ugric Languages] / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics. Moscow, Nauka Publ., 1976. Pp. 3–96. In Russian.
- KRG 1989** – *Kratkaya russkaya grammatika* [Brief Russian Grammar] / V. N. Belousov, I. I. Kovtunova, I. N. Kruchinina and others; ed. by N. YU. Shvedova, V. V. Lopatin. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1989. 639 p. In Russian.
- Maitinskaya K. E.** *Zaimstvovannyye ehlementy v mestoimennoi leksike finno-ugorskikh yazykov* [Borrowed elements in the pronominal vocabulary of Finno-Ugric languages]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric studies], 1966. №. 4. Pp. 235–240. In Russian.
- Maitinskaya K. E.** *Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskikh yazykov* [Historical and Contrastive Morphology of the Finno-Ugric Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 263 p. In Russian.
- RG 1980 I** – *Russkaya grammatika: V 2 t.* [Russian grammar: in 2 vol.] / N. S. Avilova, A. V. Bondarko, E. A. Bryzgunova and others; ed. N. YU. Shvedova (ch. ed.) and others; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology. 783 p. In Russian.
- RG 1980 II** – *Russkaya grammatika: V 2 t.* [Russian grammar: in 2 vol.] / E. A. Bryzgunova, K. V. Gabuchan, V. A. Tsikovich and others; ed.: N. YU. Shvedova (ch. ed.) and others; Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 2: Syntax. 709 p. In Russian.
- Savatkova A. A.** *Russkie zaimstvovaniya v mariiskom yazyke* [Russian borrowings in the Mari language]. Ioshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1969. 130 p. In Russian.
- Savatkova A. A.** *Gornoe narechie mariiskogo yazyka* [The Hill Dialect of the Mari Language]. *Bibliotheca ceremissica* [Bibliotheca ceremissica]. Savariae, 2002. Vol. V. 292 p. In Russian.
- Sibatrova S. S.** *Ob izmeneniyakh v sisteme mariiskikh chislitel'nykh pod vliyaniem russkogo yazyka* [About changes in the system of Mari numerals under the influence of the Russian language]. *Dinamicheskie protsessy v sistemakh permskikh yazykov: sb. tr.* [Dynamic processes in systems of Permic languages: collection of articles] / Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Komi scientific center, Institute of Language, Literature and History; ed. E. A. Tsypanov. Syktyvkar, Komi NTS URO RAN Publ., 2011. Pp. 100–106. In Russian.
- Sibatrova S. S.** *Mariiskie numeral'nye slovosochetaniya i ikh modeli* [Numeral word-combinations and their types in the Mari language]. *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric studies], 2020. № 61. Pp. 45–56. In Russian.

SMYAM 1961 – *Sovremennyi mariiskii yazyk. Morfologiya* [The Modern Mari language: Morphology] / Ed. N. T. Pengitov. Ioshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1961. 323 p. In Russian.

Uchaev Z. V. *Marii iylme: Tynytysho-vlaklan. 1-she uzhash = Mariiskii yazyk: Uchitelyam. Ch. 1* [Mari Language: For Teachers. P. 1]. Ioshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1982. 183 p. In Mari.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vol.]. Moscow, Progress Publ., 1986. Vol. II: (E – Muzh). 672 p. In Russian.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vol.]. Moscow, Progress Publ., 1987. Vol. III: Muza – Sjat. 832 p. In Russian.

Chernykh S. YA. *Slovar' mariiskikh lichnykh imen* [Dictionary of Mari personal names] / Mari State University. Ioshkar-Ola, 1995. 626 p. In Russian.

Shalanki Zh., Kondrat'eva N. V. Morfosintaksicheskaya interferentsiya v usloviyakh udmurtsko-russkogo bilingvizma [Morphosyntactic interference in the Udmurt-Russian bilingualism]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019. Vol. 13. № 3. Pp. 380–389. In Russian.

Bereczki G. *A cseremis nyelv történeti alaklata* [Historical morphology of the Mari language]. Debrecen, University of Debrecen. Studies in Linguistics of the Volga Region. Supplementum 1. Publ., 2002. 290 p. In Hungarian.

Paasonen H. *Ost-Tscheremissisches Wörterbuch* [Eastern Mari Dictionary] / Ed. P. Siro. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1948. 210 p. In German.

Ramstedt G. J. *Bergtscheremissische Sprachstudien* [Hill Mari Language Studies]. Helsingfors, Druckerei der finnischen Litteraturgesellschaft Publ., 1902. 219 p. In German.

Received 14.04.2021

Sibatrova Serafima Sergeevna,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Senior Researcher,
Mari Scientific Research Institute of Language,
Literature and History named after V. M. Vasilyev
44, ul. Krasnoarmeyskaya, Yoshkar-Ola, 424036, Russian Federation
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

Л. Л. Карпова

**МОРФОЛОГИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
В НИЖНЕЧЕПЕЦКОМ ДИАЛЕКТЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

Статья посвящена описанию специфики личных местоимений нижнечепецкого диалекта, входящего в северное наречие удмуртского языка. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения системы местоимений в структурно-территориальных разновидностях удмуртского диалектного языка. Нижнечепецкий диалект формировался в условиях изолированности от основного ареала распространения удмуртских диалектов, в результате чего в его языковой системе выработался ряд особенностей. Предметом рассмотрения является морфологическая структура личных местоимений. Особое внимание уделено описанию специфических черт, отличающих исследуемый диалект от других говоров севернорудмуртского ареала. Констатируется, что в нижнечепецком диалекте номинативные формы личных местоимений в основном совпадают с соответствующими местоимениями других удмуртских диалектов. Подробно проанализированы характерные явления в образовании и парадигмах словоизменения рассматриваемой группы местоимений. Освещены особенности в количественном составе падежей. Проведен анализ функционирования серии вторичных пространственных падежей с показателем *-н'*. Выявлены отличительные явления во внешнем оформлении отдельных падежей. В частности, различительные признаки морфонологического характера наблюдаются в оформлении аккузативных форм местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа, в особых способах образования инструментальных форм местоимений 1-го и 2-го лица в единственном и во множественном числе. Лингвистический материал интерпретируется в контексте удмуртского языкового диалектного ландшафта. Приведенные данные показывают, что по основным особенностям словоизменения личных местоимений нижнечепецкий диалект проявляет наибольшее сходство со среднечепецкими говорами севернорудмуртского наречия. Исследование основано на материалах, собранных автором в результате нескольких экспедиций в период с 2014 по 2017 гг. к нижнечепецким удмуртам.

Ключевые слова: удмуртский язык, северные диалекты, нижнечепецкий диалект, грамматическая система, диалектная морфология, личные местоимения, категория падежа, формообразование, словоизменительная парадигма, форманты, диалектное варьирование.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-402-413

В лингвистической науке до настоящего времени дискуссионным и спорным остается вопрос о статусе местоимений как самостоятельной части речи. Занимая особое место среди других частей речи, местоимения отличаются от знаменательных частей речи морфологической и функциональной неоднородностью входящих в этот класс слов, отсутствием собственного грамматического значения, отличающего их от грамматического значения других частей речи, а также отсутствием особых, характерных только для местоимения синтаксических функций.

Научные традиции в изучении местоимений удмуртского языка, заложенные в первых описательных грамматиках [Сочинения 1775, 59–64; Wiedemann 1851], неразрывно связаны с исследованием данной части речи в общефинно-угорском аспекте [Balázs 1973; Майтинская 1969]. Системному описанию пермских местоимений посвящены труды Г. В. Федюновой [Федюнова 2008], Ш. Чуча [Csúcs 2005] и др. Отдельные вопросы, относящиеся к категории местоимения в удмуртском языке, нашли отражение в разделах нормативных грамматик удмуртского языка [ГСУЯ 1962, 167–187; УКК 2011, 88–107], также в работах В. К. Кельмакова [Кельмаков 1998, 134–140; 2005, 79–81], И. В. Тараканова [Тараканов 2003], С. А. Максимова [Максимов 2019, 390–402]. Несмотря на наличие серьезных разработок по удмуртским местоимениям, в научной литературе до сих пор не получило должного освещения диалектное многообразие данного лексико-грамматического класса слов в удмуртском языковом континууме. В связи с этим остается целый ряд вопросов, касающихся функционирования местоимений, а также особенностей проявления их морфологических и синтаксических свойств в частных диалектных системах удмуртского языка.

Предметом рассмотрения в данной работе является морфологическая структура личных местоимений нижнечепецкого диалекта удмуртского языка. Основная цель исследования – анализ вопросов падежного словоизменения, выявление вариативности и новообразований в парадигме склонения личных местоимений. Эмпирическую базу исследования составили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в район проживания нижнечепецких удмуртов в период с 2014 по 2017 гг. Иллюстративный материал в работе приводится в фонематической транскрипции на кириллической основе, традиционно используемой в удмуртской диалектологии.

Нижнечепецкий диалект распространен на территории Слободского, Зуевского, Унинского, Фаленского и Богородского р-нов Кировской обл. Функционирование рассматриваемого диалекта в условиях изолированности от основного этнического массива и воздействие окружающих русских говоров сформировали ряд специфических особенностей фонетического, морфологического, лексического и синтаксического характера. Проблема возникновения и развития нижнечепецкого диалекта непосредственно связана с историей его носителей и процессом формирования этнической группы, этногенез которой, к сожалению, до сих пор мало исследован. Нижнечепецкий диалект (или нижнечепецкие говоры; далее – нч.) по наиболее характерным языковым явлениям входит в северное наречие удмуртского языка, в пределах которого, помимо нижнечепецкого, выделяется еще два диалекта: среднечепецкий и верхнечепецкий (далее – сч., вч. соответственно). С целью определения общности и специфики исследуемого диалекта в севернудмуртском языковом пространстве фактический материал интерпретируется в контексте других северных диалектов.

Состав местоимений нижнечепецкого диалекта по своим содержательным и структурным характеристикам во многом совпадает с системой местоимений общенационального удмуртского языка. Вместе с тем исследуемый диалект проявляет определенную специфику в структуре, семантике и словоизменении отдельных групп местоименных слов. Ряд нерешенных вопросов связан с разрядом личных местоимений, восходящих в удмуртском языке к очень древним периодам языковой истории и обнаруживающих в территориальных диалектах значительные дифференциальные признаки. Данная группа местоимений в нижнечепецком диалекте, как и в целом в удмуртском языке, представлена шестью местоимениями: *мон* ‘я’, *тон* ‘ты’, *со* ‘он, она, оно’, *ми* ‘мы’, *ти* ‘вы’, *сойос* (*соос*) ‘они’. В номинативной форме личные местоимения исследуемого диалекта не проявляют больших отличий от соответствующих местоимений других удмуртских диалектов. Исключение составляет местоимение 3-го лица множественного числа, которое в косинском говоре выступает в формах *сойос* и *соос*, наиболее употребительным из которых является вариант *сойос*. Примеры: кос. *сойос* *воз'мал'л'а'зы н'и пинал'л'омэ*. Берез. ‘**Они** водились уже с детьми моими’; кос. *лачак помидорэ, то'ко тасас'ко н'и сойос* *вычак*. Ок. ‘Много у меня помидор, только портятся уже **они** вовсе’. В слободском

говоре более широкое распространение имеет форма *соос*, а вариант *сойос* встречается sporadически. Примеры: сл. *мон п о с к алан улыс'ко кал' пинал'л'осы кошкэмын, но вэттыло сойос ка'ждой выходноййосы*. Пас. 'Я в Паскино живу сейчас. Дети уехали, но приезжают **они** в каждые выходные'; сл. *солэн пöрас'эз фэрмаын ужа. кына'зы отын соос ужало*. Свет. 'Его жена на ферме работает. Оба там **они** работают'.

Единичные случаи оформления плюральной формы 3-го лица в варианте *сойос*, наряду с формой *соос*, отмечаются в ярском, глазовском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта, территориально смежных с косинским говором. В других северных диалектах функционирует форма *соос*, которая является нормой литературного языка и наличествует в большинстве удмуртских диалектов [Карпова 2020, 241]. Отметим, что вариант *сойос* является архаическим: здесь сохранилась более ранняя форма суффикса множественного числа *-йос*, по своему происхождению восходящего к самостоятельной лексеме удм. *joz* ~ коми *jez* 'народ, люди' [Майтинская 1979, 83, 85–86; Rédei 1988, 351–394; Honti 1997, 82].

В удмуртских диалектах по способам образования падежных форм словоизменение личных местоимений достаточно единообразно. Расхождения возникают вследствие использования различных падежных суффиксов и суффиксальных комбинаций, некоторые различия обнаруживаются в фонемном составе морфем. Падежные парадигмы, в свою очередь, отличаются по наличию/отсутствию специфических падежей, особенностями образования отдельных форм и др. При этом следует отметить, что личные местоимения 1-го и 2-го лица склоняются иначе, чем формы 3-го лица, их словоизменение в единственном и во множественном числе также имеет свою специфику. Эти различия в определенной степени обусловлены историей происхождения и генезиса данной группы местоименных слов [Федюнева 2008, 15–73]. Общеизвестно, что личные местоимения в уральских языках восходят к разным хронологическим пластам: «...личные местоимения 1-го и 2-го лица были отделены от соответствующих указательных местоимений уже в уральском языке-основе, в то время как личные местоимения 3-го лица на базе уже сформировавшихся указательных местоимений возникли только в прафинно-угорский период» [ОФУЯ 1974, 284].

Представим парадигму словоизменения личных местоимений единственного и множественного числа в говорах нижнечепецкого диалекта.

Таблица 1

Падеж	Единственное число					
	1 лицо		2 лицо		3 лицо	
	сл.	кос.	сл.	кос.	сл.	кос.
Ном.	<i>мон</i>	<i>мон</i>	<i>тон</i>	<i>тон</i>	<i>со</i>	<i>со</i>
Акк.	<i>монэ</i>	<i>монэ</i>	<i>тонэ</i>	<i>тонэ</i>	<i>сойэ</i>	<i>сойэ</i>
Ген.	<i>мынам</i>	<i>мынам</i>	<i>тынад</i>	<i>тынад</i>	<i>солэн</i>	<i>солэн</i>
Абл.	<i>мынэс'тым</i>	<i>мынэс'тым</i>	<i>тынэс'тыд</i>	<i>тынэс'тыд</i>	<i>солэс'</i>	<i>солэс'</i>
Дат.	<i>мыным</i>	<i>мыным</i>	<i>тыныд</i>	<i>тыныд</i>	<i>солы</i>	<i>солы</i>
Инстр.	<i>монэным</i>	<i>монэным</i>	<i>тонэныд</i>	<i>тонэн(ыд)</i>	<i>соин</i>	<i>соин</i>
Кар.	<i>монтэк</i>	<i>монтэк</i>	<i>тонтэк</i>	<i>тонтэк</i>	<i>сотэк</i>	<i>сотэк</i>
Адв.	<i>монйа</i>	<i>монйа</i>	<i>тонйа</i>	<i>тонйа</i>	<i>сойа</i>	<i>сойа</i>
Аппр.	<i>монлан'</i>	<i>монлан'</i>	<i>тонлан'</i>	<i>тонлан'</i>	<i>солан'</i>	<i>солан'</i>
Пр. ин.	<i>мон'н'ам</i>	<i>мон'н'ам</i>	– (тон дорын)	– (тон дорын)	<i>сон'ын</i>	<i>сон'ын</i>
Пр. ил.	– (мон доры)	– (мон доры)	– (тон доры)	– (тон доры)	<i>сон'э</i>	<i>сон'э</i>

Окончание таблицы 1

Пр. эл.	– (мон дорыс')	– (мон дорыс')	– (тон дорыс')	– (тон дорыс')	сон'ыс'	сон'ыс'
Пр. эгр.	– (мон дорыс'эн)	– (мон дорыс'эн)	– (тон дорыс'эн)	– (тон дорыс'эн)	сон'ыс'эн	сон'ыс'эн
Пр. терм.	– (мон дороз')	– (мон дороз')	– (тон дороз')	– (тон дороз')	сон'оз'	сон'оз'

Таблица 2

Множественное число						
Падеж	1 лицо		2 лицо		3 лицо	
	сл.	кос.	сл.	кос.	сл.	кос.
Ном.	ми	ми	ти	ти	соос (сойос)	сойос (соос)
Акк.	мил'эмэс	мил'эмэс ~ мл'эмэс	тил'эдэс	тил'эдэс ~ тл'эдэс	соосты (сойосты)	сойосты (соосты)
Ген.	мил'ам	мил'ам	тил'ад	тил'ад ~ тл'ад	соослэн (сойослэн)	сойослэн (соослэн)
Абл.	мил'эс'тым	мил'эс'тым ~ мл'эс'тым	тил'эс'тыд	тил'эс'тыд ~ тл'эс'тыд	соослэс' (сойослэс')	сойослэс' (соослэс')
Дат.	мил'эм	мил'эм ~ мл'эм	тил'эд	тил'эд ~ тл'эд	соослы (сойослы)	сойослы (соослы)
Инстр.	мил'эмэн	мил'эмэн ~ мл'эмэн	тил'эдэн	тил'эдэн ~ тл'эдэн	соосын (сойосын)	сойосын (соосын)
Кар.	митэк	митэк	титэк	титэк	соостэк (сойостэк)	сойостэк (соостэк)
Адв.	мийа	мийа	тийа	тийа	соосйа (сойосйа)	сойосйа (соосйа)
Аппр.	милан'	милан'	тилан'	тилан'	соослан' (сойослан')	сойослан' (соослан')
Пр. ин.	мин'н'ам	мин'н'ам	тин'н'ад	тин'н'ад	соосн'ын (сойосн'ын)	сойосн'ын (соосн'ын)
Пр. ил.	мин'н'ам	мин'н'ам	тин'н'ад	тин'н'ад	соосн'э (сойосн'э)	сойосн'э (соосн'э)
Пр. эл.	мин'н'ыс'тым	мин'н'ыс'тым	тин'н'ыс'тыд	тин'н'ыс'тыд	соосн'ыс' (сойосн'ыс')	сойосн'ыс' (соосн'ыс')
Пр. эгр.	мин'н'ыс'эным	мин'н'ыс'эным	тин'н'ыс'эныд	тин'н'ыс'эныд	соосн'ыс'эн (сойосн'ыс'эн)	сойосн'ыс'эн (соосн'ыс'эн)
Пр. терм.	мин'н'амоз'	мин'н'амоз'	тин'н'адоз'	тин'н'адоз'	соосн'оз' (сойосн'оз')	сойосн'оз' (соосн'оз')

1. Как видно из приведенного материала (табл. 1, 2), личные местоимения нижнечепецкого диалекта обнаруживают некоторые отличия с точки зрения количественного состава словоизменяемой парадигмы.

1.1. В большинстве удмуртских диалектов система склонения рассматриваемой группы местоимений представлена 9 членами падежной парадигмы, среди которых разграничи-

ваются 8 субъектно-объектных падежей (номинатив, аккузатив, генитив, аблатив, датив, каритив, инструменталь, адвербиаль) и 1 пространственный падеж (аппроксиматив). В отличие от этого, в отдельных северных диалектах, в частности, в нижнечепецком и среднечепецком, местоимения, подобно группе одушевленных существительных со значением человека, лица, могут принимать показатели приблизительно-местных падежей, в составе которых содержится элемент *-н'*. Этот элемент *-н'* препозитивно присоединяется к первичным пространственным падежным формантам. Вторичные пространственные падежи в целом выражают пространственно-посессивные отношения, связанные с домом, домашним очагом, принадлежащим кому-либо [Максимов 2020, 214]. В нижнечепецком диалекте из личных местоимений формы приблизительно-местных падежей в основном принимают местоимения множественного числа (*ми* 'мы', *ти* 'вы', *сойос* (*соос*) 'они') и местоимение единственного числа *со* 'он, она, оно'. В рассматриваемом диалекте вышеуказанные местоимения систематически выступают в приблизительном инессиве и приблизительном иллативе, реже – в приблизительном элативе, приблизительном эгрессиве и приблизительном терминативе. Примеры: сл. *у́ал'л'о г л а в д' и и л' л' а й к а г э н' а бордын б и г э рын улиз. картэз кулиз но, бабэныз валзэ сон'э у́ас'киз*. Свет. 'Вначале Клавдия с Илляйка Геней в Карино жила. Муж ее умер, и вместе со свекровкой она к ней ('к ней домой') перебралась [жить]'; кос. *мон огн'ам кыли. бордаз бас'тюз пийэ, сойосн'ын кал' улыс'ко*. Мух. 'Я одна осталась. К себе забрал мой сын, у них ('у них дома') теперь живу'; кос. *мин'н'ам со вэтлиз турун жэут'т'аны*. Ок. 'К нам ('к нам домой') он приходил сено закидывать [на сеновал]'; сл. *тин'н'ад ысто мон ныл'л'осты кёлыны*. Свет. 'К вам ('к вам домой') отправлю я девушек ночевать'; сл. *бабушмы тодэ на у́ал'л'ана кырзанийосты, вэттэ соосн'э*. Свет. 'Наша бабушка знает еще старинные песни, сходите к ним ('к ним домой')'; сл. *соосн'ыс'эн ти пы'рэ в и т' а й к а доры*. Пес. 'От них ('от их дома') вы зайдите к Витяйке'; сл. *муми мынам с'имтэм вал. мон у́ас'ки сон'оз' с'ийонэн – нош отын кул'ин'чэт'т'ос вычак тийамын*. Пес. 'Мама моя слепая была. Я пошла до нее ('до ее дома') с едой – а там дверные крючки полностью сломаны'. Пролативная форма указанного типа падежей в текстовых материалах нами не обнаружена.

В косинском говоре нами зафиксированы единичные примеры функционирования личного местоимения 1-го лица единственного числа *мон* в форме приблизительного инессива *мон'н'ам*. Примеры: кос. *нылы биз'из вал б э р э з н' и кэ, ырöd с'эмйайэ шэд'из. эт'и дорам. лыкти'зы, ули'зы мынам домам, мон'н'ам*. Ок. 'Дочь моя вышла замуж в Березник, в плохую семью попала. Я позвала к себе [жить]. Жили они в моем доме, у меня дома'.

С. А. Максимов, занимавшийся исследованием вторичных пространственных падежей в удмуртском языке, отмечает, что они употребляются в основном с множественным числом личных имен, а также некоторых местоимений. Причину подобного употребления описываемых падежей он объясняет тем, «что человек в своем доме (жилище) обычно проживает не один, а с членами своей семьи» [Максимов 2018, 216]. В данном вопросе мы полностью солидарны с коллегой. Материал по нижнечепецкому диалекту также подтверждает эту мысль: функционирование местоимения 1-го лица единственного числа *мон* в форме приблизительного инессива, не совсем свойственного местоимениям единственного числа, нами было зафиксировано в речи информанта – пожилой женщины, которая в течение длительного времени жила в своем доме одна.

Большинство исследователей происхождения вторичных пространственных падежей в удмуртском языке связывает с трансформацией серии послелогов с основой *дин'* 'у, около, при, возле', которая, в свою очередь, возникла от имени существительного *дин'* 'основание, комель; близость, околица' [Wichmann 1954, 50, 135–136; Вахрушев 1959, 236; Тепляшина 1981, 287; Кельмаков 1998, 118; Кондратьева 2011, 123; Максимов 2018, 220–225].

В верхнечепецких говорах, как и в большинстве удмуртских диалектов, аналогичные падежные формы отсутствуют: им соответствуют послеложные конструкции с послелогом с основой *дин'* 'у, около, возле, при' (верхнечепецкие говоры) [Алашеева 1999, 64] и *дор-* 'у,

около, возле, при' (срединные говоры и южноудмуртские диалекты): вч. *ти дин'э*, сред., юж. *ти доры* 'к вам'; вч. *со дин'ыс'эн*, сред., юж. *со дорыс'эн* 'от него'.

1.2. Аппроксиматив личных местоимений в нижнечепецком диалекте, как и в северноудмуртском диалектном пространстве в целом, имеет тенденцию к исчезновению: формы типа *монлан'* 'по направлению ко мне, в сторону меня', *тонлан'* 'по направлению к тебе, в сторону тебя' употребляются исключительно редко и встречаются в основном в речи пожилого населения. Низкая дистрибутивная нагрузка данного падежа в северноудмуртских диалектах объясняется интралингвистическими факторами: широким употреблением послеложных конструкций (местоимение в номинативе плюс послелог *пала* 'по направлению к, в сторону') в указанном значении: нч. *ку лыкто'ды н'и табрэ ми пала?* Пес. 'Когда же приедете теперь в **нашу сторону?**'. В северноудмуртских диалектах процесс ослабления морфологического оформления аппроксиматива не только в системе местоимений, но и существительных, имеет тенденцию к дальнейшему развитию (см. об этом подробнее: [Кельмаков 1998, 117; Кондратьева 2011, 204–205]).

2. Помимо количественной разницы в системе пространственных падежей, определенные отличия рассматриваемая группа местоимений нижнечепецкого диалекта обнаруживает на уровне фонетического оформления падежных маркеров, а также способов их образования.

2.1. Аккузатив личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа в удмуртских диалектах представлен несколькими вариантами суффиксов. В южноудмуртских и части срединных говоров он имеет стандартный суффикс *-ыз*. В отличие от этого, в северной диалектной зоне оформление аккузатива этих форм местоимений не представляет единства.

В нижнечепецких говорах в данном случае, как правило, выступает суффикс *-эс*: сл. кос. *мил'эмэс*, кос. (Сиб.) *мл'эмэс* 'нас', сл. кос. *тил'эдэс*, кос. (Сиб.) *тл'эдэс* 'вас'. Примеры: сл. *мил'эмэс газ'эт лыд'д'аны косо*. Ом. '**Нас** газету заставляют читать'; сл. *бэрог дурьс'эн мил'эмэс адзиз пэпэс'мы*. Свет. 'У берега **нас** увидела наша бабушка'; кос. *слалтыны кон'ыгубийэз мил'эмэс мумымы дышэтиз*. Берез. 'Солишь рыжики **нас** мама наша научила'; кос. *вычак со вэра тл'эдэс*. Сиб. 'Постоянно он вспоминает ('говорит') **вас**'. В говоре д. Березник (косинский говор), наряду с суффиксом *-эс*, спорадически встречается также аккузативный показатель *-эсты*: кос. *мил'эмэсты малы сн'имат' от кар?* Ок. '**Нас** почему фотографировать не стал ты?'; кос. *мил'эмэсты, ныл'л'осты, кэл'а'зы након'э'ц-то к'юн' нуналлы кан'и'кулэ*. Берез. 'Нас, девушек, отпустили наконец-то на три дня на каникулы'.

Помимо этого, в говоре дд. Березник, Поля, Городище Зуевского р-на (входит в косинскую группу нижнечепецкого диалекта) нами зарегистрирован необычный вариант аккузатива в форме *мил'эмйосты*, где стандартный северноудмуртский суффикс *-ты* осложнен суффиксом множественного числа *-йос*. Примеры: кос. *мил'эмйосты оз' кари'зы, м у'х и нлэс' л'уки'зы*. Берез. 'С нами ('**нас**') так сделали, от [совхоза] Мухино отделили'; кос. *бордаз бас'тиз мил'эмйосты к и' р о ф с к о й м о л о к о к о м б и н а т*. Поля 'К себе присоединил **нас** Кировский молококомбинат'; кос. *война вылын с'о мил'эмйосты ч'а'ч'ээ ыс'ял'л'ал'л'а'зъ*. Гор. 'Во время войны всё **нас** в лес отправляли [на лесозаготовку]'. Подобный способ образования показателя аккузатива, осложненного суффиксом множественного числа, встречается и в коми-зырянских диалектах [Федюнева 2008, 63].

В отличие от нижнечепецких говоров, в ареале распространения среднечепецкого диалекта отмечается употребление аккузативных форм с аффиксами *-эсты*, *-эс*, *-ды*, *-дыс*, функционирование которых не представляет единства по диалектным микросистемам. В ярском и юкаменском говорах наблюдается в основном функционирование показателей *-эсты* ~ *-эс*: *мил'эмэсты* ~ *мил'эмэс* 'нас', *тил'эдэсты* ~ *тил'эдэс* 'вас'. В глазовском говоре прослеживается употребление личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа с формантами *-эсты* ~ *-эс* ~ *-ды*, реже — *-дыс*: *мил'эмэсты* ~ *мил'эмэс* ~ *мил'эмды* ~ *мил'эмдыс* 'нас', *тил'эдэсты* ~ *тил'эдэс* ~ *тил'эдды* ~ *тил'эддыс* 'вас'. В бализинском говоре среднечепецкого диалекта наиболее интенсивным употреблением отличается формант *-ды*. Лишь в отдельных

говорах юго-западной части Балезинского р-на (дд. Исаково, Ушур, Кер-Нюра), территориально смежных с глазовским говором, наряду с показателем *-ды*, нередко встречается также суффикс *-эсты*. В говорах юго-восточной части Балезинского р-на (андрейшурский куст), наряду с *-ды*, функционирует показатель *-дыс*, характерный для пограничных дебёсского и зуринского говоров верхнечепецкого диалекта.

Для кезского и северной части дебёсского говоров верхнечепецкого диалекта характерна тенденция к употреблению аккузативного показателя *-ды* (*мил'эмды* 'нас', *тил'эдды* 'вас'). В зуринском говоре, также в центральном и южном ареале дебёсского говора наблюдается параллельное функционирование суффиксов *-ды* и *-дыс* (*мил'эмды* ~ *мил'эмдыс* 'нас', *тил'эдды* ~ *тил'эддыс* 'вас').

Диахронически аккузативные суффиксы с опорным согласным *-т* (*-д*) и *-с* (*-з*), как отмечает Г. В. Федюнева, восходят к прапермскому периоду, так как имеют широкое распространение во всех пермских языках и диалектах [Федюнева 2008, 64]. Развитие показателя *-эс* в северноудмуртских диалектах можно представить следующим образом: в силу ассимилятивных процессов гласный *ы* показателя аккузатива *-ыз* уподобляется предшествующему гласному *э*, в результате чего имеем *-эс*: *мил'эмэс* < *мил'эмыз* 'нас', *тил'эдэс* < *тил'эдыз* 'вас'. Показатель *-эсты*, наличествующий в среднечепецком диалекте и в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, представляет собой контаминацию формантов аккузатива южных говоров *-ыз* (в описываемом диалекте он чаще выступает в варианте *-эс*) и северных диалектов *-ты*: *мил'эмэсты* < *мил'эмэз* + *ты* 'нас'; *тил'эдысты* < *тил'эдыз* + *ты*, *тил'эдэсть* < *тил'эдэз* + *ты* 'вас'. Что касается суффикса *-дыс*, то он также образован плеонастическим сочетанием двух вышеуказанных суффиксов, но в ином расположении: *-дыс* (< *-ды* + *-ыз*). Аналогичный суффикс отмечается в срединных говорах, к примеру, в прикильмезских [Загуляева 1980, 107] и средневосточных [Бушмакин 1971, 22].

2.2. Аккузатив личного местоимения 3-го лица множественного числа в нижнечепецком диалекте, подобно другим северноудмуртским диалектам, имеет стандартный показатель *-ты*, участвующий, как было отмечено выше, также в образовании аккузативных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа. Примеры: сл. *сокы ѓс ты'шкэс'кэ соосты айы-мумы, жал'а'зы, кэрэк*. Крас. 'Тогда не стали ругать **их** родители, пожалели, видимо'; кос. *папайос кукчалю клубн'икээз, мыным сойосты с'эткайэн пришлос' пытсаны*. Берез. 'Птицы клюют клубнику, мне пришлось **их** сеткой прикрыть'. В говорах южной диалектной зоны в данной функции последовательно выступает формант *-ыз*: сев. *соосты*, юж. *соосыз* 'их'.

Северноудмуртский вариант оформления аккузатива множественного числа имеет место также в части срединных говоров [Бушмакин 1971а, 269] и в бесермянском наречии (наряду с формантом *-ъз*) [Тепляшина 1970а, 184; Люкина 2016, 92]. В языке бесермян подобная маркировка выработалась, по-видимому, под влиянием соседних северных говоров.

2.3. Датив личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа в нижнечепецком диалекте, как и в других северных диалектах, выражается без падежного форманта, т.е. датив имеет усеченную форму: *мил'эм* 'нам', *тил'эд* 'вам'. Примеры: сл. *бубойка дэрэм мил'эм вуриз вал муми*. Пес. 'Ситцевое платье **нам** сшила было мама'; кос. *д'окэ т'ил'эд вэтлоно ѓвӓл вылэм. тан' бордамы нэ улэ кышно'мурт, соин вэрас'коно вылэм тил'эд*. Сиб. 'Далеко не нужно было **вам** ходить. Вот рядом с нами живет женщина, с ней нужно было побеседовать **вам**'.

В большинстве удмуртских диалектов, в частности, в говорах южного диалектного ареала и центральных говорах, датив личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа образуется с помощью суффикса *-лы*: юж. сред. *мил'эмлы* 'нам', *тил'эдлы* 'вам'.

Употребление краткой формы датива находит параллели и в северо-западных коми-зырянских диалектах [Федюнева 2008, 62; Попова, Сажина 2014, 161]. Известный финно-угровед Д. В. Бубрих объяснял данный факт влиянием датива 1-го и 2-го лица единственного числа, которые образованы без суффикса *-лы* [Бубрих 1949, 104].

2.4. В нижнечепецком диалекте, как и в других северных диалектах, формы инструментала от личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа имеют расширенный с помо-

щью притяжательного суффикса вариант: *монэным* '(со) мной', *тонэныд* '(с) тобой'. Примеры: кос. *биз'из со мыным, оз'ик монэным лыктиз улыны б э р э з н' и кэ*. Берез. 'Вышла замуж она за меня, так и **со мной** приехала жить в Березник'; сл. *йармумыдэ, нылы, э'н аналты, тонэныд валзэ н'и солы улоно. ойигн'аз солы с'экыт н'и улыны*. Ом. 'Свекровку свою, доченька, не остав- ляй, вместе **с тобой** уже ей нужно жить. Одной ей тяжело уже жить'.

В отдельных населенных пунктах (дд. Сибирь, Астрахань Унинского р-на Кировской области) бытования косинского говора нижнечепецкого диалекта наряду с расширенным вариантом парал- лельно отмечается и неосложненная форма инструменталю – *монэн, тонэн*. Примеры: кос. *зёкэз ны- лыз, инвал'и'тка со, монэн улэ*. Сиб. 'Старшая её дочь, инвалид она, **со мной** живет'; кос. *мыным картыш жутоно, тонэн вэрас'кыны врэмайэ өвёл*. Сиб. 'Мне нужно картошку окучивать, **с тобой** общаться времени нет'. Функционирование вариантов *монэн, тонэн* в данных говорах, по нашему мнению, объясняется влиянием соседнего сурвайско-поломского говора, для которого характер- ны подобные формы. Носителями сурвайско-поломского говора являются удмурты-калмезы, язык которых относится к среднезападным говорам. Отметим, что удмурты-ватка и удмурты-калмезы Унинского р-на, проживающие в пределах одной территории, находятся в тесных социально- культурных контактах, что способствует определенному взаимовлиянию их говоров.

Соответствующие расширенные формы местоимений *мон* 'я', *тон* 'ты' в инструмента- ле функционируют в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 183; Люкина 2016, 91–92], в отдельных средневосточных говорах [Бушмакин 1971а, 269]. Параллельное функциониро- вание форм *монэн ~ монэным, тонэн ~ тонэныд* зафиксировано в говоре д. Старая Игра Грахов- ского р-на [Атаманов 2005, 180]. Наличие в данном говоре расширенного варианта указанных местоимений, не характерного для южноудмуртских говоров, вполне объяснимо: в заселении данной местности, как отмечает М. Г. Атаманов [2005, 24], принимало участие поломское на- селение, местом формирования которого была верхняя Чепца (территория современного Кез- ского, Дебёсского и Балезинского р-нов).

Следует отметить, что в говорах южной диалектной зоны, а также в отдельных срединных говорах инструментальные формы от местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа вы- ступают достаточно однородно и образуются присоединением к основе номинатива стандарт- ного суффикса *-эн*: *монэн* 'со мной', *тонэн* 'с тобой'.

2.5. В нижнечепецком диалекте инструменталь личных местоимений 1-го и 2-го лица мно- жественного числа представлен формами *мил'эмэн, мл'эмэн* 'с нами', *тил'эдэн, тл'эдэн* 'с вами', которые характерны в целом также для среднечепецкого диалекта. Примеры: сл. *а кал' чик уг н'и кылыцко пинал'л'ос. мил'эмэн соослы н'эин'т'эрэ'сно, ви'дно, т'эл'эви'зор да т'эл'ифон со- ослэн мэд луоз*. НМоч. 'А сейчас совсем не слушаются дети. **С нами** им неинтересно, видно, чтоб телевизор да телефон у них был'; сл. *пэпэс'мы корка пуктиз казарма кад'. кал' мил'эмэн со улэ*. Свет. 'Наш дедушка дом построил [большой], как казарма. Сейчас **с нами** он живет'. От- метим, что в материалах Т. И. Тепляшиной, исследовавшей нижнечепецкие говоры в 1960-е гг., представлена также форма *миленым* [мил'эным] [Тепляшина 1970, 175]. Примеров употребле- ния указанной формы в речи современных нижнечепецких удмуртов нами не зафиксировано.

Для верхнечепецкого диалекта характерными являются формы *мил'эным ~ мил'энымы, тил'эныд ~ тил'эныды*. В большинстве удмуртских диалектов инструментальные формы мно- жественного числа от местоимений 1-го и 2-го лица выступают в виде *мил'эмын* 'с нами', *тил'эдын* 'с вами', совпадающие с формами литературного языка.

Нижнечепецкий и среднечепецкий показатель *-эн* инструменталю в формах *мил'эмэн, тил'эдэн, мл'эмэн, тл'эдэн* возник в результате ассимилятивного явления, когда гласный *ы* по- казателя инструменталю *-ын* уподобляется предшествующему гласному *э*: *мил'эмэн < мил'эмын, тил'эдэн < тил'эдын*.

Верхнечепецкие формы *мил'эным, мил'энымы* 'с нами', *тил'эныд, тил'эныды* 'с вами' от- личаются от соответствующих форм преобладающего большинства удмуртских диалектов иным расположением компонентов показателя инструменталю: если в последних он представ-

лен комбинацией лично-притяжательного суффикса множественного числа и падежного показателя, то в верхнечепецких говорах эти составляющие выступают в иной последовательности – падежный показатель *-эн* плюс лично-притяжательный суффикс единственного или множественного числа *-м (-мы)*, *-д (-ды)*. Подобные соответствия образования инструментальных форм с помощью лично-притяжательных суффиксов имеют место в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 185; Люкина 2016, 92, 93], также в пограничных с верхнечепецким диалектом средневосточных говорах [Бушмакин 1971а, 270]. Аналогичное образование указанных форм наблюдается также в удорском и ижемском коми-зырянских диалектах [Федюнева 2008, 65].

Таким образом, приведенный языковой материал дает основание утверждать, что в нижнечепецком диалекте севернудмуртского наречия обнаруживаются определенные отличительные явления в морфологической структуре личных местоимений. На междиалектном уровне различия проявляются в количественном составе словоизменительной парадигмы, в неодинаковой дистрибуции падежных форм и внешнем оформлении падежных маркеров. В частности, особенности морфонологического характера прослеживаются в оформлении аккузативных форм местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа, в особых способах образования инструментальных форм местоимений 1-го и 2-го лица в единственном и во множественном числе. Вариативность в формообразовании личных местоимений в удмуртском диалектном языке свидетельствует об инновационных процессах в их становлении и генезисе.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) языки и диалекты: вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта; нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; сев. – северное наречие удмуртского языка; сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта; сред. – срединные говоры удмуртского языка; сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; удм. – удмуртский язык; юж. – южное наречие удмуртского языка;

б) населенные пункты по говорам нижнечепецкого диалекта:

слободской говор: Крас. – д. Красногорье, Слободской р-н; НМоч. – д. Нижнее Мочагино, Слободской р-н; Ом. – д. Омсино, Слободской р-н; Пас. – д. Паскино, Слободской р-н; Пес. – д. Пески, Слободской р-н; Свет. – д. Светозарево, Слободской р-н;

косинский говор: Берез. – д. Березник, Зуевский р-н; Гор. – д. Городище, Зуевский р-н; Мух. – с. Мухино, Зуевский р-н; Ок. – п. Октябрьский, Зуевский р-н; Поля – д. Поля, Зуевский р-н; Сиб. – д. Сибирь, Унинский р-н.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов М. Г. Песни и сказы ушедших эпох. Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.
- Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. 201 с.
- Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 28 с.
- Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971а. 397+350 с.
- Вахрушев В. М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки УдНИИ. 1959. Вып. 19. С. 228–241.
- ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. 372 с.
- Загуляева Б. Ш. Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // *Fenno-Ugristica* 6. Тарту, 1980. С. 103–110.
- Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.
- Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
- Кельмаков В. К. К проблеме морфемного членения удмуртских личных местоимений // *Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Joshkar-Ola, 15.08–21.08.2005. Joshkar-Ola, 2005. Pars II. Linguistica: Summaria acroasium in sectionibus*. С. 79–81.

- Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 154 с.
- Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
- Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308 с.
- Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
- Максимов С. А. Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология. Ижевск, 2018. 336 с.
- Максимов С. А. К проблеме категории инклюзивности у местоимений в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 3. С. 390–402.
- ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Изд-во «Наука», 1974. 484 с.
- Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.
- Сочинения 1775 – Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975. 16 с. + 113 с. + 17 с.].
- Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Нимвоштос. Ижкар, 2003. 32 б.
- Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки УдНИИ. 1970. Вып. 21. Филология. С. 156–196.
- Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970а. 288 с.
- Тепляшина Т. И. О новых удмуртских падежах // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum, Turku 20.–27.08.1980. Turku, 1981. Pars VI. Dissertationes sectionum: phonologica et morphologica, syntactica et semantica. С. 285–292.
- УКК 2011 – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфология) (Морфология удмуртского языка). Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. 408 с.
- Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427 с.
- Balázs J. Funktionswerte der Pronominalität. Budapest, 1973. 240 s.
- Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 s.
- Honti L. Numerusprobleme (Ein Erkundungszug durch den Dschungel der uralischen Numeri) // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1997. Bd. 54. H. 1–2. S. 1–126.
- Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic Languages. Description, history and foreign influences / Denis Sinor (ed.). Leiden – New York – København – Köln, 1988. S. 351–394.
- Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Anhang: Grammatikalischer abriss von D. R. Fuchs. Helsinki, 1954. V + 134 s.
- Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 s.

Поступила в редакцию 23.04.2021

Карпова Людмила Леонидовна,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Барамзиной, 34
e-mail: karpovalud@rambler.ru

L. L. Karpova

**MORPHOLOGY OF PERSONAL PRONOUNS IN THE LOWER CHEPTSA DIALECT
OF THE UDMURT LANGUAGE**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-402-413

The article is devoted to the description of the peculiarities of the pronominal deixis in the Lower Cheptsä dialect which is a part of the Northern Udmurt dialect. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive

research of system of pronouns in the context of territorial varieties of Udmurt language. The Lower Chepts dialect developed isolatedly from the basic area of distribution of the Udmurt dialects, as a result of which a number of features were formed in its language system. The paper considers the morphological structure and usage of personal pronouns. The author focuses on specific characteristics distinguishing the studied dialect from other Northern Udmurt subdialects. The study demonstrates that in the Lower Chepts dialect the nominative forms of personal pronouns largely coincide with the corresponding such pronouns of other Udmurt dialects. The researcher also highlights characteristic phenomena in the inflectional system of personal pronouns, reveals some features in the number of cases, analyzes the functioning of a series of secondary spatial cases with marker *-n'*, and focuses on specific phenomena in the form of some cases. In particular, distinctive features of a morphological nature are observed in the design of accusative forms of the 1st and 2nd person plural pronouns, in special ways of forming instrumental forms of the 1st and 2nd person pronouns in the singular and plural. Linguistic data are analyzed and interpreted in the context of the Udmurt language dialectic landscape. The data presented show that according to the main features of inflection of personal pronouns the Lower Chepts dialect bears closest similarities to the Middle Chepts subdialects of the Northern Udmurt dialect. The research is based on the materials collected by the author during several expeditions to the Lower Chepts Udmurts from 2014 to 2017.

Keywords: Udmurt language, Northern dialects, Lower Chepts dialect, grammar system, dialectal morphology, personal pronouns, category of Case, formation, inflectional paradigm, formants, dialectal variation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 402-413. In Russian.

REFERENCES

- Atamanov M. G.** *Pesni i skazy ushedshikh epokh* [Songs and tales of past ages]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005. 248 p. In Russian.
- Bubrikh D. V.** *Grammatika literaturnogo komi yazyka* [The literary Komi Grammar]. Leningrad: Leningr. Univ. Publ., 1949. 201 p. In Russian.
- Bushmakin S. K.** *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka*: Aftoref. dis. kand. filol. nauk [Phonetic and morphological features of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tartu, 1971. 397+350 p. In Russian.
- Bushmakin S. K.** *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka*: Dis. kand. filol. nauk [Phonetic and morphological features of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language. Cand. philol. sci. diss.]. Izhevsk; Moscow, 1971a. 397+350 p. In Russian.
- Vakhrushev V. M.** Ob osobennostyakh govorov severnogo dialekta udmurtskogo yazyka [On the peculiarities of the subdialects of the Northern dialect of the Udmurt language] // *Zapiski* [Proceedings]. Izhevsk, 1959. Issue 19. Pp. 156–196. In Russian.
- GSUYa** – *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the modern Udmurt language: phonetics and morphology]. Izhevsk, 1962. 376 p. In Russian.
- Zagulyaeva B. Sh.** Morfologicheskie osobennosti prikil'mezskikh govorov [Morphological features of the Kilmez subdialects] // *Fenno-Ugristica* 6. Tartu, 1980. Pp. 103–110. In Russian.
- Karpova L. L.** *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: Formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [The dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: Formation and current state]. Izhevsk: MarShak Publ., 2020. 563 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [A short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. References]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 1998. 386 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** K probleme morfemnoy chleneniya udmurtskikh lichnykh mestoimenii [To the problem of morphemic articulation of Udmurt personal pronouns] // *Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 15.08–21.08.2005*. Jshkar-Ola, 2005. Pars II. Linguistica: Summaria acroasium in sectionibus. Pp. 79–81. In Russian.
- Kondrat'eva N. V.** *Formirovanie padezhnoi sistemy v udmurtskom yazyke* [Formation of the case system in the Udmurt language]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 2011. 154 p. In Russian.
- Lyukina N. M.** *Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan* [Phonetic and morphological features in the language of the Lekma and Yunda Besermians]. Izhevsk: Institute for Computer Research Publ., 2016. 200 p. In Russian.

- Maitinskaya K. E.** *Mestoimeniya v yazykakh raznykh system* [Pronouns in languages of different systems]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 308 p. In Russian.
- Maitinskaya K. E.** *Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskikh yazykov* [Historical and Comparative Morphology of the Finno-Ugric Languages]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 263 p. In Russian.
- Maksimov S. A.** *Severnoudmurtско-komi areal'nye yazykovye paralleli: leksika, fonetika, morfologiya* [North Udmurt-Komi areal linguistic parallels: vocabulary, phonetics, morphology]. Izhevsk, 2018. 336 p. In Russian.
- Maksimov S. A.** K probleme kategorii inklyuzivnosti u mestoimenii v udmurtskom yazyke [On the problem of the category of Clusivity in the Udmurt language] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. Vol. 13. Issue 3. Pp. 390–402. In Russian.
- OFUYA 1974** – *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov* [Basics of Finno-Ugric Linguistics. Questions of the origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 484 p. In Russian.
- Popova R. P., Sazhina S. A.** *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of Komi dialects (comparative aspect of the research)]. Syktyvkar: Syktyvkar state university Publ., 2014. 272 p. In Russian.
- Sochineniya 1775** – *Sochineniya prinadlezhashchiya k grammatikn votskago yazyka* [Writings belonging to the grammar of the Votyak language]. V Sanktpeterburgii pri Imperatorskoj Akademii nauk 1775 goda [In St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences in 1775]. 113 p. [V kn. Pervaya nauchnaya grammatika udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1975. Pp. 16+113+17]. In Russian.
- Tarakanov I. V.** *Tuala udmurt kyl: Nimvoshtos* [The modern Udmurt language: Pronoun]. Izhevsk, 2003. 32 p. In Udmurt.
- Tepliyashina T. I.** Nizhnechepetskie govory severnoudmurtuskogo narechiya [The Lower Cheptsu subdialects of the Northern Udmurt dialect] // *Zapiski* [Proceedings]. Izhevsk, 1970. Issue 21. Philology. Pp. 156–196. In Russian.
- Tepliyashina T. I.** *Yazyk besermyan* [Language of the Besermyan]. Moscow: Nauka Publ., 1970a. 288 p. In Russian.
- Tepliyashina T. I.** O novykh udmurtskikh padezhakh [On new cases in the Udmurt language] // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum, Turku 20.–27.08.1980*. Turku, 1981. Pars VI. Dissertationes sectionum: phonologica et morphologica, syntactica et semantica. Pp. 285–292. In Russian.
- UKK 2011** – *Udmurt kyllehn kylkabdosehz (morfologiya)* (Morfologiya udmurtskogo yazyka) [Morphology of the Udmurt language]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 2011. 408 p. In Udmurt.
- Fedyuneva G. V.** *Pervichnye mestoimeniya v permskih yazykakh* [Primary pronouns in Permian languages]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2008. 427 p. In Russian.
- Balázs J.** *Funktionswerte der Pronominalität*. Budapest, 1973. 240 s. In German.
- Csúcs S.** *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 s. In German.
- Honti L.** Numerusprobleme (Ein Erkundungszug durch den Dschungel der uralischen Numeri) // *FUF*. Helsinki, 1997. Bd. 54. H. 1–2. S. 1–126. In German.
- Rédei K.** Geschichte der permischen Sprachen // *The Uralic Languages*. Description, history and foreign influences / Denis Sinor (ed.). Leiden – New York – København – Köln, 1988. S. 351–394. In German.
- Wichmann Y.** *Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Anhang: Grammatikalischer Abriss von D. R. Fuchs*. Helsinki, 1954. V + 134 s. In German.
- Wiedemann F. J.** *Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche*. Reval, 1851. 390 S. In German.

Received 23.04.2021

Karpova Ludmila Leonidovna,
 Doctor of Sciences (Philology), Leading Research Associate
 Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
 34, T. Baramzinoy st., Izhevsk, 426067, Russian Federation,
 e-mail: karpovalud@rambler.ru

УДК 811.511.141.

Lőrincz Gábor, Lőrincz Julianna, Tóth Szilárd Tibor

**ARCHAISMS OF JÁNOS ARANY,
THE HUNGARIAN POET,
AND THEIR TEACHABILITY**

With the vocabulary and individual style of János Arany's folk and historical verses and poems, the author contributed to the reform of the Hungarian literary language and style, and by doing so also to the codification of the Hungarian language. In the paper, the authors briefly describe archaisms, their typology, their function in the literary language, and take their examples from the works of János Arany. Within archaisms, the study also describes a group of archaic concepts, historicisms, and their types. The authors also introduce a dictionary of the poetic language of Arany, which was published on the bicentenary of the poet's birth, and also briefly allude to a few previous attempts to process Arany's vocabulary. They use the AranySz. (Arany Dictionary) published in 2017 to study archaisms and expressions with important stylistic functions and the educational aspects thereof, mainly in the language of the ballads "A walesi bárdok" ('The Bards of Wales') and "Szondi két apródja" ('The two varlets of Szondi').

Keywords: archaisms, historicisms, folk elements, poetic vocabulary, poetic dictionary

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-414-423

1. The role of János Arany in the reform of the Hungarian literary style

When analyzing the function of János Arany's poetic vocabulary and linguistic expressions, the reform of the poetic style should not go unaddressed. It is well known among Hungarian readers that the language of the works of János Arany and Sándor Petőfi contributed greatly to the development of the codified Hungarian language.

The beginning of the struggle for the reform of the Hungarian literary language and style is associated – mainly under the influence of school textbooks – with the year 1778, the publication of György Bessenyei's pamphlet entitled "Magyarság" ('To be Hungarian'), and as a continuation of this, with the language reform movement marked by the name of Ferenc Kazinczy. However, this process began much earlier, in the language and style reform works of writers and poets. Undoubtedly, János Arany and Sándor Petőfi were very important participants in the process.

In Arany's works, the following ways of reforming vocabulary are found:

1. expanding the meanings of old words (archaisms),
2. the incorporation of certain elements of folk vocabulary into the common language lexicon and poetic language,
3. the use of Hungarian words created via loan translation,
4. the creation of new Hungarian words [Lőrincz J. 2018, 429; see also Szabó 1998, 135–136].

In the poetry of János Arany, archaisms and vernacular elements are tools of consciously undertaken style reform. András Martinkó also states that archaizing had already been known in Hungarian literature before Arany, and it was identified with the folk style. Identifying folk with old is known as a tool for archaizing since Dugonics. The unusualness of the dialectic forms, their obvious difference from the common language, from the language used nowadays suggests a different form of thinking, which undoubtedly points towards the past [Martinkó 1954, 371; see also Tompa 1972, 57]. Some writers have often used archaisms both when necessary and when unnecessary [cf. Minya 2017]. The use of archaisms without function is unnecessary, but their use with a function is necessary if it is used to evoke the linguistic elements of older ages for the purpose of creating an atmosphere [cf. Szikszainé Nagy 2007, 190; Minya 2011, 217].

2. Archaisms

Linguistic archaisms can be judged relatively: the traditional lexicological literature classifies as such words and expressions that refer to an older state of the language [cf. e.g. Fábrián – Szathmári – Terestyéni 1958, 43; Szathmári ed. 1961, 421; Zsemlyei 1996, 22]. Erzsébet Heltainé Nagy summarizes the concept and function of archaisms in her study. She describes an archaism as a linguistic antiquity used naturally or consciously: obsolete or nearly obsolete words, structures, grammatical elements, senses and/or other stylistic tools to imitate antiquity in order to evoke the language state of older ages or regional versions today: spelling, poetry, editing, tone, genre etc. [Heltainé Nagy 2008, 127].

According to Nádasy [2004], an archaism is a relative concept: older than the usual word, linguistic expression well-known in the given age, i.e. the one labelled as belonging to the neutral style.

There are several different considerations used to classify archaisms into groups. One of these is classification based on linguistic level:

- phonological: *nékem / nekem* ‘to me’;
- morphological: *adnók / adnánk* ‘we would give’;
- spelling: *Kovács / Kováts* ‘surname Smith’.

In the literature of Hungarian lexicography, the following classification was traditionally used:

- conceptual archaisms – archaisms denoting concepts or objects that are not used anymore, e.g. *kelevéz* ‘a spearlike stabbing weapon of riders’;
- semantic archaisms – when the word itself is still used but not in some old sense, e.g. *marha* ‘treasure, property item’;
- formal archaisms – when the given word has a more modern form than the one currently used, e.g. *leend* whose modern form is *lesz* ‘will be’ [cf. Bokor 2007, 191].

Among the archaisms one can distinguish historisms [cf. Lanstyák 2014; Tóth 2012, 19; 2013, 20], i.e. words whose referent is no longer known to the contemporary language user, or if certain meanings of a polysemic word are known in the language but its concrete meaning denoting the obsolete referent is not. So traditionally, these are the archaic concepts that are called historisms. Examples of such kind in the ballad “Szondi két apródja” (‘The two varlets of Szondi’) are the words *kaftán* ‘long men’s jacket’ or *sörben* ‘sweet juice’ [cf. Szathmári 2004, 14].

When analyzing Hungarian Bible translations, István Lanstyák also partly follows the traditional lexicographical classification of archaisms. A historism is a lexeme whose denotation is an outdated thing or concept, and therefore occurs in today’s discourses only when it comes to things of the past [Lanstyák 2014, 30]. István Lanstyák distinguishes (1) archaisms in the narrower sense, he calls them linguistic archaisms. Linguistic archaisms are words labelled as obsolete or archaic by the explanatory dictionaries [Lanstyák 2014, 14]. 2. The author classifies historisms into the other type, which are archaic concepts and objects that in the specific period under study are present (only) in the passive vocabulary of the speakers, or not even there.

Lanstyák divides historisms (conceptual archaisms) into the following subgroups: 1. full historism (the concept denoted by the word is no longer in use), e.g. *batka* as an ‘old currency’, *kelevéz* as a ‘spearlike weapon’; 2. formal-semantic historism where a modified variant of the lexeme lives on in the language to refer to a common concept, e.g. *dénár* or *denár* ‘an old currency’ in Hungarian but the name of the traditional currencies of several countries is derived from a variant of Latin origin: *dinar*, e.g. Serbia; 3. semantic historism where the lexeme is unchanged, but only used to denote today’s concept, e.g. *basa* ‘Pasha, Ottoman-Turkish provincial governor’, *könyök* ‘a kind of unit of length’ [Lanstyák 2014, 14].

There is generally no distinction made between archaic concepts and historisms in the traditional lexicographic literature. The meaning of the word historism is strongly tied to changes in the life of society and, consequently, in language. For example, if a trade is no longer known to those of a given age, or lives only in the minds of older generations, its objects are not used any more, then the words describing the given trade are also taken out of the public consciousness, and younger generations are no longer or less familiar with them: e.g. *kopja* ‘spearlike stabbing weapon of riders’, *kelevéz* ‘spearlike long stabbing weapon’.

As a result of the change in the use of a word, a difference emerges between archaic concepts and historisms in their relation to different semantic meanings, e.g. in synonymy. Historisms do not have a well-known synonym, but other types of archaisms, especially archaic forms, have a colloquial, standard synonym, although their old-fashioned character is sensed in use: e.g. *állá* vs. *állt* ‘stood (3 sg.)’, *hulla* vs. *hullt* ‘fell (3 sg.)’ etc.

The function of archaisms also depends to a large extent on the type of text and the attribution of style and the effect intended by the author of the text [cf. Heltainé Nagy 2008, Lanstyák 2014, Szikszainé Nagy 2007]. Antiquity of style in artistic texts can be expressed using in many linguistic elements:

- spelling,
- word-usage,
- word form and sentence structure variants etc. [cf. Szikszainé Nagy 2007, 642–645].

In “Toldi” and historical ballads, Arany particularly likes the use of archaic words: concepts, forms and senses alike. János Arany’s poetic language often seems archaic not only because of the language changes of the past good century and a half, but also because of the fact that in his historical works, the poet deliberately archaizes, evokes the linguistic world of the past by the use of archaic and dialectal expressions [Beke 2017a, 44].

3. The Arany Dictionary (AranySz.)

As antecedents of the AranySz. (Arany Dictionary) the previous dictionaries by József Beke, e.g. BánkBSz. (Bánk Bán Dictionary) can be considered, but also a Toldi commentary by Albert Lehr [Arany 1880] created for school use and Emil Pásztor’s ToldiSz. (Toldi Dictionary) which contains 2873 headwords and deals with the vocabulary of the first part of the trilogy.

Two other works should also be mentioned as antecedents: The ethnographer Károly Viski created a specimen for the AranySz., and he also published it in 1948 in the journal called Magyar Nyelvőr. Viski mainly included Arany’s dialectal formations in his dictionary. However, the full dictionary has not been completed. The manuscript made in 1951 by Lajos Ambrus entitled “Arany költészetének szóstatistikája” (‘Words’ Statistics in Arany’s poetry’) [Balázs 2017a] is also known.

Thus, there was a demand for the processing of Arany’s poetic vocabulary formulated much earlier, but its implementation was still yet to come. Until 2017, until József Beke’s dictionary, no work was published that included Arany’s complete vocabulary. It took József Beke 7 years of work to complete the three-volume work as a one-person enterprise the exact title of which is: Arany Dictionary. The vocabulary of János Arany’s poetic language I–III. The dictionary was published for the bicentenary of the birth of János Arany.

During the compilation of the dictionary, several problems were raised, of which only three are highlighted here:

1. Selection of headwords – on the one hand, a spelling-related problem had occurred (e.g. if the same formation appears in Arany's works written both together and apart) and on the other hand the indication of the different tenses of the substantive verb (e.g. *van*, *volt*, *lesz* 'is, was, will be') also posed a problem. During the compilation of the dictionary, the author used the headword stock of the ÉrtSz. (Explanatory Dictionary of the Hungarian Language) as a starting point [Balázs 2017 b].

2. The definition of usage labels for the headwords – when it comes to usage labels, the AranySz. conforms mostly to the ÉrtSz., but also utilizes the comments in the TESz. (Historical-Etymological Dictionary of the Hungarian Language) and the ÚMTsz. (New Hungarian Dialectal Dictionary) and thus, it does not reflect the poet's contemporary, but a later or present-day view. This is especially noticeable in the case of expressions marked as archaic by the label (arch). Some words from the language reform period (e.g. *emlény* 'souvenir', *eszélyes* 'smart') were new in the age of the poet, but they did not pass into everyday language, so they are considered old nowadays [AranySz.: 32].

So words that seem archaic at present day were not necessarily archaic in Arany's time, and what we consider to be archaic in his works does not necessarily reflect the contemporary use of language, but may stylistic tools used deliberately. In this regard, Füredi also notes that without proper preliminary work and theoretical background, such remarks (word classifications) are only sporadic in nature and therefore of dubious value: overall they give a distorted picture of the role of the poet in the given age and the style of his language use [Füredi 1982, 496]. András Martinkó [1975, 95] writes that in a scientific sense, the writer's dictionary assesses the writer's vocabulary, examines its morphological and semantic stratification, origin, nature, its relation to contemporary common and literary language and gives some stylistic classification, but it can't accomplish more.

3. The inclusion of various archaic form variants also caused problems in the editing of the dictionary: e.g. *főnix* / *phőnix* / *fénix* / *féniksz* 'phoenix'. Such headwords in the dictionary are also found (the introductory information in the publication does not provide any information about these), the variants of which do not appear in separate entries: e.g. *áldoz* / *áldozik*. The reason for this is that although the verbs *áldoz* / *áldozik* have acquired partially different meanings over time, the difference in form is also accompanied by a difference in meaning, but not in the full range of word senses: *áldoz* / *áldozik a múzsáknak* ('sacrifices to the Muses'), but *pénzt áldoz a művészetre* ('spends money on art'). There are also cases where the variants appear as headwords in two full separate entries that refer to each other: e.g. *padló* 'a floor covering in a room' / *palló* 'wooden bridge over a narrow stream or ditch, without railings' and 'long plank'. Here too, the forms are only separate with regard to certain senses, so that one of the members of the pair is both a vernacular variant and a separate lexeme at the same time.

4. The archaisms in the ballad entitled "A walesi bárdok" ("The Bards of Wales") and their teachability using the AranySz.

József Beke's writing of his dictionary was mainly driven by his own school experiences and his students' experiences similar to that of his own, that is, they attributed to certain words a meaning completely different from their actual meaning [Balázs 2017c]. This holds even truer of today's students since they are completely unfamiliar with the meaning of the words like *kopár* 'barren', *szik* 'salty soil', *sarj* 'second growth' or *ösztövér* 'skinny', *kútágas* 'well-sweep', *hórihorgas* 'skinny and high', *gém* 'sweep' in "Toldi" since traditional peasant farming has mostly disappeared from the villages too and shadoofs can seldom be seen by modern man.

Below some of the archaisms found in "A walesi bárdok" (one of Arany's ballads the teaching of which is compulsory in both Hungary and Slovakia) are presented, the interpretation of which may be a problem not only for today's students but also for today's adults. This particular work by Arany was chosen for analysis since it contains a significant number of archaisms, so it requires a relatively large amount of help from the teacher to make students understand it. The lexemes studied

are difficult to understand because they are related to specific age and culture. Moreover, the words examined are in a homonymic relationship with the lexemes, which causes difficulties, too. All the above expressions can be found in the AranySz., so the use of the dictionary greatly facilitates the teacher's work.

In the following, the conceptual archaisms of the ballad “A walesi bárdok” are demonstrated:

bárd² 8 noun

(arch) ‘Celtic singer, reciter, folk poet’

Based on the entry *bárd²* it must be mentioned that its Hungarian translation is in a homonymic relationship with the lexeme *bárd¹* ‘executioner’s axe, execution device’, the meaning of which is probably more familiar to students in comparison with that of the former lexeme. The following archaism is also in a homonymic relationship with another lexeme:

koboz 15 noun

1 (arch) ‘plucked instrument, similar to a lyre’

2 (transf) ‘a symbol of the poet’s trade, or poetry itself’

However, this example is somewhat different from the previous one, since while in that case the homophones were of the same word class, in this case, the homonyms constitute a noun and a verb. Another difference in comparison with the previous example is the fact that the AranySz. only includes one entry for *koboz*, which implies that Arany had never used *koboz* as a verb, in its meaning of ‘takes’. In relation to this question the teacher may bring up that the verbal materials included in various vocabularies do not have to be consistent, since ÉrtSz., which is considered to be a basis for József Beke, includes both entries for *koboz*.

In a previous paper the archaisms of “Szondi két apródja” [cf. Lőrincz G. 2018] were narrowly studied, but with the aim of comparison some of them are referred to again.

The lexeme *kopja* in the ballad mentioned is interesting, because its usage labels are not always completely consistent and understandable, so they may raise doubts for the students to which the teacher must respond:

kopja 37 noun (kopia 7, arch)

1 (arch) ‘spearlike stabbing weapon of riders’

*2 ‘the same, occasionally, as a unit of length’

*3 ‘the same, as a (theatrical) prop’

In the head of the entry for *kopja*, there are two variants, only one of which shows the usage label (arch) despite the fact that both versions are labelled as archaic in the ÉrtSz. The first sense of the lexeme also received the same label, although it would have been sufficient to indicate the usage value only once. The *kopja* / *kopia* form variants are also remarkable because in the work they evoke the notion of duality on a phonetic level [Horváth 2009, 193–194]. Just like in the ÉrtSz., ‘tombstone’ is not one of the interpretations of the word *kopja* in the AranySz. despite the fact, that this sense clearly appears in the ballad, but in point 3 a definition is found, that in the authors’ point of view should not have been separately included. The interpretation of *kopja* as a ‘theatrical prop’ is like including a ‘toy car’ interpretation for the lexeme *car*: it is the basic sense of the word *kopja* that is activated even if we think of it as a toy.

Change in meaning is a natural linguistic process, but cannot really be observed in synchrony. A good example is the word *marha*, which is used in its archaic sense by Arany too, but today it lives almost exclusively in the sense of ‘cattle’ or the pejorative ‘stupid’, but in the ballad “Szondi két apródja”, its sense ‘movable property’ is evoked, which counted as archaic even in Arany’s time. The same is true

of the word *máglya* ‘bonfire’, the ‘regular stack’ the meaning of which is nowadays little known. The interpretation of the verse „*A vár piacára ezüstöt, aranyt, / Sok nagybecsü marhát máglyába kihordat*” is very important because without an explanation, for most students today, it would probably mean that animals are prepared to burn in the castle market, but the real meaning of the verse is that the treasures are layed up. The following lexeme also belongs to the category of semantic archaisms:

ige¹ 21 noun (Ige 1; íge 3)

- 1 ‘a word expressing action, a happening, existence’
- 2 (arch) ‘a word, an expression’
- 3 ‘a statement from divine inspiration’
- 4 ‘prophecy’
- 5 ‘Jesus Christ’

The heading of this entry includes three formal variations, among which the one spelled with a capital letter stands for the name of Christ. It is also interesting that this keyword is in a homonymic relationship with another conceptual archaism, specifically with the *ige* standing for ‘three threads on a windlass’, which is also included in the vocabulary. It is important to mention in relation to this entry, that out of the polysemic definitions the only one to receive a stylistic evaluation is the one from “A walesi bárdok”, thus being the only archaic definition in contrast with the others. It is important to draw students’ attention to these phenomena so that linguistic competencies can be developed parallel to literary education.

In addition to the above words, it is worth paying attention to the words of the ballad, which, although having archaic forms, are largely understandable to today’s students; therefore formal archaisms have different stylistic values. Three of them can be found in the ballad “A walesi bárdok” as well. One of these is *tereh*, which is a metathesis of the Hungarian word *teher* ‘burden’. This is a word from the Nagyszalonta dialect (which was Arany’s native language variant), the meaning of which is identical with that of its standard variation, and Arany used it for the sake of the rhyme. Another example is the lexeme, postposition *megől* ‘from behind of’, which is interesting since the standard variation *megől* spelled with a short vowel is in a homonymic relationship with the verb *megöl* ‘takes somebody’s life’. In this case, it is worthwhile to draw students’ attention to the difference in the two words’ morphological structure, since the postposition consists of one morpheme, while the verb consists of two, thus they are grammatical homonyms. The third one is the shortened variation *körötte*, the meaning of which also has the same meaning as the standard linguistic variation *körülötte* ‘around it’.

Formal archaisms in “Szondi két apródja” are e.g. *ifju* ‘young boy’, *kezőkben* ‘in their hands’, *alant* ‘down’, *sírván* ‘cryly’, *ledűl* ‘falls down’, *haragunni* ‘to be angry’, *jertek* ‘come on’, *álgyu* ‘cannon’, *aranyt* ‘gold’. There are several interesting phenomena that can be brought to the attention of children in connection with these forms: 1. the exclusivity of the archaic version of the transgressive suffix (-*ván*); 2. *ifju* being a compound word (*i+fiú*) which can no longer be deduced from today’s *ifjú* variant; 3. morphological issues different from those of today, etc.

Also worth mentioning are the forms that, although not yet completely obsolete, students are no longer necessarily familiar with their meaning: *tusa* ‘butt’, *lant* ‘lute’ *orca* ‘cheek’. At this point, e.g. the ÉrtSz. – about which József Beke [cf. 2017b] made a comment with reference to the poem “Családi kör” (‘The Family Circle’) that the meaning of some of its words is inaccurately defined in the explanatory dictionary – can also be used in the process of interpretation. Such is the noun *nyugalom*, whose meaning in the poem is not ‘night’s rest, sleep’ as given in the dictionary, but the rest that follows completing the daily tasks. Interpretation problems also arise with relation to the verbs *kitesz* (which in the poem does not mean ‘puts something outside’ but ‘moves’), *zörget* (which in the poem means ‘creates’ a rattling sound by hitting objects together’ rather than ‘knocks’) or with *kinéz* (which in this case means ‘goes out and looks around’). These findings are very important because

they illustrate well that even words that are considered to have ordinary meanings can often only be interpreted with careful caution only, i.e., it is not just expressions that are incomprehensible at first reading that can be challenging for learners.

It is worthwhile to compare the past tense verbs of the two ballads as well, given that the change, simplification in the grammar used for past tense also poses difficulties in education. The “A walesi bárdok” only contains past tense forms – *ment* ‘went (3 sg.)’, *szállt* ‘flew (3 sg.)’, *tetted* ‘put (2 sg.)’ – with the affix *-t* which is also in use today, however, the “Szondi két apródja” shows examples of verbs in past tense that can be considered formal archaisms: *feljöve* ‘came up (3 sg.)’, *vítt* ‘fought (3 sg.)’, *harcola* ‘fought (3 sg.)’, *állta* ‘stood (3 sg.)’, *vevé* ‘took (3 sg.)’, *ragyog vala* ‘shone (3 sg.)’. An elaborating on the details of the function of the different past tense forms should be refrained from here, but some morphological phenomena that are important for students need to be pointed out: 1. in the case of the verbs *feljöve* and *vevé*, not only is the suffix marking tense, but also the verb stem variant (*jöv-*, *vev-*) archaic; 2. in the case of *vevé*, *-é* not only marks the tense but also the definite conjugation; 3. the past tense of the *vítt* form does not differ from the version used today, but the root – *ví-* – does. These phenomena are closely related, but while in the first two cases the *-v* stem has now been pushed out of language use, in the third case it is precisely the one that has become widespread. Discussing these morphological issues is important, because they can be used to expand students’ literary and grammatical knowledge at the same time.

It is important that the students independently find the archaisms along with the words unknown to them in the analyzed writings and then determine their meanings with the help of the AranySz. On the one hand, this develops their dictionary skills (which are very different in nature from searching the Internet), and on the other hand, expands their vocabulary and their knowledge about vocabulary changes.

5. Summary

In the first part of the study, the authors dealt with the style-reforming work by János Arany while in the second part the typology and stylistic function of archaisms and historicisms took place. The third part briefly introduced the antecedents of the AranySz. and then described in detail the dictionary written by József Beke himself. In the fourth part, the use of the AranySz. in education was presented by the authors with the help of some conceptual (*bárd*, *koboz*), semantic (*ige*) and formal archaisms (*tereh*, *megől*, *körötte*) used in the ballad “A walesi bárdok” compared to the conceptual (*kopja*), semantic (*marha*, *máglya*) and formal archaisms (*feljöve*, *vítt*, *harcola*, *állta* etc.) of “Szondi két apródja”.

The present study is the first part of a greater work, in which the authors will use the methods of contrastive stylistics to analyze the archaisms, historicisms and vernacular expressions in a few of János Arany’s historical ballads and their Estonian, Slovak and Russian literary translations.

REFERENCES

Arany J. *Toldi. Költői elbeszélés* [Toldi. Narrative poem]. Budapest: Franklin-Társulat, 1880. 144 ol. In Hungarian.

AranySz. = Beke József (Ed.), *Arany-szótár. Arany János költői nyelvének szókészlete I–III.* [Arany dictionary. The vocabulary of János Arany’s poetic language I–III.]. Budapest: Anyanyelvápolók Szövetsége – Inter, 2017. 3010 ol. In Hungarian.

Balázs G. Megjelent az Arany-szótár [Arany’s dictionary has been published]. *Új Köznevelés*, 2017 a. Vol. 73. № 5. Pp. 22–25. In Hungarian.

Balázs G. Az írói szótár – a nemzet nyelvi múltjának átmentése [Writer’s dictionary – saving of the nation’s language past]. *Új Köznevelés*, 2017 b. Vol. 73. № 5. Pp. 26–29. In Hungarian.

Balázs G. Arany János szókincse, költői szótára [Lexicon and poetic dictionary of János Arany]. *E-nyelv Magazin*, 2017 c. URL: <http://e-nyelvmagazin.hu/2017/02/28/arany-janos-szokincse-koltoi-szotara/> (Last accessed October 10, 2017). In Hungarian.

BánkBSz. = Beke József (Ed.), *Bánk Bán-szótár* [Bánk Bán Dictionary]. Kecskemét: Katona József Társaság, 1991. 343 ol. In Hungarian.

Beke J. Archaikus elemek Arany János költői nyelvében [Archaic elements in poetic language of János Arany]. *Forrás*, 2017 a. Vol. 49. № 3. Pp. 39–80. In Hungarian.

Beke J. Arany szavainak félreértelmezése [Misinterpretation of Arany's words]. *E-nyelv Magazin*, 2017 b. URL: <http://e-nyelvmagazin.hu/2017/02/28/arany-szavainak-felreertelmezese/> (Last accessed October 10, 2017). In Hungarian.

Bokor J. Szókészlettan [Lexicology]. In A. Jászó A. (Ed.), *A magyar nyelv könyve*, 8. kiadás. [The book of Hungarian language, 8th edition]. Budapest: Trezor Kiadó, 2007. Pp. 164–196. In Hungarian.

ÉrtSz. = Bárczi G. – Országh L. (Gen. eds.), *A magyar nyelv értelmező szótára I–VII.* [The explanatory dictionary of the Hungarian Language I–VII.]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1978. 7383 p. In Hungarian.

Fábián P. Szathmári I. Terestyéni F. *A magyar stilsztika vázlatja* [Outline of Hungarian stylistics]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1958. 298 ol. In Hungarian.

Füredi M. Benkő László: az írói szótár [László Benkő: the writer's dictionary]. *Irodalomtörténeti Közlemények*, 1982. Vol. 86. № 4. Pp. 493–497. In Hungarian.

Heltainé Nagy E. Archaizmus [Archaism]. In Szathmári István (Ed.), *Alakzatlexikon. A retorikai és stilsztikai alakzatok kézikönyve* [The handbook of rhetorical and stylistic shapes]. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2008. Pp. 127–132. In Hungarian.

Horváth K. A kettősség retorikája. Arany János: Szondi két apródja [The rhetoric of duality. The two pages of Szondi]. In Füzfa B. (Ed.), *A tizenkét legszebb magyar vers 3. Szondi két apródja* [The twelve most beautiful Hungarian poems 3. The two varlets of Szondi]. Szombathely: Savaria University Press, 2009. Pp. 189–202. In Hungarian.

Lanstyák I. A lexikális archaizmusok rendszerezésének kérdéséhez [To the question of the systematization of lexical archaisms]. In Csehy Z. – Misad K. (Eds.), *Nova Posoniensia IV. A pozsonyi magyar tanszék évkönyve* [The yearbook of the Hungarian department in Pozsony]. Pozsony: Szenci Molnár Albert Egyesület, 2014. Pp. 11–43. In Hungarian.

Lőrincz G. Az írói szótárak hasznáról és alkalmazhatóságáról az anyanyelvoktatásban, különös tekintettel az Arany-szótárra [The use and applicability of the writer's dictionaries while teaching native language-concentrating on the Arany's Dictionary]. In Lőrincz J. – Lőrincz G. – Simon Sz. (Eds.), *Aranyul – magyarul* [Hungarian such as Arany]. Komárom: Selye János Egyetem, 2018. Pp. 71–94. In Hungarian.

Lőrincz J. Arany János archaizmusai és népies kifejezései a fordításokban [Archaisms and folk idioms of János Arany in translations]. In Lőrincz J. – Lőrincz G. – Simon Sz. (Eds.), *Aranyul – magyarul* [Hungarian such as Arany]. Komárom: Selye János Egyetem, 2018. Pp. 38–70. In Hungarian.

Martinkó A. A nyelvi archaizálás kérdéséről [Question of the language archaizing]. *Magyar Nyelvőr*, 1954. Vol. 78. № 1. Pp. 399–374. In Hungarian.

Minya K. Archaizmusok a Toldiban [Archaisms in the Toldi]. *Szabolcs-Szatmár-Beregi Szemle*, 2017. Vol. 52. № 4. Pp. 54–58. In Hungarian.

Minya K. *Változó szókincsünk* [Our changing vocabulary]. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2011. 155 ol. In Hungarian.

Nádasdy Á. Az archaizmus [The archaism]. *Magyar Narancs*, 2004. URL: http://seas3.elte.hu/delg/publications/modern_talking/52.html (Last accessed October 10, 2017). In Hungarian.

Szabó Z. *A magyar szépirói stílus történetének fő irányai* [The main directions of the history of Hungarian literary style]. Budapest: Corvina, 1998. 262 ol. In Hungarian.

Szathmári I. (Ed.) *A magyar stilsztika útja* [The way of Hungarian stylistics]. Budapest: Gondolat Kiadó, 1961. 700 ol. In Hungarian.

Szathmári I. *Stilsztikai lexikon. Stilsztikai fogalmak magyarázata szépirodalmi példákkal szemlélve* [Stylistic lexicon. Interpretation of stylistic concepts, illustrated by literary examples]. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2004. 250 ol. In Hungarian.

Sziksainé Nagy I. *Magyar stilsztika* [Hungarian stylistics]. Budapest: Osiris Kiadó, 2007. 752 ol. In Hungarian.

TESz. = Benkő L. (Gen. ed.), *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I–III.* [Historical-Etymological Dictionary of the Hungarian Language I–III.]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967–1976. 5260 p. In Hungarian.

ToldiSz. = Pásztor E. *Toldi-szótár. Arany János Toldijának szókészlete* [Toldi Dictionary. Vocabulary of János Arany's Toldi]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986. 271 ol. In Hungarian.

Tompa J. *A művészi archaizálás és a régi magyar nyelv* [The artistic archaizing and the ancient Hungarian language]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972. 353 ol. In Hungarian.

Tóth S. J. *Német – szlovák – magyar nyelvi összefüggések* [German – Slovak – Hungarian language correlations]. Szeged–Kassa–Brno: Gál Ferenc Hittudományi Főiskola – Rózsahegyi Katolikus Egyetem – Masaryk Egyetem, 2012. 135 ol. In Hungarian.

Tóth S. J. *Z funkčno-pragmatických aspektov kontaktovej a areálovej lingvistiky* [Functional-pragmatic aspects of the contact and areal linguistics]. Ružomberok: VERBUM, 2013. 104 p. In Slovak.

ÚMTsz. = B. Lőrinczy É. (Gen. ed.), *Új magyar tájszótár I–V.* [New Hungarian Dialectal Dictionary I–V.]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979–2010. 5433 ol. In Hungarian.

Zsemlyei J. *A mai magyar nyelv szókészlete és szótárai* [The lexicon and dictionaries of present-day Hungarian language]. Kolozsvár: Erdélyi Tankönyvtanács, 2002. 87 ol. In Hungarian.

Received 21.05.2021

Lőrincz Gábor,

PhD in Linguistics, Assistant professor,
Department of Hungarian Language and Literature J. Selye University
3322, Bratislavská cesta, Komárno, 94501, Slovakia
e-mail: lorinczg@ujvs.sk

Lőrincz Julianna,

Habil., PhD in Linguistics, Associate professor,
Department of Hungarian Language and Literature J. Selye University
3322, Bratislavská cesta, Komárno, 94501, Slovakia
e-mail: jel2ster@gmail.com

Tóth Szilárd Tibor,

PhD in Linguistics, Estonian Lecturer,
University of Tartu Narva College,
2, Raekoja plats, Narva, 20307, Estonia,
e-mail: szilard.toth@ut.ee, tothsz@t-online.hu

Габор Леринц, Юлианна Леринц, Силард Тот

АРХАИЗМЫ ВЕНГЕРСКОГО ПОЭТА ЯНОША АРАНЯ И ТРУДНОСТИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-414-423

Великий венгерский поэт Янош Арань (1817–1882), автор народных и исторических стихотворений и поэм, сыграл важную роль в развитии венгерского литературного языка и стиля и одновременно – в кодификации венгерского языка.

В первой части статьи предложено толкование и типология архаизмов и историзмов, а также рассмотрена стилистическая функция архаизмов и историзмов в литературе на примере произведений Яноша Араня.

Во второй части представлены издания, предшествующие словарю Араня, и словарь *Arany-szótár. Arany János költői nyelvének szókészlete* (Словарь Араня. Словарный состав поэтического языка Яноша Араня), составленный Йожефом Беке. Словарь был опубликован в 2017 г. в честь 200-летия со дня рождения поэта. В этой же части авторы, опираясь на словарь Араня, рассмотрели важнейшие архаические слова и выражения в балладе *Пажи Сонди* и *Уэльские барды*. Например, выявлены понятийные архаизмы в балладе *Пажи Сонди kelevéz* 'копье, пика', *korja* 'копье'; формальные архаизмы *állá* 'стоял', *feljöve* 'поднялся', *vitt* 'бился', *harcola* 'боролся', *hulla* 'упал' (в бою); семантические архаизмы *tarha* 'скот', *máglya* 'костер'.

В балладе *Уэльские барды* рассмотрены формальные архаизмы *tereh* 'груз, тяжесть', *megöl* 'убивает', *körötte* 'вокруг него'; понятийные архаизмы, т.е. историзмы *bárd* 'бард', *koboz* 'кобза'. Авторы указали и на трудности, возникающие у учащихся при анализе художественного языка произведений Араня, именно из-за его архаичности.

Статья является первой частью большой работы. Во второй статье предполагается сопоставить архаизмы и историзмы в оригинальных исторических балладах Араня и в их русских, словацких и эстонских художественных переводах с применением метода контрастивной стилистики.

Ключевые слова: архаизмы, понятийные, семантические и формальные архаизмы, историзмы, поэтический словарь.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 414–423. In Russian.

Поступила в редакцию 21.05.2021

Леринц Габор,
доктор философии (PhD), языковедение,
старший преподаватель, кафедра венгерского языка и литературы,
Университет им. Яноша Шейе,
94501, Словакия, Комарно, Братиславская цеста, 3322
e-mail: loginczg@ujjs.sk

Леринц Юлианна,
хабил. доктор (PhD), языковедение,
доцент, кафедра венгерского языка и литературы,
Университет им. Яноша Шейе,
94501, Словакия, Комарно, Братиславская цеста, 3322
e-mail: jel2ster@gmail.com

Тот Силард Тибор,
доктор философии (PhD), языковедение
преподаватель эстонского языка,
Нарвский колледж, филиал Тартуского университета,
20307, Эстония, Нарва, Ратушная площадь, 2
e-mail: szilard.toth@ut.ee, tothsz@t-online.hu

В. П. Миронова, Л. И. Иванова

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СКАЗОЧНОЙ
И ПРИЧЕТНОЙ ТРАДИЦИИ КАРЕЛОВ
(НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВ А. С. СТЕПАНОВОЙ)¹**

Статья посвящена обзору научных трудов карельского фольклориста, кандидата филологических наук, Заслуженного деятеля науки Карелии Александры Степановны Степановой. Кратко представлена ее биография, рассматривается собирательская и научная деятельность исследователя, проанализирован вклад в изучение карельской причетной традиции и народной культуры в целом. За время своей деятельности в ИЯЛИ КарНЦ РАН А. С. Степанова осуществила более пятидесяти экспедиционных выездов в различные районы Карелии; ею зафиксирован языковой и фольклорно-этнографический материал от представителей всех групп карелов, проживающих как на территории Республики Карелия, так и в сопредельных областях. Она является автором-составителем ряда научных сборников, автором монографий и более 50 статей. Исследователем впервые введены в научный оборот образцы карельских причитаний, выполнены их переводы на русский язык. Особая заслуга А. С. Степановой состоит в составлении «Словаря языка карельских причитаний», появление которого дало начало развитию нового направления в карельской науке – лингвофольклористики. В настоящее время труды исследователя востребованы научным сообществом как в России, так и за рубежом. Свидетельство этого – почетные звания иностранного члена-корреспондента Общества финской литературы (Suomalaisen kirjallisuuden seura), Общества Калевалы (Kalevalaseura), Финно-угорского общества (Suomalais-ugrilainen seura). Научные сборники и хрестоматии по карельскому фольклору, подготовленные Александрой Степановной, активно используются при изучении родного (карельского) языка, устного народного творчества и народной культуры в вузах и школах республики. Книги А.С. Степановой популярны также среди всех, кто интересуется народной культурой.

Ключевые слова: карельский фольклор, А. С. Степанова, карельские причитания, толковый словарь, лингвофольклористика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-424-432

Изучение карельской фольклорной традиции неразрывно связано с именами известных ученых Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН), посвятивших этой деятельности большую часть своей жизни. Александра Степановна Степанова является одним из старейших фольклористов Карелии. Она проработала в научном учреждении без малого 45 лет, подготовив за это время монографию, ряд двуязычных научных сборников с развернутым научным аппаратом, толковый словарь причетной лексики и написав десятки статей по фольклористике. Ее по праву можно назвать основным исследователем жанра и традиции причитывания,

¹ Статья посвящена 90-летию Института ЯЛИ КарНЦ РАН и юбилею одного из старейших его сотрудников – Александры Степановны Степановой.

а также первым лингвофольклористом Карелии. Имя Александры Степановны широко известно среди финно-угроведов не только в России за пределами Республики Карелия, но и за рубежом.

А. С. Степановна родилась 30 августа 1930 г. в небольшой карельской деревушке Шомбозеро (ныне Калевальский район Республики Карелия). Это был край искусных рунопевцев, и она успела застать живое бытование традиционных фольклорных жанров. В 1938 г. она пошла в школу в деревне Хайколя, там первые три года все обучение осуществлялось на карельском языке. Затем началась война, и учебу в Ухтинской средней школе удалось продолжить только после возвращения из эвакуации. Когда Сантра (так ее звали в детстве) училась в девятом классе, преподавать литературу и русский язык у нее начала в будущем известный фольклорист У. С. Конкка – человек, сыгравший огромную роль в жизни Александры Степановны. Именно под влиянием Унелмы Семеновны она решила поступить на финно-угорское отделение историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета. После окончания вуза в 1957 г. она в течение пяти лет проработала преподавателем русского языка и литературы. В 1962 г. по приглашению У. С. Конкка, которая в то время уже работала в ИЯЛИ, А. С. Степанова приступила к исследовательской работе. У. С. Конкка стала ее первым научным наставником, а совместная работа над общей темой способствовала быстрому обучению тонкостям научного исследования [У истоков карельской фольклористики 2010, 5-14; Миронова, Иванова 2020].

Уже в декабре этого же года Александра Степановна вместе с Д. М. Балашовым, который позже станет известным писателем, совершила свою первую фольклорно-этнографическую экспедицию на Кольский полуостров. На протяжении многих десятилетий этой нелегкой экспедиционной работе будет посвящен каждый летний сезон. Первая экспедиция, как и многие последующие, была долгосрочной и длилась тридцать пять дней. В те годы собирателям карельского фольклора приходилось передвигаться по бездорожью, часто пешком, с тяжелыми рюкзаками и аудио-записывающей техникой. Фольклорного материала было много, но магнитофонную пленку следовало экономить и фиксировать только жанровый и обрядовый фольклор, а не всю беседу, в которой также было много интереснейших историко-этнографических деталей и другой информации.

А. С. Степанова объездила с магнитофоном (а на первых порах это была многокилограммовая техника) всю Карелию, побывала без малого в ста населенных пунктах и успела зафиксировать еще достаточно активно бытовавшую народную традицию. В экспедициях в 1963 и 1972 гг. ей удалось посетить карелов, живших на самом севере (Колвица, Княжая губа, Умба, Нильмогуба, Зашеек, Софпорог и др.). А. С. Степанова подробно зафиксировала фольклорную традицию калевальских, а также беломорских, тунгудских, ребольских и ругозерских карелов. Только в Калевалу с 1963 по 2006 гг. Александра Степановна выезжала 11 раз, в Кепу – 12. Вторая половина XX в. была посвящена фронтальному исследованию сегозерских карелов (Сондалы, Паданы, Карельская Масельга, Мяндусельга и др.). Именно здесь она нашла свою главную причитальщицу Парасковью Савельеву, от которой и записала большое количество плачей в течение трех десятилетий (с 1970 по 2001 гг.). Подробно был записан фольклор южных карелов, ливвиков и людиков. На их территории были обследованы десятки деревень (Улялега, Колатсельга, Ведлозеро, Видлица, Погранкондуши, Тукса, Мегрега, Киндасово, Соломенное и др.). В экспедиции А. С. Степанова выезжала вместе с У. С. Конкка, Н. А. Лавонен, Р. П. Ремшуевой, П. И. Лукиной и другими сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН. Она успела передать свой богатый экспедиционный опыт и младшему поколению. Одна из последних экспедиций, которой она руководила, состоялась к подужемским карелам в 2000 г. совместно с В. П. Мироновой и Л. И. Ивановой. Тогда удалось подробно зафиксировать полную трагизма историю и фольклор (в том числе и старообрядческий), который бытовал на территории деревень, затопленных во время строительства Кемской гидроэлектростанции.

С 1962 по 2006 гг. Александра Степановна побывала более чем в пятидесяти экспедициях и собрала свыше 300 часов аудиозаписей самого разнообразного фольклорно-этнографического

материала. Это и фольклорные тексты практически всех жанров (от эпических и лиро-эпических песен, заговоров, причитаний, ёйг, сказок и быличек до кумулятивных песен, детского фольклора и паремий), постепенно уходящие из повседневного бытования обряды и ритуалы (родильные, свадебные, похоронные, лечебные, календарные).

Особо следует отметить, что основное внимание в своей собирательской деятельности А. С. Степанова сосредоточила на причитаниях, жанре очень сложном для записи, импровизационном, тесно связанном с ритуалом и в какой-то мере «тайном» для уха посторонних людей. Поэтому собирателю надо было обладать особым искусством и умением расположить к себе информанта, чтобы он мог довериться и открыть самое сокровенное в своей жизни и в душе.

Весь богатейший собранный материал обработан и сдан Александрой Степановной в Фонограммархив ИЯЛИ. Ею составлены и в последние годы проверены подробные описи всех записанных ею аудиокассет. Многие собранные материалы она сама расшифровала и перевела на русский язык. Все расшифровки также систематизированы и хранятся в Научном архиве КарНЦ РАН [У истоков карельской фольклористики 2010, 33–89]. При участии А. С. Степановой ГТРК «Карелия» сняла серию научно-популярных фильмов, в том числе с фиксацией причетной традиции.

Научная деятельность А. С. Степановой в ИЯЛИ началась с составления сборника «*Карельские народные сказки: (Южная Карелия)*» [Карельские народные сказки: Южная Карелия, 1967]². Вместе со своим наставником У. С. Конкка она не только систематизировала отобранные для издания сказки, но и занималась подготовкой комментариев к ним. Подобная работа давала возможность погрузиться в фольклорный текст, вычленив отдельные сюжеты, мотивы и их контаминации. Следующий сборник также был посвящен сказочной традиции, он был рассчитан на широкую публику и знакомил читателей с сатирическими сказками, повествующими о приключениях глупцов из небольшой карельской деревни Киндасово [Были-небылицы=Kaskuja 1973]. Книга оказалась достаточно популярной и в настоящее время выдержала уже два переиздания [Были-небылицы=Kaskuja 2004; Были-небылицы 2019]. Следует отметить, что указанный академический сказочный сборник до настоящего времени является единственной публикацией, представляющей традицию бытования этого жанра среди карелов.

Позднее центр научных интересов Александры Степановны переместился к довольно распространенному, но практически неизученному жанру карельской культуры – причитаниям. Внимание к нему возникло неслучайно, практически одновременно с карельскими учеными сбором материала и составлением сборников плачей занимались исследователи других финно-угорских традиций. К примеру, мордовские ученые подготовили целый ряд сборников причитаний. Образцы плачевых текстов были опубликованы в сборниках, отражающих эстонскую и ингерманландскую культуры. Помимо публикаций текстов, в российской финно-угорской фольклористике стали появляться и научные статьи на данную тематику. Аналогичная работа проводилась и за рубежом силами финских ученых. Все это, несомненно, способствовало выбору темы для дальнейшей научно-исследовательской работы. Кроме того, А. С. Степановой удалось услышать живое исполнение свадебных и похоронных плачей, познакомиться с талантливыми вопленицами Карелии, зафиксировать от них этот богатый материал. Совокупность полученного эмпирического материала стала импульсом к подготовке научного сборника «*Карельские причитания*» [Карельские причитания 1976], составленного совместно с музыковедом Т. А. Коски. В издание вошло 233 текста свадебных, похоронных и бытовых причитаний, систематизированных по географическому признаку, и 44 напева. Представлена вся тематика плачей по северной, средней и южной Карелии. В ходе подготовки сборника исследователем была проведена огромная работа по расшифровке текстов, впервые введен в научный оборот широкий пласт карелоязычных причитаний с их переводом на русский язык. Книгу предваряет глубокая и информативная вступительная статья, в которой описаны особенности причетной традиции у разных

² Сборник является второй книгой из серии «Карельские народные сказки». Первый был посвящен региону Северной Карелии и вышел в свет в 1963 г.

локальных групп карелов, история собирания и характерные черты карельских плачей, а также представлены образы наиболее известных исполнительниц. Сборник снабжен большим научным аппаратом: расширенными примечаниями, указателем исполнителей, таблицами собирания причитаний, нотным приложением. В нотировках каждая причитальщица была представлена одним, характерным для ее исполнения напевом, который является основой для сопровождения всех плачей. Александра Степановна подготовила и тематический указатель по всем видам плачей: похоронным, свадебным и бытовым. В рецензии, появившейся после выхода книги, ее авторы И. Н. Рюитель и К. В. Чистов высоко оценили вклад составителя, указывая на «исключительно сложный для перевода язык причитаний. В условиях ритуального табуирования терминов родства и некоторых обрядовых терминов возникла весьма последовательная система иносказаний («метафорических замен»), очень тесно связанных не только с лексическими, словообразовательными или синтаксическими, но и с фонетическими и акцентуальными особенностями карельского языка» [Рюитель, Чистов 1978, 179].

После составления сборника изучение причитаний продолжилось в рамках диссертационного исследования, в котором особое внимание было уделено языку этого жанра. Эта работа проводилась под пристальным вниманием ведущих отечественных фольклористов: консультировал А. С. Степанову Б. Н. Путилов, а в качестве оппонента выступил К. В. Чистов. В 1980 г. в Институте мировой литературы им. М. Горького (г. Москва) была успешно защищена диссертация «Функционирование системы метафорических замен в карельских причитаниях». Позже на ее основе была подготовлена монография «*Метафорический мир карельских причитаний*» [Степанова 1985], в которой предметом скрупулезного исследования становятся термины родства. А. С. Степанова классифицировала и подробно рассмотрела способы обозначения свадебных персонажей. Названная работа стала первой монографией, в которой подробно проанализирован иносказательный язык карельских плачей, выявлена его функция в контексте других поэтических приемов. Известный этномузыковед Т. В. Краснопольская высоко оценила это исследование, назвав его одной из вершин в изучении поэтики причитаний, представляющих системное описание ключевых особенностей ритуального языка причеты всех регионов Карелии [Краснопольская 2002, 19–27].

В дальнейшем диапазон научных интересов Александры Степановны значительно расширился. Ею были написаны более 50 статей на русском и финском языках. В них она наряду с анализом языка карельской плачевой традиции и поиском параллелей с севернорусскими причитаниями обращалась к изучению южнокарельской эпической песни, описанию специфики карельской ёйги и локальной традиции тунгудских карелов. Особое внимание исследователя привлекали носители фольклорных традиций, с некоторыми из них у нее сложились многолетние доверительные отношения. Наиболее значимые труды позднее были отобраны самим исследователем для отдельного сборника «*Карельские плачи: специфика жанра*» [Степанова 2003].

Следует отметить, что А. С. Степанова всегда обращалась к малоизученным и малоизвестным темам. Результатом этих поисков неизведанного становились новые книги. К их числу относится сборник «*Карельские ёйги*» [Карельские ёйги 1993], увидевший свет в 1993 г. Подготовленная совместно с коллегами-фольклористами Н. А. Лавонен и К. Х. Раутио книга представила распространенную у северных карелов традицию ёйг. Ритуализированный жанр, сопровождавший, как правило, переходные ситуации календарного или жизненного цикла, являлся сложным как для фиксации, так и для перевода в силу особой манеры исполнения и табуированного языка. Во вступительной статье к сборнику были обозначены ареалы распространения ёйг, их функции, отмечены основные поэтические особенности. Корпус текстов в сборнике сопровождает научный аппарат, основным преимуществом которого является словарь поэтического языка ёйг. Книга стала востребованной не только среди фольклористов, а также в кругу этномузыковедов. Появление издания способствовало популяризации жанра ёйг как в Финляндии, так и в Карелии; сейчас многие исполнители по обе стороны границы включают их в свой репертуар.

В 2007 г. вышел в свет сборник «Устная поэзия тунгудских карел» [Устная поэзия тунгудских карел 2000], подготовленный А. С. Степановой. Автор обращается к фольклорной традиции карелов, проживавших в бывших Маслозерской, Тунгудской и Шузерской волостях (ныне Беломорский район). Своеобразие данной устной традиции заключалось в том влиянии на традиционный карельский фольклор, которое оказала близость русских поселений Поморья и Соловецкого монастыря и в целом широко распространенное в этом регионе старообрядчество. Как пишет А. С. Степанова, религиозность населения в данном районе была «более осознанной. <...> В силу того, что регион являлся местом пребывания приверженцев иных вероучений, противников официальной церкви, преследования и гонения на них продолжались и здесь. Это также наложило отпечаток на умонастроения местных жителей, нашло отражение и в области духовной культуры. Например, именно в этом регионе записано относительно большое количество преданий о «сожженцах» – «самосожженцах» – “*palanuizet*”» [Устная поэзия тунгудских карел 2000, 21]. В книге представлены образцы всех жанров устно-поэтической традиции карелов данной локальной традиции, а также сказочная и несказочная проза.

Будучи истинной карелкой, А. С. Степанова не могла остаться в стороне от процессов, происходивших в Республике Карелия в начале 1990-х гг. Это был период роста интереса к карельскому языку и культуре, создания карельской письменности. Вузы и школы, приступившие к обучению карельскому языку, нуждались в специальной литературе. Именно в эти годы увидели свет хрестоматии по фольклорному наследию карелов на карельском [Aukaisen sanaisten arkun: Хрестоматия по карельскому фольклору для учащихся школ Карельской АССР 1991] и русском языках [Песенный открою короб: Хрестоматия по карельскому фольклору для учащихся школ Республики Карелия 1993]. Кроме того, А. С. Степанова, как и другие ее коллеги, включилась в вузовский образовательный процесс: она читала лекции по устному народному творчеству карелов, руководила курсовыми и дипломными работами. Особое внимание уделялось и пропаганде научных знаний среди широких масс населения.

Самым значимым научным исследованием А. С. Степановой по праву можно считать «Толковый словарь языка карельских причитаний» [Степанова 2004]. Работа над ним продолжалась в течение 9 лет. Создание подобного словаря было под силу исследователю, который имел огромный опыт работы с причетными текстами и с фольклорными текстами в целом, свободно владел карельским языком и прекрасно знал традицию причитывания. А. С. Степанова отмечала, что «поэтический строй <причитаний> отличается от поэтики других фольклорных жанров уникальностью образной системы. Самой отличительной, истинно карельской, чертой его является исключительно развитая метафоричность, связанная с иносказанием, что придает языку этого древнего жанра таинственность и загадочность. Основа иносказательного языка плачей кроется в многочисленных табу, запретах на определенные имена, термины, названия многих явлений, понятий и т.д.» [Степанова 2004, 2]. Первые записи карельских причитаний сделал Элиас Леннрот в 1835 г. в селе Ругозеро на севере Карелии. Неслучайно он был шокирован манерой исполнения плачей, которые кардинально отличались от привычных для него рун и по языку, и по поэтике, и по способу подачи материала.

Словарь разделен А. С. Степановой на два больших раздела. Первый представляет собой свод иносказательной лексики, в котором представлены различные термины родства (мать, дитя, родители и т.д.), наименования предметов, явлений, понятий, а также употребляемые в причети русские заимствования. Автор распределил лексику в 70 тематических разделов, каждый из которых имеет краткое пояснение. Внутри раздела двуязычный список систематизирован в зависимости от способа образования: вычленяются односоставные, двусоставные и сложные метафорические замены. Дальнейшая градация ориентирована на ареал бытования. При этом учитываются три локальные традиции причитывания: севернокарельская, среднекарельская и южнокарельская. Вторая часть посвящена толкованию семантики и функций отдельных лексем в причитаниях. Словарные статьи, расположенные в алфавитном поряд-

ке, снабжены многочисленными примерами. Особое внимание уделено переводам, причетная лексика сначала переведена буквально, а затем раскрывается ее семантика в контексте причитания.

Немаловажно, что в эту часть словаря включены асемантические слова, так называемые слова-вставки, используемые причитальщицами для сохранения определенного ритма, аллитерации. Неопытному фольклористу или лингвисту довольно сложно работать с причетным текстом, предложения которого насыщены сложными конструкциями и подобными асемантическими словами-вставками. Зачастую только обращение к словарю А.С. Степановой позволяет перевести интересующий текст с карельского языка на русский и понять его.

Отдельно рассмотрена заимствованная лексика, усвоенная носителями в течение длительного времени из русского языка. По мнению С. В. Супряга, данный раздел дает исследователям богатую почву для изучения взаимного влияния культур, поскольку заимствованные из русского языка слова, по преимуществу религиозная, церковная лексика, соотносимая с христианской обрядностью, играли немаловажную роль. Их использование было связано не только с необходимостью расширения словарного запаса, но, прежде всего, для соблюдения приемов иносказания, аллитерации и параллелизма [Супряга 2019, 357–361].

«Толковый словарь языка карельских причитаний» стал первой лингвофольклористической работой, выполненной карельскими исследователями устной народной поэзии, он дал начало развитию нового направления филологической науки в ИЯЛИ КарНЦ РАН. В настоящее время Толковый словарь переведен на финский язык [Stepanova 2012], что, несомненно, расширило круг исследователей, получивших возможность заниматься разносторонним изучением данного жанра.

Научное издание активно используется исследователями многих специальностей: фольклористами, этномузыковедами, лингвистами, которые обращаются, в первую очередь, к карельским причитаниям. Большим подспорьем словарь является и для тех, кто изучает и другие фольклорные жанры: к примеру, эпические песни, ёйги, сказки, отчасти – колыбельные песни, загадки и пословицы, поскольку и в этих жанрах сохранилась табуированная архаичная лексика.

Отметим попутно, что материал причитаний и толкование различных метафор и сравнений, используемых исполнителями для изображения явлений окружающего мира, до настоящего времени является актуальной темой российских фольклоритов [Рогачев, Ваганова, Мингазнова 2019].

В 2007 г. А. С. Степанова ушла на заслуженный отдых, но не прекратила научной деятельности. В 2017 г. на собственные средства она издала книгу *«Помни корни свои: воспоминания о Шомбозере и история моего рода»* [Степанова 2017]. В ней собраны уникальные архивные материалы и личные воспоминания Александры Степановны. Книга – дань памяти родным местам и всем, кто вырастил ее, привил любовь и вдумчивое отношение к народной культуре и звучащему слову и помог выбрать путь ученого-фольклориста. В 2020 г. эта книга была дополнена новым фольклорно-этнографическим материалом, записанным от жителей Шомбозера, и переведена на северно-карельское наречие карельского языка. В результате ее объем значительно вырос; в уже переработанном виде она увидела свет в Финляндии [Stepanova 2020].

В 2019 г. был переиздан сборник сатирических сказок *“Zuakkunoi”/«Были-небылицы»* [Zuakkunoi / Были-небылицы 2019]. Байки села Киндасово представлены на ливвиковском наречии карельского языка с переводом на русский. А. С. Степанова, составитель и переводчик сборника, проделав большую поисковую работу в Научном архиве КарНЦ и в Фонограммархиве ИЯЛИ, смогла выявить четыре совершенно новых сюжета, не включенных в первое издание.

Научная деятельность А. С. Степановой всецело была посвящена изучению карельской фольклорной традиции, причем на протяжении исследовательской карьеры она занималась различными, чаще всего малоизученными жанрами. Благодаря ей накоплен богатый фонд аудиоматериалов карельского устного народного творчества, были подготовлены и опубликованы разножанровые сборники, увидел свет толковый словарь языка карельских причитаний, дав-

ший начало новому направлению изучения фольклорных текстов в рамках Института ЯЛИ КарНЦ РАН.

В августе 2020 г. Александра Степановна отметила свое 90-летие, но, несмотря на возраст, она продолжает заниматься наукой, консультирует младших коллег и готовит к изданию сборник карельских причитаний, записанных от Парасковьи Савельевой.

ЛИТЕРАТУРА

Были-небылицы=Kaskuja / сост. и пер. А. С. Степановой. Петрозаводск: Карелия, 1973. 95 с.; *Были-небылицы=Kaskuja: сказки-анекдоты на карел. и рус. яз.* / сост. и пер. А. С. Степанова. Петрозаводск: Карелия, 2004. 96 с.; *Были-небылицы* / сост. и пер. А. С. Степанова. Петрозаводск: Периодика, 2019. 101 с.

Карельские ёйги / изд. подгот. Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, К. Х. Раутио. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 239 с.

Карельские народные сказки: (Южная Карелия) / вступ. ст. У. С. Конкка, подгот. текста и примеч. У. С. Конкка и А. С. Тупицыной. Л.: Наука, 1967. 520 с.

Карельские причитания / изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск: Карелия, 1976. 534 с.

Краснопольская Т. В. Вопросы целостного изучения музыкально-поэтического текста карельского причитания // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Международной школы молодого фольклориста, Архангельск, 06–08 июня 2001 года. Архангельск: Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2002. С. 19–27.

Миронова В. П., Иванова Л. И. К девяностолетию А. С. Степановой. Электронный ресурс // Альманах северноевропейских и балтийских исследований. Выпуск 5. 2020. URL: <http://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=1562> (дата обращения 21. 04.2021).

Песенный открою короб: Хрестоматия по карельскому фольклору для учащихся школ Республики Карелия / изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск: Карелия, 1993. 199 с.

Рогачев В. И., Ваганова Е. Н., Мингазонова Л. И. Функционирование растительного кода в традиционной культуре народов Поволжья (на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 3. С. 439–445.

Рюйтель И. Н., Чистов К. В. Карельские причитания // Советская этнография. 1978. № 5. С. 178–181.

Степанова А. С. Карельские плачи: специфика жанра (избр. ст.). Петрозаводск: Периодика, 2003. 216 с.

Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний. Л.: Наука, 1985. 221 с.

Степанова А. С. Помни корни свои: воспоминания о Шомбозере и история моего рода. Петрозаводск: Периодика, 2017. 190 с.

Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.

Супряга С. В. Толковый словарь языка карельских причитаний А. С. Степановой как материал для изучения процесса взаимного влияния культур // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений. Краснодар: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 05 декабря 2019 года ИП Дорофеев В. Ю., 2019. С. 357–361.

У истоков карельской фольклористики. Вып. 2. К 80-летию А. С. Степановой. Биография, библиография, опись архивных материалов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 92 с.

Устная поэзия тунгудских карел / изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск: Периодика, 2000. 383 с.

Aukaisen sanaisen arkun: Хрестоматия по карельскому фольклору для учащихся школ Карельской АССР / изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск: Карелия, 1991. 222 с.

Stepanova A. Elämäni polku. Helsinki: Kirjapaino Libris Oy, 2020. 368 s.

Stepanova A. Karjalaisen itkuvirsikielen sanakirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2012. 226 s.

Поступила в редакцию 25.03.2021

Миронова Валентина Петровна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11,
e-mail: tutkija@mail.ru

Иванова Людмила Ивановна,

научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,

185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11,

e-mail: ljuchiki@mail.ru

V. P. Mironova, L. I. Ivanova

MORE ON THE STUDY OF THE FOLKLORE TRADITION OF KARELIANS

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-424-432

The article is a review of scholarly works by Karelian folklore researcher, Cand. Sci. (Philology), Merited Scientist of Karelia Alexandra Stepanovna Stepanova. Her biography is briefly presented, the collecting and scientific activity of the researcher is examined, the contribution to the study of the Karelian lamentation tradition and folk culture as a whole is analyzed in the article. A. S. Stepanova made more than fifty expedition trips to the various regions of Karelia during her working at the ILLH KRC RAS, she recorded language and folklore-ethnographic material from representatives of all groups of Karelians living both in the Republic of Karelia and in the neighbouring territories. She is the author of a number of scientific collections, monographs and more than 50 articles. She introduced the samples of the Karelian lamentations into the scientific circulation for the first time, as well as their translations into Russian. A special merit of A. S. Stepanova consists in compiling the “Dictionary of the language of Karelian lamentations”, the appearance of which has set a new direction in Karelian science – linguistic folkloristics. Nowadays, the researcher’s scientific works stay relevant among the scientific community both in Russia and abroad. The honorary titles of a foreign corresponding member of the Society of Finnish Literature (Suomalaisen kirjallisuuden seura), of the Kalevala Society (Kalevalaseura), of the Finno-Ugric Society (Suomalais-ugrilainen seura) are the evidences of this. Scientific collections and anthologies on Karelian folklore are actively used for the study of the native (Karelian) language, oral folk art and folk culture in the universities and schools of the Republic of Karelia. In addition, Stepanova’s books are popular among all the people who express the interest in the folk culture.

Keywords: Karelian folklore, A. S. Stepanova, Karelian lamentations, explanatory dictionary, linguistic folkloristics.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 424–432. In Russian.

REFERENCES

Byli-nebylitsy=Kaskuja [Byl’-nebylitsy=Kaskuja] / ed. composition A. S. Stepanova. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1973. 95 p.; *Byli-nebylitsy=Kaskuja: skazki-anekdoty na karel. i rus. yaz.* [Byl’-nebylitsy = Kaskuja: fairy tales-humorous anecdotes on Karel. and Rus. lang.] / ed. composition A. S. Stepanova. Petrozavodsk, Kareliya, 2004. 96 p.; *Byli-nebylitsy* [Byl’-nebylitsy] / ed. composition A. S. Stepanova. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2019. 101 p. In Karelian, Russian.

Karel’skie eigi [Karelian eggs] / ed. composition N. A. Lavonen, A. S. Stepanova, K. Kh. Rautio. Petrozavodsk, Karel’skii nauchnyi tsentr RAN Publ., 1993. 239 p. In Karelian, Russian.

Karel’skie narodnye skazki: (Yuzhnaya Kareliya) [Karelian folk tales. South Karelia] / ed. composition U. S. Konkka and A. S. Tupitsyna. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 520 p. In Karelian, Russian.

Karel’skie prichitaniya [Karelian lamentations] / ed. composition A. S. Stepanova, T. A. Koski. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1976. 532 p. In Karelian, Russian.

Krasnopol’skaya, T. V. *Voprosy tselostnogo izucheniya muzykal’no-poeticheskogo teksta karel’skogo prichitaniya* [Issues of a holistic study of the musical and poetic text of the Karelian Lamentation]. *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental’naya tekstologiya. Materialy V Mezhdunarodnoi shkoly molodogo fol’klorista, Arkhangel’sk, 06–08 iyunya 2001 goda.* [Complex collection, taxonomy, experimental textology. Materials of the V International School of Young Folklorist. Arkhangelsk, 06-08 June 2001]. Arkhangelsk, Pomorskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova Publ., 2002. Pp. 19–27. In Russian.

Mironova V. P., Ivanova L. I. K 90 letiyu A. S. Stepanovoi [To the 90th anniversary of Aleksandra Stepanova]. *Al’manakh severnoevropeiskikh i baltiiskikh issledovanii* [Nordik and Baltic studies review], 2020. № 5. URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=1562> (accessed 21.04. 2021). In Russian.

Pesennyi otkroyu korob: Khrestomatiya po karel'skomu fol'kloru dlya uchaschchikhsya shkol Respubliki Kareliya [I will open the song box: A textbook on Karelian folklore for school students of the Republic of Karelia] / ed. composition A. S. Stepanova. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1991. 199 p. In Karelian, Russian.

Rogachev V. I., Vaganova E. N., Mingazova L. I. Funkcionirovanie rastitel'nogo koda v traditsionnoj kul'ture narodov Povolzh'ja (na primere fol'klora mordvy-jerzi i mokshi) [The vegetal code functioning in the traditional culture of the peoples of the Volga region (on the example of the folklore of the Mordva-Erzya and Moksha)]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2019. Vol. 13. Issue 3. Pp. 439–445. In Russian.

Rjujtel' I. N., Chistov K. V. Karel'skie prichitaniya [Karelian lamentations]. *Sovetskaja jetnografiya* [Soviet Ethnography], 1978. № 5. Pp. 178–181. In Russian.

Stepanova A. S. *Karel'skie plachi: spetsifika zhanra* [Karelian lamentations: the specifics of the genre]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2003. 216 p. In Russian.

Stepanova A. S. *Metaforicheskii mir karel'skikh prichitanii* [The metaphorical world of Karelian lamentations]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 221 p. In Russian.

Stepanova A. S. *Pomni korni svoi: vospominaniya o Shombozere i istoriya moego roda* [Remember your roots: memories of Shombozer and the history of my family]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2017. 190 p. In Russian.

Stepanova A. S. *Tolkovyy slovar' yazyka karel'skikh prichitanii* [Explanatory dictionary of the language of Karelian lamentations]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2004. 304 p. In Karelian, Russian.

Supryaga S. V. "Tolkovyi slovar' yazyka karel'skikh prichitanii" A. S. Stepanovoi kak material dlya izucheniya protsessa vzaimnogo vliyaniya kul'tur ["Explanatory dictionary of the language of Karelian lamentations" by A. S. Stepanova as a material for studying the process of mutual influence of cultures]. *Etnos i obshchestvo v kontekste mezhnatsional'nykh otnoshenii*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 05 dekabrya 2019 goda. [Ethnos and society in the context of Interethnic relations]. Krasnodar, IP Dorofeev V. Yu. Publ., 2019. Pp. 357–361. In Russian.

U istokov karel'skoi fol'kloristiki. Vyp. 2. K 80-letiyu A. S. Stepanovoi. Biografiya, bibliografiya, opis' arhivnykh materialov. [At the origins of Karelian folklore. Vol. 2. [To the 80th anniversary of A. S. Stepanova. Biography, bibliography, inventory of archival materials]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnyj centr RAN Publ., 2010. 92 p. In Russian.

Ustnaya poeziya tungudskikh karel [Oral poetry of the Tungudian Karelians] / ed. composition A. S. Stepanova. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2000. 383 p. In Karelian, Russian.

Aukaisen sanaisen arkun: Хрестоматия по карельскому фольклору для учащихся школ Карельской АССР [Aukaisen sanaisen arkun. A textbook on Karelian folklore for school students of the Karelian ASSR] / ed. composition A. S. Stepanova. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1991. 222 p. In Karelian, Russian.

Stepanova A. *Elämäni polku*. Helsinki : Kirjapaino Libris Oy, 2020. 368 s. In Karelian.

Stepanova A. *Karjalaisen itkuvirsikielen sanakirja*. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2012. 226 s. In Karelian, Finnish.

Received 25.03.2021

Mironova Valentina Petrovna,

Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher,
Institute of Linguistics, Literature and History, KarRC RAS
11, ul. Pushkinskaya, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
E-mail: tutkija@mail.ru

Ivanova Liudmila Ivanovna,

Researcher,
Institute of Linguistics, Literature and History, KarRC RAS
11, ul. Pushkinskaya, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
E-mail: ljuchiki@mail.ru

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

The paper was written within a collective planned project at the KarRC RAS.

А. В. Панюков

**ВОМИДЗ 'СГЛАЗ' КАК ФЕНОМЕН
ВЕРБАЛЬНОЙ МАГИИ КОМИ-ЗЫРЯН**

Вера в сглаз относится к числу редких универсалий человеческой культуры, до сих пор не имеющей удовлетворительного объяснения. Автор предлагает сконцентрировать внимание на традиционных представлениях коми-зырян о сглазе *вомидз*, позволяющих утверждать их исходный вербально-магический характер. В основе выдвигаемой автором концепции следующее определение: «*Вомидз* – это непреднамеренное, спонтанно индуцируемое вербально-магическое воздействие с негативным результатом, обусловленным языковой семантикой слова – *вомидз*. Вербальный компонент, лежащий в основе магического акта, может быть выражен прямой речью или связан с вербализацией адресатом невысказанных мыслей и намерений адресанта». Это положение доказывается предпринятым анализом народной терминологии и широкого спектра характерных для представлений о порче-*вомидз* явлений. Согласно авторской позиции, вербально-магический акт *вомидз* может быть представлен в виде коммуникативной модели: адресант (отправитель слова *вомидз*) – вербальное сообщение (слово *вомидз*) – адресат (получатель сообщения) и объект порчи-*вомидз*; этим объектом может быть как сам адресат, так и любой жизненно значимый для него объект, находящийся в поле зрения.

Ключевые слова: фольклор, народная терминология, этимология, вербально-магический акт, коммуникативная ситуация.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-433-445

Вера в сглаз, объединяющая в себе широкий спектр несовместимых представлений и явлений, несомненно, может быть названа одной из парадоксальных универсалий человеческой культуры. Ей присуща удивительная живучесть, говорящая об устойчивости архаических представлений, и не менее парадоксальное соответствие современной культуре. Сам термин «сглаз», подхваченный и отечественными исследователями, замещает собой целый спектр несовместимых понятий и явлений: порчу посредством колдовского взгляда, посредством колдовского слова, колдовских мыслей, различных колдовских объектов, которым приписывается свойство сглаза. Несмотря на то, что феномену сглаза посвящено достаточно большое количество научных работ (обзор основных концепций проведен Н. В. Петровым в специальной работе: [Петров 2014]), сами механизмы этой порчи представляются в виде некоего «черного ящика» (чаще всего населяемого различными демонами: демонами взгляда, демонами слова, демонами мысли и т.п.). Мы знаем конечный результат, знаем исходную ситуацию, но не понимаем, как это происходит. Между тем, общие представления о магии сглаза вполне конкретны и понятны: явление это совершенно обыденное, сглазить может практически любой человек; сглазить можно совершенно случайно и непреднамеренно; сглазить можно кого угодно и что угодно

но; сглазить можно самого себя; в традиционных культурах исцелить от сглаза (во всяком случае на начальной стадии порчи) может почти каждый с помощью несложных магически трактуемых действий. Все это позволяет уверенно говорить о том, что сглаз не имеет никакого отношения к колдовским, эзотерическим знаниям, и, по крайней мере, не должен рассматриваться в контексте колдовской, вредоносной магии. Этот тезис, по нашему убеждению, должен быть исходным для любых попыток понять сущность механизмов порчи-сглаза.

Наше обращение к локальной традиции коми-зырян может быть рассмотрено как еще один тактический шаг, принципиально сокращающий спектр насущных проблем. Основной (общекомми) термин *вомидз* (< *вом* 'рот'; соответственно *вомидз* – это порча, связанная с речью), позволяет актуализировать именно вербальный характер порчи-сглаза. Это дает определенные возможности выдвинуть на первый план именно филологический аспект исследования, роль языка в структуре представлений о порче-*вомидз*. Помимо ряда предшествующих научных исследований по теме, и, прежде всего, специальной работы А. С. Сидорова [Сидоров 1997], в нашем распоряжении имеется достаточно объемный нарративный материал, в совокупности транслирующий не только мифологию, но и психосоматику традиционных представлений о порче-*вомидз*, а в отдельности представляющий собой «личностные истории» о порче-*вомидз*. Именно они станут основным аналитическим материалом для ответа на вопрос, как устроены эти нарративы.

Собственно первый тезис выдвигаемой нами концепции «порча-*вомидз* – это вербально-магический акт» так или иначе уже высказывался исследователями. Именно как важную составляющую вербально-магических представлений коми рассматривает *вомидз* А. С. Сидоров в своей монографии, посвященной психологии колдовства [Сидоров 1997]. Связывая магию с механизмами внушения / самовнушения, основанными на суевериях, автор не отделяет порчу-*вомидз* от других видов магической порчи. Соответственно, связывая *вомидз* с речью, он не проводит границы между *вомидз* и колдовским, заговорным словом, которое «пуще стрела»: «Сила слова объективировалась со стрелой. Это было отнюдь не уподобление, а реальное восприятие. «Слово, что стрела» – понималось буквально. *Вомидз* в результате недоброжелательного слова, как своеобразный результат внушения, понимается именно как заболевание сначала местное, которое постепенно захватывает в дальнейшем весь организм... Момент заболевания наступает внезапно. Обычно это воспринимается, как поражение стрелой, ощущается боль, получающаяся, когда какой-либо острый предмет вонзается в тело (*тиукас*)... Обыкновенно, острая боль при *вомидз* локализуется в каком-либо определенном месте, в каком-либо органе, на который был направлен возглас. В дальнейшем, подобно воспалению и чаще всего в форме воспаления, болезнь начинает распространяться вширь и вглубь и может дойти до внутренних, до «сердца», иногда же она ограничивается пределами одного органа. Когда болезнь доходит до «сердца», наступает смерть» [Сидоров 1997, 143]. По психологической концепции А. С. Сидорова, любая эмоциональная несдержанность по отношению к другому человеку уже враждебна. «Достаточно выразить удивление, восторг, зависть и т.п. по поводу, например, красоты того или другого лица, чтобы это лицо, о качествах которого идет речь, серьезно заболело <...>. Во всех случаях мы, по-видимому, имеем дело с проявлением недоброжелательного чувства или настроения, вообще с враждебным моментом для данного лица. <...> Указанное условие является непрямым, но, нужно сказать, не всегда достаточным. Другим очень важным условием нужно считать фиксацию своего внимания на факте выражения кем-либо такого неуравновешенного чувства. [Там же, 140–141]. Выдвинув на первый план субъективный фактор, т.е. саму веру в возможную порчу, А. С. Сидоров попытался представить и соответствующую коммуникативную модель, на которой основывается магическое действие. В этой модели адресант речевого сообщения играет активную роль, а адресат – пассивную, но именно его мысли о возможной порче и приводят в действие психологический механизм внушения: «Порча наступает в результате сказанного слова, – с одной стороны, и мысли о возможности порчи – с другой стороны. Таким образом, теоретически одна сторона в наступлении порчи играет активную роль, а другая – пассивную» [Там же, 144].

Несмотря на то, что, в соответствии с поставленными целями, А. С. Сидоров конструирует некую общую модель вербальной магии, сам принцип диалогичности чрезвычайно важен для наших дальнейших размышлений. Поэтому, прежде всего, попытаемся выявить наиболее яркие отличия порчи-вомидз от других видов вербальной магии; обратимся к языку и более внимательно рассмотрим сам термин *вомидз*.

Слово *вом* 'рот' весьма широко представлено в метаязыковой фразеологии, где можно обнаружить широкий спектр значений. Но для понимания исходной семантики термина *вомидз* важнее то, что в коми-зырянском с *вом* 'рот' связано два глагола¹ – *вомавыны* и *вомдзавны*. Глагол *вомавыны* 'оборвать, заставить кого-либо замолчать; сделать замечание, выговор' (вариант *вомасьны* 'обрывать, заставлять кого-л. замолчать'); в прагматической интерпретации – 'оборвать, пресечь сказанными словами речь (неприятную или нежелательную) кого-либо'. В контексте наших размышлений значимо, что именно этот глагол и передает магическую (и коммуникативную) суть защитных формул, предотвращающих возникновение порчи-вомидз: *Вомдзавныд люббй вермас, мыйкӧ шувас тэ йлысь, а тэ он куж вомавыны. А колӧ вомавыны: «Кос ув!»*. И *нинэм тэждӧ оз ло* [ФФ ИЯЛИ РФ11 Т.5]. 'Сглазить может любой, что-нибудь скажет про тебя, а ты не сумеешь пресечь. А надо пресечь – заткнуть его: «Сухую ветку (тебе в глотку)!» И ничего с тобой не случится'. (Здесь и далее – переводы автора).

Другой глагол, образованный от этой основы – *вомдзавны* 'изурочить, сглазить' уже в силу парности обладает противоположным значением инициации речевого действия². Об этом же свидетельствует и морфологическая форма слова – если исходить из того, что суффикс *-дз* здесь маркирует глагол т.н. начального вида. Учитывая устойчивую связь *вомидз* с неожиданным и часто эмоционально сильным речевым актом, метаязыковую роль глагола *вомдзавны* можно обозначить как «инициацию неожиданного, резкого, взрывоподобного речевого действия». В нарративах о *вомидз* это действие часто характеризуется как *горӧдны* 'крикнуть, вскрикнуть', *друг горӧдны* 'неожиданно крикнуть', акцентируется внимание именно на неожиданности речевого действия. Это действие, вероятно, можно сравнить с диал. *зӧркнитны* 'сказать вдруг, резко' [Сорвачева 1878, 98] при общем 'тряхнуть, встряхнуть (на ухабе)'. Типологически такая «взрывоподобность» заложена в русском слове *восторг* (< ст.-сл. яз. *въстѣргати* 'взрывать; срывать' < *тѣргати* 'рвать'; значение «подъем радостных чувств» < «взрыв» (вверх) [Шанский]. Вероятно, эта же «взрывоподобность» отражена и в древнепермском *вомыдзасьны* 'удивляться': «По народному поверью, сглаз происходит от взгляда с выражением удивления, от похвалы и т.д.» [Лыткин 1999, 62].

Таким образом, исходное метаязыковое значение глагола *вомдзавны* связано с инициацией резкого, взрывоподобного, неожиданного для адресата речевого действия. Эта неожиданность может ассоциироваться с внезапным криком, с чувством удивления. Вероятно, эта неожиданность и определяет психоэмоциональное состояние человека, вовлеченного в коммуникативный процесс. В психосоматических представлениях коми-зырян о *вомидз* рассматриваемая «взрывоподобность» может связываться с «порчей крови»: *горӧдӧмсьыс вирус кыдзке вот портитче* 'от крика как-то портится кровь'. Такое же негативное восприятие крика отражено в поговорке *горӧдӧмсьыс и пу косьмӧ* 'от крика и дерево может засохнуть'.

¹ В печорском диалекте зафиксирован еще один окказиональный глагол – *вомаритны* 'болтать, говорить ненужное, лишнее', который представляет собой явный неологизм (вероятно, от *вома* 'болтливый, речистый') с пейоративным оттенком 'пустословить' по аналогии с многочисленными глаголами, в том числе и заимствованными из русского. Например, *говчитны*, *голчитны* 'болтать, пустословить' (< рус. *говчить*, *голчить*), *гӧлдитны* 'повторять одно и то же' [Сахарова 1976, 61], *гӧлӧзубитны* 'зубоскалить', *вритны*, *бритны* 'врать' [Сорвачева 1878, 76] и др.

² Отметим, что в коми-пермяцком языке произошло разделение *вом-* (*вомидз* к-п. 'сглаз, порча'; *вомдзавны* 'сглазить, напустить порчу'), *вомидза син* 'недобрый, дурной глаз', *вомидзӧсь морт* 'человек, способный сглазить, человек с дурным глазом') и *ӧм-*: *ӧм* 'рот; пасть, зев (животного)', *ӧма* 'пререкающийся, препирающийся; зубастый' и т.п. Соответственно глагол *ӧмавыны* 'оборвать, обрывать, заставить замолчать кого-л., потеряв отмеченную выше полярность с *вомдзавны*, приобрел спектр других метаязыковых значений: 'упрекать, обвинять; порицать кого-л. за что-л.; оговаривать, оговорить' [Баталова 1985, 305]. С другой стороны, слово *вомидз*, удаленное из метаязыкового контекста, сблизилось с *синмалӧм* 'сглаз'; во всяком случае, сочетание *вомидза син* букв. 'глаза с *вомидз*' не характерно для коми-зырян.

Определенную связь с неожиданным речевым действием, подобным удару, отражает еще один метаязыковой термин *кыв уськӧдны* букв. 'обронить, бросить слово' в значении 'изурочить, сглазить', возводимый к общепермской лексике. В коми языках он специализирован: *веж кыв уси* букв. 'слово зависти упало', *веж кыв усьны* букв. 'упасть слову зависти' – 'заболеть от сглаза, от порчи' [Безносилова 2012, 167]; *веж кыв уськӧдом* к-п. (букв. 'слова зависти обронение'); здесь же – *ёркыв уси* 'проклятие сбылось' букв. 'слово проклятия упало' нв. [Сорвачева 1878, 103]. В удмуртской традиции магический контекст, видимо, утрачен. В современном удмуртском языке *кыл уськытыны* имеет значения 'начать разговор' и перен. 'ославить, оклеветать'. Т. Г. Владыкина приводит третье, самое важное, по ее мнению, значение 'наслать порчу словом, изурочить' (букв. 'кинуть, бросить слово, чтобы ушибить'): «Это выражение содержится в источниках конца XIX в., восполняя формулы недостающего звена триады архаической ментальности дело=слово=мысль и обозначая равенство выражений *лэсьтыны / тупатыны* 'сделать / направить', *кыл уськытыны* 'урочить', *син уськытыны* 'сглазить' в значениях 'наслать порчу действием', 'наслать порчу словом', 'наслать порчу взглядом'. Такая логическая цепочка очень явственно обнаруживает эволюции ментальности и языка от конкретики к абстракции» [Владыкина 2008, 85–86]. Отметим, что это единство отражено и в апотропейной традиции: формулы-обереги *син / синмыз медаз усьы* 'чтобы глаз (чей-то / его) не упал' и *пельыз медаз кыл* букв. 'чтобы ухо (чьего-то, его) не услышало' имеют одно и то же значение «чтобы не сглазить» [Владыкина 2018, 239]. Как предел десакрализации метаязыкового «бросить слово» можно представить коми пейоративы *койны* 'болтать, пустословить' букв. 'выплескивать, разбрасывать' нв. [Сорвачева 1878, 110], *коявлыны* 'громко накричать, наорать на кого-л.' букв. 'выплескивать; кидаться, бросаться'; [Сорвачева 1978, 113]. Акционально близким аналогом формулы *кыв уси* 'слово упало' можно назвать выражение *кыв тишукис* 'слово сбылось' букв. 'слово воткнулось, проникло': *кылыд тишукласе* 'слова (предсказания) сбываются' [Сорвачева 1878, 180] при *тишукнитны* 'ткнуть, проткнуть, пронзить и т.п.', *тишукны* 'воткнуть; прикоснуться; сбываться, исполниться'. С другой стороны, и сама лексема *вомидз* допускает определенные ассоциации слова-порчи с материальным объектом, который можно «бросить, обронить». Так, в верхневычегодской традиции *вомидз* как обозначение материализованного вредоносного слова соотносится с морфологически и семантически близким *дзиридз* 'мелкая дресва, смешанная с пеплом', вв. 'косточка (ягоды черемухи)', уд. 'избоина конопляная, остатки семян после выжимки' [Жилина, Сахарова 1961, 104]. Об этом говорит и появление в заговорных текстах формулы: *Дзиридз-вомидз-урӧс, мун кытысь локтын 'Дзиридз-вомидз'* – порча, иди туда, откуда пришла) [ФФ ИЯЛИ АФ1117-12]. В этом же контексте материализовавшееся слово-*вомидз* может сравниваться с брошенным в глаза человека песком (см. пример ниже). Здесь же допустимо и *вомидз / пыридз* общ. 'пешня' (колющий инструмент).

Вторым по распространенности в локальных традициях коми-зырян после *вомдзавны* можно отметить термин *уркнитны* 'сглазить' (*уркнитчины* 'изурочиться, сглазиться', *уркнитчӧм* 'урок, сглаз'). Этот глагол связан с рус. *урок*; возможно, с вариантом типа *урекнуть*, или возникшим по аналогии с другими заимствованиями (*уркӧвӧй, уркӧм* 'урок, урочная работа'). Однако в самой форме слова *уркнитны* нельзя исключать и звуко-смысловые ассоциации с мотивом мгновенного удара: уд. *урк* 'быстро, одним броском, рывком (встать, прыгнуть)', *уркайтны, уркӧдны*, вим. *урвайтны* 'сильно бить, ударять, колотить (напр., палкой)' [Жилина, Сахарова 1961, 400], вс. *уркнитны* 'пронестись, пролететь (мимо)' [Безносилова 2014, 664]. Вероятно, именно урок (< изурочить < речь в вариантах *уреки, урӧк, урӧки*) воспринимался как ближайший смысловой аналог коми *вомидз*; во всяком случае, в заговорных текстах коми-зырян наиболее часто встречается именно этот дублет *урӧк-вомидз* или *урӧки-вомидз*: «Когда считают, что ребенка сглазили, то топят баню и моют, приговаривая: *Кури уроки вомидз проч тӧдтӧг воин, тӧдтӧг мун, да мун улӧ, миян кага вылӧ кай* 'Кури уроки-вомидз прочь неожиданно пришло, неожиданно уходи, уходи вниз, а наш ребенок вверх поднимайся-расти'» [ФНМРК КП-12483, л. 214]. Заимствованное *уркнитны* в диалектах довольно тесно сблизилось с коми

урсасьны печ., урöситчины иж. 'заболеть от сглаза', урсавны печ., урсалны лет., к.п. урсавны, уроситны 'сглазить'; кинкö кагасö уроситис – пондiс шогаvны 'кто-то сглазил ребёнка – он заболел' [Баталова, 1985, 514], при общем урсасьны 'испортиться'. Наиболее близко эти два термина сходятся в лл. урöсьлив, урöсьливой, урочлив < рус. урочливый 'способный навести сглаз' лл. [Безносилова 2014, 666].

К метаязыковым обозначениям, связанным со словом, речью, можно отнести еще ряд узколокальных терминов:

– горъяvны 'сглазить' (Вымь): «Вомдзасемьс» комияс вöлöм шуöни «горъялэма» пö 'Вомидз коми люди называли «горъялэма»' [ФФ ИЯЛИВ0630-2]. Вероятно, термин связан с коми гор 'звук, голос' или горавны диал. 'кричать, орать' > горъяvны 'окричать';

– озёvитчины 'сглазиться', озёv лл. [Жилина, Сахарова 1961, 257], к.п. 'сглаз' (< рус. озеv 'сглаз, порча', озеvать 'сглазить'), но в вымском диалекте зевайтны 'клеветать, наклеветать на кого-л., оклеветать кого-л.; наговаривать, наговорить на кого-л.', менö зевайтö 'на меня наговаривает' букв. 'меня зевает' [Жилина 1998, 241] зеваччыны 'кляузничать, сплетничать';

– зевкйысьны, зевтьтьысьны лет. 'накликать порчу, сглазить' [Жилина 1985, 156] при сс. зевкйысьны 'кляузничать, сплетничать' [Колегова 1980, 108].

Чтобы передать общую терминологическую картину, отметим еще ряд диалектных обозначений симптоматического характера связанный, прежде всего, с детским сглазом: дзугыльтчины 'заболеть, испортиться от сглаза' при общераспространенном 'стать печальным, невеселым, опечалиться'; дзугыль 'сглаз': Кодкö тöдтöм морткö волас, кагаыс дзугыльтчас. Öдзöс вуг мыськаласны, кагасö мыськасны да петасны кильче вылас да кимлескивыв васö койышитöны. Дзугыль шусьö сiя [ФФ ИЯЛИ В1110-56] 'Если кто-то посторонний в доме побывает, ребенок сглазится. Обмоют ручку двери, ребенка умоют, выйдут на крыльцо и наотмашь воду выплеснут. Это называется «дзугыль», чурнитчины 'испортиться от сглаза' [Сорвачева, Безносилова, 1980, 268]: вероятно, от чуравны 'обмереть, захлебнувшись плачем (о ребенке)' [Жилина, Сахарова 1961, 421]; чурмунны, чурöбмунны 'вздрогнуть', чурмунни 'обмереть, лишиться чувств (напр. от злости, от сильного волнения)' вв. [Сорвачева 1966, 209].

– парзовтчины 'испортиться, худеть, похудеть (напр. от сглаза); обижаться, сердиться'; парзовтчас тятейыд, вомдзасяс 'испортится ребенок, сглазится' [Сорвачева, Безносилова, 1980, 220];

– чушкыльтны, чушны 'заболеть от сглаза, от порчи'; чушкыль 'сглаз': чушкыль понысь кулны 'умереть от сглаза, от порчи' вс. [Жилина 1975, 246]. Эти термины также связаны с представлениями о «пронзающем, жалящем слове»: чушкалны вс., чушкыны 'жалить, ужалить (об осе)' (Общеп. *č'us' - 'колючий'), но чушны вс. лл. скр. сс., чушнi вв., чушкыны, чушвартны нв. 'задеть, уязвить, уколоть кого-л. (сказанным словом)' [Жилина, Сахарова 1961, 423];

– йöзасьöм лл. 'сглаз'; йöзасны лл. 'заболеть от сглаза', общ. 'быть обнаруженным, застигнутым (при совершении предосудительного, интимного или преступного характера), огласиться, разгласиться' букв. 'обнародоваться' [Безносилова 2012, I, 609] с семантикой «отчуждения, попадания под воздействие чужого» (макроуровень), а также «получения огласки, нарушения тайности» (значения, присущие слову йöзасны) [Уляшев 1999, 361];

– ереситны 'сглазить, навести порчу' лл. [Жилина 1985, 161] при ересво, ерество 'колдовство, порча, волшебство';

Связь вомидз со зрением. Несомненно, представления о колдовском взгляде характерны для традиционной культуры коми-зырян, и они так или иначе проникли в представления о вомидз. Так, по концепции А. С. Сидорова, глаза наиболее ясно выражают внутреннее состояние человека, соответственно «враждебные чувства могут быть выражены во взгляде, и поэтому можно испортить не только словом, но и взглядом» [Сидоров 1997, 149]. Другими словами, выраженные во взгляде враждебные чувства «считываются» сознанием адресата, что равнозначно внушению словом. Тем не менее на уровне терминологии к собственно «сглазу», т.е. порче через зрение, относится только лл. (южное коми-русское пограничье) синмалны, синмаvны

‘сглазить, повредить кому-н., испортить кого-что-н. дурным взглядом’ (*син* ‘глаз, глаза’) [Жилина 1985, 224] при омонимичных *синмавны* лл. ‘наполнить до краев, выше краев’, нв. ‘осмотреться, посмотреть вокруг себя’; *синмалны* сс. ‘цвести’ [Безносикова 2014, 374]. Отметим, что применительно к общему лексическому фонду глагол *синмавны* ‘сглазить’ весьма сложно «вписать» в полисемантическое словообразовательное гнездо соматизма *син* ‘глаза’, в котором из 14-ти визуальных значений только три связаны со зрением [Чуяшкова 2008].

Далее можно отметить, что связь порчи-*воמידз* со зрением опосредована офтальмологическими особенностями людей, способных навести порчу: «Способностями к порче, по мнению коми-зырян, обладает большинство людей, которые характеризуются тёмным цветом волос и глаз, *чорыд съёлма* ‘с твёрдым, чёрствым сердцем’, *сувтса синма* ‘со стоячими глазами’, *виж бугыль* ‘с жёлтыми буркалами’... Сглазить могут и больные, страдающие глазными болезнями: косоглазые, бельмастые, с катарактой, а также со зрением, ослабленным вследствие других болезней: желтоглазием (как следствием болезней печени), белоглазием и светобоязнью (как у альбиносов), бегающими или подверженными тикю глазами и т.д.» [Уляшев 1999, 361–363]. С другой стороны, традиционно наиболее подверженными *воמידз* считаются блондины со светлыми (голубыми, серыми и т.д.) глазами.

Однако ключевым фактором для сближения представлений о магии взгляда и магии слова является их коммуникативное единство: порча-*воמידз* возникает только при непосредственном визуальном контакте адресанта с объектом порчи. Именно с регламентацией визуального контакта с объектами, представляющими особую витальную ценность, связано множество превентивных мер, используемых в традиции: до определенного возраста не показывать посторонним младенцев, детенышей домашних животных, огородные посадки и т.п. Это отражено и в языке: *син тас пуктині* ‘уберечь от сглазу’ вв. [Сорвачева 1966, 193] букв. ‘поставить глазную перегородку’, при общеп. *син тасён видзны* ‘следить, наблюдать’ букв. ‘глазной перегородкой охранять’, *син потшесэн потшині* вв. ‘следить, наблюдать, охранять’ [Жилина, Сахарова 1961, 336] букв. ‘огораживать глазной изгородью’, *син потшысэн синйині* ‘тж’ букв. ‘наблюдать глазной изгородью’, *синйыны* ‘следить, наблюдать; приглядывать’ [Жилина, Сахарова 1961, 337]. Вероятно, здесь сказывается и неосознаваемое доминирование визуального кода: 80 % информации о внешнем мире мы получаем через зрение. В самой традиции визуальный контакт адресанта и объекта порчи-*воמידз* достаточно часто выдвигается на первый план, что сказалось в возникновении ряда характерных мифологем «дурного взгляда». Например, мифологема неуправляемого, «самопортящего» взгляда, с которой связан устойчивый сюжет о засыхания дерева от взгляда: *Чорыд съёлма ли мыйли, Опонь, татысь жё. Ачыс пö шуö. Мый вылö пö видзöдла, сия и косьмö. Некутиём быдмög вылö видзöдлыны ог лысьт. Пу вылö кö видзöдла – мöd во и косьмас. Челядь вылö ли, порсь пиян вылö* [ФФ ИЯЛИ Х141-8] ‘С твердым сердцем или еще почему, Афанасий, тоже здешний. Сам же и говорил: «На что ни взгляну, то и засыхает. Ни на какое растение не смею взглянуть. Если на дерево посмотрю – на следующий год и засохнет. То же самое и с детьми, или там с поросятами’. В данном сюжете вербальный компонент слово-*воמידз* «запрятано» на ментальном уровне (посмотреть на что-то = подумать об объекте, попавшем в поле зрения) и легко реконструируется. Соответственно, «исправленный» вариант может выглядеть так: *Чорыд съёлма морт. Волас пö пу дорад да шувас ке: «Тая пö мича же пуйс!» Ся мöдысь пö мунас да косьмöма пö. Сэтишем пö кос съёлмыс. Сэтишем чорыд! Морттэ дерт косьтас сия сэтишемис* [ФФ ИЯЛИ Х31-10] ‘Человек с жестким сердцем. Вот подойдет он к дереву и скажет: «Какое же красивое дерево!» В другой раз пойдет туда, а дерево высохло уже. Вот такое у него черствое сердце. Такое жесткое! Конечно, такой и человека иссушит’. Отметим, что в таком виде на первый план выдвигается тот же мотив «неумеренного восторга и восхищения», непреднамеренно приводящего к порче-*воמידз*.

Как и в приведенном примере, представления о *воמידз* достаточно глубоко увязаны с метафизическими представлениями о *чорыд* и *шурыд*, согласно которым все люди делятся на два противоположных типа: *чорыд* ‘жесткий, твердый’ (с допустимыми расширениями *чорыд вира*

‘с жесткой кровью’, *чорыд кывъя* ‘с твердым словом’, *чорыд съёлёма* ‘с жестким сердцем’) и *шурыд* ‘добродушный, мягкосердечный; проворный, шустрый, трудолюбивый’ (*небыд съёлёма* ‘с мягким сердцем’, *небыд вира* ‘с мягкой кровью’, *шурыд ки* ‘легкая рука, приносящая удачу’; здесь же удм. *шурыд* ‘щедрый’, утерянное коми языком). Из редких характеристик можно отметить различие и по цвету крови: *Кор, шуам, например, мича нывлы чужемас чеччыштас чирей, сийес шуёны вомдзалёмён. И кодэс шуёны лöz вираён – вомдзалысен, ветласні сы ордö и сілысь гусяласні лёк сыр торъяс, кок пыти волес и сідз водзе, локтасні гортö и сійе торъяс-нас тиынасны вомдзасись мортэс* [ФНМРК КП-12482, 83] ‘Вот когда, скажем, например, у красивой девушки выскочит прыщик на лице, это называют *вомидз*. И кого называют наславшим порчу-*вомидз* – «человеком с синей кровью», сходят к нему и украдут какую-нибудь бахрому, нитки из старых вещей, подстилку обуви и тому подобное, возвращаются домой и этими украденными вещами окуривают получившего *вомидз* человека’. А. С. Сидоров дает такую общую характеристику *чорыд* и *шурыд*: «Поскольку присутствие первого несет всюду вред, неудачу, болезнь, постольку присутствие второго является условием удачи, легкости выполнения всякой задачи. Психологически, первый является человеком пунктуальным, систематическим, последовательным, вместе с тем завистливым, злопамятным и расчетливым, часто необщительным, неоткровенным, неразговорчивым, второй всюду вносит непринужденность, общительность, откровенность, естественность» [Сидоров 1997, 149–150]. В контексте представлений о *вомидз* любой контакт с *чорыд* человеком несет потенциальную опасность: *Чорыд небыд вира вылз думыштас и вот сіе верме дзугыльтны. Вомидзэсэ нарошнэ некод оз вомдзав. Прыщицик каяс, синъяс кутасны висьні. Нимсö видзныс колö зэв бур съёлём* [ФФ ИЯЛИ Х121-5] ‘*Чорыд* на человека с «мягкой» кровью подумает, и вот он может изурочиться – сглазится. *Вомидз* специально, нарочно никто не сделает. Прыщик выскочит, глаза станут болеть. Чтобы заговорить, нужен человек с очень добрым сердцем’.

Специфика концепции *чорыд-шурыд* наиболее ярко проявляется в представлениях коми о «сходстве по крови» (*вир лöсъялём*): «Под сходством или близостью по крови подразумевалась не родственная близость, а близость духовная, метафизическая способность определённых людей понимать друг друга и помогать не только действием, но и самим своим присутствием: *Вирид ке лöсъялэ, став уджис артме, вирид ке оз лöсъяв, коть кутшем буресь да прамеесь, нинэм оз артми* ‘Если кровь сходится, всякая работа получается, если кровь не сходится, какие бы ни были добрые и хорошие, ничего не получится’. Сотрудничество людей, несходных по крови, заранее обречено на неудачу» [Ильина, Уляшев 2016, 47]. Зачастую именно «несходство по крови» обуславливает возможность превращения сказанных слов в порчу: *Вир пö оз лöсъяв, нёрпалö. «Тая пö пöрысь да век на пö герой, ок пö öдйе вермö мунны!» Мöд луннас пö сія мортыс нёрпалö – висе. Сіе кывлывлан же. Да вирид мортыдкед мукедыскед оз лöсъяв. Лöсъялэ ке нинэм оз зависит. Ся бөр же прöдитас. «Веж кыв не уси» – шуласні* [ФФ ИЯЛИ В1104-21]. ‘Говорят, мол, кровь не сходится, и заболевает человек [от слов]. «Эта ведь старая, а все еще бодрая, геройская, ух, как быстро может идти!» На следующий день этот человек и недужит – болеет. Такое вот слышишь иногда. Кровь с некоторыми людьми не сходится. Если сходится – ничего не случится. Потом все же эта болезнь проходит. «Завидное слово упало», – говорят’. С другой стороны, «сходство по крови» рассматривается как главное условие в лечебных обрядах, в том числе при избавлении от *вомидз*.

Отметим, что вряде локальных традиций коми непреднамеренность и случайность возникновения *вомидз* может быть обусловлена и характерными для русских представлениями о «неурочном часе»: *Кутшöмкö час, время эм, минутной делö, вомидза морт кö, мыйкö думнитас и тиукас* [ФФ ИЯЛИ 1903-23]. ‘Есть какой-то час, время такое есть, минутное дело, если урочливый человек что-то подумает, и сбудется-проникнет’.

Ас вомидз ‘сам себя сглазил’. Еще один пункт, обосновывающий спонтанность и непреднамеренность порчи-*вомидз*, связан с устойчивыми представлениями о возможности навлечь эту порчу на себя самого, своих близких или свое хозяйство. Опираясь на тезис о враждебно-

сти внушаемых через слово-*вомидз* установок, А. С. Сидоров обходит эту тему, поскольку очевидно, что в такой ситуации нет носителя «враждебных мыслей и намерений». Общим и, по нашему убеждению, единственно верным для обоих вариантов порчи-*вомидз* остается неожиданное, эмоционально выделяемое выражение восторга, похвалы по отношению к объекту порчи. Во всем остальном ситуация автокоммуникации, когда адресатом слова-*вомидз* становится сам адресант (или объекты, жизненно важные для него) – то есть ситуации диалога с самим собой абсолютно идентична. Например: *Кукань чужи и четчис и дзик пыр нёнясьны кутіс. Дзик пыр нёнясьні кутіс. И ачим жё думишти: «То мяся, лови и нёнясе!» Талун олыс, аски олыс, аски лэтчи – пласт куйлө. Но сэсся сіе колэ справитні. А сэсся пöрысь йöзлысь ме кывлывлі нін кыдзи: кичышкед помтэ, мыйке тэ мыськыштан, öдзес вугтэ, порогтэ. И эм ке сирпинь. Сіе сэсся öгыр вылө пуктан дай тишынан, гöгöрыс кытшоовтан: «Урöк-вомидз. Код вомдзалис? Урöк-вомидз», – сіе шувалан. Сэсся-й бөр справиччас. Сэсся тай эз кув менам а [ФФ ИЯЛИ Х117-19] ‘Теленок родился и вскочил на ноги, и сразу же стал сосать корову. Сразу стал сосать молоко. И я сама тут же про себя подумала: «Вот ведь, только появился и уже сосёт!» Сегодня прожил, завтра, на завтра спустилась – теленок пластом лежит. И надо ведь как-то его вылечить. А от старых людей я слышала, как надо: уголок полотенца, помоешь дверную ручку, порог. И если есть – щучьи зубы. Вот их в угольки положишь и окуришь, вокруг обойдешь: «Урок-вомидз. Кто сглазил? Урок-вомидз», – вот это наговоришь. Вот тогда обратно исправится-вылечится. Вот у меня после этого выжил, не умер’.*

Языковой смысл слова-*вомидз*. На обобщенном уровне и для традиционных представлений о *вомидз* связь языкового значения слова-*вомидз* с результатом возникшей порчи может быть опосредована негативно трактуемыми намерениями адресанта: слова восхищения или восторга, сказанные неискренне или с умыслом (*веж кыв* ‘слово зависти, завидное слово’), вызывают противоположный, негативный результат. Сама языковая семантика слов воспринимается как обобщенное указание на область проявления порчи. Таким образом, слово *вомидз* наделяется обратным смыслом в силу предписываемой ей обратной знаковости.

Из других вариантов рефлексии информантов на эту тему в качестве традиционного можно отметить акцент на эмоциональный фактор: негативный результат может быть связан с неожиданно возникшими эмоциями адресата (удивление, страх). Выше мы уже приводили вариант с «порчей крови»: от неожиданного крика портится кровь и возникает болезнь-порча; языковая семантика слова-*вомидз* также обобщается в указание на область проявления порчи или игнорируется. Вербальный смысл слова-*вомидз* может быть опосредован «негативными» мыслями, возникающими в сознании адресата: *Менам дзоля кага вöлы, пи. Öти женищина шуыс: «Зэв тай кагаыд мича!» Менам думайчис ли мый ли, кык недель висис и кулі. Йöзыс тай шуöны, сія пö аслад думайд. Ошкышитіс да сія менам думайчис. Аслад думайд керö. Колöма шуны: «сир пинь горшад» [ФФ ИЯЛИ В1007-42] ‘У меня маленький ребенок был, сын. Одна женщина сказала: «Очень ведь твой ребенок красивый!» То ли мне подумалось что-то, то ли еще что, две недели болел ребенок и умер. Сказывают же люди, мол, это твои собственные мысли делают. Она похвалила, и я подумала / задумалась об этом. Свои мысли-думы делают. Надо было сказать в ответ: «Щучьи зубы тебе в горло»’.*

Нами зафиксирована еще одна, локальная версия, согласно которой магия слова-*вомидз* связывается с приемом оборотных слов: *Чорыд сьöлöмаид завидуйтасны дай. Мыйкө шувасны мöдарö дай вот и всё: мича ли, ён ли, бур ли, удал ли* ‘Человек с твердым, жестким сердцем позавидует и всё. Что-то наоборот скажут и всё: красивый, мол, или сильный, или удалой, расторопный’ [ФФ ИЯЛИ В1102-10]. Представления о магически оформленных оборотных действиях, в том числе и вербальных, устойчиво связаны с приемами «черной» магии и эвристически понятны носителям традиции. В ситуации с *вомидз* такая магия «оборотности» четко связана с вербальной коммуникацией, и негативный результат порчи, пусть и в самом обобщенном виде, выводится из «обратного» смысла сказанных адресантом слов (слова о красоте приводят к утрате красоты, о здоровье – к утрате здоровья и т.п.).

Таким образом, все вышеприведенные мотивировки так или иначе объясняют «обратную» связь языкового смысла слова *вомидз* с результатом порчи-*вомидз*. В проекции на традицию это позволяет говорить о явном противопоставлении магии слова *вомидз* другим «открытым» и «прямым» формам словесно-магического воздействия – благопожеланиям и проклятиям, имеющим открытый коммуникативный характер, когда желаемый результат воздействия соответствует словесному содержанию³.

Заключение

В качестве предварительных итогов обозначим наиболее важные, на наш взгляд, результаты. *Вомидз* – это проявление вербальной магии с негативным результатом. Порча, возникающая в результате слова *вомидз*, так или иначе направлена на тот объект (его качества), о котором говорится в слове *вомидз*. Коммуникативная ситуация, лежащая в основе такого вербально-магического акта, связана с непосредственным визуальным контактом адресанта и адресата / объекта порчи; это условие и актуализирует мотивы «колдовского взгляда», зачастую выдвигаемые на первый план. Принципиальным отличием порчи-*вомидз* от других видов порчи является непреднамеренность и спонтанность ее возникновения. На нейтрализацию этих условий направлены многочисленные правила и предписания, регламентирующие вербальное поведение коммуникантов (предварительные формулы и действия для адресанта, защитные формулы для адресата).

Таким образом, в основу нашей вербально-магической концепции может быть выдвинуто следующее определение: «*Вомидз* – это непреднамеренное, спонтанно индуцируемое вербально-магическое воздействие с негативным результатом, обусловленным языковой семантикой слова *вомидз*. Вербальный компонент, лежащий в основе магического акта, может быть выражен прямой речью или связан с восприятием (= вербализацией) адресатом невысказанных мыслей и намерений адресанта».

Сам вербально-магический акт *вомидз* может быть представлен в виде коммуникативной модели: адресант (отправитель слова-*вомидз*) – вербальное сообщение (слово *вомидз*) – адресат (получатель сообщения) и объект порчи-*вомидз*; этим объектом может быть как сам адресат, так и любой жизненно значимый для него объект, находящийся в поле зрения. Кроме того, достаточно часто *вомидз* возникает в ситуации автокоммуникации, когда адресант и адресат вербального сообщения совпадают, т.е. в ситуации диалога с самим собой порча-*вомидз* непреднамеренно может быть направлена на себя или свое окружение.

Как и в любом коммуникативном процессе, каждый из участников выполняет свою коммуникативную роль. Адресант, помимо того, что отправляет некое сообщение, должен обозначить свои коммуникативные намерения. Адресат должен принять информацию (услышать ее), понять ее (интерпретировать) в соответствии с коммуникативными ожиданиями, а также отре-

³ Коми заговорная традиция *нимкыв видзем* как эзотерическое знание может быть противопоставлено более «открытым» и профанным формам словесного «знания», которые к тому же имеют устойчивую терминологию. Это, прежде всего, *вордкыв*, *ворданкыв*, который тоже иногда переводится как *заговор*. Глагол *вордны* имеет достаточно широкий спектр значений: 'желать, пожелать кому-л. чего-л.' *иж. нв.*; 'предсказывать, пророчить, предвещать', 'заклинать, загадывать' *нв. вым.* (значения 'желать, пожелать; предсказывать' имеет и коми-перм. *вӱрдны*). При этом большинству отмеченных значений соответствуют другие глаголы: *тунавны* 'предсказывать, пророчить, предвещать', *сины* 'желать, пожелать, предопределить', *нӱдны* 'загадывать'. Широкий контекст использования *вордкыв* в традиции, а также значение исходного *вор* 'речь, дар речи' позволяют определить этот жанр как 'приговорку-пожелание, приговорку-заклинание'. По степени дополнительности к действию, которое сопровождается произнесением *вордкыв*, а также по явно выраженной положительной коннотации, к *вордкыв* примыкают термины *сызем*, *сийм*, *бурсийм* 'пожелание'. Такой же открытый коммуникативный характер, но уже с негативной направленностью имеют представления о *ёранкыв* (*ёрдкыв*, *ёр кыл*, *ёрӱм*) 'проклятие', исходное *ёрны* 'клясть, проклинать' (к-перм. *ёрдны* 'тж', удм. *юрисъкыны* 'накликать, проклясть'); десакрализованное *ёртчан кыв* 'бранное слово'. Этот ряд может быть дополнен представлениями о *ныма кыв*: *ныма* 'заслуженно, поделом' *вв.*, соответственно, термин можно перевести как «заслуженное, справедливое пожелание-проклятие» – своего рода «ослабленный» вариант *ёранкыв*: *Ныма кыв – ёрӱм пыдди: шуасны, кор скӱрмасны: «Ёрита да имитас»* 'Ныма кыв – вместо проклятия: говорят, когда рассердятся: «Прокляну, да сбудется» [Панюков 2008, 168].

агировать на полученную информацию. В проекции на слово-*воמידз* все предварительные действия и защитные формулы, регламентированные традицией, самым конкретным и однозначным, не допускающим иных интерпретаций способом обозначают коммуникативные намерения адресанта. В такой ситуации адресат так же однозначно принимает, интерпретирует сказанные слова и реагирует на них. В случае с неожиданной, спонтанно возникшей коммуникации, адресат получает сообщение (слово *воמידз*), не имея соответствующих коммуникативных ожиданий. В нейтральной ситуации это вызвало бы у адресата коммуникативный дискомфорт, требующий дополнительных когнитивных усилий для интерпретации. В ситуации с *воמידз* с неожиданным («взрывоподобным») вербальным сообщением, часто воспринимаемым как неожиданный крик, адресат попадает в ситуацию коммуникативного «ступора». Адресат не готов к общению (не имеет коммуникативных ожиданий) или полученная информация (услышанное сообщение) не соответствует его ожиданиям (= когнитивный диссонанс). Особую роль в этой ситуации играет эмоциональная составляющая, включающая в сознании адресата когнитивные процессы, порождающие негативную интерпретацию, определенным образом связанную с исходной языковой семантикой. Описание этих когнитивных процессов требует специального разговора.

СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ:

вв. – верхневычегодский (коми-зырянский), вс. – верхнесыольский (коми-зырянский), вым. – вымский (коми-зырянский), дп. – древнепермский, иж. – ижемский (коми-зырянский), к-п. – коми-пермяцкий, лл. – лузско-летский (коми-зырянский), нв. – нижневычегодский (коми-зырянский), общеп. – общепермский, печ. – печорский (коми-зырянский), скр. – присыктывкарский (коми-зырянский), сс. – среднесыольский (коми-зырянский), уд. – удорский (коми-зырянский), удм. – удмуртский.

СОКРАЩЕНИЯ АРХИВНЫХ ДАННЫХ

ФФ ИЯЛИ В1110-56 – фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ (Далее – ФФ ИЯЛИ). Записано в 1997 г. А. В. Панюковым и Г. С. Савельевой в с. Небдино Корткеросского р-на РК от Панюковой Е. А., 1910 г. р.

ФФ ИЯЛИ РФ11 Т. 5. Записано в 1996 г. А. В. Панюковым от Удоратиной М. В., 1926 г. р., в с. Важкурья Корткеросского р-на РК.

ФФ ИЯЛИ В0630-2. Записано в 2015 г. А. В. Панюковым в с. Козловка Княжпогостского р-на РК от Ключевой Н.

ФФ ИЯЛИ В1102-10. Нившера Исп.: А. А. Записано в 1994 г. А. В. Панюковым в с. Нившера Корткеросского района РК от А. А.

ФФ ИЯЛИ Х141-8. Записано в 1977 г. Ю. Г. Рочевым в с. Аныб Усть-Куломского р-на РК, информант не зафиксирован.

ФФ ИЯЛИ Х121-5, Записано в 1977 г. Л. С. Грибовой в с. Небдино Корткеросского р-на РК, информант не отмечен.

ФФ ИЯЛИ В1903-23. Записано в 2003 г. А. В. Панюковым в с. Мужы Шурышкарского р-на ХМНО Тюменской обл. от Коневой М. Ф., 1933 г. р.

ФФ ИЯЛИ В1104-21. Записано в 1996 г. А. В. Панюковым от с. Большелуг Корткеросского района РК от Савиной Ф. Н., 1906 г. р.

ФФ ИЯЛИ Х117-19. Записано в 1977 г. Л. С. Грибовой в с. Небдино Корткеросского р-на РК, информант не отмечен.

ФФ ИЯЛИ Х31-10 Записано в 1977 г. Л. С. Грибовой в с. Небдино Корткеросского р-на РК, информант не отмечен.

ФФ ИЯЛИ В1007-42. Записано в 2005 г. А. В. Панюковым, Г. С. Савельевой вс. Ипатово Сыктывдинского р-на РК от Полугрудовой А. М., 1921 г. р.

ФНМРК КП-12483, л. 214. Рукописные записи С. В. Башлыковой. Фольклор коми учащихся педтехникума. 1934–1935 гг.

ФНМРК КП-12482, л. 83. Рукописные записи А. А. Потаповой, сотрудницы института исследований коми в г. Сыктывкаре; со слов жителей с. Додз Сыктывдинского района в 1935 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. 624 с.
- Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева И. К., Коснырева Р. И.* Коми сёрнисикас кывчукор: Словарь диалектов коми языка: в 2 т.: более 78000 слов / Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар: Кола, 2014. Т. I.: А–О. 1096 с.
- Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева И. К., Коснырева Р. И.* Коми сёрнисикас кывчукор: Словарь диалектов коми языка: в 2 т.: более 78000 слов / Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; под редакцией Л. М. Безносиковой. Сыктывкар : Кола, 2014. Т. II.: Ö–Я. 888 с.
- Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал: монография / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Издательство «МонПоражён», 2018. 298 с.
- Владыкина Т. Г.* Мифология визуального и акустического в коммуникативном поведении удмуртов // Вестник Удмуртского университета: История и филология. Вып. 1. 2008. С. 83–88.
- Жилина Т. И.* Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.
- Жилина Т. И.* Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 272 с.
- Жилина Т. И.* Вымский диалект коми языка. Сыктывкар: Изд-во Пролог, 1998. 440 с.
- Ильина И. В., Уляшев О. И.* Формирование мужчины в рамках традиционных представлений о мужском пути «морттуй» у коми-зырян // Фольклористика Коми: исследования и материалы. Ред. серии Маре Кыйва, ред. сост. Л. Лобанова, Н. Кузнецов. Sator 17. Тарту: Науч. изд-во ЭЛМ, 2016. С. 33–66. DOI: <https://doi.org/10.7592/Sator.2016.17.08>.
- Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г.* Среднесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1980. 226 с.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 432 с.
- Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 288 с.
- Сорвачева В. А.* Нижневычегодский диалект коми языка. М.: Наука, 1978. 228 с.
- Сорвачева В. А., Безносикова Л. М.* Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990. 283 с.
- Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сыктывкар, 1961. 492 с.
- Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А.* Печорский диалект коми языка Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 152 с.
- Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С.* Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. 254 с.
- Панюков А. В.* Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации. Сыктывкар, 2009. 224 с.
- Петров Н. В.* Дурной сглаз: традиция, современность, интернет // Сила взгляда: глаза в мифологии и иконографии / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. Москва: РГГУ, 2014. С. 317–355.
- Сидоров А. С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. СПб.: Алетейя, 1996. 272 с.
- Уляшев О. И.* Тшыкдём // Мифология коми: Энциклопедия уральских мифологий. М., Сыктывкар: ДИК, 1999. Т. I. С. 361–363.
- Чуяшкова М. В.* Многозначные коми син и финский *silmä* «глаз(а)» и их фразеологический потенциал // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1. Ч. 2. С. 159–161.
- Этимологический онлайн-словарь Н. М. Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/v/vostorg> (Дата обращения: 10/02/2021).

Поступила в редакцию 23.03.2021

Панюков Анатолий Васильевич,
кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН,
167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26,
e-mail: apankomisc@mail.ru

A. V. Panyukov

WOMIDZ 'EVIL EYE' AS A PHENOMENON OF VERBAL MAGIC OF THE KOMI-ZYRYANS

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-433-445

Belief in the evil eye is among the rare universals of human culture, which still does not have a satisfactory explanation. The author proposes to focus on the traditional ideas of the Komi-Zyryans about the in the evil eye, which make it possible to assert their original verbal-magical character. The concept put forward by the author is based on the following definition is put forward by the author of the concept: “*Womidz* is an unintentional, spontaneously induced verbal-magical effect with a negative result, due to the linguistic semantics of the word-*womidz*. The verbal component underlying the magical act can be expressed by direct speech or is associated with the verbalization by the addressee of unspoken thoughts and intentions of the addressere”. This provision is proved by the analysis of folk terminology and a wide range of phenomena characteristic of the notions of spoilage. According to the author's position, the verbal-magic act of *womidz* can be presented in the form of a communicative model: addressere (sender of the word-*womidz*) – verbal message (word-*womidz*) – addressee (recipient of the message) and object of damage-*womidz*; this object can be either the addressee himself or any object of vital importance to him, which is in the field of view.

Keywords: folklore, folk terminology, etymology, verbal-magical act, communicative situation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 433–445. In Russian.

REFERENCES

- Batalova R. M., Krivoshchekova-Gantman A. S.** *Komi-permyatsko-russkii slovar'* [Komi-Permian-Russian dictionary]. Moscow, 1985. 624 p. In Russian, Komi-Permyak.
- Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Zaboeva I. K., Kosnyreva R. I.** *Komi syornisikas kyvchukör: Slovar' dialektov komiazyky: v 2 t.: bolee 78000 slov* [Dictionary of Komi dialects: in 2 volumes: more than 78,000 words] / Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; edited by L. M. Beznosikova. Syktyvkar: Kola, 2014. V. I.: A–O. 1096 p. In Russian, Komi.
- Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Zaboeva I. K., Kosnyreva R. I.** *Komi syornisikas kyvchukör: Slovar' dialektov komiazyky: v 2 t.: bolee 78000 slov* [Dictionary of Komi dialects: in 2 volumes: more than 78,000 words] / Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; edited by L. M. Beznosikova. Syktyvkar: Kola, 2014. V. II.: Ö–Ya. 888 p. In Russian, Komi.
- Vladykina T. G.** *Udmurtskii fol'klorny mirotekst: obraz, simbol, ritual: monografiya* [Udmurt folklore world text: image, symbol, ritual: monograph]. UIIYAL UdmFITS UB RAS. Izhevsk: «MonPorazhen» Publ., 2018. 298 p. In Russian.
- Vladykina T. G.** Mifologiya vizual'nogo i akusticheskogo v kommunikativnom povedenii udmurtov [The mythology of the visual and acoustic in the communicative behavior of the Udmurts]. *Vestnik UdGU: Istoriya i filologiya* [Bulletin of UdSU: History and Philology]. Issue 1. 2008. Pp. 83–88. In Russian.
- Zhilina T. I.** *Verhnesysol'skii dialekt komiazyky* [Upper Sysola dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 268 p. In Russian.
- Zhilina T. I.** *Luzsko-letskii dialekt komiazyky* [Luza-Letka dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 272 p. In Russian.
- Zhilina T. I.** *Vymskij dialekt komiazyky* [Vymisky dialect of the Komi language]. Syktyvkar: Prolog Publ., 1998. 440 p. In Russian.
- Ilyina I. V., Ulyashev O. I.** Formirovanie muzhchiny v ramkah tradicionnykh predstavlenii o muzhskom puti «morttui» u komi-zyryan [Formation of a man within the framework of traditional ideas about the male path "morttui" among the Komi-Zyryans]. *Folkloristics of the Komi: research and materials* / Ed. series Mare Kõiva, ed.-comp. L. Lobanova, N. Kuznetsov. Sator 17. Tartu: Scientific publishing house ELM, 2016. Pp. 33–66. DOI: <https://doi.org/10.7592/Sator.2016.17.08>. In Russian.
- Kolegova N. A., Baraksanov G. G.** *Srednesysol'skii dialekt komiazyky* [Middle Sysola dialect of the Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 226 p. In Russian.

Lytkin V. I., Gulyayev E. S. *Kratkii etimologicheskii slovar komi yazyka* [A short etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar., 1999. 432 p. In Russian.

Saharova M. A., Sel'kov N. N. *Izhemskii dialekt komi yazyka* [The Izhma dialect of the Komi language]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatelstvo. 1976. 288 p. In Russian.

Sorvacheva V. A. *Nizhnevychevodskii dialekt komi yazyka* [Nizhnevychevodsky dialect of the Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 228 p. In Russian.

Sorvacheva V. A., Beznosikova L. M. *Udorskii dialekt komi yazyka* [The Udora dialect of the Komi language]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 283 p. In Russian.

Sravnitel'nyi slovar' komi-zyryanskih dialektov [Comparative Dictionary of the Komi-Zyryan dialects]. Comp. Zhilina T. I., Saharova M. A., Sorvacheva V. A. Syktyvkar, 1961. 492 p. In Russian.

Sakharova M. A., Selkov N. N., Kolegova N. A. *Pechorskii dialekt komi yazyka* [Pechora dialect of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatelstvo, 1976. 152 p. In Russian.

Sorvacheva V. A., Sakharova M. A., Gulyaev E. S. *Verhnevychevodskii dialekt komi yazyka* [Verkhnevychevodsky dialect of the Komi language]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatelstvo, 1966. 254 p. In Russian.

Panyukov A. V. *Dinamika razvitiya komi fol'klornykh traditsii v kontekste teorii samoorganizatsii* [The dynamics of the development of Komi folklore traditions in the context of the theory of self-organization]. Syktyvkar, 2009. 224 p. In Russian.

Petrov N. V. *Durnoi sglaz: traditsiya, sovremennost', internet* [The evil eye: tradition, modernity, the Internet]. Sila vzglyada: glaza v mifologii i ikonografii [The power of the gaze: eyes in mythology and iconography] / ed. and comp. D. I. Antonov. Moscow: RGGU, 2014. Pp. 317–355. In Russian.

Sidorov A. S. *Znakharstvo, koldovstvo i porcha u naroda komi*. Materialy po psikhologii koldovstva [Folk healing, witchcraft and spoilage among the Komi people. Materials on the psychology of witchcraft]. SPb.: Aleteya, 1996. 272 p. In Russian.

Ulyashev O. I. *Tshyködöm* [Magic damage]. Mifologiya komi: Enciklopediya ural'skih mifologii [Mythology of the Komi: Encyclopedia of Ural mythologies]. Moscow, Syktyvkar: DIK, 1999. V. I. Pp. 361–363. In Russian.

Chuyashkova M. V. *Mnogoznachnye komi sin i finskij silma 'glaz (a)' i ih frazeologicheskii potencial* [Polysemantic Komi and Finnish silma 'eye (as)' and their phraseological potential]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: DiplomaGramota, 2008. №. 1. Part 2. Pp. 159–161. In Russian.

Etimologicheskij onlajn-slovar' N. M. Shanskogo [Etymological online dictionary of N. M. Shansky]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/b/vostorg>. In Russian. (Date of the application: 10/02/2021).

Received 23.03.2021

Panyukov Anatolii Vasil'evich,
Candidate of Sciences (Philology),
Associate Professor, Senior Researcher,
Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar, 167000, Russian Federation
e-mail: apankomisc@mail.ru

*Е. В. Ельцова***ПУТИ РАЗВИТИЯ КОМИ ПОЭЗИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI вв.**

В статье рассматривается процесс исторического развития коми поэзии 1946–2020-х гг. Детально представлен авторский состав нескольких периодов: первого послевоенного десятилетия, 1960–1980-х, 1990–2000-х гг. Наибольшее внимание уделено характеристике творчества ведущих поэтов этих лет: И. Вавилина, С. Попова, Ф. Щербакова, А. Ванеева, В. Попова, Г. Юшкова, А. Мишариной, В. Тимина, Г. Бутыревой, А. Лужикова; определены их основные жанровые и тематические предпочтения. Впервые в описание единого процесса развития коми поэзии второй половины XX – первой четверти XXI вв. включен новейший период 1990–2000-х гг. в его связи с предыдущими периодами. Обзор поэтических произведений (стихотворений и поэм) за несколько десятилетий позволил сделать вывод о том, что коми поэзия с момента окончания Великой Отечественной войны по настоящее время прошла сложный, неоднозначный путь. Понесла значительные писательские потери в период репрессий 1930-х гг. и в годы войны, коми литература смогла восстановиться и в количественном, и в качественном отношении, выйдя на новый уровень. В эти годы в процессе развития коми поэзии приняло участие несколько поколений авторов, обращавшихся в своем творчестве к разработке самых различных тем, жанров, форм. Особо отмечается процесс освоения поэзией в различные периоды жанров европейских и восточных литератур – рубаи, сонета и венка сонетов, верлибра, танка, хокку. Как одно из важнейших направлений становления коми литературы в указанные периоды в статье прослежено развитие такого крупного лиро-эпического жанра, как поэма.

Ключевые слова: современная коми поэзия, лирика, стихотворение, автор, жанр, поэтический цикл, поэма, образ, мотив, форма, сонет, верлибр, тема, песня, перевод.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-446-456

В период репрессий 1930-х гг. и в годы Великой Отечественной войны коми литература понесла самые значительные потери в своей истории: были репрессированы и погибли в лагерях ведущие поэты 1920–1930-х гг. – В. Савин, В. Чисталев; долгое время был лишен возможности писать и публиковаться В. Лыткин. Лишь после 1956 г., вследствие решений XX съезда КПСС и начала процесса реабилитации жертв политических репрессий, новому поколению читателей было возвращено творчество этих, а также других запрещенных и незаслуженно забытых (А. Маегов, И. Чисталев, Ф. Попов, И. Симаков, Е. Колегов) поэтов; возобновлена публикация их произведений в периодической печати и отдельными изданиями, что оказало значительное воздействие на дальнейшее развитие коми поэзии.

В 1941–1945 гг. на фронт ушли почти все коми писатели, вернулись и продолжили творческую деятельность единицы: к завершению войны в писательской организации Коми

АССР осталось 11 членом Союза писателей СССР, среди них – поэты М. Лебедев, Н. Фролов, поэт-фронтовик С. Попов [История коми... 1981, 7]. В состав поэтического актива первого послевоенного десятилетия также вошли вернувшиеся с фронта И. Вавилин, Ф. Щербаков, Д. Конюхов, П. Шеболкин. Перед ними стояли задачи: возобновить прерванное развитие коми поэзии и обеспечить ее подъем, сделать поэзию духовным оружием в преодолении послевоенных трудностей, воспитать новые кадры из числа талантливой молодежи. Основной площадкой для публикации новых произведений на коми и русском языках с января 1946 г. стал ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «*Войвыв кодзув*» (Северная звезда), на страницах которого наиболее полно и достоверно отражены авторский состав поэзии тех лет, жанровые и тематические предпочтения поэтов.

После завершения войны коми поэзия еще долгое время жила воспоминаниями о ней: лидирующее положение во второй половине 1940-х и в 1950-е гг. занимает поэзия на военную тему, с которой сопряжена и тема борьбы за мир. Как правило, это была лирика публицистического характера, созданная еще в годы войны и в послевоенный период поэтами-фронтовиками И. Вавилиным, С. Поповым, Ф. Щербаковым, Д. Конюховым, П. Шеболкиным. О войне писали и М. Лебедев, Н. Фролов, а также начинающие авторы А. Ванеев, Б. Палкин, Г. Торлопов. В их патриотических стихах воспевается подвиг советского солдата, присутствуют пафосные героико-романтические интонации, преобладают мотивы отваги, героизма, готовности отдать жизнь за родину. Цикл стихов «Война воясса стихъяс» (Стихи военных лет, 1946) И. Вавилина и «Сталинградскöй баллада» (Сталинградская баллада, 1953) С. Попова – классические образцы военной коми лирики этого периода.

Послевоенная коми поэзия – поэзия не только военного, но и трудового подвига. В числе ее основных мотивов – радость победы, возвращение солдата на родину и счастье мирного созидательного труда. Свое дальнейшее развитие получил героический образ фронтовика, вернувшегося с войны и сменившего военную профессию на мирную. Вдохновенный труд лесорубов, сплавщиков, колхозников, машинистов, шахтеров, геологов, восстановление страны и освоение Севера – главные темы многих произведений данного периода. В этом ключе активно работали С. Попов (стих. «*Войвож*» (1947), «*Тöв-Поз-Из*» (1947), «*Ухта*» (1949), поэма «*Зарни поток*» (Золотой поток, 1951)), прозаик Я. Рочев, творчество которого начиналось с создания стихов (стих. «*Тундраын бияс*» (Огни в тундре, 1946), «*Выль карын асыв*» (Утро в новом городе, 1948). Заметное место в коми поэзии первых послевоенных лет занимает одическая лирика: почти в каждом номере журнала «*Войвыв кодзув*» публикуются торжественные стихи, посвященные Родине, Москве; многие поэты того времени внесли свою лепту в развитие национальной ленинианы и сталинианы. Коми поэзия в те годы была призвана даже на службу предвыборной агитации.

К началу 1950-х гг. в поэзии намечается выход за жесткие идеологические рамки. Наряду с агитационными и репортажными стихами появляется и высокохудожественная задушевная лирика, вошедшая в золотой фонд коми литературы: стихи Н. Фролова «*Кытысь радейтöм?*» (Откуда любовь?, 1946), С. Попова «*Пельсь чаль помö стомöдысь көш...*» (На ветку рябины черпак берестяный, 1954), «*Вöрыс вöччис зарни рөмөн...*» (Лес нарядился в цвет золотой, 1955), цикл стихов Ф. Щербакова «*Лирической тетрадъсь*» (Из лирической тетради, 1956). Популярны были в этот период также жанры баллады, басни, лирической песни, частушки. К началу нового этапа развития подходит коми поэма: к этому крупному лиро-эпическому жанру в своем послевоенном творчестве обращаются М. Лебедев, С. Попов, И. Вавилин, В. Власов, С. Тимушев, создавая, как правило, произведения военной тематики.

Поэты И. Вавилин, Ф. Щербаков, С. Попов, начинавшие свой творческий путь еще в довоенные годы, в полной мере проявили себя уже после войны. Их имена – наиболее яркие в коми поэзии этого периода. И. Вавилин, опубликовавший в годы войны два сборника стихов – «*Ни öти шаг бөрö*» (Ни шагу назад, 1942) и «*Сöветскöй воин*» (Советский воин, 1944), после ее окончания обратился к созданию лирических стихов, сатирических памфлетов, басен, поэм,

литературы для детей. Его поэзия оптимистична, светла, жизнерадостна, наполнена юмором и сатирой. Поэма «*Тарас дед*» (Дед Тарас, 1946, 1959) – большое многочастное произведение И. Вавилина, создававшееся на протяжении многих лет и «занявшее место в ряду лучших коми поэм» [Демин 1978, 95] – одно из самых известных и значимых произведений этого периода. Будни колхозной коми деревни тридцатых годов, ее жители и их характеры – предмет изображения в поэме. В образе ее главного героя Тараса воплощен характер коми крестьянина: его хозяйственность, добродушие, чувство юмора. Как и все творчество И. Вавилина, поэма отличается жизнерадостностью, юмором, живостью и красочностью языка, связью с фольклорными традициями.

Для поэзии Ф. Щербакова военной тематики характерен особый лиризм, а стихотворения его первого сборника «*Менам Отчизна*» (Моя Отчизна, 1955) торжественны, оптимистичны. Послевоенное творчество поэта наиболее полно раскрылось в его песенной лирике, для которой свойственно «сочетание гражданских и интимных чувств в характере лирического героя» [Демин 1995, 216]. Сотрудничество с композиторами А. Осиповым, В. Мастеницей принесло широкую известность песням «*Менам Отчизна*» (Моя Отчизна, 1950), «*Енэж кодъ лӧз синъяса*» (Голубоглазая, 1951), «*Кор ми аддзысьлам тэкод*» (Когда мы увидимся с тобой, 1955), созданным на его стихи. Значим вклад поэта в процесс развития коми сонета: стихи, созданные в этом жанре и вошедшие в сборник «*Кодзувъяс оз кусны*» (Звезды не гаснут, 1969), позднее были названы литературоведами «четырнадцатистроичниками» [Демин 1995, 217].

Наибольшую творческую активность в этот период проявил С. Попов: только в первое послевоенное десятилетие было издано четыре сборника его стихов. Плодотворно работая в различных поэтических жанрах, он внес весомый вклад в развитие коми поэмы, героической баллады, лирического стихотворения, песни. Основные книги стихов поэта – «*Миян войвыв*» (Наш север, 1948), «*Ме славита мир*» (Я славлю мир, 1951), «*Дружба йылысь стихъяс*» (Стихи о дружбе, 1955), «*Лӧз енэж улын*» (Под синим небом, 1960), «*Муслун*» (Любовь, 1970), «*Вой кыа улын*» (Под северным сиянием, 1988). В книги вошли произведения, посвященные войне и борьбе за мир, индустриальному преобразованию Севера и неброской красоте его природы, коми национальному характеру и истокам героизма, любви и дружбе. В числе основных творческих достижений С. Попова также его поэмы «*Вошлӧм морт*» (Пропавший без вести, 1957), «*Маиук*» (1959), «*Щугӧрса зон*» (Парень из Щугора, 1966).

1940–1950-е гг. отмечены «выходом литературы коми на всесоюзную читательскую арену» [Остапова 2016, 7]: в 1946 г. в Москве был издан сборник «Поэты Коми», куда вошли стихи И. Вавилина, В. Елькина, Ф. Щербакова, Д. Конюхова, М. Лебедева, С. Попова, А. Размыслова, Я. Рочева, Н. Фролова, П. Шеболкина, В. Юхнина. В свою очередь, переводческая деятельность коми поэтов обогатила коми поэзию переводами стихов А. Пушкина, Н. Некрасова, В. Маяковского, М. Исаковского, Я. Смелякова и др.

На начало 1960-х гг. приходится новый значительный этап развития коми поэзии. В это время во всех жанрах активно продолжают работать поэты старшего поколения И. Вавилин, С. Попов, Ф. Щербаков; тогда же о себе заявил еще один поэт-фронтовик, тонкий и задушевный лирик, автор элегий А. Мальцев, опубликовавший два сборника стихов: «*Мелілун*» (Нежность, 1969) и «*Менам зарни ар*» (Моя золотая осень, 1984). Вместе с тем состав коми поэтов значительно обновился. Активность и целеустремленность, направленные на обретение большей творческой свободы, переход от риторики к эмоциональности с сохранением гражданственности и общественного звучания лирики проявило поколение авторов, чьи детские и юношеские годы пришлись на военную пору: А. Ванеев, Б. Палкин, Г. Юшков, В. Попов, Ю. Васютов, Н. Щукин. Почти сразу же вслед за ними в литературу входят В. Тимин, В. Напалков, а также поэты, родившиеся в первые послевоенные годы – А. Мишарина, В. Лодыгин. Эта плеяда авторов, придерживавшаяся единых философских и эстетических взглядов, и определила основное звучание коми поэзии 1960–1980-х гг., характеризующееся сохранением социального оптимизма поэзии предыдущего периода, постепенным выходом за идеологические рамки, отказом от явной

риторики, агитации, уступившим место лиризму и романтическим ощущениям, навеянным периодом «оттепели». Стремление поэтов к отображению новых жизненных обстоятельств потребовало и иной манеры художественного мышления, иной поэтики стиха, качества которого обусловлены вниманием к нравственно-философским проблемам, их обращенностью к внутреннему, духовному миру человека, к его мыслям и чувствам.

Как и в первое послевоенное десятилетие, в 1960-е гг. художественные усилия поэтов всех поколений направлены на осмысление прошедшей войны. Гордостью проникнуты стихи поэтов-фронтовиков И. Вавилина, С. Попова, Ф. Щербакова, Д. Конюхова, А. Мальцева, изображавших героический подвиг народа на фронте. Новое поколение авторов сделало новый шаг в разработке данной темы. Их стихи – это впечатления военного детства: память об ушедших на фронт отцах и старших братьях, о скудном хлебе военной поры, о раннем взрослении и тяжелом труде наравне со взрослыми. Примечательны в этом плане стихи В. Попова «Сьылӧм» (Пение, 1957), Г. Юшкова «Ичӧтдырсясь» (Из детства, 1958), А. Ванеева «Кынмалыштӧм пельсь» (Подмороженные ягоды рябины, 1968), В. Тимина «Война кадся нянь» (Хлеб военной поры, 1969). Символичен и глубок в творчестве молодых поэтов образ женщины военных лет – труженицы, матери, вдовы, наиболее ярко представленный в стихах В. Попова «Пиӧс кольӧдӧс мам» (Сына провожала мать, 1961), А. Ванеева «Мамлӧн сьӧлӧм» (Сердце матери, 1965), Г. Юшкова «Коми ань» (Женщина коми, 1968). Значимым событием этого периода стал перевод А. Ванеевым на коми язык глав поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», опубликованный в 1960 г. в журнале «Войвыв кодзув».

Оптимизмом, берущим начало еще в первом послевоенном десятилетии, наполнены стихи коми поэтов 1960-х гг., посвященные бурным процессам индустриализации, развитию промышленности на Севере. Таковы циклы стихов и стихи Н. Щукина «Геологъяс» (Геологи, 1960), В. Власова «Шахтёрскӧй уджлы слава!» (Слава шахтерскому труду, 1962), А. Мальцева «Войвыв кыптӧ» (Север развивается, 1963), С. Попова «Вой кья» (Северное сияние, 1967). Чрезвычайной популярностью у поэтов в 1960–1970-е гг. пользуются интернациональные мотивы, проявляющиеся в стихах С. Попова «Испания дӧнын» (Испания рядом, 1960), «Рафаэль» (1961), «Патрис Лумумбалӧн сьӧлӧм» (Сердце Патриса Лумумбы, 1961), В. Попова «Югдӧ тэ весьтын, Куба!» (Светает над тобою, Куба, 1961), Г. Юшкова «Венгрияын ты эм» (Есть в Венгрии озеро, 1961), Ф. Щербакова «Крымса сонетьяс» (Крымские сонеты, 1962), В. Напалкова «Гуцулъяс ордын» (У гуцулов, 1969), А. Ванеева «Эстония» (1970), «Украинаса мотивъяс» (Украинские мотивы, 1979). В 1970-е гг. большое значение придается взаимосвязям литератур народов СССР. В 1972–1973 гг. в рамках договора о творческом сотрудничестве в Коми АССР и в Закарпатье прошли недели украинской и коми литератур; на коми язык переведены стихи украинских поэтов В. Варади, П. Воронько, П. Скунца, Л. Украинки, И. Франко; на украинский – стихи коми поэтов И. Куратова, А. Размыслова, В. Лыткина, И. Вавилина, А. Ванеева, Ю. Васютова, В. Лодыгина, А. Мишариной и др.; в первой половине 1980-х гг. изданы авторские сборники С. Попова «Ранок над Ежвою» (Рассвет над Эжвой, Одесса, 1981), А. Размыслова «Зоряниця» (Ранняя заря, Харьков, 1985).

Вместе с тем значимую роль в поэзии 1960–1980-х гг. играет лирика, посвященная родной земле, коми народу и языку. Возвышенный символизированный образ северного края, его природы представлен в цикле стихов С. Попова «Чужан му йылысь кывбуръяс» (Стихи о родной земле, 1961), в стихах Г. Юшкова «Чужан му» (Родная земля, 1961), Ф. Щербакова «Ме чужси Коми муын» (Я родился на Коми земле, 1964), А. Ванеева «Еджыд эрдъяса му» (Земля белых полей, 1965), А. Мальцева «Му эм сэтшӧм» (Земля такая есть, 1969). Неоднократно поэты этого периода проявляют себя и как замечательные мастера пейзажной лирики: об этом свидетельствуют стихи «Зэр бӧрын» (После дождя, 1960) С. Попова, «Медбур художник» (Лучший художник, 1960) В. Напалкова, «Жонь» (Снегирь, 1961) А. Ванеева, «Ар» (Осень, 1963) А. Мальцева, «Тӧвся асыв» (Зимнее утро, 1966) А. Мишариной. Экологическая проблематика затронута в стихах Г. Юшкова «Йӧра» (Лось, 1960), С. Попова «Сьӧмга» (Семга,

1966), В. Напалкова «*Ключ ва*» (Ключевая вода, 1970); ощущается искренняя озабоченность поэтов вопросами бережного отношения к природе родного края, неизбежно связанными и с сохранением коми народа и его языка. Осознание того, что все начинается с родной земли, побуждает авторов пристальнее всматриваться в характер коми человека, его духовный облик, стремиться увидеть их своеобразие. Чувство гордости за коми народ легло в основу стихотворений Г. Юшкова «*Ми – комяс!..*» (Мы – коми, 1967), «*Нöшта ыджыд айö йылысь*» (Еще раз о моем деде, 1972), В. Тимина «*Оз нö радейтны комяс дзоридз...*» (Говорят, коми не любят цветы, 1967), А. Ванеева «*Ми – войвывса пиян*» (Мы – севера сыны, 1982). Осмысление судеб коми народа и его языка приводит авторов к оптимистической вере в их долгую жизнь, дальнейшее развитие и процветание; знаковыми с этой точки зрения являются стихотворения Г. Юшкова «*Коми кыв*» (Коми язык, 1961), В. Тимина «*Чужан кыв*» (Родной язык, 1966).

Развитие лирики проявляется в возникновении новых и дальнейшем совершенствовании уже существующих в коми поэзии жанров: рубаи (А. Мальцев), стихотворного рассказа (А. Ванеев), баллады (С. Попов, А. Ванеев, Г. Юшков), элегии (А. Мальцев, А. Мишарина, С. Попов), эпиграммы (И. Вавилин), басни (А. Тимушев). Богатством и разнообразием форм и жанров отличается поэтическое творчество А. Ванеева: им созданы лирические стихи, баллады, стихотворные рассказы, поэмы. Однако наиболее значительный вклад поэт внес в развитие сонета: по признанию исследователей, он – один из наиболее активных и последовательных разработчиков этого жанра в коми поэзии XX в. [Coates 1990, 61]. В 1988 г. им был издан сборник «*Войвывса сонетьяс*» (Северные сонеты), в который вошли стихи, посвященные Северу, его природе, родному селу, любви. Некоторые сонеты А. Ванеева объединены в циклы: «*Ловъя Куратов*» (Живой Куратов), «*Шондёлön кытши*» (Круговорот солнца). Также он автор первого в истории коми литературы венка сонетов «*Чужан сиктöй менам*» (Родное село мое, 1988) – сложного по форме лирического произведения, состоящего из пятнадцати стихотворений и посвященного родной земле, маленькому северному селу, их прошлому, настоящему и будущему.

В 1960–70-е гг. в коми поэзии на ведущие позиции выходит поэма, основными качествами которой становятся сочетание лиризма и драматизма, стремление к философским обобщениям [Демин 1978, 93]. Коми народный характер воссоздается в поэмах Г. Юшкова «*Отсöг*» (Помощь, 1962), И. Вавилина «*Сьылысь дед*» (Поющий дед, 1973). Военной тематике посвящены поэмы И. Вавилина «*Öнiя элегия*» (Современная элегия, 1965), А. Ванеева «*Сөнъясын öткодъ вир*» (В жилах одна кровь, 1972), «*Ловъя би*» (Живой огонь, 1981). Обращается поэма этих лет к историческому и мифологическому прошлому коми народа. Первыми подступами к осмыслению истории края после Октябрьской революции 1917 г. стали стихотворная драма Ф. Щербакова «*Домна Каликова*» (1966), поэма С. Попова «*Шугöрсэ зон*» (Парень из Шугора, 1966). К коми фольклору в поэме «*Пера багатыр*» (1966) обращается В. Лыткин. Роли личности в истории Коми края посвящена поэма А. Ванеева «*Иван Куратов*» (1975). Новаторским, ключевым для своего времени произведением стала лирико-философская поэма В. Попова «*Сьылысны бабаяс, сьылысны*» (Пели бабы, пели, 1963). Здесь наряду с военной тематикой затрагивается новая для коми литературы тема репрессий коми писателей. Трагические судьбы погибших на войне коми солдат и работающих в тылу в годы войны женщин символично перекликаются в поэме с не менее трагической судьбой загубленного в лагерях коми поэта В. Савина, чьи стихи и песни, живущие в памяти народа, поднимают дух в самые тяжелые годы. Необычна и стилистика произведения, в основе которой – жанры коми фольклора и литературы: причитание, рассказ о судьбе поэта, ода, пейзажная лирика [Латышева 1995, 87]. Поэма В. Попова отличается от других поэм этих лет глубокой степенью символизма.

Работавший во всех жанрах и родах литературы народный писатель Г. Юшков начинал свой творческий путь с поэзии. В 1950–60-е гг. один за другим издавались сборники его стихов «*Медводдза сёрни*» (Первый разговор, 1959), «*Олöм шыяс*» (Звуки жизни, 1962), «*Сьёлöм петас*» (Всходы сердца, 1966), посвященные, как правило, сельским труженикам, вынесшим

на своих плечах тяготы военных и послевоенных лет. В творчестве этого периода, в книгах «*Кывбурьяс*» (Стихи, 1973), «*Бур йӧз водзын*» (Перед добрыми людьми, 1984), в стихах «*Ыджыд айӧ*» (Мой дед, 1967), «*Пӧч-пӧльнымӧс босьтамӧй*» (Возьмем, к примеру, наших дедов, 1969) поэт размышляет о сути коми национального характера, о его нравственных истоках.

Заметный вклад в развитие коми поэзии сделан В. Тиминим, опубликовавшим первые стихи еще в середине 1960-х гг. и продолжавшим активно работать вплоть до 2000-х гг. в различных жанрах коми лирики. Наиболее значимые книги стихов поэта этого периода – «*Туйын да гортын*» (В дороге и дома, 1971), «*И ӧтнам, и йӧзкӧд*» (И один, и с людьми, 1979), «*Йӧзлань чужӧмӧн*» (Лицом к людям, 1987). Воспоминаниям о военном детстве, родному селу и близким людям посвящены его ранние стихи, среди которых – «*Патефон*» (1971), «*Ар менӧ чужан сиктын суис...*» (В родном селе меня застала осень, 1972), «*Талун тані ме ни и гӧсть...*» (Здесь сегодня я сын и гость, 1976).

К поколению родившихся после войны авторов принадлежит В. Лодыгин, пришедший в литературу в середине 1960-х гг. и продолжающий активно работать и сегодня; им издано более десятка сборников. Почти все творчество поэта – это стихи и поэмы, посвященные родной земле, ее истории и современности: деревушке в верховьях Вычегды, людям, живущим и работающим там. Произведения этого автора отличаются оптимистичным взглядом на жизнь, о чем свидетельствуют и названия его книг: «*Ставыс на водзын*» (Все еще впереди, 1978), «*Мича лун*» (Прекрасный день, 1986). В своем творчестве В. Лодыгин придерживается четких гражданских позиций, пишет о духовно-нравственных основах национального характера. Он широко известный поэт-песенник, один из организаторов фестиваля-конкурса современной коми песни «Василей».

Знаменательным событием в коми поэзии 1960–1970-х гг. стало появление первой женщины-поэта А. Мишариной. Издание ее первого сборника стихов «*Тэ менам – кок ув му*» (Ты – моя родина, 1977) ознаменовало собой появление в коми поэзии значительного, нежного, доброго лирика с женским взглядом на мир [Ванеев 1977, 56]. Творчество поэтессы, характеризующееся как «утверждающее ценность жизни на земле в ее лучших качествах, носителем которых является человек» [Малева 2015, 87], представлено в основном лирическими стихами, пейзажными миниатюрами, произведениями, адресованными детям. Значимое достижение коми поэзии – стихи А. Мишариной о севере, о природе родной земли: «*Коми муӧй менам дженьыд гожӧмъяса...*» (Коми земля моя с летом коротким, 1969), «*Войвыв дзоридз*» (Северный цветок, 1970), «*Турӧб! Турӧб!..*» (Метель! Метель!, 1975). Шедеврами коми любовной лирики стали ее стихотворения «*Кӧсий тӧнӧ вунӧдны...*» (Позабыть тебя хотела, 1972), «*Сувтны эськӧ пельсьӧн...*» (Стать бы мне рябиною, 1976), «*Эм саридз менам – олӧм...*» (Есть море у меня – жизнь, 1977).

В период 1960–1980-х гг. на русский язык были переведены почти все наиболее значимые произведения коми поэтов: в Москве в издательствах «Современник» и «Советский писатель» опубликованы сборники стихов А. Ванеева, С. Попова, В. Попова, Г. Юшкова. Сама коми поэзия обогатилась переводами из сокровищницы мировой, русской и финно-угорской поэзии. Коми читатели в эти годы могли познакомиться с творчеством Д. Алигьери, У. Шекспира, Ф. Петрарки, П. Неруды, А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Фета, С. Есенина, А. Ахматовой, Ашальчи Оки на родном языке. Значительным событием стали перевод А. Туркиным на коми язык и публикация в 1980 г. рун карело-финского эпоса «Калевала».

1990–2000-е гг. стали новым этапом в развитии коми поэзии. В эти годы поэтами старшего и более молодого поколений вырабатывается новый взгляд на жизнь, на цели и задачи литературы. На рубеже тысячелетий происходит смена литературных ориентиров, характеризующаяся стремлением к новому философскому и художественному мышлению, и вместе с тем возвращением к национальным и художественным основам, к истокам – к творчеству первого коми поэта И. Куратова, к прерванным традициям поэзии 1920–1930-х гг.

В 1990-е гг. творческую активность еще сохраняют поэты, пришедшие в литературу в 1960-е гг.: С. Попов, А. Ванеев, Г. Юшков, В. Тимин, Н. Щукин, В. Напалков, Ю. Васюттов, А. Мишарина, В. Лодыгин. Создавая новые произведения, они продолжают традиции, заложенные их поколением во второй половине XX столетия. Их поэзия нового периода – это, как правило, философские раздумья о прожитом, о человеческой судьбе, о прошлом и настоящем коми народа. Г. Юшков в стихах «*Важён да ёні*» (Давно и сейчас, 1991), «*Чуд гу дорын*» (У чудской могилы, 1991), «*Питирум Сорокин*» (1991) «*Вежа Степан*» (Святой Стефан, 1991) размышляет об истории коми народа и о характере коми человека сквозь призму времени, язычества и христианства. Глубоким философским раздумьям о главных жизненных ценностях посвящены стихи А. Ванеева «*Сёян нянь, сьёлём би, чужан му...*» (Хлеб насущный, пламень сердца, родина, 1993), «*Эскём*» (Вера, 1998), «*Ичётдырся керка*» (Дом детства, 1999). Все чаще к воспоминаниям об ушедшем детстве в стихах «*Сьёлём бара вёрзис*» (Сердце снова не на месте, 1992), «*Челядьдырöй*» (Детство, 1995), «*Эг и төдлы...*» (Не заметила, 1996) обращается А. Мишарина. В зрелый период творчества к философской лирике обращается В. Тимин. Глубокие размышления о времени, пространстве, бесконечности и месте человека в них лежат в основе его стихотворений «*И коляс лун...*» (И завершится день, 1997), «*Ставыс чужö, олö, бырö...*» (Все рождается, живет, кончается, 1998), «*Ылыс нэмьяс сайсянь...*» (Из далеких веков, 1999), «*Эм истина...*» (Есть истина, 1999).

К концу 1980-х гг. в коми поэзию приходит новое поколение молодых авторов, чье творчество достигло расцвета в 1990-е гг.: Г. Бутырева, М. Елькин, А. Некрасов, А. Лужиков, Е. Козлов, В. Бабин, П. Бушенев, Э. Тимушев. Следом за ними в первой половине 1990-х гг. в поэзии впервые зазвучали имена О. Уляшева, А. Шебырева, Н. Обрезковой, А. Ельцовой. Путь каждого из них в литературе неповторим и уникален, но как единое явление их поэзия характеризуется преодолением границ традиционной поэтики, поисками в области жанра и формы, разнообразием и богатством изобразительно-выразительных средств [Латышева 2005, 173]. Внутренний мир человека во всем многообразии его мыслей, эмоций и переживаний – приоритет новейшей коми лирики.

Как и авторы предыдущих поколений, поэты 1990-х гг. пишут стихи о родной земле. Но их отличие, скажем, от лирики послевоенной и лирики 1960-х гг. в том, что родная земля для поэтов – это не огромная, великая многонациональная страна, а родной уголок – маленькая деревушка у берегов северной реки, затерянная среди бескрайних лесов. Такова она в стихах Е. Козлова «*Ок, Эжов, Эжов, чужан пельöс...*» (Ох, Эжов, Эжов, уголок родной, 1989), Г. Бутыревой «*Вашка дорса сиктöй...*» (Село у берегов Вашки, 1999). При этом любовь к родной земле в стихах поэтов этого поколения часто сопряжена с болью воспоминаний не только о прошлом – об ушедшем детстве, о родных людях, которых уже нет, об опустевшем отчем доме, но и с переживаниями о будущем села, традиционного уклада коми жизни, коми народа в целом. Это явственно ощущается в стихах П. Бушенева «*Эновтём сиктын*» (В покинутом селе, 1989), А. Лужикова «*И збыль мöй – сийö кадыс матын...*» (Неужели, правда, близится то время, 1989), «*Енмöй, тавой менам...*» (Господи, сегодня мне..., 1994), Н. Обрезковой «*Сиктöй-шоганöй...*» (Печаль моя, село, 2004).

В поэзии этого времени звучит и тревога за будущее родного языка. В стихах А. Лужикова «*Коми сёрни...*» (Коми речь, 1989), Е. Козлова «*Коми кыв*» (Коми язык, 1989), Г. Бутыревой «*Коми – ичөтик вөр юяса му*» (Коми – земля небольших лесных речушек, 1989), В. Бабина «*Кыв*» (Язык, 1995) отражен новый взгляд на коми язык, который, «как исток – небольшая, негромкая лесная речушка среди бескрайней тайги, живет одной жизнью с коми людьми, необходим им, но без бережного отношения может исчезнуть вместе с самим народом» [Демин 1994, 71].

Коми поэты поколения 1990-х гг. в своем творчестве чаще обращаются к истории коми народа, к событиям далекого и недавнего прошлого Коми края, затрагивая наиболее сложные, неоднозначные моменты, ставшие ключевыми в судьбе народа. Христианизации Коми края

в XIV в., роли Стефана Пермского в этом процессе посвящены стихи А. Лужикова «Пермса Стефанлӧн шынас...» (Азбука Стефана Пермского, 1989), Е. Козлова «Емдӧн вичко лэптӧм» (Строительство Усть-Вымского храма, 1994), «Степансянь Памаӧдз бӧрӧ видзӧдлас» (Взгляд в прошлое от Стефана да Памы, 1997), «Памалӧн вежа нига» (Святая книга Памы, 1997). Размышляя об исторической обусловленности характера коми человека, к закрытой ранее теме репрессий 1930-х гг., ГУЛАГа обращается в своем творчестве конца 1980–1990-х гг. поэт А. Лужиков. В его «Коми поэме» (1989), в стихах «Вӧркута да уна-уна зона йылысь...» (О Воркуте и других многочисленных зонах, 1994), «Виттор» (1994), «Пожжӧг. 1937 во» (Пожег. 1937 год, 1994) события недавнего прошлого представлены как личная трагедия Коми земли и ее народа [Горинова 2018, 123]. В трагических судьбах многих исторических (Стефан Пермский, П. Сорокин, И. Куратов, В. Савин, В. Чисталев) и фольклорных (богатыри Пера, Ёиркап) персонажей поэт видит судьбу родной земли и коми народа, в ошибках и проступках прошлого – их настоящее и будущее. Значимым событием литературной и культурной жизни республики стал художественный перевод в 1991–1992 гг. М. Елькиным эпической поэмы К. Ф. Жакова «Биармия» (1916) на коми язык; перевод был отмечен Государственной премией РК им. И. А. Куратова (1996).

Творческие устремления коми поэтов 1990–2000-х гг. направлены на поиск новых путей развития поэзии, ее новых форм, что связано с ориентацией авторов на традиции коми фольклора, на творчество поэтов 1920–30-х гг., а также на модернистские тенденции западноевропейской поэзии. Традиции гомеровского стиха осваивает М. Елькин. В формах классической японской поэзии танка и хокку созданы экспериментальные стихи О. Уляшева, включенные в его сборник «Кӧттӧм нывкалы» (Босоногой девчонке, 2001). Белым стихом пишет Н. Обрезкова. Оригинальна с точки зрения художественных форм поэзия Г. Бутыревой – автора, пишущего на коми и русском языках. Еще в 1980-е гг. она обратилась в своем творчестве к свободному стиху. А в ее поэтических сборниках «Пас туй» (Жизненный след, 1989), «Бог с тобой» (1994), «Сӕкатӧ, эзысьӧ, донаӧ...» (Ненаглядный, дорогой, милый, 1999) и др. в основном представлены произведения, созданные в традициях коми народного стиха и европейского верлибра. Верлибр не только закрепился в коми поэзии последних лет, но и обрел широкую популярность среди поэтов разных поколений.

В 2000-е гг. в различных жанрах коми лирики продолжают работать поэты В. Лодыгин, Е. Козлов, М. Елькин, О. Уляшев, В. Бабин, А. Шебырев. Их внимание акцентируется на вопросах национальной истории, языка и культуры коми народа; создаются произведения, нацеленные на пробуждение национального самосознания; утверждается мысль, что историческая память народа способна перенести в современность ценности, сохранение которых является необходимым условием существования коми народа в будущем.

В количественном отношении на передний план выходит женская поэзия. Период конца XX – начала XXI вв. характеризуется ее активным развитием [Малева 2011, 204], что отмечается отечественными [Латышева 2005, 133] и зарубежными исследователями [Bartens 2004, 7]. Еще активно продолжает работать старшее поколение поэтесс. Стихи А. Мишариной 2006–2012-х гг., изданные уже после смерти автора в сборнике «Чужсанӧнын, гортын» (На родине, дома, 2013), наполнены ощущением извечного возвращения к истокам. В творчестве Г. Бутыревой этого периода особое место занимают стихи, созданные по мотивам библейских псалмов и включенные в сборник «Да будет имя Твое» (2003). Лирические стихи, миниатюры продолжают писать Н. Обрезкова, А. Ельцова, А. Елфимова, Е. Афанасьева, Н. Павлова, а также поэты, пришедшие в литературу уже в новом тысячелетии: Л. Втюрина, Л. Ануфриева, А. Шомысова, О. Баженова и др. В их стихах раскрывается внутренний мир современной женщины – понимание и видение ею жизни, окружающего мира, любви.

В коми литературе конца XX – первого десятилетия XXI вв. начинают преобладать малые художественные формы. Значимость малых жанров в коми прозе и драматургии отмечают исследователи Т. Л. Кузнецова [Кузнецова 2014, 3], Н. В. Горинова [Горинова 2016, 164–170].

Схожие процессы происходят и в коми поэзии данного периода. Крупных лиро-эпических произведений, таких как поэма, становится меньше. В поэзии они уступают место малым жанрам: лирическому стихотворению, пейзажной миниатюре и др. Начиная с 1990-х гг. поэма меняет свой облик: на первый план выходит жанр «маленькой» поэмы, напоминающий не цельное эпическое полотно, а, скорее, цикл стихов. По типу венка сонетов создана состоящая из четырнадцати отдельных стихотворений поэма А. Ванеева *«Мозын ю вомён пос»* (Мост через реку Мезень, 1991). Синтез документального и художественного представляет собой поэма В. Лодыгина *«Лача»* (Надежда, 2012), написанная в форме стихотворных писем. В основу исповеди трех человек, посвященной раздумьям о судьбах коми народа и коми литературы, легли личная переписка и тюремные дневники коми писателя В. Чисталева. Напоминают циклы стихов и произведения Е. Афанасьевой *«Лэбач»* (Птица, 2018), О. Баженовой *«Хельсинкиса асыв»* (Утро в Хельсинки, 2018). Знаковой для своего времени является поэма А. Лужикова *«Бёрданаёй, Перадй, югыд шондйой»* (Пера мой оплакиваемый, ясное солнце мое, 2001) – многочастное лирико-философское произведение с глубокой национальной проблематикой, в котором нашли отражение переживания автора о судьбе коми народа и родной земли. Созданное в форме обрядового причитания, оно посвящено герою коми фольклорных преданий Пере, в идеализированном образе которого воплощены прошлое коми народа, его величие, ум, физическая и духовная сила [Ельцова 2019, 234].

В 2000-е гг., несмотря на временный перерыв, произошедший в 1990-е гг., продолжают развиваться и укрепляются связи между родственными финно-угорскими литературами: в результате взаимных переводов стихи коми поэтов зазвучали на финском, венгерском, эстонском, марийском и др. языках. Отдельные сборники стихов И. Куратова, А. Ванеева, Н. Обрезковой, А. Ельцовой, А. Елфимовой, Л. Ануфриевой, А. Шомысовой изданы в Эстонии. В свою очередь, коми читатели смогли познакомиться с поэзией Ш. Петефи, А. Валтона, К. Ристикиви, М. Ундер, Х. Руннель, Ю. Лийва, Б. Алвер, С. Чавайна, К. Герда, Н. Абрамова, Ю. Вэлла, В. Колумба и др.

Национальная поэзия, пройдя с 1946 по 2020 гг. более чем полувековой путь своего развития, добилась значительных результатов и стала целостной художественной эстетической системой. Этот процесс включил в себя несколько периодов (первое послевоенное десятилетие, 1960–1980-е гг., 1990–2000-е гг.), в рамках которых работало несколько поколений авторов: их творчество демонстрирует содержательное и жанрово-формальное многообразие, богатство художественных стилей, свидетельствующие о постоянных поисках и обновлении поэзии на каждом этапе литературного развития. Преодолев рамки партийности литературы, отказавшись от агитационности, публицистичности, плакатности, коми поэзия вновь обратилась к традициям поэзии XIX и первой половины XX в., к устному народному творчеству, к жанровой системе мировой литературы, что позволило ей обновить традиционные жанровые формы, выработать новую идейно-эстетическую ориентацию, достичь качественно нового художественного уровня. Специфику коми поэзии на современном этапе определяют философичность, сложная ассоциативность, метафоричность, усиление личностного начала, психологизм, разработка новых художественных форм и средств выражения. Обновилось в ней и понимание человека: наиболее пристальное внимание сегодня в поэзии уделяется богатству и глубине внутреннего мира личности, разнообразию ее эмоций, мыслей, переживаний, что, безусловно, свидетельствует о формировании новой поэтической традиции.

ЛИТЕРАТУРА

- Ванеев А. Е. Панём сълланкывъяс // Войвыв кодзув. 1977. № 8. С. 56–60.
- Горина Н. В. Малые драматургические формы в творчестве Г. Юшкова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3(39). С. 164–170.
- Горина Н. В. Поэтика «Коми поэмы» А. Лужикова // Финно-угроведение. 2018. № 1(59). С. 122–128.
- Демин В. Н. Коми поэма. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1978. 144 с.
- Демин В. Н. На небе звезда...: введение в историю и теорию коми поэзии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 288 с.

- Демин В. Том поэзияльн философия // Войвыв кодзув. 1994. № 4. С. 68–76.
- Ельцова Е. В. Основные тенденции развития коми поэмы рубежа XX–XXI вв. // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 231–240.
- История коми литературы. В 3-х т. Т. 3. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 432 с.
- Кузнецова Т. Л. Малые формы коми прозы конца XX – начала XXI в.: особенности художественного развития. Сыктывкар, (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. 2014. Вып. 518. С. 3–11.
- Латышева В. А. Классики и современники: статьи о литературе. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 240 с.
- Латышева В. А. Коми литература историясь. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1995. 140 с.
- Малева А. В. Женская поэзия коми рубежа XX–XXI веков: некоторые особенности характера и мироощущения лирической героини // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 4(16). С. 204–209.
- Малева А. В. Поэзия ценности жизни и повседневности: некоторые аспекты поэтики Александры Мишариной // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 3. С. 77–89.
- Остапова Е. В. Коми литература в зеркале перевода. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 86 с.
- Bartens R. Näkökulma kominkieliseen vuosituhannen vaihteen lyriikkaan // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 2004. № 90. P. 7–56.
- Coates J. G. Albert Vaneev and the Komi sonnet // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum 5. Sessions sectionum. Debrecen, 1990. P. 61–66.

Поступила в редакцию 08.04.2021

Ельцова Елена Власовна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН,
167982, Россия. Сыктывкар, Коммунистическая, 26,
e-mail: alena.eltsova@mail.ru

E. V. Eltsova

WAYS OF DEVELOPMENT OF KOMI POETRY IN THE SECOND HALF OF THE 20TH – FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURIES

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-446-456

Summary. The article examines the process of the historical development of Komi poetry in the 1946–2020s. The author's composition of several periods is presented in detail: the first post-war decade, 1960–1980s, 1990–2000s. The closest attention is paid to the characteristics of the work of the leading poets of these years: I. Vavilin, S. Popov, F. Shcherbacov, A. Vaneev, V. Popov, G. Yushkov, A. Misharina, V. Timin, G. Butyreva, A. Luzhikov; their main genre and thematic preferences are determined. For the first time, the description of the unified process of development of Komi poetry in the second half of the 20th – first quarter of the 21st centuries includes the newest period of the 1990s – 2000s in its connection with previous periods. A review of poetic works (poems and verses) over several decades led to the conclusion that Komi poetry since the end of the Great Patriotic War has gone through a difficult, ambiguous of development. It suffered significant losses during the repression of the 1930s and during the war years, but was able to recover and reach a new level of development. During these years, several generations of authors took part in the development of Komi poetry, turning in their work to the development of a variety of topics, genres, forms. The process of mastering by poetry in different periods of genres of European and Eastern literatures is especially noted: rubai, sonnet and wreath of sonnets, vers libre, tanka, hokku. The development of such a major lyric-epic genre of poetry as a poem is traced as one of the most important in the work.

Keywords: modern komi poetry, lyrics, verse, author, genre, poetry cycle, poem, image, motive, form, sonnet, vers libre, theme, song, translation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 446–456. In Russian.

REFERENCES

- Vaneev A. E.** Panom s'ylyankyv"yas [Started songs]. *Voivyv kodzuv* [North Star], 1977. № 8. Pp. 56–60. In Komi.
- Gorinova N. V.** Malye dramaturgicheskie formy v tvorchestve G. YUshkova [Small dramatic forms in G. Yushkov's works]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia], 2016. № 3(39). Pp. 164–170. In Russian.
- Gorinova N. V.** Poetika “Komi poehmy” A. Luzhikova [Poetics of “Komi poem” by A. Luzhikov]. *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric studies], 201. № 1(59). Pp. 122–128. In Russian.
- Demin V. N.** *Komi poema* [Komi poem]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1978. 144 p. In Russian.
- Demin V. N.** *Na nebe zvezda...: vvedenie v istoriyu i teoriyu komi poehzii* [A star in the sky: an introduction to the history and theory of Komi poetry]. Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1995. 288 p. In Russian.
- Demin V.** Tom poeziyalon filosofiya [Philosophy of young poetry]. *Voivyv kodzuv* [North Star], 1994. № 4. Pp. 68–76. In Komi.
- El'tsova E. V.** Osnovnye tendentsii razvitiya komi poemy rubezha XX–XXI vv. [The main trends in the development of the Komi poem at the turn of the XX–XXI centuries]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 2019. Vol. 9. № 2. Pp. 231–240. In Russian.
- Istoriya komi** literature: v 3 t. [History of Komi literature: in 3 vol.]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1981. Vol. 3. 432 p. In Russian.
- Kuznecova T. L.** *Malye formy komi prozy konca XX – nachala XXI v.: osobennosti hudozhestvennogo razvitiya* [Small forms of Komi prose of the end of the 20th – beginning of the 21st century: features of artistic development]. Syktyvkar: KNC UrO RAN Publ., 2014. Vol. 518. 40 p. In Russian.
- Latysheva V. A.** *Klassiki i sovremenniki: stat'i o literature* [Classics and Contemporaries: articles on literature]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2005. 240 p. In Russian.
- Latysheva V. A.** *Komi literatura istoriyays'* [From the history of Komi literature]. Syktyvkar, SyktGU Publ., 1995. 140 p. In Komi.
- Maleva A. V.** Zhenskaya poeziya komi rubezha XX–XXI vekov: nekotorye osobennosti kharaktera i mirooshchushcheniya liricheskoi geroini [Komi women's poetry at the turn of the XX–XXIth centuries: traits of character and worldview of the lyrical heroine]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm university herald], 2011, № 4(16). Pp. 204–209. In Russian.
- Maleva A. V.** Poeziya tsennosti zhizni i povsednevnosti: nekotorye aspekty poetiki Aleksandry Misharinoin [Poetics of the value of life and daily occurrence: some aspects of Alexandra Misharina's poems]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2015. № 3. Pp. 77–89. In Russian.
- Ostapova E. V.** *Komi literatura v zerkale perevoda* [Komi literature in the mirror of translation]. Syktyvkar, SGU im. Pitirima Sorokina Publ., 2016. 86 p. In Russian.
- Bartens R.** Näkökulma kominkieliseen vuosituhannen vaihteen lyriikkaan. *Aikakauskirja Suomalais-Ugrilaisen Seuran*. 2004. № 90. P. 7–56. In Finnish.
- Coates J. G.** Albert Vaneev and the Komi sonnet. *Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum 5. Sessions sectionum*. Debrecen, 1990. P. 61–66. In English.

Received 08.04.2021

Eltsova Elena Vlasovna,

Candidate of Sciences (Philology), Reseatcher,
Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 1679820, Komi Republic, Russia,
e-mail: alena.eltsova@mail.ru

Е. Г. Сойни, И. С. Маташина

ЭПОХА СССР ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ ФИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ¹

Статья посвящена образу СССР, который формируется в художественной литературе Финляндии XX–XXI веков. Внимание уделяется как прозаическим, так и стихотворным произведениям. Каждый из рассматриваемых в статье авторов представляет читателю особый взгляд на развитие Советского Союза и сопредельных государств, делает попытку по-новому взглянуть на хорошо известные события, показать их с точки зрения финляндских шведов, финнов, эстонцев, обратить внимание на неизвестные ранее детали истории. В статье сравниваются позиции литераторов разных поколений: писателей «пламеносцев» начала XX в. («Tulenkantajat»), отразивших интерес мирового сообщества к появлению молодого советского государства, и наших современников по отношению к той же эпохе. Становятся заметны недостатки и проблемы, существующие в советском обществе. Литераторы стараются найти баланс между положительными и негативными моментами советской истории, показать судьбу конкретного человека. Интересны для современных писателей также выдающиеся представители русской культуры (например, Достоевский, Гоголь, Шалапин). Воспоминания писателей от их пребывания в СССР влияют на формирование образной системы их произведений. Объектом изображения становятся не только конкретные люди, но и города: Ленинград, Мурманск, Москва, впечатление от них экстраполируется на страну в целом. Личность писателя, отразившаяся в выборе исторического периода, главного героя и точки зрения на историю СССР, придает особую ценность и уникальность каждому из выбранных романов, эссе и стихотворений.¹

Ключевые слова: литература Финляндии, шведская литература Финляндии, русская литература, Олави Пааволайнен, Софи Оксанен, Катри Липсон, Йонс Карлсон, Чель Вестё, изображение Советского Союза, Ленинград, Москва, поэзия, роман.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-457-466

От идеализации к реальности

Финляндия и Россия связаны между собой как общим прошлым, так и пристальным вниманием друг к другу в настоящем. Многие писатели стран северной Европы обращались и обращаются в своем творчестве к Советскому Союзу и России. Свои произведения посвятили СССР исландец Халльдоур К. Лакснесс, шведская писательница Сельма Лагерлёф, финская поэтесса Катри Вала и др. В Финляндии постоянно появляются писатели, которым интересно

¹ И. С. Маташина – исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ №20-012-00171А «Взаимопритяжение и взаимоотталкивание в литературе России и Финляндии второй половины 20 – начала 21 веков в условиях приграничья»; Е. Г. Сойни – исследование выполнено в рамках госзадания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН 2021 год.

«все новое в литературе и культуре как финно- и шведоязычных, так и европейских, а также русских авторов» [Дорофеева 2018, 507].

Эпоха СССР и ее изображение в литературе становились объектом исследования в различных аспектах. Е. А. Третьяченко рассматривала образ Советской России в творчестве американских писателей и публицистов [Третьяченко 2010]. О. В. Молчанова провела аналогичное исследование в рамках немецкой литературы [Молчанова 2020], О. А. Полякова – во французской литературе [Полякова, 2016]. Вопрос изображения советского периода российской истории в литературе Финляндии в настоящее время освещен еще не достаточно. В 2003 г. Э. Г. Карху посвятил часть раздела своей монографии культурным контактам между Финляндией и Россией во второй половине XX века [Карху 2003]. В 2017 г. вышла монография Е. Г. Сойни, посвященная взаимопроникновению русской и финской литературы в первой половине XX века. М. Сорвари изучала вопрос литературы эмиграции в Финляндии [Sorvari 2018], Й. Хольмен – изображение СССР и США в финских, шведских, норвежских учебниках [Holmén 2011].

В нашей статье мы делаем попытку проанализировать, как менялось восприятие СССР в литературе Финляндии. Для этого было проведено сравнение тематики произведений некоторых писателей и поэтов XXI в. с изображением СССР у тех, кто был свидетелем начального периода истории образования союзного государства. За основу исследования взяты наиболее известные романы трех финских писателей (К. Липсон, С. Оксанен, Ч. Вестё), а также лирика одного из современных поэтов Финляндии – Й. Карлсона. Используя сравнительно-исторический и типологический методы, сделана попытка проследить, каким образом менялся взгляд на Советский Союз от литературы 1920–30-х гг. до произведений современных авторов: от идеализации СССР до стремления к объективности.

В 1920–1930-е гг. интерес к молодому советскому государству поддерживался писателями, принадлежащими к группе «пламеносцев» (tulenkantajat). Среди них были видные поэты Катри Вала и Эльмер Диктониус, критики Олави Пааволайнен и Лаури Вильянен. В альманахе «Туленкантаят» в 1927 г. Пааволайнен перевел и опубликовал статью Ильи Эренбурга «Романтизм наших дней» («Uusi romantiikka»), и в предисловие к ней выразил свое восприятие советской эпохи: «Нет ничего более прочного, чем современность, – писал он. И если ее выразить одним словом, то оно будет звучать так: ищи!» [Paavolainen 1927, 27].

В книге «В поисках современности» («Nykyäikaa etsimässä» 1929) Пааволайнен знакомит финского читателя с советской поэзией. Революционное искусство России, по мнению Пааволайнена, интересно своим экспериментом, отказом от традиций, жадной устремленностью к урбанистической тематике.

По словам Пааволайнена, большевики сразу после Октябрьской революции «взяли под свою опеку футуристов <...>. Зародилось самое значительное сотрудничество между искусством и политикой» [Paavolainen 1929, 210]. Будучи поклонником левого искусства, Пааволайнен называет поэму Маяковского «150 миллионов» гениальной, «это марш гигантов и заклинания мистических сил <...> Хаотическая сила революции и ее экстаз <...> «150 миллионов» – это народ России» [Paavolainen 1929, 217]. Характеризуя революцию как «хаотическую силу», Пааволайнен словно вторил Сельме Лагерлёф. Знаменитая шведская писательница 20 декабря 1926 года в «Речи на заседании Шведской академии», говоря об Октябрьской революции, заметила, что «это было настоящее землетрясение» [Lisovskaya 2018, 141].

Революционная Россия с урбанистической культурой и промышленными городами находится, по мнению Пааволайнена, в непримиримом противоречии с Россией крестьянской. Новая Россия побеждает старую. Новое поколение легко усваивает технические новинки, «но в то же время среди хаоса революции оно ценит землю» [Paavolainen 1929, 225].

В 1939 г., через год после выхода «Русской сказки» («Gerska ävintygrid», 1938) Халльдоура Лакснесса Пааволайнен обращается к образу Советского Союза в очерке «Петербург –

Ленинград» (Pietari – Leningrad, 1939). Сама структура очерка, бессюжетность, восторженное отношение Пааволайнена к миру машин и огней, идеализация советской действительности – всё указывает на то, что финскому автору близка эстетика современного города. Напротив, роскошь дореволюционного Петербурга Пааволайнен называет восточной и непонятной финну. С такой роскошью, по словам Пааволайнена, «ясное дело, соседствовала нищета» [Raavolainen 1946, 23]. Пааволайнен пишет о двух непересекающихся мирах, двух ликах дореволюционного Петербурга. Подобное сравнение, как мы увидим позднее, встречается и в произведениях современных писателей Финляндии (у Челя Вестё в романе «Мираж 38» («Hägring» 38), описывается как внешняя сторона жизни москвичей (парадная), так и оборотная (негативная).

Советский Ленинград явно ближе внутреннему миру Пааволайнена. Переходя от повествования о дореволюционном Петербурге к образу Ленинграда, критик пишет о «сотворении нового сердца» [Raavolainen 1946, 23], останавливает свой взгляд на современной архитектуре, на дворцах культуры, на эффектном художественном освещении макетов, показывающих исторические сцены. Известная финская поэтесса Катри Вала, представитель группы «пламеносцев», также была настроена доброжелательно по отношению к Советскому Союзу. В своих статьях 1930-х годов «Спартанская черная каша» (Spartalainen mustasoppa, 1933), «Современная аналогия охоты на ведьм» (Nykuaiainen noitavainon korvike, 1933) она высмеивала страх буржуазных журналистов перед коммунизмом, высоко ценила «неоспоримую любовь СССР к просвещению, поддержку литературы, театра и науки» [Vala 1981, 47].

В 1920–1930-е гг. Советская Россия предстает для писателей, придерживающихся левых взглядов, романтической, идеализированной и даже сказочной страной. Исследователи справедливо объясняют этот феномен отсутствием информации у европейских авторов о реальных событиях в СССР [Иванов, «Сельма Лагерлёф...», Коровин, «Сталинский Советский Союз...»]. Д. Д. Кузина уточняет, что западный мир «после начала Великой Депрессии, заставившей столь многих разочароваться в идеалах капитализма, был готов к подобному восприятию СССР» [Кузина, «Два друга – две России»] Думается, что и финскому обществу, расколотому гражданской войной, было необходимо видеть хоть какую-то альтернативу, нужно было хоть что-то противопоставить обществу потребления.

Если Пааволайнен и Вала обращались к современной им советской действительности, то Лаури Вильянен воспринимает действительность через призму классической литературы. В 1937 г. выходит его книга «Борющийся гуманизм» (Taisteleva humanismi) со статьей «Достоевский и Ницше». Вильянен называет Достоевского своим современником, видит в его творчестве черты модернистской культуры – психоанализ и мистику, крах рационализма и возвеличение человека. Наряду с Вильяненем финские поэты и прозаики проецируют в советскую действительность образы русской классики, а «Достоевского нередко называют писателем XX века» [Карху, 1976, 10]. Восприятие его творчества, «исторически обусловленное своеобразие интереса» к Достоевскому в литературе Финляндии достаточно изучено [Карху 1976, 81]. Добавим, что Достоевский не только повлиял на формирование таланта видных финских реалистов второй половины XX в. (Вяйне Линна, Йорма Корпела, Марианна Алопеус), но и стал лирическим героем в поэзии Финляндии. Один из видных представителей финского экспрессионизма Эльмер Диктониус в стихотворении «Достоевский» 1924 г. называет русского писателя братом и воспринимает его как современника:

И вот приходишь ты, <...>

брат...

(Перевод Б. Окуджавы) [Диктониус 1969, 43].

Понятие всемирного братства, как известно, одно из ключевых в направлении европейского экспрессионизма. «Экспрессионизм, не был «последним словом» для Диктониуса» [Мишин 1987, 27]. Диктониус ставил перед собой цель «осовременить» русского писателя, ввести об-

раз Достоевского как брата в эпоху XX века. И это было новаторством в его поэзии. В стихотворении 1942 г., озаглавленном «Брат мой, брат!», Диктониус вновь вспоминает Достоевского, вновь употребляет слова «брат», «братство». Братство тех, кто несет человечеству слово, способное спасти человечество, достойно, по мнению поэта, благодарности:

Братство, спасибо тебе за
Сиянье...
(Перевод М. Ярмуша) [Диктониус 1969, 126].

Традицию отношения к русским писателям как к современникам возрождает Йонс Карлсон. Лирические сюжеты стихотворений Йонса Карлсона разворачиваются в городах под названием «Достоевсково», «Гоголеск». Поэт предрекает России новое время, и знаки этого времени видит в классической литературе:

Предрекаю России новое время
вторую, даже третью часть Мертвых душ,
где дух Гоголя танцует -- --
теперь смеясь со всеми
(Перевод Д. Цыганковой).

*Ennustan Venäjälle uutta aikaa,
Kuolleitten sielujen toista,
tai jo kolmatta osaa, jossa Gogolin henki tanssii -- --
nyt nauraen kaikkien kanssa.*

[Carlson 2020, 36].

Современных авторов объединяют попытки переосмыслить историю Советского Союза с учетом тех сведений, к которым был открыт доступ в конце XX века. В творчестве уже упомянутого нами исландского писателя Лакснесса во второй половине XX века произошел поворот от восприятия СССР как «воплощенной мечты человечества... к ироничному, трезвому отношению к построенному в СССР обществу» [Коровин, «Сталинский Советский Союз...»]. В стихотворениях Йонса Карлсона ирония сочетается с описанием трагических моментов истории. Карлсон, как и Пааволайнен, разделяет Ленинград и Петербург, но если в очерке Пааволайнена описывается дореволюционный Петербург, то у Карлсона Петербург – постсоветский. И на окраине этого постсоветского города, вернувшего себе старое имя, уже несуществующий советский Ленинград умывает лицо:

На окраине Петербурга Ленинград умывает
Свое лицо, скрывая сгоревшие усадьбы.
(Перевод Д. Цыганковой).

*Pietarin esikaupungeissa Leningrad pesee
kasvojaan peitellen palaneita kartanoita*
[Carlson 2020, 8].

Здесь, несомненно, видна евангельская реминисценция. В знаменитой сцене, описанной в «Евангелии от Матфея», римский прокуратор Понтий Пилат «умыл руки перед народом» [Мф, 27:24]. Ритуал омовения, связанный с идеей очищения, покаяния известен в культуре разных народов. Карлсон, обращаясь к древнему сюжету, создает многозначный образ советского Ленинграда.

Софи Оксанен – едва ли не самая заметная фигура в современной финской литературе. Ее роман «Очищение» (2008) переведен на двадцать пять языков, а на родине стал бестселлером и получил семь различных литературных премий, среди которых главная финская награда в области литературы – премия «Финляндия». Он, как и романы «Сталинские коровы» («Stalinin lehmät», 2003), «Когда исчезли голуби» («Kun kyyhkyset katosivat», 2012), посвящен истории Эстонии, отношению эстонцев к Советскому Союзу. В романе «Очищение» («Puhdistus») судьба пожилой эстонской крестьянки Алииде Тру – одной из рядовых палачей и жертв советской действительности 1940–1950-х гг. переплетается с судьбой молодой девушки – одной из типичных жертв прекрасных и горестных «новых 90-х». В общении

и столкновении двух, казалось бы, ничем не связанных женщин обнаруживаются общие черты: способность к страсти, стремление к независимости, готовность на все ради любви. Автор исследует травму, которая присутствует в жизни обеих героинь. По словам Л. Роос, «в дополнение к изображению травмы войны и оккупации Эстонии, она исследует травму настоящего, отзывающуюся из прошлого» [Роос 2014, 33].

Катри Липсон избрала иной путь изображения Советского Союза. Над романом «Космонавт» («Kosmonautti», 2008 г.) финская писательница работала почти 18 лет, и речь в нем идет о русском приграничном севере – о жителях Мурманска. Действие в произведении происходит не в наше время, а в восьмидесятые годы XX века. Так что задачей писателя было не только представить себе Мурманск, но и понять, каким он был два-три десятилетия назад. Главный герой, мальчик Сережа, мечтает полететь к звездам. Однако мечта рушится, поскольку он узнает, что не сможет попасть в отряд космонавтов из-за дальтонизма. В этом произведении также важно отметить особенность восприятия России: «оригинальность романа состоит в богатстве деталей и наличии мифологизированного пространства. Холод и унылость города Мурманска, его коммуналки и маленькие квартирки пригородных домов противопоставляются пространству космоса и звездного неба. Заглавие романа («Космонавт») обретает в тексте множество толкований. Удивительно мастерство финского писателя в описании России: ее образ рождается из мелких деталей, включенных в индивидуальные пространства героев, которые разрастаются во вселенские» [Песонен 2011, 200–201].

Более подробно остановимся на романе шведоязычного писателя из Финляндии – Челя Вестё, «Мираж 38» (2013 год), лауреата многочисленных премий. Права на издание данного романа были приобретены издательствами 18 стран. В своих произведениях Ч. Вестё объединяет исторические события и художественный вымысел.

Важную роль в романе «Мираж 38» играют упоминания о взаимоотношениях СССР и Финляндии на примере жизненных перипетий главного героя, адвоката Класа Туне. Ранее он был дипломатом и работал в Финском консульстве в Москве. Туне находился в должности в течение десяти месяцев 1936 г. и покинул свой пост раньше срока. Большая часть упоминаний о Советском Союзе в книге связана с этим периодом времени. По сюжету романа жизнь в Москве уже осталась для главного героя в прошлом. Как он сам признается, возвращение из Москвы в Хельсинки случилось, поскольку «больше не было работы... Все контакты были заморожены. Никакой торговли, никакого культурного обмена, никакого туризма» [Westö 2013, 65]. Клас Туне после возвращения из Москвы оставил дипломатическую службу и возобновил деятельность своего адвокатского бюро. Упоминания о событиях прошлого и реалиях жизни в Советском Союзе возникают в беседах персонажей романа и в воспоминаниях главного героя.

Упоминания о Советском Союзе являются неотъемлемой частью повествования. На развитие сюжетной линии они не оказывают непосредственного влияния, но без них непонятен контекст, в котором происходит действие. Советско-финляндские политические взаимоотношения неоднократно упоминаются на страницах книги, эти короткие фразы становятся своеобразными «мостами», соединяющими вымышленных героев и реальность, придавая сюжету весомость и правдоподобие. Герои знают Достоевского и Гоголя, ведут диалоги о Стравинском и Шляппине, что показывает уровень образования, эрудиции героев. Но есть и упоминания о советской действительности иного толка. Их мы обозначим как «субъективные». Они отличаются тем, что описания представлены читателю от лица главного героя, показаны через его чувства. Яркими иллюстрациями этого являются главы о жизни Класа Туны в Москве.

В романе «Мираж 38» столица Советского Союза приобретает негативный оттенок: здесь завершились и дипломатическая карьера, и брак Туны. Его жена отказалась переезжать, поскольку «не верит большевикам, особенно таким, как Сталин» [Westö 2013, 22]. Москва 1930-х гг. в романе предстает мрачным, безрадостным городом: «Запах ... дешевых духов, лежалой одежды и дезинфицирующих средств. Люди в ужасе. Нет, не в ужасе. Они в панике. Никто не говорит с иностранцами, малейшая оговорка может привести на Лубянку» [Westö 2013, 66].

Туне, как сотрудник дипломатического представительства, сталкивается с существующим в советском обществе разделением общества: нищета и роскошь сосуществуют в одном городе: «Европейский лоск бального зала отеля «Метрополь», шампанское и омары для избранных в том городе, где люди одевались в лохмотья, а полки магазинов зияли пустотой» [Westö 2013, 184].

Странны и чужды Класу Туне символика революции и размах проводимых праздничных мероприятий. Чель Вестё пишет об эпохе 1930-х годов, будучи знакомым с историческими сведениями о дальнейшем развитии событий, и многочисленными документами, о которых современники описываемых событий не могли знать, и художественной литературой. Поэтому в романе «Мираж 38» праздничный парад описывается так: «Красный, красный, красный повсюду, прожекторы освещали широкие центральные улицы и пустынные площади, школьников и студентов, маршировавших прямыми рядами с флагами в руках» [Westö 2013, 184]. После парада герой обращает внимание на развевающийся при полном штиле флаг над Кремлем (как подсказал его коллега, это происходит благодаря установленной ветровой машине): «Туне посмотрел на освещенный прожекторами неустанно реюющий флаг. Осенним вечером он выглядел удивительно, словно лужа крови, текущая с небес» [Westö 2013, 86].

Лишь немногие описания добавляют положительные черты к образу Москвы. Туне, обладая тонкой и чувствительной душой, обращает внимание на окружающую его природу: «Река блестит словно серебряная. Последние солнечные лучи освещают красным купола церквей, сумерки длинные и прохладные» [Westö 2013, 67]. Лето же в воспоминаниях главного героя выглядит иначе: «Предыдущее лето, единственное, что он провел в Москве, последние недели перед возвращением в Хельсинки, ужасная жара, запах гари, белый тополиный пух, лежащий после цветения деревьев вдоль улиц липким снегом» [Westö 2013, 166]. Контрастным выглядит представление, которое возникает в стихотворении Карлсона: «Что может быть лучше света над утренней Москвой? // Пусть не для нас» [Carlson 2020, 23] (Onko kauniinraa kuin Moskovan aamujen valo, // ei meille ainakaan).

Обобщив воспоминания о Москве и москвичах главного героя, можно сделать вывод, что Чель Вестё для описания исторического фона подбирает факты таким образом, чтобы создать необходимую для литературной выразительности атмосферу, имея в своем распоряжении знания об эпохе сталинизма, накопленные за XX век. Представляется важным отметить, что в этот момент писатель прослеживает зарождение в Советском Союзе нового индустриального мира, нового уклада жизни. Для Туны этот образ существования не подходит.

Упоминания о Советском Союзе в романе Челя Вестё «Мираж 38» можно объединить в три группы: воспоминания главного героя о нескольких месяцах жизни в Москве, сведения о политических взаимоотношениях СССР с Финляндией и общекультурные факты. Политика в произведении становится фоном, на который накладываются воззрения литературных персонажей. Их согласие или несогласие с тем, что происходит внутри страны и за ее пределами, выявляет их характеры и иллюстрирует настроения, царившие в финском обществе в период 1930-х годов. Основное внимание Ч. Вестё уделяет описанию шведской части жителей Хельсинки. Свое выражение оно получает во взаимодействии Класа Туны с окружающими, в том числе с друзьями. В его воспоминаниях преобладают негативные оттенки. Подобная гамма чувств складывается из объективных и субъективных факторов. С объективной стороны, несколько месяцев в Москве стали для Туны испытанием из-за несовпадения менталитета и отношения к идеям коммунизма, точнее, его внешнему проявлению в действительности Москвы 1930-х. С субъективной стороны, это время было периодом личностного кризиса героя, что наложило отпечаток на восприятие действительности. Подводя итог, отметим: появление в биографии главного героя романа «Мираж 38» эпизода, связанного с жизнью в Москве, обогащает произведение в сюжетном плане. Отношения с Советским Союзом играли важную роль во внешней политике Финляндии в 1930-х годах, поэтому выбор автором места службы для главного героя отнюдь не случаен. Одновременно он расширяет географические рамки произведе-

ния, объясняет политическую подоплеку ситуаций, происходящих с героями романа, и показывает в этом контексте их характеры.

Создавая выразительную литературную атмосферу, каждый из этих авторов рассказывает историю, преломленную через призму восприятия конкретного человека: финского дипломата у Ч. Вестё, юноши из Мурманска у К. Липсон, двух женщин из Эстонии у С. Оксанен, личные переживания у Й. Карлсона. Личность писателя, отразившаяся в выборе исторического периода, главного героя и точки зрения на историю СССР придает особую ценность и уникальность каждому из выбранных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

Диктониус Э. Колочее пламя. М.: Прогресс, 1969. 160 с.

Дорофеева Е. Творчество Хагар Ульссон (1893–1978) и прорыв писателей «нового поколения». К 100-летию финско-шведского модернизма // Скандинавские чтения 2016 г. / Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб: МАЭ РАН, 2018. 552 с.

Иванов А. Н. Сельма Лагерлёф и русская культура // Знание: Понимание: Умение. 2008. № 5 URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Ivanov_Lagerlof/ (Дата обращения: 19.04.2021).

Карху Э. Г. Достоевский и финская литература. Петрозаводск: Карелия, 1976. 136 с.

Карху Э. Г. Восстановление и развитие культурных контактов во второй половине XX века // Общение культур и народов: Исслед. и материалы по истории финско-карельско-русских культурных связей XIX–XX в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 29–33.

Коровин А. В. Сталинский Советский Союз в восприятии Х.К. Лакснесса // Новые Российские гуманитарные исследования URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2124/?print=Y> (Дата обращения: 14.04.2021).

Кузина Д. Д. «Два друга – две России»: травелоги Джона Дос Пассоса и Э. Э. Каммингса об СССР // Новые Российские гуманитарные исследования URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2124/?print=Y> (Дата обращения: 19.04.2021).

Мишин А. И. Творчество Эльмера Диктониуса и проблемы шведоязычной литературы Финляндии. Петрозаводск: Карелия, 1987. 120 с.

Молчанова О. В. Образ СССР и современной России в немецкой литературе во второй половине XX – начале XXI века // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 10(50) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sssr-i-sovremennoy-rossii-v-nemetskoj-literature-vo-vtoroy-polovine-xx-nachale-xxi-veka/viewer> (Дата обращения: 19.06.2021).

Песонен П. Россия как мифологизированное пространство в современной финской литературе // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, 2011. Вып. XII. С. 184–202. URL: https://www.ruthenia.ru/Stud_Russica_XII/Pesonen.pdf (Дата обращения: 04.04.2021).

Полякова О. А. Репрезентация образа России во французской литературе в оценках российских компаративистов // Концепт. 2016. № 9 URL: <https://e-koncept.ru/2016/16195.htm?view> (Дата обращения: 04.06.2021).

Третьяченко Е. А. Образ советской России в творчестве американских писателей и публицистов в историко-культурном контексте 1917–1991 гг. дис. ... канд. культурологии. Ивановский гос. университет, Шуя, 2010. URL: <http://sspu.ru/pages/postgraduate/abstracts.html> (Дата обращения: 04.06.2021).

Carlson J. Kalliolen. Helsinki: Kehrääjä, 2020. 60 s.

Holmén J. Den politiska läroboken: bilden av USA och Sovjetunionen i norska, svenska och finländska läroböcker under kalla kriget Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2006. 376 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/277994839_Den_politiska_laroboken_Bilden_av_USA_och_Sovjetunionen_i_norska_svenska_och_finlandska_larobocker_under_Kalla_kriget (Дата обращения: 04.04.2021).

Laitinen K. Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki: Otava, 1981. 676 s.

Lisovskaya P. Selma Lagerlöf's travelogue on Russia: fairy tale, revelation or propaganda? // Scandinavian Philology, 2018. Vol. 16. Issue 1. Pp. 138–148.

Paavolainen O. Ilja Ehrenburg. Uusi romantiikka. Alkulause. Tulenkantajat, 1927. № IV. Porvoo. S. 27.

Paavolainen O. Nykyaikaa etsimässä. Helsinki: Otava, 1929. 461 s.

Paavolainen O. Pietari–Leningrad. Helsinki, 1946. 46 s.

Roos L. Post-Soviet Trauma in the Nordic Imagination: Occupation and Sex Trafficking in Purge and Lilya 4-Ever. Baltic Screen Media Review, 2014. Vol. 2. Pp. 23–35. URL: <https://www.researchgate.net/>

publication/290816246_Post_Soviet_Trauma_in_the_Nordic_Imagination_Occupation_and_Sex_Trafficking_in_Purge_and_Lilya_4-Ever (Дата обращения: 04.04.2021).

Sorvari M. Native, Foreign, Translated? Russian' Migrant Literature between Finland and Russia / Migrants and literature in Finland and Sweden Helsinki: Finnish Literature Society, 2018. 57–80 с. URL: <http://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:1350616/FULLTEXT01.pdf> (Дата обращения: 06.04.2021).

Vala K. Suorasanaista 30-luvulta ja luvusta. Helsinki, 1981. 280 p.

Viljanen L. Taisteleva humanismi. Hämeenlinna: Karisto, 1950. 493 s.

Westö K. Hägring 38. Helsinki: Schildts & Söderströms AB, 2013. 299 p.

Поступила в редакцию 20.04.2021

Елена Григорьевна Сойни,

ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук,

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11,

e-mail: elenasoini@gmail.com

Ирина Сергеевна Маташина,

аспирант,

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

e-mail: irinadesh@mail.ru

H. G. Soini, I. S. Matashina

THE USSR THROUGH THE EYES OF MODERN FINNISH WRITERS

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-457-466

The article is devoted to the image of the USSR, which is formed in the fiction of Finland in the XX–XXI centuries. Attention is paid to both prose and poetic works. Each of the selected authors presents the reader a special view of the history of the Soviet Union and adjacent countries, makes an attempt to see well-known events in a new way, show them from the point of view of the Finnish Swedes, Finns, Estonians, pay attention to new details of history. The article compares the positions of writers of different generations: the group of «flame-bearers» of the early XX century («Tulenkantajat»), who reflected the interest of the world community in the emergence of a young Soviet state, and our contemporaries for the same era. The problems that exist in Soviet society are becoming noticeable. Writers try to find a balance between the positive and negative aspects of Soviet history, to show the fate of a particular person. Authors are also interested in outstanding representatives of Russian culture and history (for example, Dostoevsky and Gogol). Memories of writers about their stay in the USSR influence the formation of the figurative system of their works. The object of the image is not only specific people, but also cities: Leningrad, Murmansk, Moscow, the impression of them is extrapolated to the country as a whole. The personality of the writer, reflected in the choice of the historical period, the main character and the point of view on the history of the USSR, gives special value and uniqueness to each of the selected novels and poems.

Keywords: literature of Finland, Swedish literature of Finland, Russian literature, Olavi Paavolainen, Sofi Oksanen, Katri Lipson, Jöns Carlson, Kjell Westö, image of the Soviet Union, Leningrad, Moscow, poetry, novel

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 457–466. In Russian.

REFERENCES

Carlson J. *Kalliole*. Helsinki, 2020. 60 s.

Diktonius E. *Kolyuchee plamy* [Thorny flame]. M.: Progress, 1969. 160 p. In Russian.

Dorofeyeva Ye. *Tvorchestvo Khagar Ul'sson (1893–1978) i proryv pisateley «novogo pokoleniya»*. K 100-letiyu finsko-shvedskogo modernizma [Creativity of Hagar Ulsson (1893–1978) and the breakthrough of the "new generation" writers. To the 100th anniversary of Finnish-Swedish modernism] // Skandinavskiye chteniya 2016 g. / Etnograficheskiye i kul'turno-istoricheskiye aspekty. Spb: MAE RAN, 2018. 552 s. In Russian.

Ivanov A. N. *Selma Lagerlyof i russkaya kultura* [Selma Lagerlöf and Russian culture] // Znanie: Ponimanie: Umenie. 2008. № 5 URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Ivanov_Lagerlof/ (accessed: 19.04.2021). In Russian.

Holmén J. Den politiska läroboken: bilden av USA och Sovjetunionen i norska, svenska och finländska läroböcker under kalla kriget Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2006. 376 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/277994839_Den_politiska_laroboken_Bilden_av_USA_och_Sovjetunionen_i_norska_svenska_och_finlandska_larobocker_under_Kalla_kriget (accessed: 04.04.2021). In Swedish.

Karhu E. G. *Dostoevskii i finskaya literatura* [Dostoevskij and Finnish literature]. Petrozavodsk; Karelia, 1976. 136 p. In Russian.

Karhu E. G. *Vosstanovlenie i razvitie kul'turnyh kontaktov vo vtoroi polovine XX veka* [Restoration and development of cultural contacts in the second half of the XX century] / Obshchenie kul'tur i narodov: Issled. i materialy po istorii finsko-karel'sko-russkikh kul'turnyh svyazey XIX–XX v. Petrozavodsk, 2003. Pp. 29–33. In Russian.

Korovin A. V. *Stalinskii Sovetskii Soyuz v vospriyatii Kh. K. Laksnessa* [The Stalinist Soviet Union in the perception of H.K. Laxness] Novye Rossijskie gumanitarnye issledovaniya URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2124/?print=Y> (accessed: 14.04.2021). In Russian.

Kuzina D. D. «Dva druga – dve Rossii»: travelogi Dzhona Dos Passosa i E. E. Kammingsa ob SSSR [«Two Friends – Two Russias»: Travelogues by John Dos Passos and E. E. Cummings about the USSR] Novye Rossijskie gumanitarnye issledovaniya URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2124/?print=Y> (accessed: 19.04.2021). In Russian.

Laitinen K. Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki: Otava, 1981. 676 s. In Finnish.

Lisovskaya P. Selma Lagerlöf's travelogue on Russia: fairy tale, revelation or propaganda? // Scandinavian Philology, 2018. Vol. 16. Issue 1. Pp. 138–148. In English.

Mishin A. I. *Tvorchestvo Elmera Diktoniusa i problemy shvedoyazychnoi literatury Finlyandi* [The works of Elmer Diktonius and the problems of Swedish literature in Finland]. Petrozavodsk: Karelia, 1987. 120 p. In Russian.

Molchanova O.V. *Obraz SSSR i sovremennoi Rossii v nemeckoi literature vo vtoroi polovine XX – nachale XXI veka* [The image of the USSR and modern Russia in German literature in the second half of the XX - beginning of the XXI century] // Skif. Voprosy studentcheskoj nauki 2020. № 10(50) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sssr-i-sovremennoy-rossii-v-nemetskoj-literature-vo-vtoroy-polovine-xx-nachale-xxi-veka/viewer> (accessed: 19.06.2021). In Russian.

Paavolainen O. Ilya Ehrenburg. Uusi romantiikka. Alkulause. *Tulenkantajat*. 1927. № IV. Porvoo. S. 27.

Paavolainen O. Nykyaikaa etsimässä. Helsinki: Otava, 1929. 461 s. In Finnish.

Paavolainen O. Pietari–Leningrad. Helsinki, 1946. 46 s. In Finnish.

Pesonen P. *Rossiya kak mifologizirovannoe prostranstvo v sovremennoj finskoj literature* [Russia as a mythologized space in modern Finnish literature] // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, 2011. Vol. XII. P. 184–202. URL: https://www.ruthenia.ru/Stud_Russica_XII/Pesonen.pdf (accessed: 04.04.2021). In Russian.

Polyakova O.A. *Reprezentaciya obraza Rossii vo francuzskoj literature v ocenkah rossijskih komparativistov* [Representation of the image of Russia in French literature in the assessments of Russian comparativists] // Konzept. 2016. № 9. URL: <https://e-koncept.ru/2016/16195.htm?view> (accessed: 04.06.2021). In Russian.

Roos L. Post-Soviet Trauma in the Nordic Imagination: Occupation and Sex Trafficking in Purge and Lilya 4-Ever. Baltic Screen Media Review, 2014. Vol. 2. Pp. 23–35. URL: https://www.researchgate.net/publication/290816246_Post-Soviet_Trauma_in_the_Nordic_Imagination_Occupation_and_Sex_Trafficking_in_Purge_and_Lilya_4-Ever (accessed: 04.04.2021). In Russian.

Sorvari M. Native, Foreign, Translated? Russian/Migrant Literature between Finland and Russia / Migrants and literature in Finland and Sweden Helsinki: Finnish Literature Society, 2018. Pp. 57–80. URL: <http://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:1350616/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 06.04.2021). In English.

Tretjachenko E. A. *Obraz sovetskoi Rossii v tvorchestve amerikanskikh pisateley i publicistov v istoriko-kul'turnom kontekste 1917–1991 gg.* [The image of Soviet Russia in the works of American writers and publicists

in the historical and cultural context of 1917–1991] dis. ... kand. kul'turologii. Ivanovskij gos. universitet, SHuya, 2010 URL: <http://sspu.ru/pages/postgraduate/abstracts.html> (accessed: 04.06.2021). In Russian.

Vala K. Suorasanaista 30-luvulta ja luvusta. Helsinki, 1981. 280 p. In Finnish.

Viljanen L. Taisteleva humanismi. Hämeenlinna: Karisto, 1950. 493 s. In Finnish.

Westö K. Hägring 38. Helsinki: Schildts & Söderströms A B, 2013. 299 p. In Swedish.

Received 20.04.2021

Helena Soini,

Dr. Sci. in Philology,

Leading Researcher,

Institute of Linguistics, Literature and History

of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences,

11, Pushkinskaya ul., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation,

E-mail: elenasoini@gmail.com,

Irina Matashina,

Postgraduate Student,

Institute of Linguistics, Literature and History

of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences,

11, ul. Pushkinskaya, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation,

E-mail: irinadesh@mail.ru

**ПАМЯТИ УЧЕНОГО-АРХЕОЛОГА,
ПЕДАГОГА-НАСТАВНИКА
МАРГАРИТЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ИВАНОВОЙ**

Имя Маргариты Григорьевны Ивановой (1945–2020) широко известно в научных кругах не только Урало-Поволжья, но и России, а также всего финно-угорского сообщества как специалиста в области средневековой истории и культуры финно-угорских народов Прикамья. Ею опубликовано более 300 трудов, в числе которых монографии, научно-популярные книги и альбомы, учебные пособия, внесшие существенный вклад в историю Удмуртии и в корпус достижений отечественной археологической науки.

Особенно значительны ее исследования, посвященные средневековому городищу Иднакар (IX–XIII вв.). Обширные материалы этого крупного археологического памятника на р. Чепца, полученные в результате 30-летних поисков, позволили М. Г. Ивановой раскрыть особенности развития укрепленных поселений Прикамья на широком фоне градообразовательных процессов лесной зоны Восточной Европы. Иднакар, а затем и Кушман, стали своего рода научными полигона-

ми, на которых отработывалась археологическая методика, отвечающая самым современным требованиям.

Благодаря настойчивой деятельности М. Г. Ивановой, активно поддерживаемой директором УИИЯЛ УрО РАН К. И. Куликовым, на базе открытий чепецких памятников был создан музей-заповедник средневековой культуры Прикамья «Иднакар» в г. Глазов. Научно-организационный тандем М. Г. Ивановой и К. И. Куликова инициировал публикацию и популяризацию находок уникальных произведений искусства, позволивших раскрыть многие аспекты духовной и материальной культуры удмуртского народа, использовать их в современном национальном художественном творчестве. Под ее руководством, совместно с коллегами из ФТИ УрО РАН, была организована работа по внедрению неразрушающих методов изучения археологических памятников с помощью электрометрических измерений, а также по внедрению компьютерных технологий в изучение культурного слоя.

Для М. Г. Ивановой всегда значимым был социальный и педагогический контекст применения результатов научных поисков. Она являлась научным руководителем аспирантов, читала лекции студентам, создала учебники по истории Удмуртии для средней школы. Как эксперт была востребована при рассмотрении актуальных вопросов сохранения историко-культурного наследия Удмуртии. Многие годы профессор М. Г. Иванова работала в составе диссертационного совета при Удмуртском государственном университете.

Менялись названия ее родного Института (УдНИИ, УИИЯЛ УрО РАН, УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН), куда М. Г. Иванова пришла в 1973 г., менялись времена и оценки, но Маргарита Григорьевна до своего последнего дня оставалась верна науке. В ее многогранной плодотворной деятельности всегда проявлялись присущий ей такт, этика и профессионализм ученого-археолога и патриота. Оптимизм и огромное желание трудиться, познавать прошлое своего народа, делиться знаниями были неотъемлемыми чертами характера Маргариты Григорьевны Ивановой.

Память о Маргарите Григорьевне навсегда останется в наших сердцах...

От редакции

В настоящем выпуске «Ежегодника финно-угорских исследований» публикуются статьи коллег и друзей М. Г. Ивановой: Наталии Борисовны Крыласовой, Андрея Михайловича Белавина, Юлии Александровны Подосёновой, Константина Александровича Руденко и Романа Николаевича Модина. Отдельная благодарность за подготовку мемориального раздела Игорю Витальевичу Журбину.

К. А. Руденко

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УДМУРТЫ
И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ В X – НАЧАЛЕ XIII ВВ.**

В статье рассматривается проблема взаимоотношений двух соседних народов – средневековых удмуртов и волжских булгар в X – начале XIII вв. Основой для исследования послужили археологические материалы, представленные в настоящее время значительным количеством изученных археологических объектов – поселений и могильников. Автор рассматривает три этапа этнокультурных контактов: 1) X – вторая половина XI в.; 2) конец XI – середина XII в.; 3) вторая половина XII – начало XIII в. В начале первого этапа степень развития материальной культуры булгар и населения Чепцы была одинаковой, а возможностей развития на базе сырьевых ресурсов в Удмуртском Предуралье оказалось значительно больше. Эта ситуация сохранялась вплоть до второй половины X в., когда болгарское государство стало активно осваивать торговое пространство к северу от своих границ. Тем не менее, чепецкое население в этот период в меньшей степени подверглось болгарской торговой экспансии, чем марийцы, мордва и мурома, развивая ремесло и расширяя связи с Пермским Предуральем. На втором этапе на Чепце появляются группы переселенцев из Волжской Булгарии, которые оказали влияние на развитие высокотехнологичных производств и появление новых видов артефактов, например, изделий аскизского типа. К концу XII в. они полностью ассимилировались. В этот же период расширяются связи чепецкого населения с Пермским Предуральем и русскими землями. Эта ситуация сохранилась и на третьем этапе. Из Волжской Булгарии в это время привозили, в основном, редкие товары, например, шелковые ткани. Таким образом, на протяжении трех столетий сохранялись тесные связи средневековых удмуртов с волжскими булгарами, продемонстрировавшие особые механизмы взаимодействия в меняющихся условиях функционирования средневековых этносов в разных моделях культурного развития.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Древняя Русь, булгары, средневековые удмурты, финно-угры, Иднакар, аскизская культура, средневековая торговля, материальная культура, ювелирное дело, торевтика, миграции, культурное взаимодействие, зернь.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-469-480

Почти два столетия изучаются древности Волжской Булгарии – средневекового государства, существовавшего в X – начале XIII вв. на Средней Волге и Нижней Каме. С середины XX в. основным источником для научных штудий в этой области становятся данные археологии. Благодаря им было установлено, что материальная культура этого государства складывалась из различных компонентов и была достаточно синкретична. Также стало очевидным, что без изучения истории соседних с Волжской Булгарией народов невозможно понять и историю самой Булгарии, начиная от ее истоков и до завоевания монголами в начале XIII столетия. Это касается, прежде всего, ближайших соседей булгар – средневековых удмуртов, исследовани-

ем средневековой истории которых всю жизнь занималась М. Г. Иванова. В ее трудах содержится огромный пласт ценных сведений, суждений и фактов, позволяющих представить не только разные стороны жизни и деятельности населения Среднего Предуралья эпохи Средневековья, но и проанализировать этнокультурные контакты и взаимодействия в Волго-Камье этого времени.

Материалы и методы

В конце XX в. исследование болгаро-удмуртских связей на археологических материалах как удмуртских памятников [Иванов 1997, 126–148; Иванова, Руденко 1994, 107–120], так и болгарских [Руденко 1999, 101–102], выявило не только разнообразие области контактов, но и поставило вопрос о характере этих отношений. Эту проблему, опираясь на археологические материалы, в 1990-х гг. изучил А. Г. Иванов, подведя своего рода итог этим штудиям за XX в. [Иванов 1997, 126–149]. Новые данные позволяют по-новому осмыслить данный вопрос.

В этой связи стоит упомянуть ряд открытий, сделанных на рубеже столетий в Елабуге, на северо-востоке Татарстана. Это средневековый языческий могильник болгаро-финского населения (Елабужский IV) и артефакты из культурного слоя поселения, которые имеют аналогии на чепецких памятниках XI – начала XIII вв. [Нигамаев 2005, 32–33, рис. 55: 1, 8, 15; 67: 1; 75: 20; Иванов 1997, 240, 242, рис. 55, 57: 3–6, 12; Иванова 1992, рис. 11: 24; Руденко 2007, 104–105]. Раскопки в 1995–2003 гг. Кирменского городища – болгарского торгового укрепленного пункта на Камском торговом пути, функционировавшего до начала XII в. [Нигамаев 2005, 41–56, рис. 83–111] установили направление торговых маршрутов из центральных районов Болгарии в Среднее Предуралье, тем самым восстановив «недостающее звено» в цепочке, связывающей два региона.

Полученные результаты

Имеющиеся археологические материалы позволяют выделить периоды болгаро-удмуртских контактов на протяжении домонгольского времени и обозначить их характер. В данном случае целесообразно рассмотреть это в контексте поставленной еще в конце прошлого века М. Г. Ивановой проблемы взаимовлияния культуры средневековых удмуртов и волжских болгар, в том числе – и эволюции финно-угорского компонента в материальной культуре последних [Иванова 1998, 210].

Первый этап болгаро-удмуртских связей охватывает X – вторую половину XI вв. В начале этого периода активно проходил процесс седентаризации болгар, трансформация общества с непостоянной оседлостью в новую общественную структуру, где ведущей формой хозяйствования становились стационарные земледельческие поселения и развивалось животноводство. Вероятно, существенную роль в этом играли традиции тех этнических групп, которые сформировали облик крупнейшего болгарского племени, оставившего Танкеевский и Тетюшский могильники IX–X вв., в первую очередь – ломовско-ломоватовских [Казаков 1992]. Этот достаточно близкий этнический субстрат, по данным антропологии, сохранялся в центральных районах Болгарии не только в раннеболгарский период, но и на протяжении всего домонгольского времени. Такая ситуация определяла и схожее развитие некоторых социально-экономических процессов в Волго-Камье, коррективы в которые вносила текущая политическая обстановка, в частности, хазарский контроль над болгарскими элитами до 60-х гг. X в., тесные контакты с кочевыми соседями – гузами, башкирами и уграми и образование государства.

На рубеже IX–X вв. у северных удмуртов, как и в целом в Прикамье, развивалась уже сложившаяся ранее поселенческая структура, а отличительной чертой времени стало формирование укрепленных ремесленных и торговых центров, своего рода протогородов, как результат активной торговли по Каме в VIII–IX вв. [Белавин, Крыласова 2008, 498–499, 507]. Так, в конце IX в. возникает крупнейшее на Чепце городище Иднакар [Иванова 1998, 81, 224, 225], а на рубеже IX–X вв. у болгар – единственное известное на сегодняшний день небольшое поселение в Малом Иерусалимском овраге в Булгаре.

Характер этих поселений был различный. У болгар это было не защищенное укреплением селище без признаков ремесленной деятельности, материальная культура которого была идентичной той, что зафиксирована на Танкеевском могильнике IX–X вв. Какой-либо статус оно вряд ли могло иметь, хотя и стало в дальнейшем начальной точкой будущего города Булгара. Иднакар же изначально создавался как племенной центр с торгово-ремесленными функциями и формирующейся земледельческой округой [Иванова 1978, 51], что связано с развитием социально-экономических отношений внутри древнеудмуртского этноса в конце I – начале II тыс. н.э. Маркером этого является развитие не только домашнего ремесла, но и различных ремесленных специализаций, в частности, металлургии железа, ювелирного и кузнечного дела и т.п., что прослежено, помимо Иднакара, и на ряде других средневековых удмуртских городищ X–XIII вв. [Иванова 1979, 36, 37, 46; она же 1987, 73; она же 1988, 89–118; она же 1999, 107].

У болгар развитие ремесел на таком уровне началось только во второй половине X в. Эта ситуация была связана, в первую очередь, с наличием, разработанностью и доступностью сырьевой базы, особенно в отношении цветных металлов, в чем болгары, безусловно, были в менее выгодном положении. Отчасти это компенсировалось активным развитием у болгар специализированных ремесел, например, производства круговой керамики на основе использования гончарного круга, что не практиковалось у их соседей [Иванова 1979, 59], а в дальнейшем – городского высокотехнологичного ремесла. В свете последних исследований можно утверждать, что многие серебряные изделия X в., выполненные в скано-зерновой технике, изготавливались в Прикамье, а не в Булгарии [Подосёнова 2021, 144].

Данных о торговых связях болгар и северных удмуртов в начале этого периода относительно немного. Чаще всего упоминаются ювелирные изделия, однако, как верно отмечала М. Г. Иванова, эти данные не столь однозначны [Иванова 1998, 210]. При этом многие популярные у торговцев изделия, шедшие транзитом через болгар, на Среднюю и Верхнюю Каму не попадали. Так, в отличие от Марийского Поволжья и Приочья, на Чепцу, как и в целом в Прикамье, не поступали художественные чаши из «белой бронзы», импортировавшиеся через Хазарию и болгарские земли на Среднюю Волгу из Восточного Ирана с середины X до первой четверти XI в. включительно [Rudenko 1996, 299–308; Руденко 2000, 69–81; Melikian-Chirvani 1974, 123–151].

Также на удмуртских памятниках этого этапа не встречены восточные медные котлы, которые распространялись в западной части ареала – Приочье и Марийском Поволжье, а со второй четверти X в. и у болгар. В Удмуртском Предуралье бытовали котлы другого вида. Импорт медных котлов из Булгарии на Чепцу приходится уже на XII столетие, причем, судя по материалам городища Иднакар, в это время здесь имели хождение котлы местного изготовления, сделанные по болгарским образцам [Иванова, Руденко 1994, 112–113; Rudenko 1996, 308–309].

Практически отсутствуют на памятниках северных удмуртов второй половины X – начала XI в. предметы восточного декоративно-прикладного искусства, например, накладки поясного гарнитура с арабскими надписями, реплики которых встречены на болгарских поселениях конца X – первой половины XI в. Обнаружены единичные артефакты этого типа, например, в яме 11 раскопа II городища Иднакар, датированной концом IX – началом XI в. [Иванова 1985, 23, рис. 12, 4; она же 1998, 79, рис. 2, 48]; их аналогии имеются в иранских изделиях XI в. [Jewelry 1991, 145, ill. 333–334]. Местные ремесленники обеспечивали жителей поселений в бассейне Чепцы разнообразной продукцией – от инструментов и до украшений, что хорошо документируется находками в удмуртских могильниках конца VIII–IX в. [Останина 2011, 40–155]. Потребности широкого импорта ремесленных товаров, даже при активном товарообороте в целом, видимо, не возникало.

Тем не менее, общее торговое пространство Волго-Камья в начале XI в. обеспечивало попадание какой-то части болгарских изделий и на Чепцу; например, здесь появляются пояса с металлическими накладками сердцевидной формы или в виде стилизованного лотоса; через болгар доходили до этих мест стеклянные ближневосточные полихромные и глазчатые бусы

[Иванов 1991, 148, 160, рис. 4; 9; 1–25]. Распространение болгарских изделий в Предуралье в конце X в. могло быть связано и с переселением болгар-язычников из Булгарии, хотя большая их часть мигрировала в Пермское Прикамье [Руденко 2019, 465].

В самой Булгарии в X в. было немало выходцев из Среднего и Верхнего Прикамья. Так, на Билярском городище обнаружены бронзовые миниатюрные votивные изделия, специфические поясные пряжки, игольники, шумящие коньковые подвески, традиционные для камских древностей с IX в., ранние формы которых встречены в Танкеевском могильнике в захоронениях X в. Близкие им встречены в Прикамье в комплексах X–XI вв. [Голдина, Ютина 2012, 468, 469, рис. 4: 11, 16, 22; 5: 50; 6: 74, 80].

Следующий, второй этап – конец XI – середина XII в. – был связан с увеличением числа болгарских артефактов на чепецких памятниках. Это, прежде всего, круговая керамика, количество которой на крупных удмуртских городищах, например, Иднакаре, в это время выросло с 1,8% до 10,5% [Иванова 1985, 30, табл. 3, рис. 17, 18]. Практически аналогичный по составу комплекс круговой болгарской керамики зафиксирован на Рождественском городище на Верхней Каме [Белавин, Крыласова 2008, 227–242, рис. 107–124].

Вероятно, это было следствием переселения, начиная с 50-х – 60-х гг. XI в. в район Среднего Предуралья групп болгар, покидавших разоряемые кочевниками – сначала гузами, а затем половцами – поселения из центральных областей государства и нижнего течения Камы. Часть этих людей, видимо, была связана с торговлей с Прикамьем, отсюда и движение в этом направлении. Вместе с ними на поселениях в Удмуртском и Пермском Предуралье появляются железные изделия аскизского круга, которые производились сериями на болгарских поселениях, начиная с середины XI в. [Руденко 2007, 165–169, рис. 54–58]. В редких случаях это оригинальные поделки, чаще – их болгарские реплики или подражания. Большая часть таковых производилась уже в конце XI – первой половине XII в. удмуртскими ремесленниками, что документируется материалами могильников и городищ, в первую очередь, Иднакара; на последнем они фиксируются в слое XI–XII в. [Иванова 1992, рис. 18: 1–20; она же 1998, 79, рис. 27, 32].

При этом следует учитывать, что удмуртские кузнецы с начала I тыс. н.э. следовали традиционным технологическим стереотипам, которые были весьма устойчивы и существовали практически автономно, без заметных влияний извне, в том числе и со стороны болгар [Завьялов 2005, 159]. Изделия аскизского круга, изготавливавшиеся по простым технологическим схемам как в Волжской Булгарии, так и на Чепце, видимо, достаточно быстро стали частью ассортимента продукции местных кузнецов, приобретая, в отдельных случаях, оригинальную форму и конструкцию [Иванова 1992, рис. 32, 21]. Вместе с тем, чепецкие изделия не имели художественного декора, как это часто практиковалось на болгарских поделках, но это упрощало их изготовление.

По материалам Кузьминского и других могильников М. Г. Иванова установила, что железная поясная гарнитура, прежде всего – накладки аскизского типа, появилась в погребальном инвентаре удмуртских некрополей в конце XI или в начале XII в. и прекратила бытование в конце XII в. Накладки составляли в это время практически постоянную часть костюмного комплекса северных удмуртов [Иванова 1991, 42; она же 1992, 51–52]. Время их распространения на чепецких памятниках совпадает с периодом их бытования у болгар. Налаженное местное производство таких изделий обусловило их широкое распространение у населения чепецкой культуры [Иванова 2016, 137, 138, рис. 2: 21, 22, 23].

Отметим, что на Верхней Каме, на Рождественском комплексе [Белавин, Крыласова 2008, 486, 487, рис. 212; 16; 213] в незначительном количестве на поселениях найдены болгарские подражания аскизским изделиям и их местные производные, датирующиеся, в основном, XII в. Единичные экземпляры болгарских реплик аскизских изделий в этот же период встречены в марийских Выжумском II и Руткинском могильниках [Архипов 1986, рис. 32; 6; 34; 6–9].

Вместе с изделиями аскизского круга на памятниках Прикамья в этот период, скорее всего, через болгар распространяются степные типы конского снаряжения: стремена, удила, наносные

султаны [Иванова 1979, 18, табл. I, II; Пастушенко 2006, 57, рис. 2; 1; 6; 21; 9; 22; 11; 26; 12; Иванов 1997, 249, рис. 64; 13]. Часть из них, судя по металлографическому анализу артефактов из Кишертского могильника, по мнению исследователей, могла быть привезена из Волжской Булгарии [Перевошиков, Волкова 2006, 75].

Разнообразится и набор железных наконечников стрел на чепецких памятниках; в ассортименте – листовидные с длинной шейкой и узелковым упором, долотовидные, бронебойные с пирамидальной головкой, квадратные в сечении, а также узкие наконечники-срезни, датированные XI в., встречающиеся как на городищах, так и в могильниках [Иванова 1979, 22, 26, табл. Г, табл. III; 22, 25, 26; она же 1998, 114–116, рис. 42; 8–10, 11–16; 43; 1,2; 44: 1–9]. При этом на Верхней Каме железные наконечники стрел, появившиеся в XI в., представлены меньшим количеством типов. В основном это бронебойные наконечники либо наконечники оригинальных форм, аналогии которым можно обнаружить в Волжской Булгарии [Белавин, Крыласова 2008, 329, рис. 169]. В этот же период комплекс вооружения у населения Чепцы пополняется и специфическим оружием – копьями и пиками, характерными для всадников и датирующимися XI – началом XII в. [Иванова 1992, 26, рис. 24; 1, 5, 6, 7].

С вышеописанными событиями связаны находки болгарской керамики на чепецких памятниках, в частности, на Иднакаре и Кузьминском могильнике [Иванова 1992, рис. 31; она же 1998, 211, рис. 100]. Н. А. Кокорина, изучившая их, считала, что они все домонгольского времени [Кокорина 1995, 62]. Обращают на себя внимание два факта: первое – то, что это почти исключительно столовая посуда [Иванова 1985, 33] и, во-вторых, такие же изделия встречаются на болгарских памятниках, преимущественно в комплексах XI – начала XII в. Гарная посуда (корчаги), характерная для торгового импорта, встречена в количестве всего 2-х экземпляров; при этом достаточно разнообразны кувшины, блюдообразные сосуды и миски [Кокорина 1995, 58, 67, рис. 3; 14, 15; 4; 7].

Очевидно, что все эти изделия поступали к пользователям не одновременно, а постепенно, что, собственно, отразилось в статистике их выпадения в культурный слой по стратиграфическим слоям Иднакара, распределяясь достаточно равномерно по площади городища. Можно предположить, что владели ими здесь преимущественно чепецкие торговцы, проживавшие у болгар, часть которых вернулась обратно из-за нестабильности ситуации в Булгарии, а также болгары-мигранты. Последние были достаточно быстро ассимилированы, и к концу XII в. их материальная культура мало чем отличалась от местной.

Появление на Чепце болгар-переселенцев в конце XI – начале XII вв. само по себе не оказало какого-либо выдающегося влияния на жизнь местного населения, но стимулировало дальнейшее развитие здесь металлообработки и привнесло ряд инноваций в традиционную керамику (сосуды с боковой ручкой) [Иванова 1998, 197]. Также с присутствием болгар в Прикамье связаны находки на чепецких городищах костяных пуговиц, украшенных циркульным орнаментом, и характерной формы амулетов [Иванов 1997, 135, рис. 64; 1, 2].

Оригинальные болгарские украшения, выполненные в скано-зерновой технике, встречены на Чепце в единичных образцах, как, например, височные трехбусинные кольца, зато представительны местные серии однобусинных колец, также выполненные в этой технике, но с характерными скаными «ребрышками» на дужке [Иванова 1992, рис. 11; 18, 19, 23, 24, 28]. Отметим, что болгарских изделий с чернью на чепецких памятниках не выявлено.

Археологические свидетельства местного производства скано-зерновых поделок средневековым населением Чепцы привел А. Г. Иванов. Особенности технико-технологических приемов конструирования и дизайна таких украшений выявила Ю. А. Подосёнова [Иванов 1997, 131–132; Подосёнова 2021, 143–145]. Остается открытым вопрос о калачевидных серьгах и о подвесках-лунницах, выполненных в той же технике. Можно согласиться с мнением Ю. А. Подосёновой об изготовлении калачевидных серег в XI в. в нескольких региональных центрах, расположенных в Пермском и Удмуртском Предуралье, а также в Ветлужско-Вятском междуречье [Подосёнова 2021, 143]. В Удмуртском Предуралье они, несомненно, изготавливались

на Иднакаре, где обнаружены связки таких украшений (яма 3, раскоп II) [Иванова 1985, 24, рис. 13; 5; она же 1998, 140, рис. 55; 24].

Интересен и другой факт – поступление в конце этого периода на Чепцу украшений из пермского ювелирного центра: монетовидных и крестовидных подвесок, топорикивидных подвесок-пластин и массивных плетеных проволочных браслетов, сделанных по болгарским образцам. Мнение об их болгарской принадлежности ошибочно [Иванов 1997, 132–133, 248, 249, рис. 63; 64; 11; 65; 13]. Ареал распространения этих поделок достаточно широк, например, они встречаются погребальном инвентаре марийских могильников XII в. [Архипов 1986, рис. 24; 10, 13].

Вероятнее всего, период нестабильности в Волжской Булгарии, сопровождавшийся сокращением торговых сношений с северными соседями, стимулировал развитие торговли в верхнем и среднем течении Камы. Это произошло в первой трети XII в., поскольку приехавший в 1135 г. к болгарам и пробывший у них достаточно долгое время арабский путешественник Абу Хамид ал Гарнати сведений о каких-либо военных конфликтах не упоминает. При этом в Булгаре он видел приезжих из северных стран (Вису и Йуру) [Большаков 1971, 35–36], что свидетельствует о возобновлении контактов болгар с Прикамьем. Подтверждением последнего является находка в Волжской Булгарии птицевидной подвески, аналогичной изделиям из Кузьминского могильника и Иднакара, датированным рубежом XI–XII и XII вв. [Руденко 2008, 230–232; Иванова 1992, рис. 47; 6, 41; 54; 4].

На третьем этапе, во второй половине XII в., связи с Волжской Булгарией продолжались. Так, через болгар на Чепцу попали дорогие ткани, например, тафта из погребения 85 Кузьминского могильника, датированного XII в. [Елкина 1988, 147, 148, № 9]. Тафта была одним из распространенных материалов для шитья одежды на Востоке, наряду с разнообразными шелковыми тканями [Textile 2010, 71–74], активно распространявшимися по торговым путям.

Также к восточному импорту можно отнести чашу без изображений, изготовленную из сплава цветных металлов, найденную на Иднакаре в слое XII в. [Иванова 1998, 210, рис. 99; 2]. Такие чаши имели хождение в VIII–IX вв. в Центральной Азии и известны в Предуралье в это же время. Не исключено, что она была изготовлена намного раньше, чем попала в культурный слой городища.

Вторая чаша, найденная вместе с предыдущей, имеет объемный декор: 14 ложек с приостренными окончаниями, образующими в плане розетку, центр которой составляет круглый медальон, ограниченный выпуклым ободком. В медальоне на дне чаши вычеканен рисунок, состоящий из двух крестовидных фигур [Иванова 1998, 210, рис. 99, 1]. Эта чаша не относится к группе восточноиранской торевтики X – первой трети XI вв., как утверждалось в литературе [Иванов 1997, 130]. Она имеет мало сходства с этими изделиями по форме, дизайну, технологии изготовления и оформления, а мотивы орнамента и его элементы не совпадают с декором на исламской торевтике средневекового времени [Ваер 1983, 202, fig. 176]. Можно предположить, что это изделие европейского (включая территорию Древней Руси) или византийского происхождения. Оно маркирует еще одно направление связей Удмуртского Предуралья на третьем этапе – с русскими княжествами [Макаров 2001, 21, 22, 38]. Не случайно, что именно на вторую половину XII – начало XIII в. приходится активность внешней политики болгар в северо-восточном направлении. Русские торговцы весьма успешно конкурировали с булгарами в Предуралье.

Помимо бытовых изделий, через Русь импортировались и редкие товары. В этой связи стоит отметить находку в погребении 16 Кузьминского могильника фрагмента ткани, определенной как византийский самит [Елкина 1988, 147]. Византийский самит был дорогой тканью, чаще всего использовавшейся в парадной и церемониальной одежде [Textile 2010, 75–79; Boucher 2004, 145–153]. Истоки его связаны с китайским шелком, который в эпоху Тан импортировался в империю. Аналогичные византийскому самиту ткани производились в империи Ляо и Северном Китае до монгольского завоевания [Chinese 2012, 271]. Однако на дизайн ви-

зантийских тканей в большей степени оказали влияние художественные традиции исламских стран [Byzantium 2012, 148–159]. В качестве импорта самит встречается нечасто, а в данном случае это необычный артефакт.

В целом, во второй половине XII – начале XIII в. соотношение заимствованных и местных элементов культуры как в Волжской Булгарии, так и в Удмуртском Предуралье остается на том же уровне, что и на предыдущем этапе. Более того, можно утверждать, что в это время завершается формирование региональных экономических систем, начиная от сырьевых ресурсов и до ремесленных технологий, создавших основу материального обеспечения традиционной культуры народов Волго-Камья.

Обсуждение

Анализ материальной культуры Удмуртского Предуралья и Волжской Булгарии в X – начале XIII вв. показал, что изначально развитие их происходило на одной базисной основе, что заметно ощущалось в IX–X вв. Это подпитывалось как инфильтрацией прикамского населения в Булгарию, так и частичным движением болгар вверх по Каме в этот период. Во второй половине X в. болгарская урбанизация и международная торговля дали сильнейший импульс развитию экономики страны и во многом революционизировали техническое обновление многих производств, что создало новый вектор деятельности ремесленников как города, так и села. Это обусловило интенсивность транзаций в болгарской культуре за счет заимствований, трансформаций, а то и прямого включения элементов чужой культуры, происходивших путем нивелирования и вытеснения традиционных элементов собственной.

В то же самое время в Прикамье независимо от этого происходило дальнейшее развитие основных элементов материальной культуры, что хорошо прослеживается по различным категориям предметов, например, ювелирным украшениям [Подосёнова 2021, 132, рис. 129]. В XI в. материальная культура приобрела устойчивость и специфические региональные особенности, наиболее выраженные в ремесленной продукции – как в технологических нюансах, так и в ассортименте видов производимых изделий, где-то продолживших типологическую эволюцию традиционных форм, а где-то прервав ее. Это закрепилось во второй половине XII в. в двух основных локациях – в Пермском Предуралье, включая Верхнюю Каму, и в Удмуртском Предуралье.

Заимствование новых элементов материальной культуры в Предуралье, как, например, изделий аскизского круга, произошло вследствие оттока болгарского населения на Среднюю и Верхнюю Каму в конце XI – начале XII вв. из-за вторжений кочевников. Это же стимулировало местное ремесленное производство, а также стало причиной распространения здесь новых форм изделий, композиций их декора и ряда инноваций в технологиях. С начала XII в. активизировались торговые и культурные связи между населением среднего и верхнего течения Камы и продолжились контакты с волжскими булгарами, что отмечено в письменных источниках и подтверждается археологическим материалом.

Заключение

Таким образом, материальная культура народов Волжской Булгарии и средневековых удмуртов находилась в тесном взаимодействии на протяжении нескольких столетий, что было обусловлено генетической общностью происхождения базисных основ многих их элементов, а также сходными путями их развития на раннем этапе – в IX–X вв. В XI–XII вв. закрепление традиционных черт культуры удмуртов шло параллельно со становлением государственной культуры Волжской Булгарии, где нивелировались элементы предшествующей субстратной основы. Самобытный путь развития первой не был изменен и при включении инокультурных элементов из Волжской Булгарии, например, изделий аскизского круга в конце XI в., которые быстро были адаптированы к местным традициям. Устойчивость традиций материальной культуры у средневековых удмуртов оказалась возможной только при укреплении этнокультурных

связей населения Верхнего и Среднего Предуралья в XI–XII вв., что хорошо прослеживается по ювелирным изделиям, а также благодаря расширению торгового пространства.

ЛИТЕРАТУРА

- Архинов Г. А.* Марийцы XII–XIII веков (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. 140 с.
- Белафин А. М., Крыласова Н. Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.
- Большаков О. Г.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.: Наука, 1971. 134 с.
- Голдина Р. Д., Ютина Т. К.* О датировке и хронологии комплексов Агафоновского могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2012. С. 447–472.
- Ёлкина А. К.* Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 143–152.
- Завьялов В. И.* История кузнечного ремесла пермян. Археометаллографическое исследование. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 244 с.
- Иванов А. Г.* Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УдНИИ. 1991. С. 140–180.
- Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 309 с.
- Иванова М. Г.* Земледелие северных удмуртов в начале II тысячелетия н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1978. С. 49–67.
- Иванова М. Г.* Хозяйство северных удмуртов в конце IX – начале XIII вв. н. э. // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск: УдНИИ, 1979. С. 6–68.
- Иванова М. Г.* Городище Иднакар (Результаты исследований 1975–1977 гг.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: УдНИИ, 1985. С. 3–36.
- Иванова М. Г.* Некоторые проблемы этнокультурной истории удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск: УдНИИ, 1987. С. 70–83.
- Иванова М. Г.* Производственные сооружения городища Иднакар // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 89–118.
- Иванова М. Г.* Погребальный обряд северных удмуртов IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 35–55.
- Иванова М. Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.
- Иванова М. Г.* Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
- Иванова М. Г.* Древнеудмуртское городище Иднакар: некоторые итоги и перспективы исследований // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума. Ижевск–Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 103–110.
- Иванова М. Г.* Хронология структурных частей городища Уччакар в бассейне р. Чепцы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Том 10. № 3. С. 134–145.
- Иванова М. Г., Руденко К. А.* Медная посуда из древнеудмуртского могильника у д. Кузьмино и ее этнокультурные параллели // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. АЭМК. 1994. Вып. 23. С. 107–120.
- Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Болгарии: (Этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 332 с.
- Кокорина Н. А.* Булгарская керамика Иднакара (по материалам раскопок 1974–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 56–71.
- Макаров Л. Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: Издат. Дом «Удмуртский университет», 2001. 140 с.
- Нигаматов А. З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во ун-та, 2005. 228 с.
- Останина Т. И.* Поломский II могильник Красная Горка (материалы раскопок 1959–1960 гг.) // Finno-Ugrica. 2011. № 12–13. С. 40–155.

Пастушенко И. Ю. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // *Finno-Ugrica*. 2006. № 9. С. 40–70.

Перевоицков С., Волкова З. Результаты металлографического анализа железных предметов из Кишертского могильника и I поселения в бассейне реки Сылвы // *Finno-Ugrica*. 2006. № 9. С. 71–75.

Подосёнова Ю. А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ. 2021. 210 с.

Руденко К. А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума. Ижевск–Глазов: УИИЯЛ УрО РАН. 1999. С. 73–102.

Руденко К. А. Металлические чаши VIII–XI вв. из Среднего Поволжья // Древности Окско-Сурского междуречья. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 2000. Вып. 2. С. 69–81.

Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: «Школа». 2007. 244 с.

Руденко К. А. Птицевидная привеска из фондов музея Алексеевского района Татарстана // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции. СПб.: Историч. Факультет СПбГУ. 2008. С. 230–232.

Руденко К. А. Вопросы взаимодействия народов Волго-Камья в X–XIV вв. (по данным археологии) // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Ижевск: Изд-во Анны Зелениной. 2019. С. 463–467.

Baer E. *Metalwork in Medieval Islamic Art*. New York. 1983. 372 p.

Boucher F. *A history of Costume in the West / translated from the French by John Ross*. 3th ed. L.; New York. 2004. 460 p.

Byzantium and Islam: Age of transition 7th–9th century. New York. 2012. 332 p.

Chinese Silks. New Haven-London. 2012. 572 p.

Jewelry, 7 000 Years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum. New York: Abradale Press. 1991. 255 p.

Melikian-Chirvani A.S. The White Bronzes of Early Islamic Iran // *Metropolitan Museum Journal*. 1974. Vol. 9. P. 123–151.

Rudenko K. Metal ware of the finno-ugric peoples of eastern Europe and the transurals // *Historia Fenno-Ugrica I:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae*. Oulu. 1996. P. 299–308.

Rudenko K. Suomalais-ugrilaiset elementit turkkilaisten valtioiden kulttuureissa 1100-1300-luvuilla jKr. // *Historia Fenno-Ugrica I:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae*. Oulu. 1996. P. 308–309.

Textile. 5 000 years of textiles. L.: British Museum Press. 2010. 320 p.

Поступила в редакцию 20.05.2021

Руденко Константин Александрович,

доктор исторических наук, профессор,

Казанский государственный институт культуры,
420059, Россия, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 3

e-mail: murziha@mail.ru

K. A. Rudenko

MEDIEVAL UDMURTS AND VOLGA BULGARIA IN X - EARLY XIII CENTURIES

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-469-480

The article deals with the problem of relations between two neighboring peoples - medieval Udmurts and Volga Bulgars in the 10th – early 13th centuries. The main material for the study was the archaeological materials presented at the present time by a significant number of studied archaeological objects - settlements and burial grounds. The author examines three stages of ethnocultural contacts: 1) X – the second half of the XI century; 2) the end of the XI – the middle of the XII century; 3) the second half of the XII – the beginning of the

XIII century. At the beginning of the first stage, the degree of development of the material culture of both Bulgars and the Cheptsya population was at the same level, and the possibilities of development on the basis of raw materials in the Udmurt Cis-Urals were much higher. This situation persisted until the second half of the 10th century, when the Bulgar state began to actively develop the trade space to the north of its borders. Nevertheless, the Chepets population during this period was less exposed to the Bulgar trade expansion than the Mari, Mordovians and Murom, developing crafts and expanding ties with the Perm Urals. At the second stage, groups of settlers from the Volga Bulgaria appeared on Cheptsya, who influenced the development of high-tech industries and the emergence of new types of artifacts, for example, items of the Askiz type. By the end of the XII century, they have completely assimilated. In the same period, the connections of the Chepets population with the Perm Cis-Urals and Russian lands expanded. This situation continued at the third stage. At that time, mainly rare goods, for example, silk fabrics, were brought from the Volga Bulgaria. Thus, for three centuries, close ties of the medieval Udmurts with the Volga Bulgars remained, demonstrating special mechanisms of interaction in the changing conditions of the functioning of medieval ethnic groups in different models of cultural development.

Keywords: Volga Bulgaria, Ancient Rus, Bulgars, medieval Udmurts, Finno-Ugrians, Idnakar, Askiz culture, medieval trade, material culture, jewelry, toreutics, migrations, cultural interaction, filigree.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 469–480. In Russian.

REFERENCES

Arkhipov G. A. *Mariitsy XII–XIII vekov (K ehtnokul'turnoi istorii Povetluzh'ya)* [Mari XII–XIII centuries (On the ethnocultural history of Povetluzhie)]. Yoshkar-Ola: Mari book publishing house, 1986. 140 p. In Russian.

Belavin A. M., Krylasova N. B. *Drevnyaya Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: an archaeological complex near the village. Rozhdestvensk]. Perm: PGPU Publ., 2008. 603 p. In Russian.

Bolshakov O. G. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Evropu (1131–1153 gg.)*. [Travel of Abu Hamid al-Garnati to Eastern and Central Europe (1131–1153)]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 134 p. In Russian.

Goldina R. D., Yutina T. K. O datirovke i khronologii kompleksov Agafonovskogo mogil'nika (IX–XII vv.) [On the dating and chronology of the complexes of the Agafonovsky burial ground (IX–XII centuries)]. *Drevnosti Prikam'ya ehpokhi zheleza (VI v. do n.eh. – XV v. n.eh.): khronologicheskaya atributsiya* [Antiquities of the Kama region of the Iron Age (VI century BC – XV century AD): chronological attribution]. Izhevsk: Publishing house "Udmurt University", 2012. Pp. 447–472. In Russian.

Elkina A. K. Issledovanie kolleksii drevnego tekstilya iz arkheologicheskikh pamyatnikov Udmurtii [Study of the collection of ancient textiles from the archaeological sites of Udmurtia]. *Novye issledovaniya po drevnei istorii Udmurtii* [New research on the ancient history of Udmurtia]. Izhevsk: UIIYAL UrO AN USSR Publ., 1988. Pp. 143–152. In Russian.

Zavyalov V. I. *Istoriya kuznechnogo remesla permyan. Arkheometallograficheskoe issledovanie* [The history of the blacksmith craft of the Permians. Archeometallographic research]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 2005. 244 p. In Russian.

Ivanov A. G. Kachkashurskii mogil'nik IX–XIII vv. v basseine r. Cheptsy [Kachkashur burial ground IX–XIII centuries. in the river basin Cheptsya]. *Materialy po pogrebal'nomu obryadu udmurtov* [Materials on the burial rite of the Udmurts]. Izhevsk: UIIYAL UrO AN USSR Publ., 1991. Pp. 140–180. In Russian.

Ivanov A. G. *Ehtnokul'turnye i ehkonomicheskie svyazi naseleniya basseina r. Cheptsy v ehpokhu srednevekov'ya: konets V – pervaya polovina XIII v.* [Ethnocultural and economic relations of the population of the river Cheptsya in the Middle Ages: the end of the 5th – the first half of the 13th century]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 1997. 309 p. In Russian.

Ivanova M. G. Zemledelie severnykh udmurtov v nachale II tysyacheletiya n.eh. [Agriculture of the Northern Udmurts at the beginning of the 2nd millennium A.D.]. *Materialy k rannei istorii naseleniya Udmurtii* [Materials for the early history of the population of Udmurtia]. Izhevsk: UIIYAL UrO AN USSR Publ., 1978. Pp. 49–67. In Russian.

Ivanova M. G. Khozyaistvo severnykh udmurtov v kontse IX – nachale XIII vv. n. eh. [The economy of the northern Udmurts in the late 9th – early 13th centuries A.D.]. *Severnye udmurty v nachale II tysyacheletiya n. eh.* [Northern Udmurts at the beginning of the 2nd millennium A.D.]. Izhevsk: UdNII Publ., 1979. Pp. 6–68. In Russian.

Ivanova M. G. Gorodishche Idna-kar (Rezultaty issledovaniy 1975–1977 gg.) [Hillfort Idna-kar (Research results 1975–1977)]. *Materialy srednevekovykh pamyatnikov Udmurtii* [Materials of medieval monuments of Udmurtia]. Ustinov UdNII Publ., 1985. Pp. 3–36. In Russian.

Ivanova M. G. Nekotorye problemy ehtnokul'turnoi istorii udmurtov v kontse I – nachale II tysyacheletiya n. eh. [Some problems of the ethnocultural history of the Udmurts at the end of the 1st – the beginning of the 2nd millennium A.D.]. *Problemy izucheniya drevnei istorii Udmurtii* [Problems of studying the ancient history of Udmurtia]. Izhevsk: UdNII Publ., 1987. Pp. 70–83. In Russian.

Ivanova M. G. Proizvodstvennye sooruzheniya gorodishcha Idnakar [Industrial buildings of the hillfort Idnakar]. *Novye issledovaniya po drevnei istorii Udmurtii* [New research on the ancient history of Udmurtia]. Izhevsk: UIIYAL URO AN USSR Publ., 1988. Pp. 89–118. In Russian.

Ivanova M. G. Pogrebal'nyi obryad severnykh udmurtov IX–XIII vv. [The funeral rite of the northern Udmurts of the 9th–13th centuries]. *Materialy po pogrebal'nomu obryadu udmurtov* [Materials on the burial rite of the Udmurts]. Izhevsk: UIIYAL URO AN USSR Publ., 1991. Pp. 35–55. In Russian.

Ivanova M. G. Pogrebal'nye pamyatniki severnykh udmurtov XI–XIII vv. [Funeral monuments of the northern Udmurts of the 11th–13th centuries]. Izhevsk: UIIYAL URO RAN Publ., 1992. 184 p. In Russian.

Ivanova M. G. Idnakar: drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. [Idnakar: ancient Udmurt hillfort of the IX–XIII centuries]. Izhevsk: UIIYAL URO RAN Publ., 1998. 294 p. In Russian.

Ivanova M. G. Drevneudmurtskoe gorodishche Idnakar: nekotorye itogi i perspektivy issledovaniy [Old Udmurt settlement Idnakar: some results and prospects of research]. *Novye issledovaniya po srednevekovoi arkheologii Povolzh'ya i Priural'ya: Materialy Mezhdunarodnogo polevogo simpoziuma* [New research on medieval archeology of the Volga and Ural regions: Materials of the International Field Symposium]. Izhevsk-Glazov: UIIYAL URO RAN Publ., 1999. Pp. 103–110. In Russian.

Ivanova M. G. Hronologiya strukturnykh chastej gorodishcha Uchkakar v bassejne r. Chepca [Chronology of Structural Parts of Ancient Settlement Uchkakar in the Cheptsya River Basin]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. Vol 10. № 3 (2016). Pp. 134–145. In Russian.

Ivanova M. G., Rudenko K. A. Mednaya posuda iz drevneudmurtskogo mogil'nika u d. Kuz'mino i ee ehtnokul'turnye paralleli [Copper dishes from the ancient Udmurt burial ground near the village of Kuz'mino and its ethnocultural parallels]. *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov* [Problems of medieval archeology of the Volga Finns]. Seriya: Arkheologiya i ehtnografiya Mariiskogo kraja. Vypusk 23 [Series: Archeology and Ethnography of the Mari Territory. Issue 23]. Yoshkar-Ola: MarNIYALI Publ., 1994. Pp. 107–120. In Russian.

Kazakov E. P. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii: (Ehtapy ehtnokul'turnoi istorii)* [The culture of early Volga Bulgaria: (Stages of ethnocultural history)]. Moscow: Nauka Publ., 1992. 332 p. In Russian.

Kokorina N. A. Bulgarskaya keramika Idnakara (po materialam raskopok 1974–1992 gg.) [Bulgar ceramics of Idnakar (based on materials from excavations of 1974–1992)]. *Materialy issledovaniy gorodishcha Idnakar IX–XIII vv.* [Materials of research of the settlement of Idnakar in the 9th–13th centuries]. Izhevsk: UIIYAL URO RAN Publ., 1995. Pp. 56–71. In Russian.

Makarov L. D. *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ya v X–XV vv.* [Old Russian population of the Kama region in the X–XV centuries]. Izhevsk: Udmurt University Press, 2001. 140 p. In Russian.

Nigamaev A. Z. *Bolgarskie goroda Predkam'ya: Alabuga, Kirmen', Chally. Svoeobrazie material'noi kul'tury naseleniya* [Bulgarian cities of Predkam'ya: Alabuga, Kirmen, Chaly. The originality of the material culture of the population]. Kazan: University Press, 2005. 228 p. In Russian.

Ostanina T. I. Polomskii II mogil'nik Krasnaya Gorka (materialy raskopok 1959–1960 gg.) [Polomsky II burial ground Krasnaya Gorka (materials from excavations 1959–1960)]. *Finno-Ugrica*, 2011. № 12–13. Pp. 40–155. In Russian.

Pastushenko I. Yu. Kishertskii mogil'nik v bassejne reki Sylvy [Kishert burial ground in the Sylva river basin]. *Finno-Ugrica*, 2006. № 9. Pp. 40–70. In Russian.

Perevoshchikov S. Volkova Z. Rezultaty metallograficheskogo analiza zheleznykh predmetov iz Kishertskogo mogil'nika i I poseleniya v bassejne reki Sylvy [Results of metallographic analysis of iron objects from the Kishert burial ground and I settlement in the Sylva river basin]. *Finno-Ugrica*, 2006. № 9. Pp. 71–75. In Russian.

Podosenova Yu. A. *Visochnye ukrasheniya srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya* [Temple decorations of the medieval population of the Perm Cis-Urals]. Perm: PGPU Publ., 2021. 210 p. In Russian.

Rudenko K. A. K voprosu ob udmurtskikh ehlementakh v material'noi kul'ture Volzhskoi Bulgarii XI–XIV vv. (na primere Laishevskogo selishcha) [To the question of the Udmurt elements in the material culture of the Volga Bulgaria in the 11th–14th centuries. (on the example of Laishevsky settlement)]. *Novye issledovaniya po srednevekovoi arkheologii Povolzh'ya i Priural'ya. Materialy Mezhdunarodnogo polevogo simpoziuma* [New research on medieval archeology of the Volga and Ural regions. Materials of the International Field Symposium]. Izhevsk-Glazov: UIIYAL URO RAN Publ., 1999. Pp. 73–102. In Russian.

Rudenko K. A. Metallicheskie chashi VIII–XI vv. iz Srednego Povolzh'ya [Metal bowls of the 8th–11th centuries from the Middle Volga region]. *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ya* [Antiquities of the Oka-Sursk interfluve. Issue 2]. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute Publ., 2000. Pp. 69–81. In Russian.

Rudenko K. A. *Volzhskaya Bulgariya v XI – nachale XIII v.: poseleniya i material'naya kul'tura* [Volga Bulgaria in the 11th – early 13th centuries: settlements and material culture]. Kazan: «Shkola» Publ., 2007. 244 p. In Russian.

Rudenko K. A. Ptitsevidnaya priveska iz fondov muzeya Alekseevskogo raiona Tatarstana [Bird-shaped pendant from the funds of the museum of the Alekseevsky district of Tatarstan]. *Sluchainye nakhodki: khronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyi kontekst. Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii* [Accidental finds: chronology, attribution, historical and cultural context. Materials of the thematic scientific conference]. St. Petersburg: Faculty of History, St. Petersburg State University Publ., 2008. Pp. 230–232. In Russian.

Rudenko K. A. Voprosy vzaimodeistviya narodov Volgo-Kam'ya v X–XIV vv. (po dannym arkheologii) [Issues of interaction between the peoples of the Volga-Kama region in the X–XIV centuries. (according to archeology)]. *Finno-ugorskii mir v poliehtnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sbornik statei po materialam VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov* [The Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: a collection of articles based on the materials of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Studies]. Izhevsk: Anna Zelenina Publishing House, 2019. Pp. 463–467. In Russian.

Baer E. *Metalwork in Medieval Islamic Art*. New York. 1983. 372 p.

Boucher F. *A history of Costume in the West* / translated from the French by John Ross. 3rd ed. L.; New York. 2004. 460 p.

Byzantium and Islam: Age of transition 7th–9th Century. New York. 2012. 332 p.

Chinese Silks. New Haven–London, 2012. 572 p.

Jewelry, 7 000 Years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum. New York: Abradale Press, 1991. 255 p.

Melikian-Chirvani A. S. The White Bronzes of Early Islamic Iran. *Metropolitan Museum Journal*. 1974, vol. 9. Pp. 123–151.

Rudenko K. Metal ware of the finno-ugric peoples of eastern Europe and the transurals. *Historia Fenno-Ugrica I: 2. Congressus primus historiae fenno-ugricae*. Oulu, 1996. Pp. 299–308.

Rudenko K. Suomalais-ugrilaiset elementit turkkilaisten valtioiden kulttuureissa 1100-1300-luvuilla jKr. *Historia Fenno-Ugrica I:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae*. Oulu, 1996. Pp. 308–309. In Finnish.

Textile. 5 000 years of textiles. London: British Museum Press, 2010. 320 p.

Received 20.05.2021

Rudenko Konstantin Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kazan State Institute of Culture,
3, Orenburg tract, st., Kazan, 420059, Russian Federation,
e-mail: murziha@mail.ru

Ю. А. Подосёнова

**КАЛАЧЕВИДНЫЕ ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ
С ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРЕДУРАЛЬЯ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

В период X–XIII вв. у отдельных групп финно-угорского населения широкое распространение получают калачевидные височные украшения. Среди них выделяется группа изделий, выполненных из серебра и декорированных позолотой, треугольниками из зерни, рядами из филигранных проволочек и нередко – вставками из камней или стекла и полыми бусинами, нанизанными на боковые стороны дужки. Исследование техники изготовления изделий позволило выделить основные приемы и способы, использовавшиеся при их изготовлении, а также основные приемы и способы их декорирования. При картографировании изделий выявлено, что данные изделия были распространены на территориях Ветлужско-Вятского междуречья (культура средневековых марийцев), Северного (вымская культура), Удмуртского (чепецкая культура) и Пермского Предуралья (ломоватовская и родановская археологическая культура), Зауралья и Западной Сибири. Сравнение приемов изготовления и более детальное сопоставление форм изделий позволили разделить весь их массив на две группы изделий, изготавливавшихся в разных ювелирных центрах. Один из них находился на территории Удмуртского Предуралья, другой – на территории Пермского Предуралья. Для каждого из центров были выделены отдельные особенности, заключающиеся как в форме и изготовлении основы изделий, так и в наложении определенным способом отдельных декоративных элементов. Однако оформление изделий в одном стиле, единые технические приемы их декорирования сближают изделия и свидетельствуют об одном источнике технических заимствований, определить который планируется в будущем.

Ключевые слова: эпоха средневековья, ломоватовская, родановская, чепецкая археологическая культура, Среднее Предуралье, Удмуртское Предуралье, Пермское Предуралье, височные украшения, зернь, филигрань, ювелирное ремесло.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-481-493

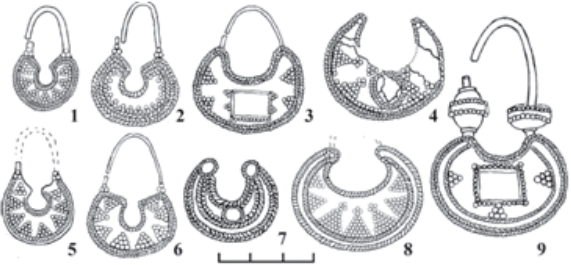

Значение работ Маргариты Григорьевны Ивановой в области средневековой истории и культуры финно-угорских народов России трудно переоценить. Несмотря на то, что основное внимание исследователя было направлено на изучение проблем социально-экономической истории и развития укрепленных поселений, Маргарита Григорьевна часто в своих трудах затрагивала тему развития и функционирования ювелирного и бронзолитейного ремесла на территории чепецкой археологической культуры, уделяя внимание орудиям труда и ассортименту изделий ювелиров и литейщиков. Нередко в трудах Маргариты Григорьевны фигурируют так называемые калачевидные височные украшения как одна из характерных для чепецкой археологической культуры категорий изделий. Она впервые обратила внимание на отдельные хронологические особенности этих изделий и на основании изучения в том числе и этих изделий впервые охарактеризовала уровень мастерства чепецких ювелиров и литейщиков [Ивано-

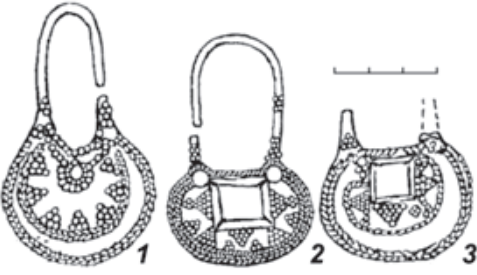
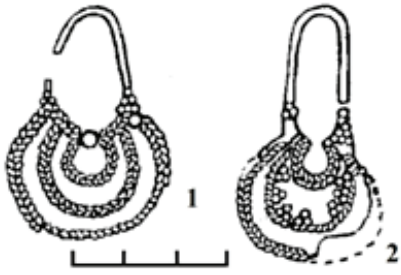
ва 1998, 134, 138–139, 144; Иванова 1982, 56 и др. работы]. Предлагаемая вниманию публикация в какой-то степени продолжает исследования и развивает предположения, сделанные Маргаритой Григорьевной Ивановой.

Во второй половине X–XIII вв. в среде отдельных групп финно-угорских народов особой популярностью пользовались *калачевидные височные украшения*, представляющие собой изделия овальной или овально-подтреугольной формы, имеющие в качестве замены привески плоский щиток калачевидной формы, вписанный в основу изделия. Среди них выделяются украшения, имеющие обильный зерно-филигранный декор и нередко – инкрустацию в виде вставок из поделочных камней или стекла. География их распространения неширока и ограничивается территориями Ветлужско-Вятского междуречья, Северного и Среднего Предуралья, Зауральем и Западной Сибирью (Табл. 1).

Таблица 1

**Зерно-филигранные калачевидные височные украшения.
Примеры изделий с территорий**

Территория	Зерно-филигранные калачевидные височные украшения
Пермское Предуралье	 <p>1 – Рождественский мог-к; 2, 5, 6 – Степаново Плотбище мог-к; 3 – Рождественское городище; 4 – Антыбарский мог-к (п. 49); 5, 7, 9 – Пермский край; 4 – Антыбарский мог-к; 8 – могильник Телячий Брод</p>
Зауралье и Западная Сибирь	 <p>1 – Барсов городок; 2, 3 – Вайгач; 4 – Усть-Ишимский мог-к; 5, 6 – Сайгатинский III мог-к; 7 – Сайгатинский I мог-к; 8 – Ликинский мог-к; 9 – мог-к Зеленый Яр (по Т. И. Арне, Н. В. Федоровой, В. Д. Викторовой, Серебро древней..)</p>
Северное Предуралье	 <p>1, 5 – м-к Шойнаты II и III; 2 – Чегтыягский м-к; 3, 4 – Кичилькоський м-к; 6 – Веслянский II м-к; 7 – Ветьюский м-к (по Э. А. Савельевой, К. С. Королеву, Т. В. Истоминой)</p>

Удмуртское Предуралье	 <p>1, 3 – Чиргинский мог-к; 2 – коллекция Н. Г. Первухина (по А. Г. Иванову)</p>
Ветлужско-Вятское междуречье	 <p>1, 2 – Выжумский III могильник (по Г. А. Архипову)</p>

Долгое время в научной литературе калачевидные височные украшения выступали как одна из категорий широкого круга зерно-филигранных изделий, изготовленных в ювелирных мастерских Волжской Булгарии [Фёдорова 1990, 133, рис. 2/7–8; Белавин 2000, 78–79; Савельева 1991, рис. 1/7–8]. А их распространение на территории Зауралья и Западной Сибири, Северного Предуралья, Ветлужско-Вятского междуречья предполагалось через посредничество населения Пермского и Удмуртского Предуралья [Белавин 2000, 78–79; Савельева 1991, рис. 1/7–8 и др.].

Однако факт отсутствия таких изделий в болгарских материалах, а также результаты исследований К. А. Руденко, показывающие, что ювелирные приемы изготовления изделий и их формы во многом были не свойственны для болгарских ювелиров [Руденко 2015, 155–157], позволяют вернуться к данной теме снова. В свете вышеуказанных затруднений с атрибуцией зерно-филигранных украшений, представляется необходимым остановиться на выявлении сходств и различий рассматриваемых украшений в регионах, где они были обнаружены, с охватом технических, хронологических и количественных данных.

Основа зерно-филигранных калачевидных височных украшений представляет односоставную или сборную конструкцию в зависимости от приемов её изготовления. При изготовлении *односоставной основы калачевидных височных украшений* главной формообразующей операцией изготовления была *ковка* – проволоку или дрот сгибали в кольцо овальной или овально-подтреугольной формы и расковывали его нижнюю часть до округлой формы, в дальнейшем с помощью вырезания щитку придавали калачевидную форму. После изготовления основы изделие декорировали.

Сборная основа калачевидных височных украшений собиралась и спаивалась из отдельных конструктивных элементов – *щитка*, вырезанного из тонкого листа металла, и *дужки*, выполненной из согнутой определенным образом проволоочки. После эти части украшений декорировались¹.

¹ Зачастую в таких украшениях дужка утеряна и изделие представлено в виде одного щитка, но о наличии дужки свидетельствуют места припоя на его изнаночной стороне.

Рис. 1. Примеры зерно-филигранных калачевидных украшений с территории Зауралья и Западной Сибири, Среднего (Удмуртского и Пермского) Предуралья.

- 1, 5, 6 – Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (№ МЗИ-207/313, МЗИ-195/243, МЗИ 178/1), 2, 3, 4 – Кузьминский мог-к;
 7 – Сайгатинский I мог-к; 8, 9 – могила у д. Анеево (ХМАО); 10 – мог-к Зеленый Яр;
 12, 14 – Сайгатинский III мог-к; 11, 13, 15, 17 – Пермский край; 16 – Антыбарский мог-к.
 1, 5, 6 – фото из Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации: фонды «Историко-культурного музея-заповедника Удмуртской Республики «Иднакар», МЗИ-207/313, МЗИ-195/243, МЗИ 178/1; 3, 4 – фото по монографии К. А. Руденко;
 10 – иллюстрация из монографии Зеленый Яр...; 8, 9, 12, 14 – фото из каталога Серебро древней Югры; 7, 11, 13, 15–17 – фото автора и материалы Ю. А. Подосёновой).
 1–6 – Удмуртское Предуралье; 7–10, 12, 14 – Зауралье и Западная Сибирь, остальное – Пермское Предуралье

Зерно-филигранные калачевидные височные украшения Пермского Предуралья (25 экз.) (Табл. 1. Пермское Предуралье: 1–9; Рис. 1/11, 13, 15–17) появляются в результате развития калачевидных височных украшений простых форм с проволочно-кованной основой, которые появились здесь ещё в первой половине X в. [Подосёнова 2021, 99, рис. 97]. В XI в. происходят изменения как в декоративном оформлении, так и в конструкции изделий: появляется зерно-филигранный орнамент на изделиях с проволочно-кованной основой (табл. 1: Пермское Предуралье: 1, 5), и основа украшений начинает спаиваться из отдельных конструктивных деталей – щитка и проволочной дужки (табл. 1: Пермское Предуралье: 2–4, 6–9)². В XII в. изделия с проволочно-кованной основой вышли из употребления, сохранились только калачевидные височные украшения со сборной основой, зерно-филигранным орнаментом и реже – кастом со вставкой из стекла или камня и/или полыми бусинами, нанизанными на боковые стороны дужки. Калачевидная форма щитка стала наиболее выраженной.

Изделия происходят из материалов Рождественского городища (к. IX – начало XIV вв.), Саламатовского городища (из слоя не ранее XII в.), Антыбарского могильника (из погребения 49 и части памятника, датированной XII–XIII вв.), могильника Степаново Плотбище (Питерского, IX–XI вв.), территории Пермского края (депаспортизированные изделия из дореволюционных сборов и коллекций) [Подосёнова 2021, 110–112, 115].

² Исследование техники изготовления изделий проведено автором публикации.

Зерно-филигранные калачевидные височные украшения Удмуртского Предуралья (Табл. 1: Удмуртское Предуралье: 1–3; Рис.1/1–6) также появились в результате развития калачевидных височных украшений простых форм с проволочно-кованной основой, появившихся здесь еще к концу X в. [Русских 2020, 78]. Однако их форма, в отличие от прикамских изделий, претерпевает на протяжении XI–XII вв. кардинальные изменения – пропорции украшений постепенно вытягиваются, а калачевидный щиток приобретает форму сплошного раскованного овала [Иванова 1982, 56]. Появление и распространение на этой территории украшений с зерно-филигранным декором исследователи относят к XI–XIII вв. [Иванов 1998, 131]. Это подтверждает и находка литейной формы с участка XI в. городища Иднакар, вырезанная из известняка и явно предназначенная для копирования зерно-филигранных височных украшений (Рис. 2) [Иванова 1998, 137, рис. 54/1].

Изделия происходят (15 экз.) из материалов Чиргинского (XII–XV вв.) и Кузьминского могильников (XI–XIII вв.), коллекции Н. Г. Первухина [Иванов 1998, 131; рис. 62/8–9, 11; Русских, Сабирова 2020, 103].

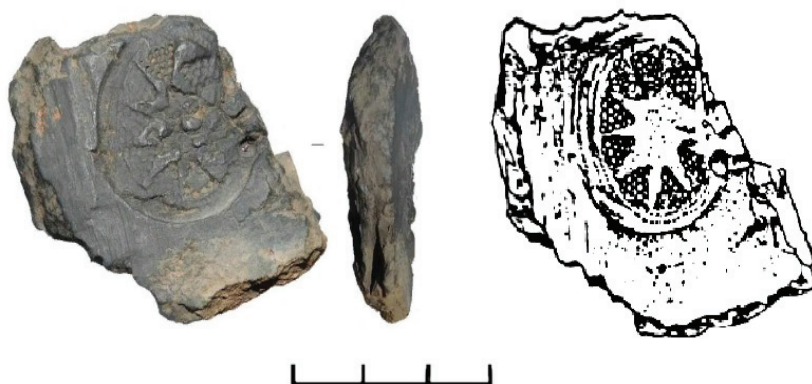

Рис. 2. Форма для отливки односоставных височных украшений из Удмуртского Предуралья: городище Иднакар (прорисовка по М. Г. Ивановой, фото – Государственный каталог Музейного Фонда РФ, МЗИ-18/75)

На территории Зауралья и Западной Сибири зерно-филигранные калачевидные височные украшения появляются и распространяются в период XI–XIV вв. (Табл.1. Зауралье и Западная Сибирь: 1–9; Рис. 1/7–10, 12, 14) [Фёдорова 1990, 136–139]. Здесь зерно-филигранные изделия с проволочно-кованной основой представлены единичными находками (Табл. 1. Зауралье и Западная Сибирь: 1, 2) [Подосёнова 2021, рис. 105/7]. Однако достаточно много изделий, имеющих сборную основу, с ярко выраженной калачевидной формой щитка (Табл. 1. Зауралье и Западная Сибирь: 3–9)³. Уже в XII–XIII вв. здесь появляются изделия более массивные, с еле намеченной или отсутствующей выемкой в щитке и декорированные не только зерно-филигранным орнаментом, но и вставками из камней, а также дополненные полыми бусинами, нанизанными на боковые стороны дужки. Интересно, что у отдельных изделий в щитке поверх зерно-филигранного декора просверлены отверстия для крепления привесок (Табл. 1. Зауралье и Западная Сибирь: 5–7; Рис. 1/7, 12, 14). На одном из них сохранилась привеска каплевидной формы, соединенная с основным украшением с помощью кольца из проволоки (Табл. 1. Зауралье и Западная Сибирь: 5; Рис. 1/12).

Изделия (более 15 экз.) происходят из Ликинского (в погребении не ранее рубежа XI–XII вв.), Кинтусовского (X–XII вв.), Усть Ишимского (в кургане XI в.), Сайгатинского I (XIII–XIV вв.), Сайгатинского III (XII–XIV вв.), Барсова гора (погребения эпохи средневековья) и Зеленый Яр (XIII в.,

³ Выделение отдельных особенностей изготовления основано на информации, почерпнутой из публикаций, а также на результатах визуального анализа отдельных изделий, проведенного автором публикации.

поминальный комплекс) могильников и погребения близ д. Анеево, а также были обнаружены в составе клада на о-ве Новенький. Необходимо отметить, что много изделий, которые происходят из сборов [Фёдорова 1990, 136–139; Коников 1984, рис.4/8; Зеленый Яр... 2005; 334; Арне 2005, рис. 11; Серебро древней...2012, 14–17, ил. 3–4, 66–69, ил. 26–27; Викторова 2008, 59].

В памятниках Северного Предуралья зерно-филигранные калачевидные височные украшения представлены изделиями с проволочно-кованной основой⁴ (Табл. 1. Северное Предуралье: 1–7). Все они правильной традиционной формы – с выраженным округлым щитком и глубокой выемкой. Общий период распространения рассматриваемых изделий на этой территории можно обозначить XI–XIII вв. [Савельева 2016, 59–64]. Однако основная масса находок может быть датирована XI–XII вв. Изделия (7 экз.) были обнаружены в материалах могильников Ветью (XII–XIII вв.), Веслянском II (XII–XIII вв.), Кичилькосьском (XI–XIII вв.), Чезтыягском (XI–XIV вв.), Шойнаты II и III (XI–XII вв.). [Савельева 1987, 156, рис. 37/29; Савельева 1991, 98; Истомина 1992, 135, рис. 1–2; Королев 1979, 12, 27, рис. 3/10, 7/26; Археология Коми... 1997, 641, рис.21/1–4].

В Ветлужско-Вятском междуречье рассматриваемый круг изделий представлен единичными экземплярами, происходящими из погребений Выжумского III могильника, датированного XII–XIII вв. (Табл. 1. Ветлужско-Вятское междуречье: 1, 2) [Архипов 1986, рис. 15/16–17]. Одно украшение имеет более вытянутые пропорции и неглубокую выемку, сближающую его с изделиями Удмуртского Предуралья.

Наглядно достаточно легко выделяются группы изделий, похожих по форме и конструкции друг на друга, но происходящие из разных регионов (Табл. 1). Изделия из Ветлужско-Вятского междуречья и Удмуртского Предуралья объединяют более вытянутые пропорции украшений. Изделия из Северного и Пермского Предуралья – выраженная калачевидная форма щитка с глубокой выемкой. Изделия из Пермского Предуралья и Зауралья и Западной Сибири – выраженная калачевидная форма щитка с глубокой выемкой, наличие изделий со сборной основой, массивность некоторых из них.

Несмотря на отличия формы и конструкции основы, изделия со всех территорий имеют исполненный в одном стиле и даже по одним правилам зерно-филигранный декор, лишь изредка отличающийся отдельными мелкими нюансами. Край калачевидного щитка всегда декорирован рядами филигранной проволочки (2–3 ряда). Они имитируют витые проволочки, и у многих украшений представлены не в виде скани, а в виде торсированной филигрании (проволочки квадратного или прямоугольного сечения, крученной вокруг своей оси). Ряды из проволочек укладывались таким образом, чтобы витки были разнонаправлены по отношению к виткам рядом лежащего филигранного ряда – так достигался более красивый эстетический эффект «колоска» или «косички» (Рис. 3 А; Е, Ж, Д). Отдельные филигранные ряды, также выложенные «колоском» (от 1 до 2 рядов), могли проходить вдоль щитка немного выше его края (второй ярус) (Рис. 1/1–3, 6–11, 15, 17). Чаще всего между филигранными рядами, уложенными в два яруса, прокладывалась тонкая позолоченная полоска металла (Рис. 1 /1, 2, 7–11, 17; Рис. 3/ Д, Е). Треугольники, выложенные из мелкой однокалиберной зерни, декорировали центральную часть щитка. Обычно их основание соприкасалось с рядами филигранной проволочки. В изделиях с инкрустацией небольшие треугольники или пирамидки зерни или ряд из зерни окаймляли основание каста для каменной или стеклянной вставки (Рис. 1; Рис. 3/А, Е, Ж, З).

Каст в украшениях обычно квадратной формы (лишь в двух украшениях из Удмуртского и Пермского Предуралья он имеет овальную форму) и располагается в верхней части калачевидного щитка (Рис. 1/2–9, 17). Он глухой и всегда выполнен из тонкой металлической полоски, припаянной под прямым углом по отношению к плоскости щитка (дополнительно его фиксировали ряды, треугольники или пирамидки из зерни). Вставка крепилась путем небольшого заваливания краев каста (дополнительно она насаживалась на органическое клейкое ве-

⁴ Выделение отдельных особенностей изготовления основано на информации, почерпнутой из публикаций.

щество, однако крепление было недостаточным, чем объясняется утрата вставок на большинстве изделий) (Рис. 3/3).

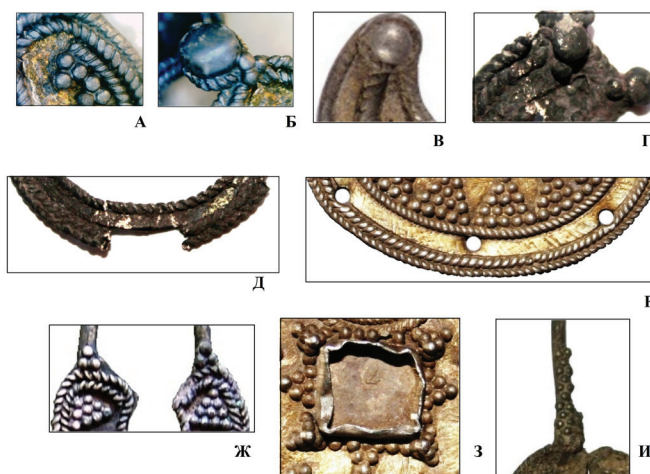

Рис. 3. Отдельные особенности декорирования зерно-филигранных калачевидных украшений.

А – филигранные ряды из торсированной проволоочки, уложенные «косичкой», небольшие треугольники из однокалиберной зерни, позолота; Б, В – крупная зернь на подложке из торсированной проволоочки; Г – крупная зернь на месте перехода щитка в дужку; Д – фиксация тонкой полоски металла, проложенной между филигранными (торсированными) рядами; Е – фиксация тонкой полоски металла, проложенной между филигранными (торсированными) рядами; треугольники, выложенные из зерни, золочение; Ж – треугольники зерни, декорирующие переход от щитка к дужке, ряды филигранной проволоочки, уложенной косичкой, треугольники из зерни; З – пирамидки из зерни, окаймляющие каст для вставки, особенности конструкции каста для вставки; И – зернь, обильно декорирующая дужку украшения

Переход от щитка к дужке декорировали треугольники, выложенные из мелкой однокалиберной зерни, или одиночная зернь крупного размера. Одиночной зернью крупного размера иногда соединялись и концы калачевидного щитка в изделиях (Рис. 1/1, 2, 3, 6, 11, 15; Рис. 3/В, Г, Ж). Судя по описаниям, внешнему виду изделий и имеющимся данным по отдельным украшениям с территории Удмуртского и Пермского Предуралья, Зауралья и Западной Сибири, рассматриваемые изделия были выполнены из сплава с высоким содержанием серебра. Практически на всех изделиях на фон, свободный от зерно-филигранного декора, нанесена позолота (вероятнее всего, способом амальгамирования, когда на поверхность наносили раствор золота с ртутью с последующим нагревом).

Но, как уже было отмечено, имеются и отдельные не частые, но весомые с позиции атрибуции происхождения изделий, отличия. Дужка большинства изделий из Удмуртского Предуралья декорирована вертикальным рядом, выложенным из мелкой однокалиберной зерни (Рис. 3/И; Рис. 1/2–6). В Пермском Предуралье такой декор выявлен лишь на одном изделии. Однако, судя по массовым отливкам-копиям зерно-филигранных изделий, форма для которых готовилась путем оттиска готового украшения в пластичной форме, такой прием не был здесь распространен. Также украшения, где дужки декорирует ряд обильной зерни, происходят из Выжумского III могильника в Ветлужско-Вятском междуречье (Табл. 1. Ветлужско-Вятское междуречье: 2). Крупная зернь в изделиях Пермского Предуралья, как и на отдельных изделиях Зауралья и Западной Сибири, всегда выложена на подложки из филигранной (повторяющей витье или торсированной) проволоочки (Рис. 3/Б; Рис. 1/11,15). Тогда как крупная зернь в изделиях с чепецких памятников зачастую не имеет таких подложек (Рис. 1/ 1-4,6).

И еще одно важное, на наш взгляд, отличие заключается в строении и форме полых бусин, нанизанных на боковые стороны дужек. В изделиях из Пермского Предуралья, Зауралья и Западной Сибири они имеют бочонковидную форму. Они выполнены из двух полусфер, тисненых из тонкого листа металла, место соединения которых прикрыто пояском из уплощенной филигранной проволоочки или полоской, вырезанной из тонкого листа металла. По краям пояса проходит ряд зерни или ряды уплощенной филигрании, уложенные «косичкой» (Рис. 1/7–10, 17). В одном случае бусины округлые – их стык прикрыт уплощенными филигранными рядами, уложенными «косичкой», филигранные ряды маскируют также место крепления бусины к дужке, а на бусинах помещены треугольники, выложенные из зерни (Табл. 1. Зауралье и Западная Сибирь: 8). Бусины, декорированные таким образом, были характерны и для других украшений – распространявшихся на этих территориях еще в XI в. височных украшений с грушевидной привеской, а в XII–XIII вв. – для одно-, трёх- и многобусинных височных украшений [Подосёнова 2021, 116–119, 86–87]. В украшениях из Удмуртского Предуралья бусины, по всей вероятности, имели иную конструкцию: они также состояли из двух полусфер, были декорированы треугольниками, выложенными из зерни, но стык их был замаскирован рядом крупной зерни, а сама бусина дополнительно крепилась к дужке навитой на неё филигранной проволочкой (Рис. 1/4). Такое строение бусин было характерно и для бусинных височных украшений Удмуртского Предуралья, распространявшихся одновременно с зерно-филигранными калачевидными височными украшениями [Руденко 2015, 154].

На наш взгляд, упомянутые сходства и отличия, выделенные в круге рассматриваемых ювелирных изделий разных регионов, еще раз демонстрируют принадлежность их к определенным ювелирным центрам. В одну группу могут быть включены изделия из Ветлужско-Вятского междуречья и Удмуртского Предуралья, в другую – из Северного и Пермского Предуралья, Зауралья и Западной Сибири.

Несомненно, что в Северное Предуралье украшения проникали из Пермского Предуралья, о чем свидетельствуют отсутствие там предпосылок развития этих украшений, а также масса других находок с пермской территории, обнаруженных в одном памятнике и порой в одном погребении [Савельева 2016, 59–74].

В Пермском Предуралье четко прослеживается типологическое развитие украшений рассматриваемого круга, которое можно представить следующим образом: украшения с проволоочно-кованной основой – украшения с проволоочно-кованной основой и зерно-филигранным декором – украшения со сборной основой и зерно-филигранным декором – украшения с сборной основой и зерно-филигранным декором и вставкой из камня или стекла, с нанизанными полыми бусинами по боковым сторонам дужки [Подосёнова 2021, 99–115].

Однако изделия Пермского Предуралья, Зауралья и Западной Сибири очень сложнограничить. С одной стороны, в Зауралье и Западной Сибири существовали свои предпосылки развития данных украшений – здесь так же, как и в Пермском Предуралье, практически более чем за столетие появляются проволоочно-кованные и литые калачевидные украшения, простые в оформлении, но в то же время практически отсутствуют изделия, демонстрирующие одно из звеньев развития – зерно-филигранные височные украшения с проволоочно-кованной основой. С другой стороны, как отмечают исследователи, Уральские горы не составляли большого препятствия для контактов предуральского и зауральского населения, здесь жили родственные племена с общими культурными традициями, которые обусловили широкое распространение отдельных категорий изделий [Крыласова 2007, 177]. В результате эти контакты могли способствовать и распространению рассматриваемого круга изделий. Однако интересно и другое. Богато декорированные изделия с зерно-филигранным декором на территории Пермского Предуралья в основном бытовали в XII в., а в Зауралье и Западной Сибири – вплоть до XIV в. Возможно, это связано с тем, что в период XII–XIII вв. на территории Пермского Предуралья происходит резкое сокращение населения, часть которого перебирается и за Урал. В потоке переселенцев за Урал могли быть отдельные ювелиры, принесшие на эту территорию традиции

своего ювелирного ремесла. Близость украшений Пермского Предуралья и Зауралья и Западной Сибири косвенно подчеркивает традиция приспособления к калачевидному щитку разного рода привесок. Как уже было отмечено, на отдельных экземплярах украшений, происходящих с территории Зауралья и Западной Сибири, в щитке фиксируются отверстия. На одном изделии сохранилась привеска каплевидной формы. В калачевидных украшениях Пермского Предуралья, выполненных с помощью литья, также фиксируются отверстия для подвешивания привесок, а на отдельных изделиях сохранились привески-лапки и полые шаровидные привески, которые прикреплялись на цепочках [Подосёнова 2021, 102, рис. 101/6–10].

Развитие типов калачевидных височных украшений на территории Удмуртского Предуралья имело свои территориальные особенности. Условно схему их трансформации можно представить следующим образом: проволочно-кованные простые – проволочно-кованные с вытянутыми пропорциями, проволочно-кованные с вытянутыми пропорциями и зерно-филигранным декором – проволочно-кованные с вытянутыми пропорциями с зерно-филигранным декором, кастом для вставок и нанизанными на боковые стороны дужки бусинами.

Таким образом, калачевидные височные украшения с зерно-филигранным декором как в Удмуртском, так и в Пермском Предуралье являлись последними звеньями развития калачевидных височных украшений простых форм. И начальным звеном служили одни и те же прототипы – проволочно-кованные украшения калачевидной формы, появившиеся уже в X в. (Рис. 4).

Рис. 4. Типологическое развитие калачевидных височных украшений на территориях Удмуртского и Пермского Предуралья. Без масштаба

Важно и другое. Как было отмечено, при изготовлении изделий мастера-ювелиры использовали одни ювелирные техники декорирования, а сами изделия можно отнести к единому ювелирному стилю. Большинство из них появляется на этих территориях одновременно и используется параллельно (варьирование укладки зерни треугольниками с филигранными рядами, уложенными «косичкой»; расположение и строение глухого каста для каменной или стеклянной вставки; появление крупной зерни в одних местах и т.д.). Это, как нам кажется, может свидетельствовать об одних и тех же источниках технических заимствований, с одной стороны, и, возможно, не замкнутости развития ювелирного ремесла внутри территории Среднего Предуралья. Практически все приёмы, применяемые при изготовлении ювелирных изделий, явля-

лись достаточно трудоёмкими⁵. И, несомненно, их применение указывает на высокий уровень мастерства местных мастеров-ювелиров Среднего Предуралья, что неоднократно отмечали исследователи [Krylasova, Podosenova, Sarapulov 2015, 2003–2019; Belavin, Krylasova, Podosenova 2017, 1; Иванова 1998, 144].

Выяснение происхождения этих технических заимствований в ювелирной продукции Среднего Предуралья не входит в задачи данного исследования, однако в связи с расширением круга источников является перспективным направлением для дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Алексащенко Н. А., Брусницына Н. Г., Литвиенко М. И., Косинцев П. А., Первалова Е. В., Ражев Д. И., Фёдорова Н. В. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.

Арне Т. И. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2005. 184 с.

Архипов Г. А. Марийцы XII–XIII вв. Йошкар Ола: Мар. кн. изд во, 1986. 178 с.

Ашихмина Л. И., Васкул И. О., Волокитин А. В., Савельева Э. А., Истомина Т. В., Павлов П. Ю. Археология Республики Коми. М.: «ДиК», 1997. 758 с.

Белавин А. М. Камский торговый путь. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Викторова В. Д. Древние Угры в лесах Урала. Страницы ранней истории манси. Екатеринбург: Квадрат, 2008. 208 с.

Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 308 с.

Иванова М. Г. Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1982. С. 52–76.

Иванова М. Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.

Истомина Т. В. Комплекс погребения 37 Чептыгского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. С. 127–135.

Конигов Б. А. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таёжного Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: ТомГУ, 1984. С. 88–98.

Королёв К. С. Новый район обитания вычеготских пермян. Сыктывкар: КНЦ АН СССР, 1979. 50 с.

Крыласова Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007. 352 с.

Подосёнова Ю. А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, ПФИЦ УрО РАН, 2021. 210 с.

Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Русских Е. Л. Денежно-вещевые клады VIII–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 2 (9). С. 75–82.

Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Цветной металл могильников чепецкой культуры: Кузьминского, Кушманского I, Иднакарского I // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 1 (48). С. 97–109.

Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Наука, 1987. 200 с.

Савельева Э. А. Роль Волжской Болгарии в развитии культуры Перми Вычегодской // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1991. С. 95–110.

⁵ Достаточно хорошо техническая специфика этих приемов на основе изучения изделий предшествующих эпох описана в работах В. Дучко, Дж. Волтерса, А. И. Минжуллина [Duczko 1985, 20–21; Duczko 1986, 107–110; Minzhulin 1990; Wolters 1981, 119–129].

*** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-49-590001 р_а «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности», а также при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.) и в рамках темы госзадания «Урал – этнокультурный перекресток Евразии» № НИОКТР АААА-А-19-119032590066-2.

Савельева Э. А. Погребения с монетами Кичилькосьского I могильника // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. Вып. 2 (26). С. 59–74.

Серебро древней Югры: каталог. Ханты-Мансийск – Екатеринбург: Баско, 2012. 140 с.

Федорова Н. В. Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние болгары и финно угры в Восточной Европе: сб. материалов конференции. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ АН СССР, 1990. С. 131–141.

Belavin A. M., Krylasova N. B., Podosenova Yu. A. Belt sets of «Hungarian style» from the Perm Ural // *Global Media Journal*. 2017. Vol. 15. № 29. P. 1.

Duczko W. The filigree and granulation work of the Viking period. An analysis of the material from Björkö (Birka) // *V Stockholm*. 1985. S. 11–118.

Duczko W. Vikingatidens filigran- och granulationsarbeten. En analys av materialet Björkö // *Annales Societatis Litterarum Humaniorum Regiae Upsaliensis*. 1986. S. 107–110.

Krylasova N. B., Podosenova Yu. A., Sarapulov A. N. Jewellery techniques in the territory of Perm Cis-Ural region in the middle ages // *Terra Sebus*. 2015. Vol. 7. S. 2003–2019.

Minzhulin A. I. Restoration of Ancient Archaeological Granulation Jewelry // *9 the Tiennial Meeting Dresden. ICOM Committee for Conservation*. 1990. Vol. 2. Reprint.

Wolters J. The Ancient Craft of Granulation. A re-assessment of established concepts // *Gold Bulletin*. 1981. № 14 (3). S. 119–129.

Поступила в редакцию 28.05.2021

Подосёнова Юлия Александровна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,

Отдел истории, археологии и этнографии

Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН,

614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13А,

e-mail: podosenka@yandex.ru

Yu. A. Podosenova

JEWELRY FOR TEMPLES IN THE SHAPE OF THE MOON FROM THE TERRITORY OF THE MIDDLE URALS IN THE MIDDLE AGES

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-481-493

In the period of the X–XIII centuries, among certain groups of the Finno-Ugric population, head ornaments in the shape of the moon were widely used. Among them are a group of silver products made decorated with gilding, triangles of granules, rows of filigree wires, and, often, inserts of stones or glass and beads strung on the sides of the shackle. Techniques and methods of their production are considered. Techniques and methods of decorating products are considered. The product distribution areas are also highlighted. This is the Vetluzhsko-Vyatka territory, the territories of the Northern and Middle Urals, Trans-Urals and Western Siberia. Two centers of their production are allocated. The first in the Udmurt Urals. The second in the Permian Urals. Each had its own characteristics: in form, manufacture and decoration. However, their products are united by a single design style. Also, their products are united by common technical techniques. This indicates the common roots of the origin of jewelry traditions. This also indicates a high level of development of the jewelry craft.

Keywords: middle ages, Lomovatovskaya, Rodanovskaya, Chepetskaya, archaeological culture, Middle Urals, Udmurt Urals, Permian Urals, temporal jewelry, grain, filigree, jewelry craft

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 481–493. In Russian.

REFERENCES

Aleksashenko N. A., Brusnitsyna N. G., Litvienko M. I., Kosintsev P. A., Perevalova E. V., Razhev D. I., Ftodorova N. V. *Zelenyi Jar: arheologicheskii kompleks epohi srednevekov'ya v Severnom Priob'e* [Zeleny Yar: an

archaeological complex of the Middle Ages in the Northern Ob region]. Yekaterinburg-Salekhard, UrO RAN Publ., 2005. 368 p. In Russian.

Arne T. I. *Barsov gorodok. Zapadnosibirskii mogil'nik zhelezhnogo veka* [Barsov town. Iron Age burial ground in Western Siberia]. Ekaterinburg, Ural'skii rabochii Publ. 2005. 184 p. In Russian.

Arhipov G. A. *Mariitsy XII–XIII vv.* [Mari people in the XII–XIII centuries.]. Yoshkar Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986. 178 c. In Russian.

Ashihmina L. I., Vaskul I. O., Volokitin A. V., Savel'eva Ye. A., Istomina T. V., Pavlov P. Ju. i dr. *Arheologiya Respubliki Komi* [Archeology of the Komi Republic]. Moscow, "DiK" Publ., 1997. 758 p. In Russian.

Belavin A. M. *Kamskii torgovyi put'* [Kama Trade Route]. Perm, PGGPU, PFIC UrO RAN Publ, 2021. 210 p. In Russian.

Viktorova V. D. *Drevnie Ugry v lesah Urala. Stranicy rannei istorii mansi* [Ancient Ugrians in the forests of the Urals. Pages of the history of the Mansi people]. Ekaterinburg, Kvadrat Publ., 2008. 208 p. In Russian.

Ivanov A. G. *Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья* [Ethnocultural and economic relations of the population of the Cheptyy river in the Middle Ages]. Izhevsk, UIIYAL UrO RAN Publ., 1998. 308 p. In Russian

Ivanova M. G. Malovenizhskii mogil'nik [Malovenizhsky burial ground]. *Srednevekovyye pamyatniki basseina r. Cheptyy* [Medieval monuments of the Cheptyy River basin], 1982. Pp. 52–76. In Russian.

Ivanova M. G. *Idnakar. Drevneudmurtское городище IX–XIII vv.* [Idnakar. Ancient Udmurt settlement of the IX–XIII centuries]. Izhevsk, UdIYAL UrO RAN Publ., 1998. 294 p. In Russian.

Istomina T. V. Комплекс погребения 37 Chezhtyagского могил'ника [Burial complex 37 of the Chezhtyag burial ground]. *Problemy finno ugarskoi arheologii Urala i Povolzh'ya* [Problems of Finno Ugric archeology of the Urals and the Volga region], 1992. Pp. 127–135. In Russian.

Konikov B. A. Ust'-Ishimskie kurgany i nekotorye voprosy rannesrednevekovoi istorii taiozhnogo Priirtysh'ya [Ust'-Ishim mounds and some questions of the Early medieval history of the Taiga Irtysh region]. *Zapadnaya Sibir' v jepohu srednevekov'ya* [Western Siberia in the Middle Ages], 1984. Pp. 88–98. In Russian.

Korol'ov K. S. *Novyi rajon obitaniya vychegotskikh permyan* [The new habitat of the Vychehotsk Permians]. Syktyvkar, KNC AN SSSR Publ., 1979. 50 p. In Russian.

Krylasova N. B. *Arheologiya povsednevnosti: material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya* [Archeology of Everyday Life: Material Culture of the Medieval Cis-Urals]. Perm, PGPU Publ., 2007. 352 p. In Russian.

Podosenova Yu. A. *Visochnye ukrasheniya na territorii Permskogo Predural'ya v epohu srednevekov'ya* [Temple decorations on the territory of the Permian Cis-Urals in the Middle Ages]. Perm, PGGPU, PFIC UrO RAN Publ., 2021. 210 p. In Russian.

Rudenko K. A. *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara* [Bulgarian silver. The antiquities of Bilyar]. Kazan, Zaman Publ., 2015. 528 p. In Russian.

Russkikh E. L. Denezhno-veshhevye klady VIII–XIII vv. v basseine r. Chepca [Monetary treasures of the VIII–XIII centuries in the Chepca river basin]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region], 2020, no 2 (9). Pp. 75–82. In Russian.

Russkikh E. L., Sabirova T. M. Tsvetnoi metall mogil'nikov chepetskoi kul'tury: Kuz'minskogo, Kushmanskogo I, Idnakarskogo I [Non-ferrous metal of the burial grounds of the chepetsk culture (Kuzminsky, Kushmansky I, Idnakarsky I)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya.* [Bulletin of the Perm University. History], 2020. № 1 (48). Pp. 97–109. In Russian.

Savel'eva Ye. A. *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv.* [Vymsky burial grounds of the XI–XIV centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 200 p. In Russian.

Savel'eva Ye. A. Rol' Volzhskoi Bolgarii v razvitii kul'tury Permi Vychehodskoi [The role of Volga Bulgaria in the Development of Perm Vychehod Culture]. *Issledovaniya po srednevekovoi arheologii lesnoi polosy Vostochnoi Evropy* [Studies on the medieval archaeology of the forest belt of Eastern Europe], 1991. Pp. 95–110. In Russian.

Savel'eva Ye. A. Pogrebeniya s monetami Kichil'kos'kogo i mogil'nika [Burials with coins of the Kichilkosky II burial ground]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi

Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2016. № 2 (26). Pp. 59–74. In Russian.

Serebro drevnei Yugry: katalog [Silver of ancient Ugra: catalog]. Khanty-Mansiysk – Yekaterinburg, Basco Publ., 2012. 140 p. In Russian.

Fedorova N. V. Bulgarskie skanye ukrasheniya Zaural'ya [Bulgar jewelry beyond the Urals]. *Rannie bolgary i finno ugry v Vostochnoi Evrope: sb. materialov konferentsii* [Early Bulgarians and Finno-Ugric Peoples in Eastern Europe: conference proceedings.]. Kazan, 1990. Pp. 131–141. In Russian.

Belavin A. M., Krylasova N. B., Podosenova Yu. A. Belt sets of «Hungarian style» from the Perm Ural. *Global Media Journal*, 2017. Vol. 15. № 29. P. 1.

Duczko W. The filigree and granulation work of the Viking period. An analysis of the material from Björkö (Birka). *V Stockholm*, 1985. Pp. 11–118.

Duczko W. Vikingatidens filigran- och granulationsarbeten. En analys av materialet Björkö. *Annales Societatis Litterarum Humaniorum Regiae Upsaliensis*, 1986, Uppsala. Pp. 107–110.

Krylasova N. B., Podosenova Yu. A., Sarapulov A. N. Jewellery techniques in the territory of Perm Cis-Ural region in the middle ages. *Terra Sebus*, 2015. Vol. 7. Pp. 2003–2019.

Minzhulin A. I. Restoration of Ancient Archaeological Granulation Jewelry. *9 the Tiennial Meeting Dresden. ICOM Committee for Conservation*, 1990. Vol. 2. reprint.

Wolters J. The Ancient Craft of Granulation. A re-assessment of established concepts. *Gold Bulletin*, 1981, no. 14 (3). Pp. 119–129.

Received 28.05.2021

Podosyonova Yulia Aleksandrovna,

Candidate of History, Senior Research Associate,
The Department of history, archaeology and Ethnography
of the Perm Scientific Center of the Ural Department
of Russian Academy of Sciences,
13A, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation,
e-mail: podosenka@yandex.ru

Н. Б. Крыласова, А. М. Белавин

**ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ
И МЕТАЛЛООБРАБОТКИ
В ПРОТОГОРОДСКИХ ЦЕНТРАХ
СРЕДНЕГО ПРЕДУРАЛЬЯ**

М. Г. Иванова в своих исследованиях поднимала разные вопросы, касающиеся средневековой истории Удмуртии. Один из них – вопрос о возникновении поселений протогородского типа, служивших ремесленными, торговыми и политическими центрами территории, среди которых ключевую роль играло городище Иднакар. Немалое внимание М. Г. Иванова уделяла характеристике ремесленной деятельности, в том числе – цветной металлообработке. На территории Среднего Предуралья – Удмуртского и Пермского – прослеживаются схожие культурно-исторические процессы. Современные исследования показывают, что металлурги Среднего Предуралья производили легирование меди и в товарной форме слитков поставляли медные сплавы на экспорт. Металл как стратегическое сырье, наряду с пушниной, занимал в торговле одно из первостепенных мест. Значительных успехов достигли местные ремесленники в цветной металлообработке – литейном, ювелирном, медницком деле. Цветная металлургия и металлообработка, имевшая у финно-угорского населения глубокие корни, в гораздо меньшей степени зависела от ремесленных центров крупных феодальных государств, чем это представлялось ранее, хотя, безусловно, находилась под их влиянием. Собственное производство изделий из цветных металлов подтверждается многочисленными следами массового ремесленного производства в протогородских центрах и, в частности, на Иднакаре. Яркое свидетельство тому – открытие в последние годы крупных специализированных мастерских в Пермском крае. Не вызывает сомнения существование в Среднем Предуралье региональных центров производства медной посуды, в частности, котлов, а также наличие особой «булгаро-камской» ювелирной школы с характерными, присущими только ей признаками. Масштабные исследования последних десятилетий на ключевых средневековых памятниках изменили взгляды на специфику металлургии и металлообработки в Среднем Предуралье и на долю импорта в составе средневековых древностей этой территории.

Ключевые слова: Среднее Предуралье, Удмуртия, Пермский край, археология, эпоха средневековья, протогорода, цветная металлургия и металлообработка, ремесленные мастерские, медницкое дело, ювелирное дело.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-494-506

Многие исследователи отмечают очевидную близость средневековых культур Среднего Предуралья – Удмуртского и Пермского – ломовской и ломоватовской, а в еще большей степени чепецкой и родановской. Несомненно, носители этих культур составляли единую общность со схожими культурно-историческими процессами.

На определенном этапе истории на обеих территориях возникли *поселения протогородского типа*. В Удмуртии они концентрировались в среднем течении р. Чепцы, к ним М. Г. Иванова относил городища Иднакар, Учкакар, Гурьякар. Иднакар, расположенный в центре де-

мографически насыщенного региона, развивался интенсивнее и выдвинулся в качестве ремесленного, торгового и политического центра [Иванова 2001, 107]. В Пермском крае к протогородам можно отнести городища Анюшкар, Саломатовское, а особое место среди них занимает Рождественское городище [Белавин 2001, 108–111]. Наряду с иными функциями, протогорода являлись *ремесленными центрами*, обеспечивающими потребности населения в хозяйственном инвентаре, бытовой утвари, деталях костюма и пр. [Friedman 2013; Pounds 2014; Krylasova, Belavin, Podosenova 2016, 10311–10320]. Среди направлений ремесленной деятельности особо выделяется *цветная металлообработка*.

Основным сырьем для этого производства служила медь. В Пермском Предуралье ее источником были пермские медистые песчаники Предуральской рудной провинции, в Удмуртском – медистые песчаники Казанско-Вятской области рудных баз Приуралья [Иванова 1998, 134] и привозное сырье из Верхнего Прикамья и с Вятки [Иванов 1997, 65]. *Добыча меди из руды* осуществлялась вблизи месторождений. В Пермском крае в районе Кушгортского проявления медистых песчаников известен куст производственных поселков металлургов, что свидетельствует о наличии ремесленной специализации [Белавин 1987]. Из районов рудных разработок медь поставляли в литейные центры на городищах и частично – на экспорт. Необходимость в сырье активизировала экономические контакты между отдельными областями Среднего Предуралья [Иванов 1997, 65].

Благодаря исследованиям последних лет утвердились представления о том, что предуральские ремесленники сами *легиrowали медь*, производя различные сплавы. Рентгенофлуоресцентный анализ (РФА), позволяющий исследовать большие массивы изделий, показал, что преобладали устойчивые составы латуней и бронз, состоящие из 2–4 элементов: двойная латунь (CuZn), свинцовая латунь (CuZnPb), оловянная (CuSn), свинцовая (CuPb) и свинцово-оловянная (CuPbSn) бронзы. Такие сплавы пользовались широким спросом в эпоху средневековья [Rehren, 1995; Dungworth, Egan 2005]. Легирующие металлы поставлялись извне в виде слитков (олово, свинец) или добывались на местных месторождениях (цинк, отчасти свинец) [Крыласова, Подосенова 2019, 66–70]. Полученные сплавы, отлитые в слитки, использовались и для внутренних нужд, и для экспорта.

Рис. 1. Примеры глиняных литейных форм-изложниц и обрубки слитков из цветного металла с городища Иднакар.¹
1 – МЗИ-11/578; 2 – МЗИ-9/201; 3 – МЗИ-1/87; 4 – МЗИ-27/497;
5 – А-20/60; 6 – А-27/490

Яркое свидетельство тому – многочисленные *литейные формы-изложницы* для отливки слитков, выявленные уже на шести памятниках Пермского Предуралья, Еманаевском городище в бассейне р. Вятки и на Иднакаре [Иванова 1998, рис. 53/2, 4–6; Крыласова 2019]. Наибольшее их количество найдено на Иднакаре и Анюшкаре. М. Г. Иванова отмечала, что иднакарские формы изготовлены из глины с примесью раковины, за исключением одной формы из крупнозернистого песчаника. Целых экземпляров не найдено, но в одном случае восстановлена большая часть формы длиной 24 см [Иванова 1998, 137] (рис. 1: 1–4).

¹ Здесь и далее иллюстрации по Государственному каталогу Музейного фонда РФ – из фондов Бюджетного учреждения культуры Удмуртской Республики "Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар».

На Анюшкаре преобладали каменные формы, которые использовались наряду с глиняными. Формы имели вид параллелепипеда, на одной или нескольких гранях которого были гнезда для заливки металла в виде желобка полукруглого или трапециевидного сечения. Иногда на одной грани размещалось по два гнезда. На формах с Иднакара почти всегда использовались две–три грани бруска, где находились гнезда для отливки слитков длиной от 3,5 см до 30–40 см, о чем свидетельствуют сохранившиеся слитки [Иванова 1998, 137]. На Анюшкаре найдена целая глиняная форма, на всех гранях которой имеются литейные гнезда для слитков длиной 3,0, 6,2, 13,0 и 16,2 см, и, соответственно, разного веса [Крыласова 2019, 72], в гнездах зафиксированы следы латуни. Эта форма свидетельствует о существовании системы «номиналов» металлических слитков и возможном использовании их в качестве денежного эквивалента.

Слитки из таких форм имели форму «палочек» полукруглого, трапециевидного или треугольного сечения шириной ок. 1 см, толщиной 0,5–0,9 см. На ряде памятников Пермского Предуралья, на Иднакаре (рис. 1: 5–6), Гурьякаре в Удмуртском Предуралье и Еманаевском городище на р.Вятка найдены как целые слитки, так и обрубки, связанные с использованием их местными литейщиками. Слитки иногда были значительно большей длины, чем установлено по анюшкарской форме. На Иднакаре и Гурьякаре найдены слитки длиной 22,5, 32,0 и 42,0 см [Иванова, 1988, 97; 1994, 118; 1998, 134], на Родановом городище в литейной мастерской – обрубленные слитки длиной 17 и 23,5 см (раскопки А. Н. Сарапулова 2019 г.). О ценности этих предметов свидетельствует находка на Иднакаре слитка в составе клада с шумящими подвесками [Иванова 1999, 238].

Медные сплавы, отлитые в палочковидные слитки, использовались не только местными литейщиками, но и поставлялись на экспорт в районы, где отсутствовали собственные разработки цветных металлов – на территории расселения родственных финно-угорских племен, в Волжскую Булгарию, на Русь. «Чистую» медь предположительно экспортировали в товарной форме дровяных браслетов, которые, по сути, были теми же слитками в виде прутка, но более тонкими и согнутыми в кольцо – они отливались по определенным весовым нормам. Это была более выгодная форма экспорта медного сырья, чем простой вывоз металла в слитках или полуфабрикатах. Прикамские медные браслеты покупатели могли использовать как по прямому назначению, так и для переплавки.

Металл, как стратегическое сырье, занимал в торговле одно из ключевых мест, наряду с пушниной, традиционно признанной основным товаром, вывозимым из Предуралья. Места добычи и производства товарного металла в виде слитков имели характер особых экономических центров, связанных сетью транспортных путей с центрами металлообработки – основными потребителями товарного металла.

Литье изделий из цветных металлов в протогородах осуществлялось как в мастерских, так и в рамках домашнего производства. М. Г. Иванова, основываясь на анализе распределения орудий литейщиков на площади городища Иднакар, пришла к выводу, что объемные литейные работы осуществлялись в мастерских, а отливки небольших предметов могли производиться в домашних условиях [Иванова 1998, 138]. Исследования Учкакара показали, что отдельные литейные производственные объекты локализовались и на внешней части городища [Иванова, Журбин 2019, 51]. В Пермском Предуралье в жилищах тоже обнаруживаются следы литейного производства (плавильные сосуды, литейные формы, слитки, бракованные отливки, шлаки и пр.), значит, часть потребностей в металлических изделиях население удовлетворяло самостоятельно.

Обзор литых украшений из цветных металлов показывает их чрезвычайную близость на территории всего Среднего Предуралья как в формах и декоративном оформлении, так и в технологии изготовления. Технические приемы развивались здесь параллельно, начиная от литья по восковой модели, преобладавшего до конца XI в., до производства в кон. XI – XIII вв. тяжеловесных изделий с основой, составленной из элементов, как бы свитых из проволоки, скрепленных заливкой металлом. Незначительные отличия придают определенную специфику археологическим культурам Пермского и Удмуртского Предуралья. Так, наряду с общими ти-

пами бронзовых шумящих украшений, в Удмуртском Предуралье были распространены характерные подвески с треугольным щитком, конец которого загнут в петлю для крепления к одежде; к основанию на цепочках прикреплены привески [Иванова 1994, 125], в Пермском – подвески с арочной или подтреугольной основой, составленной из небольших «умбончиков», характерные для отдельных территориальных групп.

Мастерские, связанные с металлообработкой, изучены на многих поселениях. Обычно они многопрофильные, где производили полностью готовые изделия, и кроме металлургического, здесь есть следы кожевенного, деревообрабатывающего, косторезного производства. В большинстве мастерских кроме цветной металлообработки попутно занимались кузнечным делом [Крыласова, Подосенова 2015].

Реже выделяются *специализированные мастерские*. Так, на Кушманском городище (Учкакар) исследовано производственное сооружение с высокой концентрацией пронизок-бусин из бронзы, в том числе деформированных и неразделенных, очевидно, отлитых здесь, а также свидетельства обработки цветных металлов (фрагменты тиглей, льячка, литейная форма, обрезки бронзовых пластин, шлаки) [Иванова, Модин 2015]. В 2018 г. на Родановом городище открыта литейная мастерская, материалы которой существенно дополнили немногочисленные знания о технологии производства деталей поясной гарнитуры [Eniosova, Murashova 1999], прослеженные здесь технологические операции были направлены на получение больших серий изделий [Крыласова, Подосенова, Сарапулов 2019]. То, что население Среднего Предуралья использовало пояса не только импортные, но и собственного изготовления, подтверждается наличием характерных местных поясных наборов. В Удмуртском Предуралье середины VIII–XI вв. это оригинальные пояса с круглыми пуговицевидными накладками. Петельки на оборотной стороне накладок вкладывались в разрезы на кожаном ремне, сквозь них пропускался кожаный шнур, проходящий вдоль всего пояса. Концы ремня оформлялись арочными застежками с парой петель на обороте, через которые выходили концы шнура, стягивая пояс [Иванов 1997, 72]. В Пермском Предуралье в XI в. распространились пояса с выпуклыми щитовидными накладками, покрытыми растительным орнаментом, напоминающим бабочку. Поясам из таких накладок соответствовали присущие только им щитковые пряжки и крупные наконечники ремней с пышным растительным орнаментом [Крыласова 2020]. Не исключено, что готовые наборные пояса вместе с поясными кошельками и ножнами, кресала с бронзовыми рукоятками и иная продукция местных литейщиков поставлялись на рынок.

Еще одно направление в цветной металлообработке – *медницкое дело*. В X–XI вв. в культуру финно-угорского населения вошла металлическая посуда, в особенности – медные котлы. К. А. Руденко, проанализировав металлическую посуду, пришел к выводу о формировании в Поволжско-Камском регионе в к. XI–XII вв. региональных особенностей ее изготовления и выделил несколько региональных центров производства, среди которых фигурируют удмуртский и пермский [Руденко 2000, 95]. Для удмуртского (чепецкого) типа котлов характерны более низкие пропорции, раздутое у донного шва тулово и меньший объем. К предполагаемым центрам их изготовления отнесены удмуртские протогорода и прежде всего – Иднакар [Руденко 2000, 58], где найдены многочисленные фрагменты котлов, есть многочисленные свидетельства обработки цветных металлов и в целом отмечается высокий уровень металлообработки [Иванова, Руденко 1994, 113; Иванова 1999, 239]. Для пермского (вымско-чусовского) центра характерны цилиндрические котлы с уплощенным дном довольно высоких пропорций, близкие «булгарским» котлам [Руденко 2000, 59]. Возможный центр их производства К. А. Руденко не выделял, но в 2018–2019 гг. на Рождественском городище была открыта и почти полностью изучена мастерская медника с богатейшими материалами, отражающими и процесс получения медных пластин из литых заготовок, и процесс раскроя и сборки котлов. Полностью реконструирована технология изготовления медных заклепок, применявшихся при сборке котлов и их ремонте [Крыласова, Подосенова 2020]. Отходы производства свидетельствуют, что в мастерской производились также проволока и разные изделия из пластин – медальоны, обкладки поясных кошельков и пр.

Что касается ювелирных изделий из драгоценных металлов, то до недавнего времени господствовало мнение, что все они были импортными, преимущественно – продукцией болгарских ремесленников. Но последние исследования ювелирных изделий как из Предуралья, так и из Волжской Булгарии показывают, что они различаются при наличии и определенных общих черт.

К. А. Руденко утверждает, что болгарский импорт был не столь велик, а высокохудожественные изделия и вовсе не вывозились за пределы болгарских земель. Предуралье, в отличие от Булгарии, имело достаточно сырья, чтобы самостоятельно изготавливать украшения. Здесь были и профессиональные ремесленники, уже в VIII–IX вв. наладившие выпуск серий золотых и серебряных изделий [Руденко 2018, 76–77], например, на Иднакаре [Иванова 1998]. Можно предполагать существование местных центров производства и распространения серебряных ювелирных изделий в Прикамье и Зауралье, которые сложились если и не одновременно с болгарским, то с небольшим отрывом во времени, и автономно продолжили развиваться в золотоордынскую эпоху [Руденко 2012, 142].

Наиболее полно изучена пока одна категория ювелирных изделий – височные украшения [Подосёнова 2021], но именно она была наиболее массовой, непрерывно бытовавшей на протяжении всей эпохи средневековья с V по XIV вв., и позволяет в полной мере проследить особые черты ювелирного искусства Предуралья, свойственные и другим категориям местных ювелирных изделий. Как отмечает Ю. А. Подосёнова, большинство височных украшений, характерных для Пермского Предуралья, практически в равном количестве и синхронно существовали в Удмуртском Предуралье, зачастую невозможно четко локализовать место первоначального появления многих из них [Подосёнова 2021, 148].

Ряд других категорий предуральских ювелирных изделий проанализировал К. А. Руденко [Руденко 2015] на основе материалов из альбома «Древнее искусство Удмуртии» [Иванова, Куликов 2000], что позволило выделить их технологические особенности. Свод ювелирных украшений Пермского Предуралья [Белавин 2000] (хотя в тот период они традиционно рассматривались как импорт) позволил выделить характерные для них черты: скано-зерневая техника, при которой зернь средних и крупных размеров выкладывается треугольниками, ромбами, городками; использование крупной зерни самостоятельно в окружении филигранных колец; чернение и золочение фона; применение вставок из цветных камней и стекла; использование золотых прокладок из раскованной проволоки; использование плоской чеканки [Белавин 1992, 147; Krylasova, Podosenova, Sarapulov 2015]. Сравнение показывает, что не только височные украшения, но и иная ювелирная продукция (ножны, медальоны, лунницы, браслеты, перстни и пр.) в Пермском и Удмуртском Предуралье не различались. И следует говорить о единой ювелирной школе, где отмечаются лишь отдельные нюансы, характерные для разных ремесленных центров.

К. А. Руденко эту школу ювелиров, которая, по его мнению, сложилась в XI–XII вв., условно назвал «булгаро-камской» [Руденко 2013, 35]. Ее изделия напоминают некоторые болгарские украшения, поэтому они и считались долгое время «булгарскими». Но при всей схожести у них есть характерные детали, никогда не встречающиеся на болгарских изделиях, что позволяет говорить об их местном производстве:

- использование промежуточной полоски (в конструкции полых бусин, бубенчиков) как декоративного и конструктивного элемента;
- замена сканой проволоки проволокой штампованной;
- применение в орнаментальных композициях крупной часто уплощенной цельной зерни или деформированных полых шариков зерни;
- позолоченный фон [Руденко 2013, 35].

Ю. А. Подосёнова полагает, что формирование стилистических и технологических традиций в предуральском ювелирном деле произошло раньше. Уже с кон. VIII в. отмечается распространение техники тиснения полусфер, применявшихся в конструкции полых элементов украшений; техники волочения для создания проволоки; применение в декоре зерни и фи-

лиграни. В IX в. появился новый прием – нанесение позолоты на свободный от зерно-филигранного декора фон (напр., рис. 2). С XI в. возникла ещё одна местная особенность в декоре ювелирных изделий – зернь крупного размера укладывалась на колечки-подложки сначала из торсированной проволоки, а с XII в. – из витой (скань). С XI в. отдельные украшения начали декорировать с помощью чеканки и черни [Подосёнова 2021, 154–162].

К. А. Руденко не исключает, что сходство предуральских и болгарских ювелирных изделий отчасти определяется тем, что генезис болгарского ювелирного дела проходил в том числе в рамках прикамской традиции, связанной с базовыми этническими компонентами ранней Волжской Булгарии [Руденко 2020, 43], и, в частности, с переселившимися сюда носителями полемской и ломоватовской археологических культур. Получается, что уже сформированные предуральские ювелирные традиции повлияли на развитие болгарского ювелирного дела, и лишь после окончательного становления болгарского ремесла в XI в. предуральские ювелиры обратились к болгарским ремесленным инновациям. Обмен опытом осуществлялся не только за счет копирования привозных образцов, но и путем перемещения самих ремесленников и владельцев украшений по Камскому торговому пути, который активно функционировал при посредничестве местных торговцев с опорой на болгарские фактории в Пермском Прикамье [Руденко 2018, 77]. Болгарские ювелиры, обращаясь к дизайну традиционных прикамских украшений в XI, а особенно

Рис. 2. Примеры височных украшений с «грушевидной» привеской с городища Иднакар, серебро, позолота. 1 – А-89/947; 2 – А-89/779

часто в XII в., не меняли форму и основные элементы конструкции, а привносили в них некоторые дополнения, касающиеся художественного оформления – приёмы укладки зерни, форма деталей и т.п. Судя по немногочисленности таких изделий, выделяющихся на общем фоне по характерным для болгарского стиля признакам, их делали именно болгарские мастера, вероятно, приезжавшие вместе с торговыми караванами и жившие какое-то время в прикамских центрах, при этом испытывая сильное влияние местной ювелирной школы [Руденко 2015, 154].

До середины XIII в. развитие болгарской и болгаро-камской ювелирных школ шло своими, хотя и близкими путями. После разгрома Волжской Булгарии приоритет получила болгаро-камская школа, точнее, ее пермский вариант – «булгаро-пермская» ювелирная школа, заявившая о себе во второй половине XIII в. как самостоятельное и оригинальное направление и в XIV в. занявшая рынок ювелирной продукции в Предуралье и Зауралье [Руденко 2013, 35–38].

Кроме наличия собственных оригинальных изделий для подтверждения их местного производства необходимы следы ремесленной дея-

Рис. 3. Глиняные тигли с городища Иднакар. 1 – МЗИ-11/733; 2 – МЗИ-12/500; 3 – МЗИ-27/443; 4 – МЗИ-102/26

Рис. 4. Моток проволоки из цветного металла (1); матрица из цветного металла (2); пинцет из медного сплава (3); кузнечные и ювелирные железные инструменты – зубило (4), молоток (5), наковальни (6–7), клещи (8). 1 – А-130/256; 2 – А-38/133; 3 – А-100/34; 4 – МЗИ-195/269; 5 – МЗИ-27/29; 6 – МЗИ-10/219; 7 – МЗИ-7/6; 8 – МЗИ-6/302

ски с грушевидной привеской [Иванова 1998, 134, рис. 54: 3], имитирующей образцы настоящих зерно-сканных украшений, найденных, к примеру, на Маловенижском могильнике [Иванова 1982, рис. 37/8], форма для отливки калачевидной височной подвески с имитацией зерни (рис. 5: 4) [Иванова 1998, 134, рис. 54: 1]. Обзор инструментария и продукции ювелиров убеждает в высоком уровне обработки цветных металлов со многими технологическими операциями и значительным объемом производимой продукции, обеспечивающей не только потребности местного населения, но и предназначенной на экспорт [Иванова 1999, 239].

Из протогородских центров Пермского Предуралья тоже происходит немало предметов, связанных с ювелирным производством, но специализированной ювелирной мастерской пока выделить не удалось. Отдельные инструменты, сырье в виде серебряных слитков, незавершенные и бракованные изделия, отходы производства имеются в многопрофильных мастерских [Крыласова, Подосёнова 2015].

тельности. Они в изобилии представлены на Иднакаре. Здесь найдены многочисленные тигли (рис. 3), льячки, литейные формы, костяные волочила для изготовления проволоки и собственно проволока, свернутая в мотки (рис. 4: 1), бронзовая матрица для тиснения поясных накладок (рис. 4: 2), пинцет (рис. 4: 3) [Иванова 1998, 134–138]. К инструментам ювелиров могла относиться часть предметов, отнесенных к «кузнечному инвентарю» [Иванова, 1998, рис. 30] – молотки (рис. 4: 5), зубила (рис. 4: 6), клещи (рис. 4: 8), миниатюрные наковальни (рис. 4: 6–7). Так, по М. Г. Ивановой, небольшие молотки с Иднакара и из погр. № 13 Печешурского могильника можно отнести к ювелирным [Иванова 1979, 38]. Весьма интересны формы для отливки зерни – как отдельных зернинок (рис. 5: 1–2), так и треугольников зерни (рис. 5: 3). Применение последних значительно упрощало процесс декорирования ювелирных изделий и позволяло производить массовые серии. Известны разные способы изготовления зерни, но получение ее путем отливки в формы является довольно оригинальным, характерным для местного ремесленного центра. Яркое свидетельство местного ювелирного производства – находка на Иднакаре у основания горна восьми серебряных калачевидных височных подвесок без следов использования, связанных серебряной проволокой и завернутых в бересту. Вероятно, они были приготовлены местным мастером для продажи [Иванова 1994, 120–121; 1998, 138]. На Иднакаре производили и более дешевые украшения, копирующие ювелирные, о чем свидетельствуют бракованная отливка серебряной височной подвески

Рис. 5. Каменные литейные формы для отливки зерни (1–3), височной подвески (4). 1 – А-125/28; 2 – А-12/574; 3 – А-1/153; 4 – А-20/75

Но качественные профессиональные ремесленные инструменты на поселениях – большая редкость. Очевидно, оставляя мастерские, мастера тщательно собирали инвентарь. Ассортимент инструментов хорошо известен по погребальным комплексам ремесленников [Белавин, Крыласова 2017], которые встречаются и в Удмуртском Предуралье [Иванова 1992, 31, рис. 34/10, 12].

Подводя итоги приведенному обзору, можно отметить, что в последнее время, благодаря масштабным исследованиям на ключевых средневековых памятниках, существенно поменялись взгляды на специфику металлургии и металлообработки в Среднем Предуралье и долю импорта в составе средневековых древностей этих территорий. Цветная металлургия и металлообработка, имевшая у финно-угорского населения глубокие корни, гораздо меньше зависела от ремесленных центров крупных феодальных государств, чем представлялось ранее, хотя, безусловно, находилась под их влиянием. При этом, как отмечала М. Г. Иванова, на городищах Пермского Предуралья в непосредственной близости от Камского торгового пути болгарский компонент был выражен в большей степени, а на Чепце, несмотря на динамичные удмуртско-болгарские и отчасти удмуртско-русские взаимодействия, развивались традиции, восходящие к местным истокам без заметных иноэтничных включений [Иванова 2009, 179]. Одним из примеров этого может быть сохранение традиционных для финно-угров конических и чашевидных форм тиглей (рис. 3), тогда как в протогородах Пермского края наряду с ними широко использовались цилиндрические тигли, характерные для русского и болгарского ремесленного производства [Eniosiova, Rehren 2012]. Некоторой удаленностью чепецких городищ от Камского торгового пути могут определяться те незначительные различия в технологии и внешнем облике изделий из цветных металлов из Пермского и Удмуртского Предуралья, которые, несмотря на это, обнаруживают значительную близость.

ЛИТЕРАТУРА

- Белавин А. М.* Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I – начале II тыс. н.э. // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1987. С. 117–130.
- Белавин А. М.* О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии в X–XIII вв. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Материалы XI Уральского археологического совещания. Сыктывкар, 1992. С. 64–73.
- Белавин А. М.* Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000. 201 с.
- Белавин А. М.* О социально-экономических критериях выделения протогородов у коренных народов Урало-Поволжья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2001. Вып. I–II. С. 108–110.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Ювелирные инструменты средневекового населения Предуралья (по материалам Рождественского археологического комплекса) // Препринт научного доклада на международной конференции «Археология Арктики», 19–22 ноября 2017 г., г. Салехард. Пермь, 2017. 19 с.
- Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1997. 309 с.
- Иванова М. Г.* Хозяйство северных удмуртов в конце IX – начале XIII вв. н.э. // Северные удмурты в начале II тыс. н.э. Ижевск, 1979. С. 6–68.
- Иванова М. Г.* Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 52–76.
- Иванова М. Г.* Производственные сооружения городища Иднакар // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 89–118.
- Иванова М. Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск, 1992. 184 с.
- Иванова М. Г.* Истоки удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1994. 192 с.
- Иванова М. Г.* Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998. 294 с.
- Иванова М. Г.* Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С. 207–254.
- Иванова М. Г.* Некоторые аспекты изучения проблемы социальной типологии средневековых городищ Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2001. Вып. I–II. С. 104–107.

Иванова М. Г. Древнеудмуртское городище Иднакар IX–XIII вв.: новые результаты и перспективы исследований // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 171–181.

Иванова М. Г., Журбин И. В. Средневековые городища Иднакар и Уччакар в бассейне р. Чепцы: общее и особенное в динамике развития // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 1. (44). С. 48–55.

Иванова М. Г., Куликов К. И. Древнее искусство Удмуртии: Альбом. Ижевск, 2000. 216 с.

Иванова М. Г., Модин Р. Н. Кушманское городище Уччакар X–XIII вв.: материалы внешней части в контексте развития средневековых поселений // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2015. Вып. X. С. 138–151.

Иванова М. Г., Руденко К. А. Медная посуда из древнеудмуртского могильника у д. Кузьмино и ее этнокультурные параллели // Археология и этнография Марийского края. Вып. 23: Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994. С. 107–120.

Крыласова Н. Б. Слитки и разновесы Пермского Предуралья как источник для изучения средневековых мер веса // Поволжская археология. 2019. № 4. (30). С. 68–81.

Крыласова Н. Б. Реконструкция «классических» поясных наборов, включающих накладки с «бачковидным» орнаментом // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2020. Вып. XVII. С. 85–99.

Крыласова Н. Б., Подосёнова Ю. А. Metallургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра. 2015. № 4. С. 27–41.

Крыласова Н. Б., Подосёнова Ю. А. Легирующие металлы в цветной металлургии Пермского Предуралья: товарная форма и возможные источники поступления // Российская археология. 2019. № 3. С. 62–74.

Крыласова Н. Б., Подосёнова Ю. А. Медницкое дело в средневековом городке (по материалам раскопок 2018 года на Рождественском городище) // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1 (48). С. 62–70.

Крыласова Н. Б., Подосёнова Ю. А., Саранулов А. Н. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища 2018 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 1. (44). С. 56–72.

Подосёнова Ю. А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2021. 210 с.

Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань, 2000. 155 с.

Руденко К. А. Средневековые ювелирные украшения Поволжья и Зауралья: некоторые итоги и перспективы исследования // Уральский исторический вестник. 2012. № 3. (36). С. 139–144.

Руденко К. А. Торевтика Волжской Булгарии и Болгарского Улуса Золотой Орды: проблемы преемственности // Поволжская Археология. 2013. № 4. (6). С. 34–46.

Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Руденко К. А. Роль камского пути в формировании этнокультурного своеобразия Волжской Булгарии и Булгарского Улуса Золотой Орды // Камский торговый путь. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Набережные Челны, 2018. С. 75–85.

Руденко К. А. О ранних этапах становления ювелирного дела Волжской Булгарии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2020. Вып. XVI. С. 37–45.

Dungworth D., Egan G. Copper, Tin and Lead Alloys in Early Post-Medieval London // Proceedings of the 33rd International Symposium on Archaeometry, 22–26 April 2002, Amsterdam: Eds. Kars H. & Burke E. Geoarchaeological and Bioarchaeological Studies. Vol. 3. Amsterdam: Vrije Universiteit, 2005.

Eniosiova N. V., Rehren T. Metal melting crucibles from medieval Novgorod // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relation. Oxford, 2012. P. 210–224.

Eniosova N., Murashova V. Manufacturing techniques of belt and harness fittings of the 10th century ad // Journal of Archaeological Science. 1999. Vol. 26. № 8. P. 1093–1100.

Friedman J. B., Figg K. M. Trade, travel, and exploration in the Middle Ages. London: Routledge, 2013.

Krylasova N. B., Belavin A. M., Podosenova Y. A. Bulgar factories (trading posts) in the Kama river area as a factor of adjustment to feudalism // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 17. P. 10311–10320.

Krylasova N. B., Podosenova Y. A., Sarapulov A. N. Jewellery techniques in the territory of Perm cis-Ural region in the middle ages // Terra Sebv. 2015. Vol. 7. P. 203–219.

Pounds N. J. G. An economic history of medieval Europe. London: Routledge, 2014.

Rehren T. Kupfer vom Tor zur Welt // Kissipenny und Manilla. Duisburg, 1995.

Поступила в редакцию 25.05.2021

Крыласова Наталья Борисовна,

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии
Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13А,
e-mail: n.krylasova@mail.ru

Белавин Андрей Михайлович,

доктор исторических наук,
заведующий Отделом истории, археологии и этнографии
Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13А,
e-mail: belavin@pspu.ru

N. B. Krylasova, A. M. Belavin

PECULIAR FEATURES OF NON-FERROUS METAL INDUSTRY AND METALWORKING IN PROTOTOWN CENTRES IN CENTRAL PREDURALYE

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-494-506

In her research M. G. Ivanova raised various questions concerning the Middle Age history of Udmurtia. One of them is the question of origins of prototown settlements which were craft, trade and political centres on the territory. The Idnakar settlement used to play the key role among the prototowns of the day. In her work a lot of attention is paid to craft activities characterization, among others non-ferrous metalworking. Very similar cultural and historical processes may be observed on the territory of Central Preduralye – its Udmurt and Perm areas. Today's research shows that metal workers in Central Preduralye produced copper alloys, cast ingots and exported these as trade goods. Alongside furskins, metal as a strategic raw material was one of the most sought-after trade items. Local artisans made some impressive achievements in non-ferrous metalworking – metal casting, gold-work, and copper smithy. Non-ferrous metal industry and metalworking, traditional among the Finno-Ugrian population, was much less dependent on craft centres of large feudal states than thought previously. However, it was clearly under the influence of these centres. Local production of various everyday items and decorations using non-ferrous materials is confirmed by many traces of mass craft production in prototown centres, and in Idnakar in particular. It is brightly manifested by the large number of specialized workshops that have been found across the Perm Region in recent years. Today it is beyond any doubt that there were in Central Preduralye regional centres of copperware production – particularly of cauldrons – as well as a peculiar Bulgar-Kama gold-work school whose items have peculiar unique features. Thanks to large-scale research at key Middle-Age sites, our views changed dramatically on specific features of metalworking in Central Preduralye and the import ratio on these territories among the unearthed Middle-Age artefacts.

Keywords: Central Preduralye, Udmurtia, the Perm Region, archaeology, the Middle Ages, prototowns, non-ferrous metal industry and metalworking, trade shops, copper smithy, gold-work.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 494–506. In Russian.

REFERENCES

Belavin A. M. Proizvodstvennye poselki metallurgov u finno-ugrov v kontse I – nachale II tys. n. eh. [Production settlements of metallurgists near the Finno-Ugric peoples in the late I-early II millennium AD.].

Ehtnicheskie i sotsial'nye protsessy u finno-ugrov Povolzh'ya (I tys. do n.eh. – I tys. n. eh.) [Ethnic and social processes among the Finno-Ugric peoples of the Volga region (I millennium BC – I millennium AD)]. Yoshkar-Ola, 1987. Pp. 117–130. In Russian.

Belavin A. M. O svoeobrazii yuvelirnoi produktsii Volzhskoi Bulgarii v X–XIII vv. [About the uniqueness of jewelry products of Volga Bulgaria in the X–XIII centuries.]. *Problemy finno-ugorskoj arkheologii Urala i Povolzh'ya. Materialy XI Ural'skogo arkheologicheskogo soveshchaniya* [Problems of Finno-Ugric archeology of the Urals and the Volga region. Materials of the XI Ural Archaeological Meeting]. Syktyvkar, 1992. Pp. 64–73. In Russian.

Belavin A. M. *Kamskii trgovyi put': srednevekovoe Predural'e v ego ehkonomicheskikh i ehtnokul'turnykh svyazyakh* [Kama Trade Route: Medieval Pre-Urals in its economic and ethno-cultural relations]. Perm, 2000. 201 p. In Russian.

Belavin A. M. O sotsial'no-ehkonomicheskikh kriteriyakh vydeleniya protogorodov u korennykh narodov Uralo-Povolzh'ya [On the socio-economic criteria for the allocation of proto-cities among the indigenous peoples of the Ural-Volga region]. *Trudy Kamskoi arkheologo-ethnograficheskoi ehkspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. 2001. Issue I–II. Pp. 108–110. In Russian.

Belavin A. M., Krylasova N. B. Yuvelirnye instrumenty srednevekovogo naseleniya Predural'ya (po materialam Rozhdestvenskogo arkheologicheskogo kompleksa) [Jewelry tools of the medieval population of the Urals (based on the materials of the Rozhdestvensky Archaeological Complex)]. *Preprint nauchnogo doklada na mezhdunarodnoi konferentsii «Arkheologiya ArktikiI»* [Preprint of the scientific report at the international conference «Archeology of the Arctic»]. Perm, 2017. 19 p. In Russian.

Ivanov A. G. *Ehtnokul'turnye i ehkonomicheskie svyazi naseleniya basseina r. Cheptsy v ehpokhu srednevekov'ya* [Ethnocultural and economic relations of the population of the Cheptsy River basin in the Middle Ages]. Izhevsk, 1997. 309 p. In Russian.

Ivanova M. G. Khozyaistvo severnykh udmurtov v kontse IX – nachale XIII vv. n. eh. [The economy of the northern Udmurts in the late IX – early XIII centuries AD.]. // *Severnye udmurty v nachale II tys. n. eh.* [Northern Udmurts at the beginning of the second millennium AD.]. Izhevsk, 1979. Pp. 6–68. In Russian.

Ivanova M. G. Malovenizhskii mogil'nik [Malovenizhsky burial ground] // *Srednevekovye pamyatniki basseina r. Cheptsy* [Medieval monuments of the Cheptsy River basin]. Izhevsk, 1982. Pp. 52–76. In Russian.

Ivanova M. G. Proizvodstvennye sooruzheniya gorodishcha Idnakar [Production facilities of the Idnakar settleme]. *Novye issledovaniya po drevnei istorii Udmurtii* [New research on the ancient history of Udmurt]. Izhevsk, 1988. Pp. 89–118. In Russian.

Ivanova M. G. *Pogrebal'nye pamyatniki severnykh udmurtov XI–XIII vv.* [Funerary monuments of the northern Udmurts of the XI–XIII centuries]. Izhevsk, 1992. 184 p. In Russian.

Ivanova M. G. *Istoki udmurtskogo naroda* [The origins of the Udmurt people]. Izhevsk, «Udmurtia» Publ., 1994. 192 p. In Russian.

Ivanova M. G. *Idnakar. Drevneudmurtское gorodishche IX–XIII vv.* [Idnakar. Ancient Udmurt settlement of the IX–XIII centuries.]. Izhevsk, 1998. 294 p. In Russian.

Ivanova M. G. Udmurty [Udmurts]. *Finno-ugry Povolzh'ya i Priural'ya v srednie veka* [Finno-Ugric Peoples of the Volga region and the Urals in the Middle Ages]. Izhevsk, 1999. Pp. 207–254. In Russian.

Ivanova M. G. Nekotorye aspekty izucheniya problemy sotsial'noi tipologii srednevekovykh gorodishch Prikam'ya [Some aspects of studying the problem of social typology of medieval settlements of the Kama region]. *Trudy Kamskoi arkheologo-ethnograficheskoi ehkspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. 2001. Issue I–II. Pp. 104–107. In Russian.

Ivanova M. G. Drevneudmurtское gorodishche Idnakar IX–XIII vv.: novye rezul'taty i perspektivy issledovaniy [Ancient Udmurt settlement of Idnakar of the IX–XIII centuries: new results and research prospects]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studie] s. 2009. № 1. Pp. 171–181. In Russian.

Ivanova M. G., Zhurbin I. V. Srednevekovye gorodishcha Idnakar i Uchkakar v basseine r. Cheptsy: obshchee i osobennoe v dinamike razvitiya [Medieval settlements of Idnakar and Uchkakar in the Cheptsy River basin: general and special in the dynamics of development]. *Vestnik permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. History]. 2019. № 1. (44). Pp. 48–55. In Russian.

Ivanova M. G., Kulikov K. I. *Drevnee iskusstvo Udmurtii: Al'bom* [Ancient art of Udmurtia: Album]. Izhevsk, 2000. 216 p. In Russian.

Ivanova M. G., Modin R. N. Kushmanskoe gorodishche Uchkakar X–XIII vv.: materialy vneshnei chasti v kontekste razvitiya srednevekovykh poselenii [Kushman settlement Uchkakar X–XIII centuries: materials

of the external part in the context of the development of medieval settlements]. *Trudy Kamskoi arkheologo-ethnograficheskoi ehkspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. 2015. Issue X. Pp. 138–151. In Russian.

Ivanova M. G., Rudenko K. A. Mednaya posuda iz drevneudmurtского могил'nika u d.Kuz'mino i ee ethnokul'turnye paralleli [Copper dishes from the ancient Udmurt burial ground at d.Kuz'mino and its ethno-cultural parallels]. // *Arkheologiya i etnografiya mariiskogo kraja* [Archeology and ethnography of the Mari region]. Issue 23: Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov [Problems of Medieval Archeology of the Volga Finns]. Yoshkar-Ola, 1994. Pp. 107–120. In Russian.

Krylasova N. B. Slitki i raznovesy Permskogo Predural'ya kak istochnik dlya izucheniya srednevekovykh mer vesa [Ingots and disbalances of the Permian Urals as a source for the study of medieval weight measures]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga Region Archeology]. 2019. № 4 (30). Pp. 68–81. In Russian.

Krylasova N. B. Rekonstruktsiya «klassicheskikh» poyasnykh naborov, vklyuchayushchikh nakladki s «babochnikovidnym» ornamentom [Reconstruction of the "classic" belt sets, including overlays with a "butterfly-shaped" ornament]. *Trudy Kamskoi arkheologo-ethnograficheskoi ehkspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. 2020. Issue XVII. Pp. 85–99. In Russian.

Krylasova N. B., Podosenova Yu. A. Metallurgicheskaya masterskaya s Rozhdestvenskogo gorodishcha: k voprosu o razvitiitovarnogo proizvodstva v Permskom Predural'e [Metallurgical workshop from Rozhdestvensky Gorodishche: on the development of commodity production in the Permian Urals]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Perm Scientific Center]. 2015. № 4. Pp. 27–41. In Russian.

Krylasova N. B., Podosenova Yu. A. Legiruyushchie metally v tsvetnoi metallurgii Permskogo Predural'ya: tovarnaya forma i vozmozhnye istochniki postupleniya [Alloying metals in non-ferrous metallurgy of the Permian Urals: commodity form and possible sources of supply]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2019. № 3. Pp. 62–74. In Russian.

Krylasova N. B., Podosenova Yu. A. Mednitskoe delo v srednevekovom gorodke (po materialam raskopok 2018 goda na Rozhdestvenskom gorodishche) [Mednitskoe delo in a medieval town (based on the materials of the 2018 excavations at the Rozhdestvensky Gorodishche)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. History]. 2020. № 1 (48). Pp. 62–70. In Russian.

Krylasova N. B., Podosenova Yu. A., Sarapulov A. N. Proizvodstvo ehlementov poyasnoi garnitury v ehpkhu srednevekov'ya (po materialam raskopok Rodanova gorodishcha 2018 g.) [Production of elements of the belt set in the Middle Ages (based on the materials of the excavations of the Romanov settlement in 2018)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. History]. 2019. № 1 (44). Pp. 56–72. In Russian.

Podosenova Yu. A. Visochnye ukrasheniya srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya [Temporal decorations of the medieval population of the Permian Urals]. Perm, 2021. 210 p. In Russian.

Rudenko K. A. Metallicheskaya posuda Povolzh'ya i Prikam'ya v VIII–XIV vv. [Metal dishes of the Volga and Kama regions in the VIII–XIV centuries]. Kazan, 2000. 155 p. In Russian.

Rudenko K. A. Srednevekovye yuvelirnye ukrasheniya Povolzh'ya i Zaural'ya: nekotorye itogi i perspektivy issledovaniya [Medieval jewelry of the Volga region and Trans-Urals: some results and prospects of the study]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2012. № 3 (36). Pp. 139–144. In Russian.

Rudenko K. A. Torevtika Volzhskoi Bulgarii i Bolgarskogo Ulusa Zolotoi Ordy: problemy preemstvennosti [Torevtika of the Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Horde: problems of continuity]. *Povolzhskaya Arkheologiya* [Volga Region Archeology]. 2013. № 4 (6). Pp. 34–46. In Russian.

Rudenko K. A. *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara* [Bulgarian silver. The antiquities of Bilyar]. Tom II. Kazan, Zaman Publ., 2015. 528 p. In Russian.

Rudenko K. A. Rol' kamskogo puti v formirovaniiehtnokul'turnogo svoeobraziya Volzhskoi Bulgarii i Bulgarskogo Ulusa Zolotoi Ordy [The role of the Kama Way in the Formation of the Ethno-cultural Identity of Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Horde]. *Kamskii torgovyi put'. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Kama trade route. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference]. Naberezhnye Chelny, 2018. Pp. 75–85. In Russian.

Rudenko K. A. O rannikh ehtapakh stanovleniya yuvelirnogo dela Volzhskoi Bulgarii [About the early stages of the formation of jewelry in Volga Bulgaria] // *Trudy Kamskoi arkheologo-ethnograficheskoi ehkspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. 2020. Issue XVI. Pp. 37–45. In Russian.

Dungworth D., Egan G. Copper, Tin and Lead Alloys in Early Post-Medieval London. *Proceedings of the 33rd International Symposium on Archaeometry, 22–26 April 2002*, Amsterdam: Eds. Kars H. & Burke E. Geoarchaeological and Bioarchaeological Studies. Vol. 3. Amsterdam: Vrije Universiteit, 2005.

Eniosiova N. V., Rehren T. Metal melting crucibles from medieval Novgorod. *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context. Studies in Centre/Periphery Relation*. Oxford, 2012. Pp. 210–224.

Eniosova N., Murashova V. Manufacturing techniques of belt and harness fittings of the 10th century ad. *Journal of Archaeological Science*. 1999. Vol. 26. № 8. Pp. 1093–1100.

Friedman J. B. & Figg K. M. Trade, travel, and exploration in the Middle Ages. London: Routledge, 2013.

Krylasova N. B., Belavin A. M., Podosenova Y. A. Bulgar factories (trading posts) in the Kama river area as a factor of adjustment to feudalism. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. № 17. Pp. 10311–10320.

Krylasova N. B., Podosenova Yu. A., Sarapulov A. N. Jewellery techniques in the territory of Perm cis-Ural region in the middle ages. *Terra Sevys*. 2015. Vol. 7. Pp. 203–219.

Pounds N. J. G. An economic history of medieval Europe. London: Routledge, 2014.

Rehren T. Kupfer vom Tor zur Welt. *Kissipenny und Manilla*. Duisburg, 1995.

Received 25.05.2021

Krylasova Nataliya Borisovna,

Doctor of History, Senior Research Associate,
the Department of history, archaeology and Ethnography
of the Perm Scientific Center of the Ural Department
of Russian Academy of Sciences,
13A, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation,
e-mail: n.krylasova@mail.ru

Belavin Andrei Mihailovich,

Doctor of History, Head of
the Department of history, archaeology and Ethnography
of the Perm Scientific Center of the Ural Department
of Russian Academy of Sciences,
13A, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation,
e-mail: belavin@pspu.ru

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках государственного задания, номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2; при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-49-590001 р_а_Пермский край «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности».

УДК 902

Р. Н. Модин

**РАННИЙ ГОРИЗОНТ
КУШМАНСКОГО ГОРОДИЩА УЧКАКАР, IX–XII вв.**

В статье рассматривается ранний хронологический горизонт одного из ключевых памятников чепецкой археологической культуры – Кушманского городища Уччакар. Описаны особенности культурного слоя раннего поселения, определена его датировка, дана характеристика выявленных сооружений и вещевого комплекса. Ранее средневековое поселение на территории Кушманского городища Уччакар было ограничено оборонительными сооружениями, состоящими из деревоземляной стены и рва. Они защищали поселение площадью 6–10 тыс. кв. м. Культурный слой раннего поселения имел небольшую мощность – 0,2 м. В нем выявлены и исследованы раскопками несколько сооружений, два из которых представляют собой остатки наземных построек, еще одно – каменную выкладку неясного назначения. Вещевой комплекс раннего горизонта позволяет определить время бытования поселения в пределах IX–X вв. Оно прекратило существование после разрушения оборонительных сооружений, руины которых частично перекрыли культурный слой раннего поселения. Культурный слой позднего хронологического горизонта на этом участке городища формировался уже на поверхности руин оборонительных сооружений раннего периода. Небольшая площадь раннего поселения, защищенного внушительными оборонительными сооружениями, а также особенности его культурного слоя позволяют выдвинуть гипотезу, что оно служило в качестве убежища для жителей другого, близлежащего укрепленного поселения – Кушманского III селища.

Ключевые слова: городище, поселение, хронологический горизонт, стратиграфия, находки, культурный слой, сооружение, вал, ров, датировка, бусина, сердцевидная бляха, копоушка, перстень, пряжка, геофизические измерения.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-507-516

Кушманское городище Уччакар находится в Ярском районе Удмуртской Республики, в 1,6 км к ЗЮЗ от нежилой д. Кушман, в 6,2 км к ЮВ от д. Озерки. Городище знакомо исследователям с конца XIX в. В 1930 г. здесь провел раскопки А. П. Смирнов [Иванова 1976, 93, 105–106]. В 2011–2017 гг. городище и его округа исследованы комплексной экспедицией Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН и Физико-технического института УрО РАН при участии сотрудников Института археологии РАН. Результаты этих исследований опубликованы в отдельной монографии [Журбин и др. 2018].

Памятник расположен на правом берегу р. Чепцы, на мысу, ограниченном с юго-востока берегом реки, с северо-запада – оврагом, по которому протекает ручей Каршур (удм. городищенская речка). Ориентированная по линии СЗ-ЮВ площадка имеет подтреугольную форму. На ней визуально прослеживаются две линии обороны. Внешний вал дугообразной формы имеет длину 170 м, ширину основания до 18 м, высоту около 1 м. Ширина рва достигает 10 м. Вто-

рая линия обороны находится на расстоянии 112 м к юго-западу. Длина вала здесь составляет 98 м, ширина основания – до 14 м. Ров шириной 10–15 м прослеживается ближе к краям площадки. Третья, наиболее ранняя линия фортификационных сооружений выявлена геофизическими методами [Zhurbin, Ivanova 2018] и исследована раскопками 2013–2016 гг. Она была разрушена и сnivelирована еще в древности и в настоящее время в рельефе не выделяется. Идентичная картина представлена на городище Иднакар, где наиболее древняя линия оборонительных сооружений также была разрушена еще в средневековье и перекрыта более поздним культурным слоем [Иванова 1998, 18–22]. Ранняя линия обороны Уччакара представляла собой деревоземляные укрепления, состоявшие из рядов срубов-городен, заполненных в основном плотной материковой глиной. Этот вид фортификационных сооружений в различных вариациях был широко распространен в средневековье на территории Древней Руси, Волжской Болгарии, Европе [Журбин и др. 2018, 43–44; Frühmittelalterlicher Burgenbau... 1998, 12, 56, 58, 170, 205, 226, 230, 344, 346, 367]. При разрушении городен грунт, заполняющий их, высыпался в ров, заполнив его нижнюю часть и частично перекрыв примыкающий с внутренней стороны участок площадки городища. Впоследствии ров был полностью засыпан остатками материкового грунта, заполнявшего городни, а поверхность на этом месте выровнена и использована в дальнейшей хозяйственной деятельности [Журбин и др. 2018, 44–45]. Таким образом, культурный слой городища в районе расположения наиболее древней, внутренней линии оборонительных сооружений оказался разделен ее руинами на два стратиграфических горизонта, отражающих два периода в жизни поселения (рис. 1). Ранние напластования (Горизонт I) относятся ко времени возведения и функционирования этой линии фортификации. К позднему хронологическому горизонту (Горизонт II) относятся напластования, отложившиеся после прекращения функционирования внутренней линии обороны, частично сформировавшиеся на поверхности ее руин. В статье речь пойдет о раннем хронологическом периоде бытования Кушманского городища.

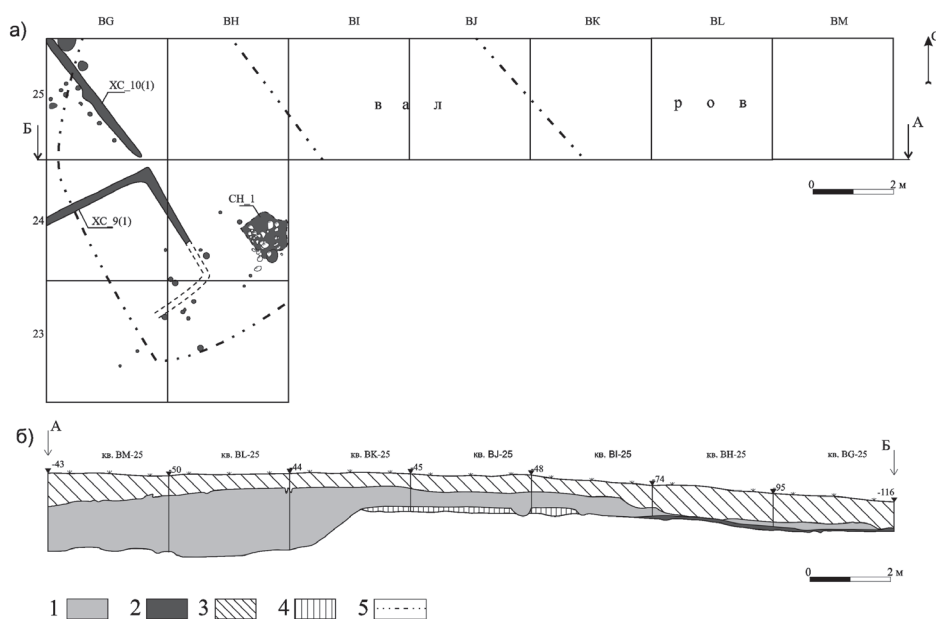

Рис. 1. Раскопы 3, 4 2013–2017 гг. Сводный план раннего горизонта (а) и стратиграфическая схема по одному из бортов раскопов (б).

- 1 – руины внутренней линии обороны в профиле; 2 – культурный слой раннего хронологического горизонта; 3 – напластования позднего хронологического горизонта; 4 – погребенная почва; 5 – границы руин внутренней линии обороны на плане

На раннем этапе территория городища была ограничена внутренней линией обороны. За ее пределами, на средней и внешней площадках, ранние напластования не зафиксированы.

В состав раннего горизонта входят три группы слоев:

1) культурный слой, отложившийся во время функционирования внутренней линии обороны. Он состоит из слоя бурого суглинка погребенной почвы с примесью темно-серого и серого суглинка, местами с органическими примесями. Раскопками исследована лишь малая часть этих напластований (ок. 50 кв. м), примыкающая к оборонительной стене. На этом участке их мощность не более 0,2 м. Частично ранний культурный слой перекрыт слоем руин оборонительных сооружений. На остальной части участка исследований – поврежден перекопами более поздних напластований;

2) прослойки, сформировавшиеся на дне рва во время его бытования вследствие процессов почвообразования. Сюда входят слои темного зеленовато-серого суглинка с углем и древесным тленом и пестрого темно-серого суглинка, смешанного с темно-зеленой глиной, с включениями рыжей материковой глины с большим содержанием угля и включением древесного тлена. Мощность этой группы слоев не превышает 0,16–0,18 м;

3) руины внутренней линии обороны. Прежде всего, это слои бледно-рыжей глины с различными включениями и перемешанного грунта, состоящего в основном из серовато-бурого суглинка со значительными включениями пестрой глины. Этим грунтом заполнен ров. Им же перекрыт участок культурного слоя, примыкавший к оборонительной стене. Часть этого грунта следует исключить из состава раннего горизонта, так как она была использована для засыпки котлованов углубленных объектов в поздний период.

К раннему горизонту относится небольшая группа сооружений (рис. 1). Два из них представляют собой наземные хозяйственные постройки.

XC_9(1)¹. Подпрямоугольные очертания пятна темно-бурого суглинка на месте постройки начали просматриваться в предматериковом слое сразу под остатками руин оборонительных сооружений, перекрывшими ее северо-восточную часть. На уровне материка удалось зафиксировать северо-восточную границу постройки с двумя углами в виде неглубокой канавы – вероятно, следы нижних бревен. С внешней стороны, вдоль границ постройки расположены столбовые ямки, что свидетельствует о ее каркасно-столбовой конструкции. В центральной и юго-западной части постройка прорезана тремя более поздними сооружениями, поэтому ее юго-западную границу проследить не удалось. Возможно, она незначительно уходит в западный борт раскопа. В пределах раскопа размеры постройки 3,2*3 м. Скорее всего, она имела хозяйственное назначение, о чем свидетельствует отсутствие следов отопительного сооружения (очага).

XC_10(1). С севера к сооружению XC_9 (1) примыкают остатки еще одной постройки, имевшей также каркасно-столбовую конструкцию. В раскопе удалось проследить ее северо-восточную границу в виде неглубокой канавы, оставшейся от вдавленного в материк нижнего бревна, от которого сохранился небольшой фрагмент. Вдоль канавы расположены столбовые ямки. Еще одна линия столбовых ямок расположена перпендикулярно ей. Постройка уходит в западный борт раскопа. Размеры исследованной части составляют 2,7*2 м. Как и предыдущая постройка, она прорезана более поздними сооружениями.

Еще одно сооружение – **CH_1** – относится к объектам неясного назначения. Оно представляет собой П-образную каменную выкладку из некрупных камней. Ее размеры составляют 0,7*0,6 м. То, что камни не имеют следов термического воздействия, исключает вероятность того, что это очаг.

Хронологические рамки раннего горизонта определяются временем функционирования внутренних оборонительных сооружений. Из погребенной почвы, расположенной непосредственно под валом, происходит всего одна находка – округлая бусина синего цвета (рис. 2, 1). В Приуралье подобные бусы встречены в Поломском I могильнике (кон. VI–нач. X вв.), а также на памятниках ломоватовской культуры, где датируются кон. VIII–IX вв. По мнению З. А. Львовой, бусы подобной разновидности относятся к ломоватовским [Львова 1973, 94–95; Рис. 2, 25–34;

¹ Наименования объектов даны в соответствии с общей классификации сооружений для Кушманского городища Учкакар [Журбин и др. 2018, 63–69].

Рис. 2. Вещевой комплекс из слоев раннего хронологического горизонта. 1 – 5 – бусины; 6 – сердцевидная бляха; 7 – рамка от пряжки; 8 – перстень; 9 – зооморфный амулет; 10, 13 – копоушки; 11 – предмет неясного назначения; 12 – наконечник стрелы.
1 – 5 – стекло; 6, 7 – цветной металл; 8 – цветной металл, стекло; 9 – 13 – кость

часть заполнения рва. Этот грунт представляет собой материковую глину с различными включениями, взятую для заполнения городен при возведении оборонительной стены и высыпавшуюся в ров при его разрушении (горизонты А1 и Б заполнения рва) [Журбин и др. 2018, 38–45]. Найденные в них вещи могли попасть туда только во время строительных работ. Эти находки представлены многочастной пронизкой из желтого стекла, обломком желтой стеклянной бусины с реснитчатыми глазками, 1 экз. желтого бисера, прямоугольной рамкой восьмерковидной пряжки, костяной орнаментированной копоушкой, костяным зооморфным амулетом в виде изображения медведя, обломком неясного костяного изделия (рис. 2, 3–5, 7, 9–11).

Желтые многочастные пронизки имеют те же закономерности распространения, что и аналогичные изделия из синего стекла. В X в. они встречаются в основном в северных и центральных районах Европы [Львова 1968, 89]. Глазчатые желтые бусы с реснитчатыми глазками широко распространены во времени и пространстве. Они представлены на памятниках IX–XII вв. Скандинавии, Восточной Европы, Древней Руси, Волжской Болгарии, марийских могильниках, в Пермском Приуралье и других территориях [Львова 1968, 77; Валиулина 2005, 93–94; Рис. 29, 10; 48, IV, V; Никитина 2012, Рис. 290, 15; Thunmark-Nylén 1998, Taf. 313; Arents, Eisenschmidt 2010, Taf. 128, 2;]. Бусина из внутреннего рва Уччакара имеет сине-зеленый глазок с белыми и красными ресничками. Бусины с аналогичными глазками встречены в погребениях 628, 1067 Бирки [Arbman 1940, Taf. 121, 13b, 16], среди материалов первой половины-середины X в.

Голдина, Королева 1983, 40–69; Цв. вкл.]. Из прослойки, сформировавшихся на дне рва, происходят трехчастная стеклянная синяя пронизка и сердцевидная бляха (рис. 2, 2, 6). Многочастные синие пронизки датируются в Старой Ладобе VIII–IX вв. [Львова 1968, 88]. По утверждению Й. Калмера, многочастные пронизки более чем с двумя сегментами наиболее характерны для кон. VIII–нач. IX вв., для более позднего времени – кон. IX–X вв. – они необычны [Калмер 2000, 55], хотя продолжают встречаться в X–XI вв. на обширной территории [Львова 1968, 88–89]. В Булгаре они встречаются в слоях кон. IX–нач. XI вв. [Полубояринова 1988, 154]. В Верхнем Прикамье подобные бусы встречаются на памятниках VIII–XI вв. [Голдина, Королева 1983, 58, 64]. Они найдены на могильнике Мыдлань-шай, Поломском I и др. могильниках [Генинг 1962, Табл. XVI, 38; Львова 1973, 93; Рис. 3, 14].

Сердцевидные бляхи, подобные нашей, найдены на Лядинском могильнике X–XI вв. [Ястребов 1893, Табл. VI, 21, 24], могильнике Черемисское кладбище VIII–XI вв. [Никитина 2012, 218, рис. 112, 3, 4], погребении 31 X–нач. XI вв. Анаткасинского могильника [Никитина и др. 2018, Рис. 3, 20]. Судя по этим находкам, вероятное время возведения и функционирования внутренней линии обороны Кушманского городища находится в пределах IX–X вв.

Указанной датировке не противоречат находки из грунта, составляющего нижнюю

в Прибалтике [Calmer 1997, Taf. 18, 10], в финском могильнике Луистари [Lehtosalo-Hilander 1982, Plate IV, 5], могильнике Милино II на Кубенском озере [Захаров, Кузина 2008, Рис. 145, 7]. Желтый бисер является одной из наиболее распространенных форм стеклянных бус с кон. I тыс. до н.э. вплоть до позднего средневековья [Львова 1968, 87].

Прямоугольная рамка от восьмерковидной пряжки имеет выходящие концы. Пряжки с подобными рамками находят многочисленные аналогии на финно-угорских памятниках Приуралья IX–X вв. В ломоватовской культуре такие пряжки известны в материалах IX в. [Голдина 1985, Табл. IX, 2, 9]. Они встречены в Поломском I могильнике [Иванов 1997, Рис. 50, 16; 51, 4], в Варнинском могильнике среди погребений IX в. [Семенов 1980, Табл. XI, 9, 10, 13–15], в могильнике Мыдлань-шай [Генинг 1962, Табл. 3, 10], в погребениях IX в. Агафоновогo II могильника [Голдина, Ютина 2012, Рис. 4, 1], в Большетиганском, Танкеевском, Тетюшском могильниках IX–X вв. [Казаков 1992, Рис. 20, 108; 33, 5; 73, 41], в курганах IX–X вв. Южного Урала [Мажитов 1981, Рис. 42, 25; 63, 3].

Костяная пластинчатая копоушка с орнаментом из заштрихованных треугольников на одной стороне и заштрихованных дуг на другой принадлежит к «прикамскому» этнокультурному типу этих изделий, наиболее часто встречающемуся на поломско-чепецких и ломоватовско-родановских памятниках [Крыласова 2007, 282]. Три копоушки точно с таким же орнаментом найдены на Каневском могильнике VIII–IX вв. ломоватовской культуры, еще два экземпляра происходят с Рождественского городища [Голдина 1985, Табл. XXXII, 4; Крыласова 2007, 285; Рис. 117, 7; Белавин, Крыласова 2008, Рис. 192, 1].

Культурный слой раннего поселения вне пределов оборонительных сооружений исследован на площади всего 50 кв. м. Комплекс индивидуальных находок из него состоит всего из трех предметов: фрагмента перстня со вставкой из синего стекла, костяного наконечника стрелы и фрагмента костяной копоушки (рис. 2, 8, 12, 13). Находка перстня со стеклянной вставкой подтверждает сделанный вывод о датировке внутренней линии обороны и, следовательно, – раннего поселения. Подобные перстни имеют многочисленные аналогии в могильниках IX–X вв. Приуралья. Они найдены в Варнинском могильнике [Семенов 1980, Рис. 10, 219], в погр. № 6 Качкашурского I могильника, датированном IX в. [Иванов 1991, 152, 156. Рис. 5, 16], в комплексах IX в. Агафоновогo II могильника [Голдина, Ютина 2012, 448, 468. Рис. 4, 14], погребении № 3 Кочергинского могильника, Рябиновском кладе X в. [Талицкий 1940, Табл. III, 27; С. 167], могильнике Мыдлань-Шай [Генинг 1962, 41; Табл. II, 5–7]. За пределами Приуралья аналогичные перстни встречены в раннеболгарских могильниках IX–X вв. [Казаков 1992, Рис. 13, 33], марийских могильниках (погр. № 10 IX в. Веселовского могильника) [Никитина 2012, 73, 137. Рис. 31, 10, 11]. Известны подобные находки и далеко за пределами Приуралья, например, в погр. 515 и 526 Бирки [Arbman 1940, Taf. 111, 1, 3].

Вещевой комплекс из разных структурных частей горизонта I немногочислен и состоит в основном из вещей, встречающихся на протяжении нескольких столетий. Тем не менее в коллекции присутствуют находки, время распространения которых по известным аналогам наиболее характерно для периода IX–X вв. К таковым относятся синяя и желтая многочастная пронизки, сердцевидная бляха, прямоугольная рамка с выходящими концами от восьмерковидной пряжки, перстень со стеклянной вставкой. Нельзя не обратить внимание, что точная копия орнаментированной копоушки происходит из могильника VIII–IX вв. Время распространения остальных находок также укладывается в эти пределы. Таким образом, по имеющимся данным временные рамки раннего горизонта Кушманского городища Уччакар могут быть определены в пределах IX–X вв. К сожалению, имеющийся на данный момент вещевой материал ограничивает возможности для более узкой датировки этого горизонта. В первую очередь это связано с тем, что раскопками затронут совсем небольшой участок культурного слоя раннего поселения, который к тому же слабо насыщен находками.

Территория раннего поселения, ограниченного внутренней линией обороны, была невелика (рис. 3). В настоящее время площадь внутренней площадки городища составляет ок. 6 тыс. кв.м.,

однако, учитывая эрозионные процессы, в древности она могла достигать 8–10 тыс. кв. м. Как и на остальных структурных частях городища, для оценки состояния культурного слоя здесь проводились геофизические измерения и почвенные бурения. Согласно данным этих исследований, более выраженный культурный слой присутствует только на участке, прилегающем к оборонительным сооружениям. Его мощность здесь составляет ок. 1 м, из которых ок. 0,8 м приходится на поздний хронологический горизонт, сформировавшийся на руинах внутренних оборонительных сооружений. На остальной части внутренней площадки мощность культурного слоя не превышает 0,2 м, которые полностью входят в современный пахотный горизонт [Журбин и др. 2018, 49]. Скорее всего, культурный слой здесь изначально был несколько мощнее, но вследствие эрозионных процессов и распашки его часть была утрачена. Еще одним результатом геофизических измерений на внутренней площадке, на который следовало бы обратить внимание, является отсутствие аномалий, предположительно связанных с углубленными хозяйственными сооружениями, за исключением участка, примыкающего к руинам оборонительных сооружений. Но эти аномалии соответствуют сооружениям позднего хронологического горизонта [Журбин и др. 2018, 71–84].

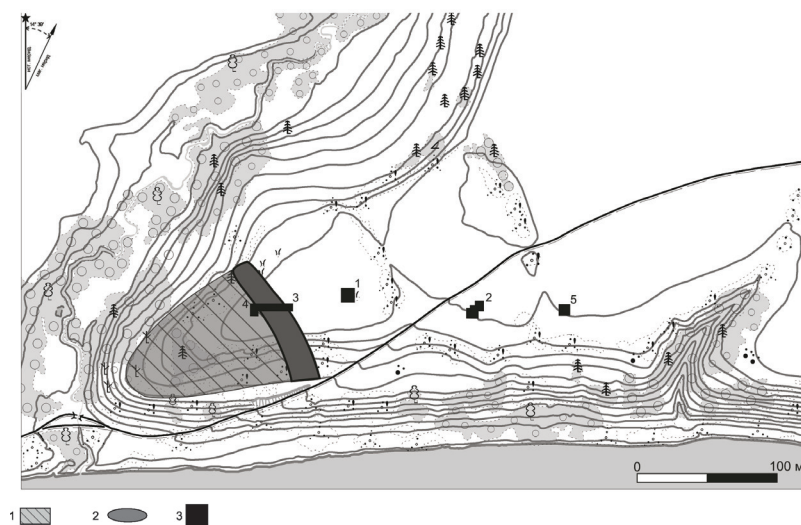

Рис. 3. Топографический план Кушманского городища Учкакар с обозначением границ раннего поселения.

- 1 – зона распространения раннего хронологического горизонта;
2 – внутренняя линия обороны; 3 – раскопы 2012–2017 гг.

Таким образом, на настоящий момент мы располагаем следующими сведениями о раннем горизонте Кушманского городища: 1) раннее поселение имело небольшую площадь, но в то же время было окружено довольно значительными оборонительными сооружениями, включающими деревоземляную стену, состоящую из двух рядов городен, забутованных глиной, и рва [Журбин и др. 2018, 37–46]; 2) его культурный слой имеет малую мощность, в нем отсутствуют крупные углубленные хозяйственные сооружения; 3) ранний культурный слой слабо насыщен находками. Два последних факта свидетельствуют о том, что на поселении в ранний период его функционирования не велась какая-либо интенсивная хозяйственная деятельность. Эта особенность существенно выделяет городище Учкакар из ряда крупнейших поселений чепецкой культуры – Иднакара, Гурьякара и Учкакара [Zhurbin 2020]. В то же время наличие крупных оборонительных сооружений свидетельствует о его важной оборонительной функции. Сопоставив эти факты, можно сделать предположение об особой роли раннего городища IX–X вв. Например, что оно представляло собой не стационарное поселение, а использовалось в качестве убежища жителями другого, близлежащего поселения. В качестве такого поселения могло выступать расположенное всего в 0,4 км к востоку Кушманское III селище, которое, по дан-

ным последних междисциплинарных исследований, являлось укрепленным поселением с мощным культурным слоем [Zhurbin et al. 2019]. Данная гипотеза еще требует проверки, но аналогии подобным ситуациям известны. В качестве одного из ближайших примеров можно привести Рождественский археологический комплекс на р. Обве в Пермском Приуралье. В состав комплекса входят Рождественское и Филипповское городища, расположенные на соседних мысах. Второе интерпретируется как убежище для жителей соседнего, основного поселения. Оно значительно уступает ему по площади, его культурный слой также имеет малую мощность (25 см) и слабо насыщен находками [Белавин, Крыласова 2008, 53–54, 82–85].

ЛИТЕРАТУРА

- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.
- Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2005. 280 с.
- Генинг В. Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск, 1962. С. 7–111.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
- Голдина Р. Д., Королева О. П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 1983. С. 40–71.
- Голдина Р. Д., Ютина Т. К. О датировке и хронологии погребальных комплексов Агафонового могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа: Хронологическая атрибуция: Материалы и исследования Камско-Вятской экспедиции. Т. 25. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 447–472.
- Журбин И. В., Антипина Е. Е., Иванова М. Г., Лебедева Е. Ю., Модин Р. Н., Сергеев А. Ю., Яворская Л. В. Междисциплинарные исследования Кушманского городища Уччакар IX–XIII вв.: методика комплексного анализа. М.: ТАУС, 2018. 248 с.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 2.: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2007. С. 142–214.
- Иванов А. Г. Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1991. С. 140–180.
- Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V–первая половина XIII в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 309 с.
- Иванова М. Г. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск: Удм. науч.-исслед. ин-т истории, экономики, литературы и яз., 1976. С. 93–106.
- Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмурское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
- Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
- Калмер Й. Ранние бусы из раскопок древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Казань: Изд-во "Мастер-Лайн", 2000. С. 54–58.
- Крыласова Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007. 352 с.
- Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. I: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 63–94.
- Львова З. А. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. 1973. Вып. 15. С. 83–104.
- Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.
- Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 408 с.
- Никитина Т. Б., Кутузова Д. О., Воробьева Е. Е. Погребения с бусами Анаткасинского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 199–219.
- Полубояринова М. Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 149–217.
- Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1980. С. 5–135.

- Талицкий М. В.* Кочергинский могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. № 1. 1940. С. 159–168.
- Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники // Материалы по археологии России. № 10. СПб., 1893.
- Arbman H. Birka. I.* Die Gräber. Tafeln. Stockholm–Uppsala, 1940.
- Arents U., Eisenschmidt S.* Die Gräber von Haithabu. Band 2: Katalog, Listen, Tafeln, Beilagen. Neumünster: Wachholtz, 2010. 430 p.
- Calmer J.* Beads and bead production in Scandinavia and the Baltic Region c. ad 600–1100: a general outline // *Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen.* Bonn, 1997. P. 197–202.
- Frühmittelalterlicher Burgenbau* in Mittel- und Osteuropa. Bonn, 1998. 451 p.
- Lehtosalo-Hilander P-L.* Luistari. II. The Artefacts. Helsinki, 1982.
- Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. II Typentafeln. Stocholm, 1998. 331 p.
- Zhurbin I. V.* A Comparative Analysis of Structural and Developmental Trends at Major Cheptsá Fortified Sites in the Western Urals (Idnakar, Uchkakar, and Guryakar) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia.* 2020. Vol. 48. № 1. P. 120–128.
- Zhurbin I. V., Borisov A. V., Nazmutdinova A. I., Milich V. N., Petrov R. P., Ivanova M. G., Modin R. N., Knyazeva L. F., Vorobieva N. G., and Zinchuk S. V.* The Use of Remote Sensing, Geophysical Methods and Soil Analysis in the Study of Sites Disturbed by Agricultural Activity // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia.* 2019. Vol. 47. № 2. P. 103–111.
- Zhurbin I. V., Ivanova M. G.* Geophysical Studies at the Kushmanskoye (Uchkakar) Fortified Settlement, Kama Basin // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2018. Vol. 46. № 1. P. 76–85.

Поступила в редакцию 27.05.2021

Модин Роман Николаевич,

младший научный сотрудник

Отдела сохранения археологического наследия Института Археологии РАН,

117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

e-mail: modin.roman@mail.ru

R. N. Modin

**THE EARLY HORIZON OF THE KUSHMANSKOE (UCHKAKAR)
FORTIFIED SETTLEMENT, IX–XII CENTURIES**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-507-516

The article considers the early chronological horizon of one of the key archaeological sites of the Chepetskaya archaeological culture – the Kushmanskoe (Uchkakar) fortified settlement. The paper highlights the issues of the features of the occupation layer of the early settlement, its dating, the characteristics of the identified structures and the material culture are given. The early medieval settlement on the territory of the Kushmanskoe (Uchkakar) fortified settlement was limited by defensive structures consisting of a wood-earth bank and a ditch. They defended a settlement with an area of 6–10 thousand sq. m. The occupation layer of the early settlement had a small thickness of 0.2 m. Several structures were identified in it and investigated by excavation, two of which are the remains of ground buildings, another is a stone laying of an unclear purpose. The material culture of the early horizon allows us to determine the time of the existence of an early settlement within the IX–X centuries. It ceased to exist after the destruction of defensive structures, the ruins of which partially blocked the occupation layer of the early settlement. The cultural layer of the late chronological horizon on this site of the settlement was formed already on the surface of the ruins of defensive structures of the early period. A small area of the early settlement, defensive structures, features of its occupation layer allow us to hypothesize: it was a refuge for people of another nearby fortified settlement - Kushmanskoe III settlement.

Keywords: fortified settlement, settlement, chronological horizon, stratigraphy, finds, occupation layer, structure, earth bank, ditch, dating, bead, heart-shaped badge, ear cleaning, ring, buckle, geophysical measurements.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 507–516. In Russian.

REFERENCES

- Belavin A. M., Krylasova N. B.** *Drevnyaya Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: an archaeological complex near the village of Rozhdestvensk]. Perm', PGPU, 2008. 603 p. In Russian.
- Valiulina S. I.** *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Bilyarskogo gorodishcha)* [Glass of Volga Bulgaria (based on the materials of the Bilyar settlement)]. Kazan', Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V. I. Ul'yanova Lenina, 2005. 280 p. In Russian.
- Gening V. F.** Mydlan'-Shai – udmurtskii mogil'nik VIII–IX vv. [MydlanShai Udmurt burial ground of the VIII–IX centuries]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of the archeology of the Urals], 1962. Vyp. 3. Pp. 7–111. In Russian.
- Goldina R. D.** *Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e* [Lomovatovskaya culture in the Upper Kama region]. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, 1985. 280 p. In Russian.
- Goldina R. D., Koroleva O. P.** Busy srednevekovykh mogil'nikov Verkhnego Prikam'ya [Beads of medieval burial grounds of the Upper Kama Region]. *Etnicheskie protsessy na Urale i v Sibiri v pervobytnuyu epokhu* [Ethnic processes in the Urals and Siberia in the primitive era]. Izhevsk, Izd-vo «Udmurtskii universitet», 1983. Pp. 40–71. In Russian.
- Goldina R. D., Yutina T. K.** O datirovke i khronologii pogrebal'nykh kompleksov Agafonovskogo mogil'nika (IX–XII vv.) [On the dating and chronology of the burial complexes of the Agafon burial ground (IX–XII centuries)]. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza: Khronologicheskaya atributsiya: Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoi ekspeditsii* [Antiquities of the Kama Region of the Iron Age: Chronological attribution: Materials and research of the Kama-Vyatka expeditio]. Band 25. Izhevsk, Izd-vo «Udmurtskii universitet», 2012. Pp. 447–472. In Russian.
- Zhurbin I. V., Antipina E. E., Ivanova M. G., Lebedeva E. Yu., Modin R. N., Sergeev A. Yu., Yavorskaya L. V.** *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya Kushmanskogo gorodishcha Uchkakar IX–XIII vv.: metodika kompleksnogo analiza* [Interdisciplinary studies of the Kushman settlement of Uchkakar of the IX–XIII centuries: a method of complex analysis]. Moscow, TAUS, 2018. 248 p. In Russian.
- Zakharov S. D., Kuzina I. N.** Izdeliya iz stekla i kamennye busy [Glass products and stone beads]. *Arkheologiya severnorusskoi derevni X–XIII vekov: srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere: v 3 t. T. 2.: Material'naya kul'tura i khronologiya* [Archeology of the Northern Russian village of the X–XIII centuries: medieval settlements and burial grounds on the Kubensky Lake: in 3 vols. 2.: Material culture and chronology]. Moscow, Nauka, 2007. Pp. 142–214. In Russian.
- Ivanov A. G.** Kachkashurskii mogil'nik IX–XIII vv. v basseine r. Chepsy [Kachkashur burial ground of the IX–XIII centuries in the basin of the Chepsy river]. *Materialy po pogrebal'nomu obryadu udmurtov* [Materials on the funeral rite of the Udmurts]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 1991. Pp. 140–180. In Russian.
- Ivanov A. G.** *Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniya basseina r. Chepsy v epokhu srednevekov'ya: konets V – pervaya polovina XIII v* [Ethnocultural and economic relations of the population of the Chepsy River basin in the Middle Ages: the end of the V – the first half of the XIII century]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 1997. 309 p. In Russian.
- Ivanova M. G.** Kushmanskoe gorodishche [Kushmanskoye settlement]. *Voprosy arkheologii Udmurtii* [Questions of archeology of Udmurtia]. Izhevsk, Udm. nauch.-issled. in-t istorii, ekonomiki, literatury i yaz., 1976. Pp. 93–106. In Russian.
- Ivanova M. G.** *Idnakar: Drevneudmurskoe gorodishche IX–XIII vv* [Idnakar: An ancient Udmurt settlement of the IX–XIII centuries]. Izhevsk, UIIYaL UrO RAN, 1998. 294 p. In Russian.
- Kazakov E. P.** *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii* [The culture of early Volga Bulgaria]. Moscow, Nauka, 1992. 335 p. In Russian.
- Kalmer I.** Rannie busy iz raskopok drevnei Kazani [Early beads from the excavations of ancient Kazan]. *Srednevekovaya Kazan': vzniknovenie i razvitie* [Medieval Kazan: the emergence and development]. Kazan', Izd-vo "MasterLain", 2000. Pp. 54–58. In Russian.
- Krylasova N. B.** *Arkheologiya povsednevnosti: material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya* [Archeology of everyday life: the material culture of the medieval Urals]. Perm', Perm. gos. ped. un-t, 2007. 352 p. In Russian.
- L'vova Z. A.** *Steklyannye busy Staroi Ladogi. Ch. I: Sposoby izgotovleniya, areal i vremya rasprostraneniya* [Glass beads of Staraya Ladoga. Part I: Manufacturing methods, area and time of distribution]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum], 1968. Vyp. 10. Pp. 63–94. In Russian.

L'vova Z. A. Busy I Polomskogo mogil'nika [Beads of the I Polomsky burial ground]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum], 1973. Vyp. 15. Pp. 83–104. In Russian.

Mazhitov N. A. Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv. [Mounds of the Southern Urals of the VIII–XII centuries]. Moscow, Nauka, 1981. 164 p. In Russian.

Nikitina T. B. *Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya* [Funerary monuments of the IX–XI centuries. Vetluzhsko-Vyatka interfluve]. Kazan', Institut istorii AN RT, 2012. 408 p. In Russian.

Nikitina T. B., Kutuzova D. O., Vorob'eva E. E. Pogrebeniya s busami Anatkasinskogo mogil'nika [Burials with beads of the Anatkasinsky burial ground]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga Archeology], 2018, № 1(23). Pp. 199–219. In Russian.

Poluboyarinova M. D. Steklyannye izdeliya Bolgarskogo gorodishcha [Glass products of the Bulgarian settlement]. *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deyatel'nosti* [The City of Bulgarians. Essays on craft activity]. Moscow, Nauka, 1988. Pp. 149–217. In Russian.

Semenov V. A. Varninskii mogil'nik [Varna burial Ground]. *Novyi pamyatnik polomskoi kul'tury* [A new monument of Polom culture]. Izhevsk, NII pri SM UASSR, 1980. Pp. 5–135. In Russian.

Talitskii M. V. Kocherginskii mogil'nik [Kocherginsky burial ground]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR]. № 1. 1940. Pp. 159–168. In Russian.

Yastrebov V. N. Lyadinskii i Tomnikovskii mogil'niki [Lyadinsky and Tomnikovsky burial grounds]. *Materialy po arkheologii Rossii* [Materials on the archeology of Russia]. № 10. Saint-Petersburg, 1893. In Russian.

Arbman H. Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm–Uppsala, 1940.

Arents U., Eisenschmidt S. Die Gräber von Haithabu. Band 2: Katalog, Listen, Tafeln, Beilagen. Neumünster: Wachholtz, 2010. 430 p.

Calmer J. Beads and bead production in Scandinavia and the Baltic Region c. ad 600–1100: a general outline – Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen. Bonn, 1997. Pp. 197–202.

Frühmittelalterlicher Burgenbau in Mittel- und Osteuropa. Bonn, 1998. 451 p.

Lehtosalo-Hilander P-L. Luistari. II. The Artefacts. Helsinki, 1982.

Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. II Typentafeln. Stocholm, 1998. 331 p.

Zhurbin I. V. A Comparative Analysis of Structural and Developmental Trends at Major Cheptsya Fortified Sites in the Western Urals (Idnakar, Uchkakar, and Guryakar) – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia, 2020, Vol. 48. № 1. Pp. 120–128.

Zhurbin I. V., Borisov A. V., Nazmutdinova A. I., Milich V. N., Petrov R. P., Ivanova M. G., Modin R. N., Knyazeva L. F., Vorobieva N. G., and Zinchuk S. V. The Use of Remote Sensing, Geophysical Methods and Soil Analysis in the Study of Sites Disturbed by Agricultural Activity – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia, 2019. Vol. 47. № 2. Pp. 103–111.

Zhurbin I. V., Ivanova M. G. Geophysical Studies at the Kushmanskoye (Uchkakar) Fortified Settlement, Kama Basin – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia, 2018. Vol. 46. № 1. Pp. 76–85.

Received 27.05.2021

Modin Roman Nikolaevich,

Junior Researcher

of the Department of Preservation of the Archaeological Heritage
of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow),

19, Dmitry Ulyanov str., Moscow, 117292, Russian Federation,

e-mail: modin.roman@mail.ru

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ФИННО-УГОРСКИХ
НАРОДОВ В ПОДГОТОВКЕ МАГИСТРОВ
(НА ПРИМЕРЕ МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ
«ФИННО-УГОРСКИЙ МИР В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ»
В УДМУРТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ)**

Одной из ключевых задач современного российского государства и общества является сохранение культурного наследия. Культурное наследие включает в себя широкий круг материальных и нематериальных ценностей, нуждающихся в изучении и сохранении. Особенно актуальна эта задача для поддержания этнических культур, испытывающих массивное воздействие глобальных процессов. На основе опыта магистерской программы «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении», реализуемой в Удмуртском государственном университете, рассматривается роль образовательных учреждений в институционализации и сохранении культурного наследия удмуртского народа.

Ключевые слова: культурное наследие, финно-угорские народы Российской Федерации, музеи, магистратура, этнографическая коллекция, Удмуртский государственный университет.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-517-526

Сохранение культурного наследия народов является важной задачей современного государства и общества. Российское законодательство относит к «культурному наследию» «объекты недвижимого имущества ... и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73].

Культурное наследие – важный актив современных государств. Объекты культурного наследия могут существенно влиять на социокультурную и экономическую жизнь региона, начиная с возможности применения их для ревитализации городских и сельских пространств [Анохин 2010, 10–12] и заканчивая использованием их в качестве туристических объектов, что может стать источником дополнительной прибыли городских бюджетов.

Не следует забывать и о том, что культурное наследие само по себе имеет огромный образовательный потенциал. Он заключается в том, что изучение культурного наследия предполагает знакомство с региональными культурными особенностями, в то время как культура региона является сложнейшим образованием, включающим национальные, социальные, экономические и другие особенности функционирования общества на данной территории [Демина 2014]. Изучение и сохранение культурного наследия обладают ценностнообразующей направленностью и способствуют формированию «культурных кодов».

В контексте сказанного выше важным представляется исследование культурного наследия финно-угорских народов России и Удмуртской Республики, способов и методов его идентификации и сохранения.

Финно-угорские народы Российской Федерации устойчиво демонстрируют негативную этнодемографическую динамику [Фаузер 2011, 122]. На процессы развития этих народов существенное влияние оказали как естественная убыль населения, особенно в 1990-е гг., так и миграционные потери. При этом ряд авторов связывают отрицательные этносоциальные показатели российских финно-угров прежде всего с этнокультурной ассимиляцией [Фаузер 2011, 121–124; Фаузер 2019, 238–239; Лаллука 1997; Кондрашкина 2018, 103]. Ассимиляционные процессы находят свое отражение в повышении доли тех, кто родным языком считает русский, при одновременном снижении числа тех, кто считал бы язык своей национальности родным [Фаузер 2011, 122–123]. Ассимиляцию некоторые исследователи называют главной причиной отсутствия увеличения численности удмуртов во второй половине двадцатого столетия на фоне высокого естественного прироста [Уваров 2017, 117]. Деэтнизация финно-угорских народов нашей страны является признанным фактом, еще в 2009 г. IV съездом финно-угорских народов России было принято решение об активизации работы с финно-угорской молодежью, в том числе в поиске и создании новых форм организации этнокультурной жизни в условиях городской среды [Резолюция 2009, 15]. Этим же документом органам государственной власти субъектов Российской Федерации, на территории которых проживают финно-угорские народы, рекомендовалось «активизировать деятельность по сохранению культурного наследия народов и национальных меньшинств, сохраняемого в архивах, музеях, природных и этнокультурных комплексах, с использованием современных цифровых технологий» [Там же, 14].

Сохранение культурного наследия финно-угорских народов в современной Российской Федерации происходит в различных формах, среди которых выделяется деятельность некоммерческих организаций и учреждений, государственных и муниципальных органов власти [Малая 2015, 96]. Представляется очевидным, что изучением и сохранением культурного наследия должны заниматься прежде всего специалисты – музейные работники, ученые-историки, этнографы, архивисты. Нужно отметить, что существует дефицит кадров, которые могли бы в полном объеме заниматься решением указанных задач. В последнее время наметился «кадровый голод» в сфере музейного дела, не хватает как хранителей, так и научных работников, обеспечивающих оценку и изучение имеющихся фондов [Концепция развития...].

В условиях модернизации деятельности государственных, муниципальных учреждений культуры, появления некоммерческих, общественных инициатив по сохранению и изучению этнокультурного наследия экспертами могут и должны стать выпускники магистратур высших учебных заведений, специалисты с широким набором базовых компетенций, позволяющих им на достаточно высоком уровне осуществлять как консультативную, так и профессионально-ориентированную деятельность.

Целью работы является изучение роли образовательных учреждений в институционализации и сохранении этнокультурного наследия на основе опыта реализации магистерской программы «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении» в Удмуртском государственном университете.

Современные требования к подготовке специалиста-историка обусловлены широким спектром компетенций, владение которыми предусмотрено Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 46.04.01 «История». Согласно ему, область профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу магистратуры, включает работу не только в общеобразовательных организациях и образовательных организациях высшего образования, но и в музеях, других органах и учреждениях культуры, туристических ведомствах. В соответствии с задачами, которые ставят перед современными магистрами государство и общественность, в поле их образовательной деятельности должны быть включены не только традиционные формы научно-исследовательской деятельности, но и практико-ориентированные виды занятий.

В Удмуртском государственном университете (УдГУ) на базе кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии с 2012 г. реализуется магистерская программа «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении». Она направлена на формирование у магистрантов «комплексных компетенций по вопросам социального, политического, экономического, культурного, языкового развития, истории финно-угорских народов России и Европы» [Мельникова 2013, 118]. Необходимость подготовки экспертов в сфере межкультурной коммуникации, межнациональной проблематики, специалистов в области развития языковой, этнической и культурной идентичности в Удмуртской Республике обусловлена спецификой региона. В Удмуртии живут представители более 100 национальностей, коренной этнической группой являются представители финно-угорской языковой общности – удмурты, которые составляют около 30% населения [Воронцов 2017].

Исследования, посвященные проблемам подготовки магистров в Российской Федерации, отмечают, что очень немногие вузы в своей образовательной практике реализуют модель влияния на компетенции обучающегося через интеграцию образования, науки и практики [Сербиновская 2016]. Магистерская программа «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении» является комплексным проектом. Здесь осуществляется междисциплинарный подход к подготовке специалистов в современном российском образовании. Широкие возможности для качественного образования предоставляют образовательные ресурсы Удмуртского государственного университета, например, библиотечный фонд УдГУ содержит новейшую литературу по истории и культуре финно-угорских народов, официальные, справочно-библиографические и специализированные издания по тематике магистерской программы. Для проведения научно-исследовательской работы приглашаются специалисты различных профильных учреждений науки и образования [Мельникова 2013, 119]. Магистрантам предоставляется доступ к исследовательским базам Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. Дисциплины учебного плана реализуются на базах архивов, музеев, научно-исследовательских учреждений и организаций.

Вариативная часть профессионального цикла представлена рядом учебных дисциплин, одна из которых – «Этномузееведение». Она входит в Модуль 5 «Финно-угорский мир и европейские народы в их историческом взаимодействии» и находится в прямом взаимодействии с предыдущими предметами учебного плана магистерской подготовки: «Этнография финно-угорских народов», «Политическая история финно-угорских стран и регионов», «Финно-пермские народы на историко-археологической карте средневековой Евразии», «Этносоциология». Предполагается, что изучение дисциплины «Этномузееведение» позволит сформировать у специалистов по финно-угорской истории следующие компетенции: способность к инновационной деятельности, к постановке и решению перспективных научно-исследовательских и прикладных задач; способность к осуществлению историко-культурных и историко-краеведческих функций в деятельности таких организаций и учреждений, как архивы и музеи; способность к разработке исторических и социально-политических аспектов в деятельности информационно-аналитических центров, общественных, государственных и муниципальных учреждений и организаций, средств массовой информации.

В рамках «Этномузееведения», кроме задач усвоения теоретического материала о формировании музейного дела в России и за ее пределами, об основах музейного дела, большое внимание уделяется практической деятельности. Практико-ориентированная подготовка магистрантов включает в себя знакомство с организацией и деятельностью современных музеев разных типов. Практические занятия являются важной частью реализации компетентностного подхода, так как формирование всех базовых понятий дисциплины, навыков и приемов научного исследования более эффективно осуществлять в контексте именно профессиональной деятельности.

В течение семестра, когда происходит изучение дисциплины, магистранты посещают несколько музеев Удмуртской Республики разного формата – те, где собраны этнографические

коллекции. Во-первых, это Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда. Здесь представлена старейшая и крупнейшая в республике экспозиция с этнографическим материалом «Мы-удмурты», рисующая картину мира удмуртов через предметы материальной и духовной культуры народа. Магистранты слушают лекции об организации учетной, фондовой и экспозиционной деятельности музея, об особенностях сбора, хранения и экспонирования этнографического материала, выполняют практические задания сотрудников учреждения. Музей осуществляет допуск будущих магистров к своим фондам, что является своеобразной формой прикладной деятельности. Сотрудничество с музеем является удачной и перспективной формой современного сетевого взаимодействия. Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», «совместная деятельность образовательных учреждений (организаций), в результате которой формируются группы обучающихся для освоения образовательных программ определенного уровня и направленности с использованием ресурсов нескольких образовательных учреждений, научных и других организаций, обладающих ресурсами, необходимыми для осуществления иных видов учебной деятельности, предусмотренных соответствующей образовательной программой», – это и есть сетевая деятельность [Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»]. Данный вид работы предполагает активное и открытое сотрудничество различных видов образовательных, культурных и научных учреждений в целях подготовки будущих специалистов [Родионова, Насонов 2017].

Еще одним видом практических занятий для магистрантов является знакомство с современным форматом музея – Народным Музеем исчезнувших деревень. Этот уникальный музей возник по инициативе жителей Игринского района Удмуртской Республики и посвящен истории семи деревень, исчезнувших во второй половине двадцатого столетия. Его создание планировалось при активном участии удмуртских этнографов – Г. А. Никитиной и Е. В. Поповой. Изначально музей не проектировался как этнографический, однако сегодня он активно развивается, формируя вокруг так называемый «Культурный квартал» – пространство, наполненное предметами и явлениями традиционной удмуртской культуры. Сотрудники музея готовят грантовые заявки, за счет полученных средств расширяют свою деятельность. К примеру, в конце прошлого года была создана Лаборатория традиционной культуры, где проходят обучающие семинары по основам формирования публичных песенных архивов, организуются практические занятия с творческими коллективами по организации экспедиций, происходит запись песен в новой звукозаписывающей лаборатории. Кроме того, сам формат Музея исчезнувших деревень очень новый и необычный. По итогам создания Музея издано методическое пособие по сбору материалов с научным инструментарием, программой исследования, рекомендациями по работе с аудиофайлами и изображениями. Магистранты на примере ознакомления с концепцией этого проекта, успехами и проблемами его реализации знакомятся с разными способами не только представления музейных экспозиций, но и сохранения этнокультурного наследия в целом.

Наряду с проведением практических занятий в форме представления докладов об усвоении теоретического материала на основе работы с опубликованными источниками на русском, удмуртском и иностранных языках используются и другие виды проведения семинаров.

Результатом изучения дисциплины и итогом практической работы выступает проект создания музейной экспозиции или выставки. Экспонатами предполагаемой экспозиции/выставки должны стать предметы из фондов учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии. Итог работы подводится на последних занятиях курса. В качестве экспертов приглашаются специалисты Национального музея Удмуртской Республики им. Кузубая Герда.

Сам проект представляет собой длительный процесс, включающий ознакомление с фондами учебного кабинета с этнографической коллекцией, основательную теоретическую подготовку, основанную на изучении различных аспектов создания этнографической выставки/экспозиции, подбора экспонатов, размещения предметного ряда, условий содержания и хранения

вещей. При проектировании экспозиции/выставки рекомендуется обращение к мнению экспертов – художников или дизайнеров среды. Проектно-исследовательская деятельность в подготовке магистрантов позволяет оптимизировать контроль усвоения знаний, умений и навыков, становления и совершенствования необходимых компетентностей [Петрова 2019, 79]. Кроме того, она способствует формированию понимания и усвоения теоретического материала, повышает мотивацию обучающихся при ознакомлении их с областями будущей профессиональной деятельности. Немаловажно и то, что групповая проектная деятельность способствует выработке навыков совместной деятельности, технологии принятия решений, что также предусмотрено современными Федеральными государственными образовательными стандартами. Наконец, проектная деятельность совершенствует информационную культуру магистрантов, повышает их интерес к информационно-коммуникационным технологиям и разнообразным возможностям их применения в решении учебных, научных и практических задач [Зайцев 2017].

Магистрантам для выполнения проекта предоставляется возможность ознакомления с фондами учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ, они самостоятельно выбирают предметный ряд и могут запечатлеть его на фото. Обучающиеся обязаны представить научное обоснование своей выставки или экспозиции, дать ее описание. Обычно магистранты выбирают для своего проекта тематический принцип создания выставки.

Фонды учебного кабинета включают в себя этнографическую коллекцию, собранную в 1970–1990-х гг. сотрудниками исторического факультета Удмуртского государственного университета (сейчас Институт истории и социологии УдГУ) и Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (ныне УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН). В ходе совместных экспедиций преподаватели, ученые, студенты в разных районах Удмуртской Республики, а также сопредельных Кировской области и Республике Татарстан собирали предметы традиционной культуры и быта, в основном это вещи, представляющие культуру удмуртов. Результатом комплектования предметного ряда и исследовательско-описательной деятельности стала экспозиция «Этнография», расположенная на площадях Института истории и социологии, в состав которого входит кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии.

Этнографическая коллекция насчитывает более 400 единиц хранения [Зайцева, Антонова II 2019]. Это объекты групп «Дерево», «Ткань», «Металл», «Кожа» и др. По функциональному назначению большинство предметов представлены орудиями сельскохозяйственного труда, кухонной утварью, орудиями промысла. Уникальную коллекцию составляют материалы костюмных комплексов. Здесь представлены женские и мужские рубахи, головные уборы, пояса. Особый интерес представляют уникальные элементы детской и подростковой одежды [Зайцева, Антонова I 2019].

Магистрантам предлагается возможность через разработку своих проектов ввести в экспозиционный оборот новый этнографический материал, ознакомление с которым может стать источником научного интереса для студентов и аспирантов. В ходе работы над зачетным заданием обучающиеся знакомятся с учетно-фондовой работой музеев. Им предоставляется возможность поучаствовать также в музейно-просветительской деятельности, выступив в роли экскурсовода по своей виртуальной выставке/экспозиции.

Опыт использования археологических и этнографических коллекций в высших учебных заведениях существует во многих финно-угорских регионах страны. К примеру, музей археологии и этнографии в Сыктывкарском государственном университете много лет является центром изучения культурных традиций края. Музей, с одной стороны, представляет собой одну из учебных структур исторического факультета, с другой, – это исследовательский центр археологов, этнологов, музееведов университета. Данный вузовский музейный комплекс воплощает в себе последние достижения научных знаний в области археологии и этнографии, новые образовательные технологии и современный музейный дизайн. Важно, что основной своей миссией сотрудники учреждения считают образовательную и воспитательную деятельность [URL:<http://syktsu.ru>].

Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета был основан в 2003 г., основной целью его созда-

ния была учебная деятельность. Сотрудники музея и студенты университета участвуют в ежегодных экспедициях, пополняя тем самым фонды музея. На основе изучения коллекций студенты пишут курсовые и выпускные работы. На базе музея издается сборник научных статей «Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья», который в том числе публикует результаты исследования хранящихся экспонатов [Семенов, Моряхина 2014, 7–8].

Такие широкие возможности предоставляет практически любой музей при вузе, если у него есть материально-технические возможности и достаточно репрезентативный материал для формирования и экспонирования коллекций. В Удмуртском государственном университете сегодня сотрудниками кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии создана концепция реконструирования этнографической экспозиции Института истории и социологии. К работе привлекаются сотрудники Института искусств и дизайна для оформления экспозиции. На повестке также стоит создание каталога коллекции. Необходимым также представляется создание полноценных условий для хранения фондов: материалы фондов этнографического музея являются достаточно перспективными для написания культурологических и этнографических исследований. Учебный кабинет может стать базой для проведения научных семинаров, конференций, студенческих кружков.

За время существования магистерской программы «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении» было выпущено 43 человека. Первый выпуск состоялся в 2016 году. Выпускники-магистры осуществляют свою профессиональную деятельность в школах Удмуртской Республики и за ее пределами, в средствах массовой информации, в Национальной библиотеке УР, в Министерстве национальной политики УР, в Агентстве по государственной охране объектов культурного наследия Удмуртской Республики, в музеях края (Национальный музей УР им. Кузубая Герда, Сарапульский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник). Компетенции, полученные во время обучения в магистратуре, используются в профессиональной деятельности, в том числе для сохранения и популяризации этнокультурного наследия удмуртского и других финно-угорских народов. Одним из замечательных примеров такой практики является деятельность ведущего сотрудника Сарапульского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника О. П. Ратниковой. Будучи одним из служащих музея, она поступила в очную магистратуру Удмуртского государственного университета по магистерской программе «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении». Ее выпускная квалификационная работа «Этнографическая коллекция музея истории и культуры Среднего Прикамья как источник по этнографии Удмуртии» была посвящена исследованию роли и места этнографических собраний в сохранении и изучении этнографии народов Удмуртии. В сарапульском музее за вековую историю его существования собран костюмный ряд, представляющий удмуртские и марийские налобные повязки, платки-покрывала, головные полотенца, рубахи, верхнюю одежду, а также предметы быта, демонстрирующие национальные особенности традиционной культуры населения Удмуртской Республики. Сейчас О. П. Ратникова является руководителем Историко-краеведческого музея Сарапульского музея-заповедника. Под ее руководством и по ее инициативе в учреждении реализуются разнообразные экспозиционные и выставочные проекты по истории, культуре, этнографии края, например: этнографическая выставка «Земля легенд», экспозиция «Сарапул – ФОРПОСТ Прикамья», рассказывающая о ранней истории города Сарапула, выставочный проект «Сарапул Просвещенный». Важная краеведческая и просветительская работа ведется музеем в рамках федерального образовательного проекта «Живые уроки».

Кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии УдГУ используются учебные фонды с максимально возможной сегодня отдачей. Руководителям магистерской программы и профессорско-преподавательскому составу кафедры удается в своей деятельности готовить специалистов с широкими компетентными возможностями. Современные магистры-финно-угроведы готовы к осуществлению образовательной, научной, проектной деятельности. Они способны выступать как специалисты в области межкультурного и межнационального взаимодействия. Комплексное изучение различных аспектов исто-

рии и культуры финно-угорских народов, широкие возможности практической деятельности позволяют магистрам-выпускникам программы «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении» выполнять различные задачи, связанные с изучением и сохранением этнокультурного наследия финно-угорских народов.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин А. Ю. Современные технологии ревитализации и реновации объектов историко-культурного наследия // Проблемы, опыт и перспективы туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом: сб. ст. по матер. III Междунар. науч.-практ. интернет-конф. 2016. С. 8–21.

Воронцов В. С., Поздеев И. Л., Черниченко Д. А. Этносоциальные и демографические процессы в Удмуртии: опыт локально-исторического исследования // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Том 11. № 4. С. 149–162.

Демина С. А. Актуализация образовательного потенциала культурного наследия в современном культурно-образовательном пространстве // Современная педагогика. 2014. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/03/2149> (дата обращения: 07.02.2019).

Зайцев В. С. Метод проектов как современная технология обучения: историко-педагогический анализ // Вестник ЮУрГПУ. 2017. № 6. С. 52–62.

Зайцева Е. Н., Антонова Д. А. Научно-исследовательский и культурно-просветительский потенциал этнографической коллекции кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета // Прикамское собрание: материалы III Всерос. открытого науч.-практ. форума «Ресурсы развития российских территорий» (27–28 сентября 2019 г., г. Сарапул). сб. ст. Ижевск: Сарапул, 2019. С. 43–47.

Зайцева Е. Н., Антонова Д. А. Этнографическая коллекция регионального вуза: опыт применения (на примере этнографической коллекции кафедры Истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского Государственного университета) // Грибушинские чтения – 2019 Кунгурский диалог. Тезисы докладов и сообщений XII Международного социально-культурного форума (г. Кунгур, 24–27 апреля 2019 года). Пермь, 2019. С. 281–284.

Казанцева О. А. Из истории музеев Удмуртского государственного университета // Вестник Музея Археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2015. № 5. С. 10–14.

Калинина Н. М. Научно-исследовательская работа студентов: компетентностный подход // Сибирский торгово-экономический журнал. 2012. № 16. С. 95–99.

Концепция развития музейной сети Удмуртской Республики. Ижевск, 2011. Отв. за выпуск – Р. Ф. Мартынова, отв. ред. – М. Б. Рупасова. 248 с.

Кондрашкина Е. А. Финно-угорские диаспоры России: историко-культурная и социолингвистическая характеристика // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. № 2. С. 94–106.

Лаллука С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб, 1997. 390 с.

Малая Т. Н. Роль некоммерческих организаций в сохранении культурного наследия финно-угорских народов // Финно-угорский мир. 2015. № 2 (23). С. 95–97.

Мельникова О. М. Программа специализированной подготовки магистров по направлению 030600 «История» «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 1. С. 118–126.

Петрова Н. П. Использование потенциала проектной деятельности в подготовке магистрантов // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 78–80.

Резолюция IV съезда финно-угорских народов Российской Федерации // Финно-угорский мир. 2009. № 3. С. 9–17.

Родионова Д. Д., Насонов А. А. Сетевое взаимодействие вузов культуры, музеев и религиозных организаций в рамках профильной подготовки музеологов // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=26357> (дата обращения: 29.01.2020).

Семёнов Д. А., Моряхина К. В. История развития музея археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2014. № 4. С. 5–9.

Сербиновская Н. В., Сербиновский Ю. Б., Сербиновская А. А. Подготовка магистров: модель и технология формирования компетенций (часть 1) // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2016. Т. 2. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-nauki.ru/>.

Уваров С. Н. Демографические и ассимиляционные процессы среди удмуртов во второй половине XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. № 1. С. 107–122.

Фаузер В. В. Финно-угорские народы в современном мире // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 3. С. 111–125.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Переписи населения как инструмент замера ассимиляционных процессов (на примере финно-угорских народов) // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика. / ред. Мартынова М. Ю., Степанов В. В. М.: 2019. С. 233–239.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) <https://base.garant.ru/>.

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) <https://base.garant.ru/12127232/>.

Поступила в редакцию 22.03.2021

Зайцева Елена Николаевна,

кандидат исторических наук,

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1,

e-mail: e.zajtseva@mveu.ru

Zajtseva E. N.

**THE ETHNO-CULTURAL HERITAGE OF THE FINNO-UGRIC PEOPLES
IN THE MASTER'S TRAINING (ON THE EXAMPLE
OF THE MASTER'S PROGRAM "THE FINNO-UGRIC WORLD IN THE HISTORICAL,
CULTURAL AND SOCIO-POLITICAL ASPECT" AT UDMURT STATE UNIVERSITY)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-517-526

One of the key tasks of the modern Russian state and society is the preservation of cultural heritage. Cultural heritage includes a wide range of tangible and intangible objects that need constant study and preservation. This task is especially relevant for the maintenance of ethnic cultures of peoples that demonstrate unfavorable dynamics of ethnodemographic processes, which is typical in particular for the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation. Based on the experience of implementing the master's program "Finno-Ugric World in historical, cultural and socio-political aspect" at Udmurt State University, the role of educational institutions in the institutionalization and preservation of the cultural heritage of the Udmurt people is studied.

Keywords: cultural heritage, Finno-Ugric peoples of the Russian Federation, museums, master's degree program, ethnographic collection, Udmurt State University.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 517–526. In Russian.

REFERENCES

Anohin A. Yu. Sovremennye tekhnologii revitalizatsii i renovatsii ob"ektov istoriko-kul'turnogo naslediya [Modern technologies of revitalization and renovation of objects of historical and cultural heritage]. *Problemy, opyt i perspektivy turizma, servisa i sociokul'turnoj deyatelnosti v Rossii za rubezhom: sbornik statej po materialam III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi internet-konferencii* [Problems, experience and prospects of tourism, service and socio-cultural activities in Russia and abroad. Proceedings of the III International Scientific and Practical Internet Conference], 2016. Pp. 8–21. In Russian.

Voroncov V. S., Pozdeev I. L., Chernienko D. A. Etnosotsial'nye i demograficheskie processy v Udmurtii: opyt lokal'no-istoricheskogo issledovaniya [Ethnosocial and demographic processes in Udmurtia: the experience of local historical research]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017. Vol. 11. № 4. Pp. 149–162. In Russian.

Demina S. A. Aktualizaciya obrazovatel'nogo potenciala kul'turnogo naslediya v sovremennom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve [Actualization of the educational potential of cultural heritage in the modern cultural and educational area]. *Sovremennaya pedagogika* [Modern Pedagogy], 2014. № 3. Available at: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/03/2149> (accessed: 7 February 2019). In Russian.

Zajcev V. S. Metod proektov kak sovremennaya tekhnologiya obucheniya: istoriko-pedagogicheskij analiz [Project method as a modern teaching technology: historical and pedagogical analysis]. *Vestnik YuUrGPU* [Bulletin of the South Ural State Pedagogical University], 2017. № 6. Pp. 52–62. In Russian.

Zajceva E. N., Antonova D. A. Nauchno-issledovatel'ski ji kul'turno-prosvetitel'skij potencial etnograficheskoy kollekcii kafedry istorii Udmurtii, arheologii i etnologii Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta [Research, cultural and educational potential of the ethnographic collection of the Department of History of Udmurtia, Archeology and Ethnology of the Udmurt State University]. *Prikamskoe sobranie: materialy III vserossijskogo otkrytogo nauchno-prakticheskogo Foruma "Resursy razvitiya Rossijskih territorij"* [The meeting of Prikamye. Proceedings of the III All-Russian open scientific-practical forum "Resources for the Development of Russian Territories"] Izhevsk: Sarapul, 2019. Pp. 43–47. Bibliogr.: p. 47 (3 nazv.). In Russian.

Zajceva E. N., Antonova D. A. Etnograficheskaya kollekcija regional'nogo vuza: opyt primeneniya (naprimere etnograficheskoy kollekcii kafedry Istorii Udmurtii, arheologii i etnologii Udmurtskogo Gosudarstvennogo universiteta) [Ethnographic collection of a regional university: application experience (on the example of the ethnographic collection of the Department of History of Udmurtia, Archeology and Ethnology of the Udmurt State University)]. *Gribushinskie chteniya – 2019 Kungurskij dialog. Tezisy dokladov i soobshchenij XII Mezhdunarodnogo social'no-kul'turnogo foruma* [Gribushin Readings – 2019 Kungur Dialogue. Proceedings of the XII International Socio-Cultural Forum]. Perm, Bogatyrev P. G. Publ, 2019. Pp. 281–284. In Russian.

Kazanceva O. A. Iz istorii muzeev Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta [From the history of museums of the Udmurt State University]. *Vestnik Muzeya Arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* [Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals.], 2015. № 5. Pp. 10–14. In Russian.

Kalinina N. M. Nauchno-issledovatel'skaya rabota studentov: kompetentnostnyj podhod [Research work of students: competence-based approach]. *Sibirskij trgovno-ekonomicheskij zhurnal* [Siberian trade and economic journal], 2012. № 16. Pp. 95–99. In Russian.

"Konceptiya razvitiya muzejnoj seti Udmurtskoj Respubliki" ["Concept for the development of the museum network of the Udmurt Republic"], Izhevsk, 2011. 248 p. In Russian.

Kondrashkina E. A. Finno-ugorskie diaspory Rossii: istoriko-kul'turnaya i sociolingvisticheskaya harakteristika [Finno-Ugric Diasporas of Russia: Historical, Cultural and Sociolinguistic Characteristics]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018. № 2. Pp. 94–106. In Russian.

Lalluka S. *Vostochno-finskie narody Rossii. Analiz etnodemograficheskikh processov* [Tekst] = The East Finnic minorities in the Soviet Union [East Finnish peoples of Russia. Analysis of ethnodemographic processes]. Sankt-Peterburg: Evropejskij Dom, [St. Petersburg: European House Publ], 1997. 390 p. In Russian.

Malaya T. N. Rol' nekommercheskih organizacij v sohranenii kul'turnogo naslediya finno-ugorskih narodov [The role of non-profit organizations in preserving the cultural heritage of the Finno-Ugric peoples]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric world], 2015. № 2 (23). Pp. 95–97. In Russian.

Mel'nikova O. M. Programma specializirovannoj podgotovki magistrantov po napravleniyu 030600 "Istoriya" "Finno-ugorskij mir v istoriko-kul'turnom i social'no-politicheskom izmerenii" [The program of specialized training of masters in the field 030600 "History" "The Finno-Ugric world in the historical, cultural and socio-political dimension"]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2013. № 1. Pp. 118–126. In Russian.

Petrova N. P. Ispol'zovanie potenciala proektnoj deyatel'nosti v podgotovke magistrantov [Using the potential of project activities in the preparation of undergraduates]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2019. № 5 (78). In Russian.

Rezolyuciya IV s'ezda finno-ugorskih narodov Rossijskoj Federacii [Resolution of the IV Congress of the Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2009. № 3. Pp. 9–17. In Russian.

Rodionova D. D., Nasonov A. A. Setevoe vzaimodejstvie vuzov kul'tury, muzeev i religioznyh organizacij v ramkah profil'noj podgotovki muzeologov [Network interaction of universities of culture, museums and religious organizations in specialized training of museologists]. *Sovremennye problem nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2017. № 2.; Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=26357> (accessed: 29 January 2020). In Russian.

Semenov D. A., Moryahina K. V. Istoriya razvitiya muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya PGGPU [The history of the development of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals PGSPU]. *Vestnik muzeya areologii i etnografii Permskogo Predural'ya* [Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals], 2014. № 4. Pp. 5–9. In Russian.

Serbinovskaya N. V., Serbinovskii Yu. B., Serbinovskaya A. A. Podgotovka magistrrov: model' I tekhnologiya formirovaniya kompetencij (chast' 1) [Training of masters: a model and technology for the formation of competencies (part 1)]. *Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii* [Bulletin of Science and Education of the North-West of Russia], 2016. Vol. 2. № 2. Available at: <http://vestnik-nauki.ru/>. In Russian.

Uvarov S. N. Demograficheskie i assimilyacionnye process sredi udmurtov vovtoroj polovine XX veka [Demographic and assimilation processes among the Udmurts in the second half of the twentieth century]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018. № 1. Pp. 107–122. In Russian.

Fauzer V. V. Finno-ugorskie narody v sovremennom mire [Finno-Ugric peoples in the modern world]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2011. № 3. Pp. 111–125. In Russian.

Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Perepisi naseleniya kak instrument zamera assimilyacionnyh processov (naprimere finno-ugorskih narodov) [Population censuses as a tool for measuring assimilation processes (on the example of the Finno-Ugric peoples)]. *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya. Yazykovaya situaciya, perepisi, polevaya etnostatistika* [Measuring cultural diversity. Language situation, censuses, field ethnostatistics], Moscow: IEA RAN Publ., 2019. 433 p. Pp. 233–239. In Russian.

Federal'nyj zakon "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" ot 29.12.2012 № 273-FZ (poslednyaya redakciya) [Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012 № 273-FZ (last edition)]. <https://base.garant.ru/>. In Russian.

Federal'nyj zakon ot 25 iyunya 2002 g. N 73-FZ \ "Ob ob'ektah kul'turnogo naslediya (pamyatnika istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii" (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Federal Law of June 25, 2002 № 73-FZ "On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation" (with amendments and additions)] <https://base.garant.ru/12127232/>. In Russian.

Received 22.03.2021

Zaitseva Elena Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Udmurt State University»,
1, Universitetskaya Str., Izhevsk, 426034, Russian Federation,
e-mail: e.zajtseva@mveu.ru

В. С. Воронцов, Р. В. Зворыгин, Р. Н. Касимов

**ИСТОРИЯ ВНЕДРЕНИЯ И ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ
КОМПЛЕКСНОГО УЧЕБНОГО КУРСА
«ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ
ЭТИКИ» В ШКОЛАХ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Статья посвящена истории внедрения и практике преподавания комплексного курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) в общеобразовательных организациях Удмуртской Республики. Авторы убеждены, что изучение курса ОРКСЭ обладает не только большим образовательным, но и воспитательным потенциалом. В комплексе с другими гуманитарными предметами (история, литература) он может стать одним из ключевых элементов в системе духовно-нравственного воспитания, в профилактике проявлений ксенофобии и экстремизма в детской и молодежной среде, способствуя, в конечном итоге, укреплению национальной безопасности нашей страны. В статье сделан краткий обзор нормативной правовой базы реализации комплексного учебного курса, приводится хронология внедрения курса в российских школах с обозначением опыта Удмуртской Республики. Обозначены основные трудности, с которыми приходилось сталкиваться работникам образования в ходе апробации и преподавания в общеобразовательных организациях страны комплексного учебного курса ОРКСЭ. Подводя итог своим рассуждениям, авторы предлагают возобновить широкую экспертную и общественную дискуссию о возможности создания единого интеграционного курса в рамках уже имеющегося модуля «Основы мировых религиозных культур».

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, светское образование, религиозная компетентность, основы религиозных культур и светской этики, модульная система, духовная культура народов Удмуртии, этнокультурная специфика образования в начальной школе.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-527-539

История вопроса

Прошло 10 лет с начала апробации в общеобразовательных учреждениях страны комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» (далее – ОРКСЭ). Необходимость данного предмета в школьном образовании была вызвана идейным вакуумом, сложившимся в стране после распада СССР и отказа от коммунистической идеологии. Напомним: статья 13 Конституции Российской Федерации закрепила идеологическое многообразие в стране и запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной. Именно в этот период в общеобразовательных учреждениях были распущены массовые детские и молодежные организации, а сама школа фактически отстранена от воспитательного процесса. Переходный период и связанные с ним кризисные явления в общественной жизни, смена ценностных ориентиров оказали негативное влияние на духовно-нравственное состояние общества. Как известно, в период смены ценностных ориентиров нарушается духовное единство общества, меняются жизненные приоритеты молодежи, деформируются традиционные для страны моральные нормы и нравственные установки [Данилюк, Кондаков, Тишков 2009, 4].

К решению идейных и мировоззренческих проблем подключились не только государственные и общественные структуры, но и религиозные организации. По их инициативе уже в 1990-х гг. в ряде регионов страны в школах стали вводиться курсы по изучению отдельных религиозных культур. В субъектах РФ с преобладающей долей православного населения школьники, как правило, изучали основы православной культуры, а там, где был широко распространён ислам, был введен предмет, направленный на изучение исламской культуры. К началу 2000-х гг. территория и масштабы распространения предметов духовно-нравственной направленности существенно расширились. Отдельные дисциплины были введены в учебный процесс и преподавались в рамках национально-регионального компонента государственных образовательных стандартов в обязательном порядке либо на факультативной основе. Дисциплины опирались на самые разные программы, в том числе – религиозной вероучительной направленности¹. Более того, руководство Русской православной церкви призвало организовать преподавание основ православной культуры во всех государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях, мотивируя это тем, что православные составляют абсолютное большинство населения страны, а православие сыграло огромную роль в развитии российского государства и общества. В 2002 г. Министерство образования и науки Российской Федерации подготовило и направило в регионы примерное содержание образования по учебному предмету «Православная культура», тем самым сделав первый шаг к обязательному и повсеместному изучению предмета².

Перспектива обязательного изучения в школах курса «Православная культура» вызвала критику со стороны представителей других конфессий (мусульман, буддистов, иудеев и др.) и значительной части научного сообщества. Сторонники и противники введения нового школьного предмета высказывали свои мнения на мероприятиях разного уровня, но прийти к компромиссу не смогли. Дискуссия по вопросу изучения религиозной культуры в школе еще более обострилась после публикации открытого письма десяти академиков РАН Президенту Российской Федерации В. В. Путину (22 июля 2007 г.)³. В письме российские ученые высказали обеспокоенность «все возрастающей клерикализацией российского общества» и «активным проникновением церкви во все сферы общественной жизни». Авторы письма полагали, что под видом «Основ православной культуры» иерархи Русской православной церкви пытались ввести в школах «Закон Божий». По мнению ученых, гегемония одной конфессии (РПЦ МП) в многонациональной и многоконфессиональной стране может спровоцировать конфликты, создаст угрозу целостности страны. В заключение академики указали, что уважают чувства верующих и не ставят своей целью борьбу с религией; они поддерживают идею преподавания в школах культурологического курса «История мировых религий». Но не могут «оставаться равнодушными, когда предпринимаются попытки подвергнуть сомнению научное Знание, вытравить из образования «материалистическое видение мира», подменить знания, накопленные наукой, верой»⁴.

Письмо академиков вызвало заметный резонанс в СМИ; ответом на него стало (наряду с другими отзывами) открытое письмо одному из авторов – академику Э. П. Круглякову – настоятеля храма в честь Всех Святых в земле Российской просиявших (новосозданного Православного прихода в Академгородке Новосибирска) протоиерея Бориса Пивоварова. Священнослужитель на-

¹ Например, в Белгородской, Брянской, Калужской и Смоленской областях предмет «Основы православной культуры» был утверждён в качестве обязательного компонента школьной программы; в Архангельской, Владимирской, Курской, Московской, Новгородской, Орловской, Рязанской, Самарской, Свердловской, Тверской областях и Республике Мордовия предмет преподавался на факультативной основе.

² Примерное содержание образования по учебному предмету «Православная культура» – приложение к письму Минобрнауки России от 22 октября 2002 г. № 14-52-876ин/16 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 02.03.2021).

³ Письмо подписали академики Российской академии наук: Абелев Г. И., Александров Е. Б., Алферов Ж. И., Барков Л. М., Воробьев А. И., Гинзбург В. Л., Инге-Вечтомов С. Г., Кругляков Э. П., Садовский М. В., Черепашук А. М.

⁴ Открытое письмо Президенту Российской Федерации В.В. Путину [Электронный ресурс] // Наука в Сибири. 2007. № 28-29 (26 июля). URL: <http://www.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?2+426+1> (дата обращения: 02.03.2021).

зывал письмо ученых «антицерковной петицией» и обвинял их в «догматическом атеизме». По его мнению, большинству граждан России давно уже не нужен так называемый «научный атеизм», и Конституция России должна учитывать интересы не только атеистического меньшинства, но и православного большинства населения страны⁵.

Дискуссия сторонников и противников преподавания в школе предметов религиозной направленности все больше обострялась и грозила переместиться со страниц печатных и электронных СМИ, с конференций и круглых столов в общеобразовательные организации. На сложившуюся ситуацию должна была последовать реакция представителей федеральной власти.

21 июля 2009 г. на совещании с руководителями крупнейших российских конфессий президент Российской Федерации Д. А. Медведев поддержал предложение о преподавании в школах дисциплин, направленных на духовно-нравственное просвещение подрастающего поколения. Вместе с тем он подчеркнул, что Россия – светское государство, и выбор учащихся и их родителей должен быть абсолютно добровольным, а преподавать эти предметы должны светские педагоги. «Главное соображение простое: мы должны воспитывать порядочных, приличных, терпимых, честных граждан, которые с интересом относятся к окружающему миру, с уважением относятся ко взглядам и убеждениям своих сограждан»⁶.

В соответствии с поручением Президента России от 2 августа 2009 г. № Пр-2009 была начата организационная работа по введению в школах комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». В новом курсе предполагалось наличие шести модулей: «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики», «Основы буддийской культуры», «Основы исламской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы православной культуры». Целью учебного курса должно было стать «формирование у младшего подростка мотиваций к осознанному нравственному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций многонационального народа России, а также к диалогу с представителями других культур и мировоззрений»⁷.

К 1 сентября 2009 г. Министерство образования и науки России подготовило проект распоряжения Правительства России, предусматривающий организационные меры по апробации в ряде субъектов Российской Федерации курса ОРКСЭ⁸. 29 октября распоряжение Правительства России было подписано⁹. Изначально предполагалось, что каждый школьник самостоятельно или с участием родителей (законных представителей) выберет один из шести модулей. При этом все модули нового курса должны были носить исключительно светский, культурологический характер, а преподавание вестись учителями по светским учебным пособиям. Курс ОРКСЭ планировалось преподавать в течение двух четвертей: в 4 классе (IV четверть) и в 5 классе (I четверть), а на весь курс выделить 34 часа. Выбор возраста учащихся мотивировался тем, что детям в возрасте 10–11 лет «в большей мере присущи такие социально-психологические ха-

⁵ Открытое письмо академику Э. П. Круглякову [Электронный ресурс] // Наука в Сибири. 2007. № 30-31 (9 августа). URL: <http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=427&id=17> (дата обращения: 02.03.2021).

⁶ Стенографический отчет о совещании по вопросам преподавания в школах основ религиозной культуры и светской этики и введения в Вооружённых Силах Российской Федерации института воинских и флотских священнослужителей (21 июля 2009 г.) [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/486> (дата обращения: 02.03.2021).

⁷ Об учебном курсе «Комплексный курс «Основы религиозных культур и светской этики» [Электронный ресурс] // Издательство «Просвещение»: офиц. сайт. http://old.prosv.ru/umk/ork/info.aspx?ob_no=20402 (дата обращения: 02.03.2021).

⁸ В третьей четверти 2009/2010 уч. г. в эксперименте приняли участие 19 регионов, в том числе 5 республик – Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Удмуртская Республика, Чеченская Республика, Чувашская Республика; 3 края – Камчатский, Красноярский, Ставропольский; 10 областей – Вологодская, Калининградская, Костромская, Курганская, Новосибирская, Пензенская, Свердловская, Тамбовская, Тверская, Томская; 1 автономная область – Еврейская автономная область. В 2010/2011 уч. г. к апробации присоединились 2 субъекта Российской Федерации – Республика Марий Эл и Ярославская область.

⁹ Об апробации в ряде субъектов Российской Федерации комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики»: распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2009 г. № 1578-р [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 02.03.2021).

рактеристики, как бесконфликтность, мягкость, доброта, сопереживание, что созвучно содержанию указанных учебных курсов»¹⁰.

Форсирование процесса внедрения нового курса в образовательный процесс поставило всех участников апробации в весьма сложное положение. В крайне сжатые сроки необходимо было определиться с регионами, провести разъяснительную работу с родителями, внести коррективы в учебные планы, изыскать часы на новый курс, разработать и растратировать учебно-методический комплекс (рабочие программы, учебные пособия, методические рекомендации, книги для учителей, мультимедийные учебные пособия), подготовить учителей. Всю подготовительную работу необходимо было завершить к 1 апреля 2010 г.

Собственно, спешка и недостаточный учет предложений педагогической общественности предопределили многочисленные сложности и нестыковки, возникшие в ходе подготовки апробации курса ОРКСЭ. Критике подверглись сама идея разделения курса на 6 модулей¹¹, подготовленные учебные пособия¹², качество подготовки учителей-тренеров [Пасечник 2010; Орлова, Каменская 2010]. Педагоги справедливо отмечали, что у шести предложенных модулей нет общего начала, они решают разные задачи: четыре модуля являются введением в основы религиозных культур, один – культурологическим обзором мировых религий, а последний модуль посвящен основам некой «светской» этики. По сути, единый предмет разрывался на шесть частей.

«Эксперимент» по отдельному преподаванию курса ОРКСЭ вызывал недоумение не только у педагогов и родителей, но и у религиозных деятелей. Так, руководитель аппарата Совета муфтиев России Х. Саубянов высказал опасение, что «деление детей на группы может привести к конфликтам, ведь изначально планировалось, что в школах будут изучать основы мировых религий, и дети разных вероисповеданий будут обсуждать одни и те же проблемы. Для более глубокого изучения своих религий они могли бы ходить на факультативы или в соответствующие религиозные учреждения<...>. Теперь же, чтобы изучение курсов по выбору приобрело цивилизованные формы, чтобы избежать недоразумений, потребуется активное участие школьной администрации, профессионализм учителей»¹³.

Похожее мнение озвучил президент Российской ассоциации буддистов Школы Карма Кагью А. Койбагарова: «Выбор курсов по отдельным религиям не стимулирует воспитание толерантности<...>; было бы гораздо эффективнее ввести единый предмет, который максимально объективно и отстраненно рассказывал бы об истории возникновения разных религий, их сути, доктрине, учении, религиозной практике, о том, как это все повлияло на культуру человечества и разных стран. Причем делать это стоило бы в старших классах, где изучение подобных вещей действительно приемлемо и необходимо»¹⁴.

¹⁰ Об апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://mon.gov.ru/press/reliz/5660/> (дата обращения: 02.03.2021).

¹¹ Выбор курсов по отдельным религиям не воспитает толерантность [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: http://www.rian.ru/edu_analysis/20090922/185967855.html (дата обращения: 02.03.2021); Воронцов В. С. К вопросу о преподавании курса «Основы религиозных культур и светской этики» // Безопасность в российском и региональном измерении: теоретические и прикладные аспекты / редкол.: М. Ю. Малышев [и др.]. Ижевск, 2009. С. 26–33.

¹² Сахарных Д. М. Рец. на: Кураев А.В. Основы религиозных культур и светской этики. Основы православной культуры. 4–5 классы: учебное пособие для общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2010. 95 с. [Электронный ресурс] // Портал–Credo.ru. URL: http://www.portal-credo.ru/site/?act=tv_reviews&id=326 (дата обращения: 02.03.2021); Экспертная оценка О.П. Зубец на оригинал-макет учебника Бондаренко Л. И., Перов В. Ю. «Основы светской этики. 4–5 кл.» [Электронный ресурс] // Институт философии РАН. URL: <http://iph.ras.ru/page50562154.htm> (дата обращения: 02.03.2021); Экспертное заключение Н. А. Канаевой на учебник «Основы буддистской культуры» курса «Основы религиозных культур и светской этики» [Электронный ресурс] // Институт философии РАН. URL: <http://iph.ras.ru/page52623242.htm> (дата обращения: 02.03.2021).

¹³ Школам РФ нужно сотрудничать с религиозными конфессиями [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: http://www.rian.ru/edu_analysis/20090923/186101014.html (дата обращения: 02.03.2021).

¹⁴ Выбор курсов по отдельным религиям не воспитает толерантность [Электронный ресурс] // http://www.rian.ru/edu_analysis/20090922/185967855.html (дата обращения: 02.03.2021).

12 октября 2010 г. Общественный совет при Министерстве образования и науки России подвел первые итоги введения в школах курса ОРКСЭ. Докладчики из регионов (представители Красноярского края и Вологодской области) отметили, что серьезных конфликтных ситуаций при выборе модулей и дальнейшем изучении предмета зафиксировано не было. Во время обсуждения были сформулированы основные проблемы, связанные с новым школьным курсом: недостаточная квалификация учителей и несовершенство учебников. Кроме того, отмечалось, что в малочисленных сельских школах и в школах с пятидневной рабочей неделей сложно было выделить часы на преподавание нового курса; возникали трудности и в решении финансовых вопросов.

Ситуация с выбором модулей в некоторых регионах вызвала обеспокоенность членов Общественного совета. Так, в Чеченской Республике, где количество участников эксперимента было одним из самых высоких, из 20 718 детей модуль «Основы исламской культуры» изъявили желание изучать 20 645 детей (99,6%), и лишь 73 ребенка выбрали «Основы православной культуры»; другие модули остались невостребованными. В этой связи член Общественного совета А. Венедиктов выразил опасение, что появятся моно республики, в которых жители «будут знать все про себя и не знать ничего – про других»¹⁵. В конечном итоге это может привести к формированию у детей неправильного отношения к религии и нравственности в целом.

Членами Общественного совета были высказаны предложения по совершенствованию преподавания курса ОРКСЭ:

- создать единый курс, предполагающий не параллельное изучение модулей, а последовательное;
- не ограничивать преподавание курса только младшими классами;
- создать не учебник, а книгу для чтения;
- не расширять географию эксперимента до подведения итогов апробации и внесения необходимых корректив¹⁶.

В результате апробация курса ОРКСЭ была признана успешной, и с 2012/2013 уч. года он стал обязательным во всех общеобразовательных учреждениях Российской Федерации. При этом несколько скорректирован возраст учащихся: курс был предложен к изучению в 4 классе с начала уч. года. По месту в учебном плане и по своему содержанию он служит важным связующим звеном между гуманитарным образованием и воспитанием школьников. С одной стороны, учебный курс ОРКСЭ дополняет обществоведческие аспекты предмета «Окружающий мир», с которым знакомятся учащиеся начальной школы, с другой – предвещает начинающееся в 5 классе изучение гуманитарных предметов (история, литература)¹⁷.

Опыт школ Удмуртии. В 2009 г. Удмуртская Республика вошла в число 19-ти пилотных регионов по апробации нового комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». По данным Министерства образования и науки Удмуртии, на первом этапе в эксперименте приняли участие 13 939 учащихся 4-х классов из 539 общеобразовательных учреждений республики. После проведения родительских собраний 51% школьников выбрали курс «Основы светской этики», 30% – «Основы мировых религиозных культур», 16,2% – «Основы православной культуры», 2,8% – «Основы исламской культуры». Напомним: на начало 2010 г. в республике действовало более 300 религиозных объединений, из которых 225 имели статус юридического лица. Большая часть религиозных организаций – 134 – относилась к

¹⁵ 12 октября 2010 г. состоялось заседание Общественного совета при Министерстве образования и науки РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://sovnet-edu.ru/os/zasedania.shtml/xPages/entry.616.htm> (дата обращения: 02.03.2021).

¹⁶ Там же.

¹⁷ О внесении изменений в Федеральный базисный учебный план и примерные учебные планы для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования, утвержденные приказом Министерства образования Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 1312: приказ Министерства образования и науки РФ от 1 февраля 2012 г. № 74 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант–Плюс» (дата обращения: 02.03.2021).

православию, 68 – к различным протестантским деноминациям, 19 – к исламу. Кроме того, две зарегистрированных организации имели сторонники иудаизма и по одной приверженцы буддизма и язычества [Воронцов, Ильинский, Семенов 2010, 123].

В феврале 2010 г. в г. Москве в Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования прошли обучение учителя сельских и городских школ Удмуртии, а также преподаватели Удмуртского государственного университета, Глазовского государственного педагогического института и Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртии (всего – 57 слушателей). В свою очередь тренеры-преподаватели ОРКСЭ в период с 1 по 31 марта 2010 г. на республиканских курсах повышения квалификации «Актуальные вопросы преподавания комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» провели обучение 869 педагогов Удмуртии. К сожалению, необходимые учебно-методические материалы по новому курсу поступили в республику уже после окончания обучающих курсов, что существенно затрудняло учебный процесс.

Как отмечал один из тренеров-преподавателей ОРКСЭ Д. М. Сахарных, курсы проходили в обстановке существенной неопределенности. Было не ясно, на какой нормативно-правовой базе будет осуществляться преподавание ОРКСЭ в школах, как решать вопрос с оплатой труда учителей и выделением часов под новый предмет и др. Тем не менее благодаря плодотворному сотрудничеству Министерства образования и науки УР с представителями педагогического сообщества к новому учебному году в республике был сформирован корпус тренеров-преподавателей и учителей ОРКСЭ [Матушанская 2018, 679].

Вместе с тем родители и педагогическая общественность Удмуртии отмечали многочисленные трудности, с которыми пришлось столкнуться в ходе апробации курса ОРКСЭ. По данным анкетирования родителей, в качестве рисков, связанных с введением нового предмета, отмечались рост нагрузки на школьников, вероятность формирования формального отношения к религии и вере, навязывание выбора модуля со стороны руководства школы. Последнее особенно вероятно в сельских малокомплектных школах, где обеспечить преподавание даже двух разных модулей было весьма проблематично [Орлова, Каменская...].

По сути, не были учтены и пожелания родителей по формам преподавания нового курса. Так, по данным социологического опроса жителей Удмуртии (2010 г.), большинство респондентов (56,4%) полагали, что курс ОРКСЭ должен преподаваться в школе в виде факультатива, 13,2% опрошенных считали, что данный курс вообще не должен преподаваться в школах, и лишь 14% респондентов отметили необходимость преподавания нового предмета как обязательного, остальные затруднились с ответом¹⁸.

В части организационных вопросов возникли трудности с расчетом заработной платы педагогов и выделением академических часов. Так, на комплексный учебный курс ОРКСЭ в четвертой четверти 2009/2010 уч. года выделялось по 2 академических часа в неделю. В утвержденном в начале года учебном плане эта нагрузка не была предусмотрена, поэтому необходимые часы пришлось перераспределить: в школах с шестидневной учебной неделей – за счет краеведения, в школах с пятидневной неделей или с преподаванием на национальных языках – за счет предметов «Окружающий мир» и «Литературное чтение». В результате преподавателям «урезанных» предметов не хватало часов для выработки ставки [Воронцов, Семенов 2010, 114].

Возникали сложности и с обеспечением школьников и учителей учебными пособиями. Вся учебно-методическая литература поставлялась из Москвы в строгом соответствии с количеством заранее поступивших из регионов заявок, однако никто не предусмотрел возможность изменения учащимся модуля либо его перевода в другую школу. Кроме того, на момент апробации курс был разделен между 4 и 5 классами. Как известно, при переходе в 5 класс происходит «перетасовка» учащихся, в школу приходят новые дети, которые могли

¹⁸ Опрос проведен в 6 городах и 13 районах Удмуртской Республики, опрошено 1215 респондентов. Руководитель исследования – к.и.н. В. С. Воронцов.

изучать другие модули. Подобная ситуация приводила к нарушению принципов непрерывности и преемственности преподавания. Кроме того, были случаи, когда учителя не могли воспользоваться CD-дисками, которыми укомплектованы учебники, по причине отсутствия в школах необходимой компьютерной техники и программного обеспечения. Серьезные претензии педагоги Удмуртии высказывали и в отношении содержания имеющихся учебников [Пузанова 2010].

Знакомство с пособиями по истории разных религий и анализ первых итогов апробации курса свидетельствовали о том, что изучение одной отдельно взятой религиозной культуры могло приводить к приобщению учащихся к некоторым положениям соответствующей религии, тем самым провоцируя разделение детей по конфессиональному принципу. Педагогическая и научная общественность высказывала опасение, что преподавание курса ОРКСЭ в столь юном возрасте может привести к формированию у детей упрощенного взгляда на исторические процессы, примитивного понимания сложных философских категорий.

А что же думали сами дети о новом курсе? Данные социологического опроса учащихся пятых классов, изучавших курс ОРКСЭ в 2010/2011 уч. году, показали следующее: 51,8% учащихся заявили о желании продолжить изучение курса в дальнейшем, 20,7% дали отрицательный ответ, и 27,5% не смогли дать определённого ответа. Для сравнения: учащиеся, освоившие курс годом ранее, по его завершении дали следующие ответы: о желании продолжить изучение предмета заявили 76,4% учащихся, 18% респондентов затруднились с ответом и лишь 5,6% опрошенных заявили о нежелании изучать курс ОРКСЭ. Среди причин отсутствия интереса к новому предмету учащиеся назвали следующие: обилие непонятного материала, новых слов (38%), повторение ранее изученного (31,6%), скучная подача материала (21%), нежелание изучать предмет (9,4%). При этом 73,4% учащихся отметили, что им всё понятно в текстах учебного пособия, 25,5% – что понятно не всё, и только 1,1% – что тексты пособия непонятны полностью [Сахарных 2011, 9].

Учителя республики, преподававшие курс ОРКСЭ, стремились разнообразить уроки, применяли различные технологии, использовали видеоматериалы, проводили экскурсии в культурные сооружения, знакомили учащихся с традициями и праздниками народов Удмуртии. Благодаря опыту и неравнодушию педагогов удалось сгладить часть просчетов, допущенных при введении курса.

На состоявшемся в июне 2010 г. республиканском семинаре, посвященном обсуждению промежуточных итогов апробации курса ОРКСЭ, учителя и методисты внесли несколько предложений по совершенствованию его преподавания:

- рекомендовать образовательным учреждениям высшего и дополнительного профессионального образования республики обеспечить научно-методическое сопровождение работы общеобразовательных учреждений по преподаванию курса ОРКСЭ;
- предложить проведение дальнейшей апробации курса ОРКСЭ только в рамках второй ступени общего образования;
- для решения задач духовно-нравственного воспитания на этапе внедрения курса в практику обучения необходимо учесть преемственность содержания образования между всеми ступенями общего образования и межпредметные связи в содержании предметных курсов;
- предложить авторам и издателям повысить качество учебно-методических комплексов по курсу ОРКСЭ¹⁹.

Итак, что изменилось за 10 лет преподавания модулей курса «Основы религиозных культур и светской этики»?

Во-первых, подготовлена качественная нормативная правовая база преподавания курса ОРКСЭ.

¹⁹ Республиканский семинар-совещание по теме: «Промежуточные результаты апробации курса «Основы религиозных культур и светской этики» в Удмуртской Республике: первые итоги и перспективы» [Электронный ресурс] // АПК и ППРО. URL: <http://orkce.apkpro.ru/173.html> (дата обращения: 02.03.2021).

Во-вторых, сформирована система мониторинга и методического обеспечения введения курса, открыты программы повышения квалификации учителей ОРКСЭ.

В-третьих, курс ОРКСЭ стал преподаваться только в 4 классе, что позволило обеспечить его целостность.

В-четвертых, были существенно переработаны и скорректированы учебно-методические комплексы модулей курса ОРКСЭ, расширился круг авторов (авторских коллективов) учебников и учебно-методических пособий, в том числе за счет авторов из регионов.

В-пятых, с 1 сентября 2015 г. на уровне основного общего образования введен новый предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (далее – ОДНКНР). Предмет ОДНКНР является логическим продолжением учебного курса ОРКСЭ и предусматривает освоение обучающимися основных норм морали, культурных традиций народов России, формирование у них представлений об исторической роли традиционных религий и гражданского общества в становлении российской государственности, но не предполагает изучения религии. В рамках предметной области ОДНКНР возможна реализация учебных предметов, учитывающих региональные, национальные и этнокультурные особенности народов Российской Федерации²⁰.

В свою очередь в Удмуртии сложилась региональная модель реализации курса ОРКСЭ с собственными оригинальными чертами, накоплен большой положительный опыт преподавания и научно-методического сопровождения преподавания курса, сформирован банк данных методических разработок. С момента начала апробации для координации деятельности педагогов, занятых в реализации курса ОРКСЭ, и в целях совершенствования работы в области духовно-нравственного воспитания учащихся, в Институте повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики (в настоящее время – АОУ ДПО УР «Институт развития образования») была создана рабочая группа по информационно-методическому сопровождению духовно-нравственных, религиозных, морально-этических учебных предметов в образовательных учреждениях республики. Рабочая группа разработала образовательные программы учебных модулей и семинаров по сопровождению преподавания курса ОРКСЭ, подготовила программы краткосрочных курсов повышения квалификации по преподаванию отдельных модулей ОРКСЭ. Члены рабочей группы – тренеры-преподаватели курса и методисты Центра поликультурного образования АОУ ДПО УР «Институт развития образования» В. Н. Осипов, Н. В. Борлукова, Р. Н. Касимов – организуют публичные мероприятия по проблематике ОРКСЭ (конференции, круглые столы, семинары), осуществляют издание учебно-методических материалов [Совина, Ковальчукова 2013; Касимов Ковальчукова, Совина 2014; Касимов, Воронцов 2018] и научных статей [Матушанская 2018; Сахарных 2019]. На виртуальных образовательных платформах АОУ ДПО УР «Институт развития образования» создана отдельная тематическая рубрика, посвященная ОРКСЭ. В рамках краткосрочных курсов повышения квалификации осуществляется взаимодействие с представителями Ижевской и Удмуртской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Регионального Духовного Управления Мусульман Удмуртии в составе Центрального Духовного Управления Мусульман России.

В 2020/2021 уч. году в 518 школах Удмуртии курс ОРКСЭ изучали 20 012 учащихся 4-х классов: 6 865 чел. (34,3%) выбрали модуль «Основы мировых религиозных культур», 9 198 (46%) – модуль «Основы светской этики», 3 920 чел. (19,6%) – модуль «Основы православной культуры», 26 чел. (0,1%) – модуль «Основы исламской культуры» и один учащийся – модуль «Основы буддистской культуры». За прошедшее десятилетие колебания при выборе учащимися отдельных модулей ОРКСЭ хотя и наблюдались, но не превышали 10% (табл. 1).

²⁰ Об изучении предметных областей: «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России»: письмо Минобрнауки России от 25 мая 2015 г. № 08-761 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 02.03.2021).

Таблица 1

Выбор модулей курса «Основы религиозных культур
и светской этики» учащимися Удмуртской Республики, в %

Учебный год	ОМРК*	ОСЭ*	ОПК*	ОИслК*	ОИудК*	ОБК*
2010/2011	30,0	51,0	16,2	2,8	-	-
2012/2013	38,0	47,3	14,3	0,4	-	-
2013/2014	38,8	45,4	15,5	0,2	менее 0,1	менее 0,1
2014/2015	39,4	47,9	12,6	0,1	-	-
2015/2016	36,1	49,1	14,6	0,1	-	-
2016/2017	34,1	46,2	19,5	0,1	менее 0,1	-
2017/2018	34,0	43,8	22,0	0,1	-	-
2019/2020	34,9	42,0	23,0	0,1	-	-
2020/2021	34,3	46,0	19,6	0,1	-	-

* ОМРК – «Основы мировых религиозных культур», ОСЭ – «Основы светской этики», ОПК – «Основы православной культуры», ОИслК – «Основы исламской культуры», ОИудК – «Основы иудейской культуры», ОБК – «Основы буддийской культуры».

Наиболее популярными модулями в Удмуртии неизменно остаются «Основы светской этики», «Основы мировых религиозных культур» и «Основы православной культуры». Все эти годы в республике сохранял актуальность и модуль «Основы исламской культуры», хотя доля изучавших его школьников была существенно ниже доли жителей региона, исповедующих ислам (по данным этносоциологического исследования, проведенного на территории Удмуртии в 2020 г., 5,6% совершеннолетних респондентов идентифицировали себя с исламом²¹). Модули «Основы иудейской культуры» и «Основы буддийской культуры» в регионе не востребованы: их выбирают менее 0,01% учащихся, причем не каждый учебный год.

Для сравнения приведем данные по Российской Федерации. В 2020/2021 уч. году распределение учащихся по модулям выглядит следующим образом: «Основы светской этики» – 43,3%, «Основы православной культуры» – 36,7%, «Основы мировых религиозных культур» – 16,6%, «Основы исламской культуры» – 3,1%, «Основы буддистской культуры» – 0,27% и «Основы иудейской культуры» – 0,03% (253 чел.).

Из приведенных данных видно, что доля учащихся общеобразовательных учреждений Удмуртии, выбравших модуль «Основы светской этики», соответствует общероссийским показателям. В то же время сведения о выборе двух других наиболее востребованных модулей – «Основ православной культуры» и «Основ мировых религиозных культур» – демонстрируют серьезные отличия от данных по Российской Федерации. Подобная ситуация, вероятно, вызвана целым рядом обстоятельств: недостаточным количеством учителей, степень подготовки и уровень знания материала которых позволяет с необходимой полнотой раскрыть специфические особенности религиозных культур; малокомплектностью сельских школ и сложностями с размещением групп, изучающих разные модули; опасениями родителей, что курсы носят вероучительный характер и могут приобщить детей к религии; убежденностью части педагогов, директоров школ и работников органов управления образованием в нарушении принципа светскости образования при изучении «религиозных» модулей и др. [Зворыгин 2017, 101].

Стоит отметить, что одним из основных факторов, снижающих эффективность реализации курса ОРКСЭ в школах Удмуртии, многие эксперты называют устаревшие учебники. По данным общеобразовательных организаций, большинство учебников (71%), используемых в рамках преподавания курса ОРКСЭ, изданы в 2010–2013 гг., при этом часть из них (8%) не вклю-

²¹ Опрос проведен в 6 городах и 16 районах Удмуртской Республики, опрошено 1600 респондентов. Руководитель исследования – к.и.н. В. С. Воронцов.

чена в федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования [Борлукова 2017, 13].

Многие другие трудности, связанные с преподаванием ОРКСЭ, на наш взгляд, обусловлены, прежде всего, «родовой», методологической ошибкой, допущенной при разработке курса, – его разделением на отдельные модули. Логичней и эффективней был бы единый курс, где учащиеся из семей, в которых придерживаются разных религиозных традиций, вместе получали бы общие знания. Курс ОРКСЭ, как и система образования в целом, должен способствовать интеграции учащихся, а не их разделению по конфессиональному признаку.

В этой связи, на наш взгляд, следует возобновить широкую экспертную и общественную дискуссию о возможности создания единого интеграционного курса в рамках уже имеющегося модуля «Основы мировых религиозных культур». Подобный курс позволил бы сообща получать специфические культурологические и религиоведческие знания удмуртам и марийцам, русским и украинцам, татарам и башкирам, представителям других национальностей вне зависимости от исповедуемой ими религии. Данный модуль в большей степени является предметным, и в рамках его изучения пригодятся знания педагога начальной школы по краеведению, географии, истории, языкам и литературе, изобразительному искусству и музыке. Можно выделить очевидные преимущества этого модуля:

- дети узнают о наличии разных религиозных учений, их сходстве и различии;
- дети знакомятся с лучшими образцами духовной культуры человечества, с памятниками религиозной культуры, традициями и обрядами различных народов, с особенностями географии и климата;
- модуль расширяет кругозор школьников, формируя позитивную мотивацию к восприятию предметных знаний по географии, истории, обществознанию, МХК, литературе на следующих ступенях образования.

Модуль «Основы светской этики», который является основным «конкурентом» модуля «Основы мировых религиозных культур», имеет метапредметный характер и направлен на формирование глобальных компетенций. Например, осознавать и принимать уникальные социокультурные (в том числе религиозные), экономические и политические, расовые и иные различия народов и государств, которые могут оказывать влияние на образы и идеи, суждения и взгляды (как наши собственные, так и других людей). Но, отвечая на сложные вопросы, «что такое хорошо и что такое плохо?», педагог вынужден работать со специфическими философскими категориями, в числе которых – мораль и нравственность, мужество и достоинство, патриотизм и вселенская любовь. При этом немалая часть педагогов начальной школы не обладают достаточными знаниями по философии или культурной антропологии. С другой стороны, дети в 4-м классе не готовы адекватно воспринимать подобные сложные темы. Очевидно, что предмет «Философия» сложен для восприятия детьми и младшими подростками, а школьная программа и без того перенасыщена. Скорее можно было бы согласиться с преподаванием формальной логики или теории логических доказательств как необходимой базы для развития критического мышления на последующих ступенях образования. В этой связи можно было бы пересмотреть программы модулей ОРКСЭ, сделать их более адаптированными под возможности педагогов и учащихся.

Подводя итог обзора, стоит отметить, что, несмотря на прошедшее с введения курса ОРКСЭ время, проделанную серьезную работу по оптимизации преподавания всех модулей, решение многих организационных и методических вопросов, разногласия по поводу изучения в школах курса «Основы религиозных культур и светской этики» не исчезли. Возможно, не так активно и безапелляционно, но в общественном дискурсе периодически возникают острые дискуссии между условно защитниками и противниками преподавания «религиозных» курсов в общеобразовательных учреждениях. Подобная ситуация свидетельствует об особой актуальности данного вопроса для российского социума, а также о необходимости соблюдения баланса отношений и интересов этнических, социальных, религиозных сообществ в такой многоэтнической и поликонфессиональной стране. В этой связи задача государства состоит в выстраивании целенаправленной поли-

тики по снижению конкуренции между религиозными организациями в рамках школьного образования, по обеспечению поддержания высокого уровня преподавания культурологических и религиозных дисциплин без их разделения по конфессиональному принципу, по созданию эффективной системы подготовки педагогов, обладающих необходимыми компетенциями.

В современном российском социуме представители традиционных религий ведут большую и часто совместную работу по преодолению всех видов ксенофобии, национальной и конфессиональной нетерпимости, социального и политического экстремизма. Курс «Основы религиозных культур и светской этики», обладая не только большим образовательным, но и воспитательным потенциалом, может являться одним из ключевых элементов в системе профилактики негативных явлений в молодежной среде, способствовать повышению социальной стабильности российского общества, а в конечном итоге – укреплению национальной безопасности Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

Борлукова Н. В. О некоторых результатах мониторинга реализации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» в Удмуртской Республике в 2016/2017 учебном году // Педагогический родник. 2017. № 2 (88). С. 12–14.

Воронцов В. С., Семёнов Ю. В. Активная позиция школы и родителей // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / ред. В. В. Степанов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2010. С. 108–126.

Воронцов В. С. К вопросу о преподавании курса «Основы религиозных культур и светской этики» // Безопасность в российском и региональном измерении: теоретические и прикладные аспекты / редкол.: М. Ю. Малышев [и др.]. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 26–33.

Воронцов В. С., Ильинский С. И., Семёнов Ю. В. Трансформация конфессионального пространства Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2010. Вып. 3. С. 121–129.

Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. 23 с.

Зворыгин Р. В. Конфессиональный фактор в образовательной сфере современной России: на материалах Удмуртской Республики // Стратегия формирования экономики знаний и инноваций в России: сборник статей / под ред. М. В. Кудиной. М., 2017. С. 98–106.

Касимов Р. Н., Воронцов В. С. На пути в сады праведных (изучение исламской культуры в курсе ОРКСЭ и ОДНКНР): учебно-методическое пособие. Ижевск: АОУ ДПО УР ИРО, 2018. 145 с.

Касимов Р. Н., Ковальчукова А. В., Совина Л. П. Основы мировых религиозных культур: книга для учителя. Ижевск: ФГБУН УИИЯЛ УрО РАН, 2014. 142 с.

Матушанская Ю. Г., Сахарных Д. М. Реализация курса «Основы религиозных культур и светской этики» в Удмуртской Республике // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 4. С. 678–683.

Орлова М., Каменская Ю. В. Удмуртии предлагают ввести «уроки религии» с 5 по 11 классы [Электронный ресурс] // Комсомольская правда (Ижевск). URL: <http://kp.ru/online/news/690395/> (дата обращения: 02.03.2021).

Сахарных Д. М. ОРКСЭ: к итогам 2010/2011 учебного года // Вестник образования и науки Удмуртской Республики. 2011. № 3. С. 8–10.

Сахарных Д. М. Религиоведение и курс ОРКСЭ: «Конь и трепетная лань» или «стерпится – слюбится»? // ОРКСЭ в системе школьного образования: панорама взглядов: сб. статей / отв. ред. С. В. Рязанова. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2019. С. 63–68.

Совина Л. П., Ковальчукова А. В. Основы светской этики: книга для учителя. Ижевск, 2013. 131 с.

Поступила в редакцию 19.04.2021

Воронцов Владимир Степанович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
426004, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4,
e-mail: vvorontsov@rambler.ru

Зворыгин Роман Викторович,

старший преподаватель,
УНЦ «Новая Россия. История постсоветской России»,
Российский государственный гуманитарный университет,
119991, Россия, г. Москва, ГСП-3, ул. Миусская площадь, д. 6,
e-mail: vatmana3@inbox.ru

Касимов Рустам Нуруллович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
426004, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4,
e-mail: kasdan@yandex.ru

V. S. Vorontsov, R. V. Zvorygin, R. N. Kasimov

**THE HISTORY OF IMPLEMENTATION AND EXPERIENCE OF TEACHING
A COMPREHENSIVE TRAINING COURSE "FUNDAMENTALS OF RELIGIOUS CULTURES
AND SECULAR ETHICS" IN SCHOOLS OF THE UDMURT REPUBLIC**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-527-539

The article is devoted to the history of implementation and practice of teaching a comprehensive course "Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics" (ORCSE) in educational organizations of the Udmurt Republic. The authors are convinced that the study of the ORCSE course carries not only great educational, but also educational potential, and in combination with other humanitarian subjects (history, literature) will be one of the key elements in the system of spiritual and moral education, prevention of manifestations of xenophobia and extremism. in the children's and youth environment, contributing to the strengthening of the national security of our country. The paper provides a brief overview of the regulatory legal framework for the implementation of a comprehensive training course, provides a chronology of the implementation of the course in Russian schools, indicating the experience of the Udmurt Republic. The main difficulties that educators had to face in the course of testing and teaching in the general educational organizations of the country of the comprehensive training course of the ORCSE are noted. Summing up their arguments, the authors propose to resume a broad expert and public discussion about the possibility of creating a single integration course within the framework of the existing module "Foundations of World Religious Cultures".

Keywords: spiritual and moral education, secular education, religious competence, foundations of religious cultures and secular ethics, modular system, spiritual culture of the peoples of Udmurtia, ethnocultural specificity of education in primary school.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 527–539. In Russian.

REFERENCES

Borlukova N. V. O nekotorykh rezul'tatakh monitoringa realizatsii kompleksnogo uchebnogo kursa "Osnovy religioznykh kul'tur i svetskoi etiki" v Udmurtskoi Respublike v 2016/2017 uchebnom godu [On some results of monitoring the implementation of the comprehensive training course "Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics" in the Udmurt Republic in the 2016/2017 academic year]. *Pedagogicheskii rodnik* [Pedagogical Spring], 2017. № 2 (88). Pp. 12–14. In Russian.

Vorontsov V. S., Semenov Yu. V. Aktivnaya pozitsiya shkoly i roditelej [The active position of the school and parents]. *Etnokul'turnoe obrazovanie. Metody social'noj orientacii rossijskoj shkoly* [Ethnocultural education. Methods of social orientation of the Russian school]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN Publ., 2010. Pp. 108–126. In Russian.

Vorontsov V. S. K voprosu o prepodavanii kursa "Osnovy religioznykh kul'tur i svetskoi etiki" [On the issue of teaching the course "Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics"]. *Bezopasnost' v rossiiskom i regional'nom izmerenii: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Security in the Russian and regional dimensions: theoretical and applied aspects]. Izhevsk: Udmurtskii universitet Publ., 2009. Pp. 26–33. In Russian.

Vorontsov V. S., Ilinsky S. I., Semenov Yu. V. Transformaciya konfessional'nogo prostranstva Udmurtii [Transformation of the confessional space of Udmurtia]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology"], 2010. № 3. Pp. 121–129. In Russian.

Danilyuk A. Ya., Kondakov A. M., Tishkov V. A. *Konceptsiya duhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii* [The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2009. 23 p. In Russian.

Zvorygin R. V. Konfessional'nyi faktor v obrazovatel'noi sfere sovremennoi Rossii: na materialakh Udmurtskoi Respubliki [The confessional factor in the educational sphere of modern Russia: on the materials of the Udmurt Republic]. *Strategiya formirovaniya ekonomiki znaniia innovatsii v Rossii: sbornik statei* [Strategy for the formation of the economy of knowledge and innovation in Russia: collection of articles]. Moscow, 2017. Pp. 98–106. In Russian.

Kasimov R. N., Vorontsov V. S. *Na puti v sady pravednykh (izuchenie islamskoj kul'tury v kurse ORKSE i ODNKNR): uchebno-metodicheskoe posobie* [On the way to the gardens of the righteous (study of Islamic culture in the course of the ORKSE and ODNKNR): teaching aid.]. Izhevsk: AOU DPO UR IRO Publ., 2018. 145 p. In Russian.

Kasimov R. N., Kovalchukova A. V., Sovina L. P. *Osnovy mirovykh religioznykh kul'tur: kniga dlya uchitelya* [Fundamentals of World Religious Cultures: a book for teachers]. Izhevsk: FGBUN UIIYAL UrO RAN Publ., 2014. 142 p. In Russian.

Matushanskaya Yu. G., Sakharnykh D. M. Realizatsiya kursa "Osnovy religioznykh kul'tur i svetskoj etiki" v Udmurtskoj Respublike [Implementation of the course "Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics" in the Udmurt Republic]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right], 2018. Vol. 43. № 4. Pp. 678–683. In Russian.

Orlova M., Kamenskaya Yu. V Udmurtii predlagayut vvesti "uroki religii" s 5 po 11 klassy [In Udmurtia, they propose to introduce "lessons of religion" from grades 5 to 11]. *Komsomol'skaya pravda (Izhevsk)* [Komsomolskaya Pravda (Izhevsk)]. URL: <http://kp.ru/online/news/690395/> (accessed 2 March 2021). In Russian.

Sakharnykh D. M. ORKSE: k itogam 2010/2011 uchebnogo goda [ORCE: to the results of the 2010/2011 academic year]. *Vestnik obrazovaniya i nauki Udmurtskoj Respubliki* [Bulletin of Education and Science of the Udmurt Republic], 2011. № 3. Pp. 8–10. In Russian.

Sakharnykh D. M. Religiovedenie i kurs ORKSE: "Kon' i trepetnaya lan" ili "sterpitsya – slyubitsya"? [Religious Studies and the ORKSE course: "A horse and a quivering doe" or "if it endures, it will fall in love"?]. *ORKSE v sisteme shkol'nogo obrazovaniya: panorama vzglyadov: sb. statej* [ORKSE in the system of school education: a panorama of views: collection of articles. articles]. Perm: Permskij gosudarstvennyj institut kul'tury Publ., 2019. Pp. 63–68. In Russian.

Sovina L. P., Kovalchukova A. V. *Osnovy svetskoj etiki: kniga dlya uchitelya* [Fundamentals of secular ethics: a book for the teacher]. Izhevsk, 2013. 131 p. In Russian.

Received 19.04.2021

Vorontsov Vladimir Stepanovich,

Candidate of History, Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, Lomonosova st., Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: vvorontsov@rambler.ru

Zvorygin Roman Victorovich,

Assistant professor,
Research and Training Center "New Russia.
History of post-Soviet Russia", Russian State University for the Humanities,
GSP-3, 6, Miuskaya, Moscow, 125993, Russian Federation
e-mail: vatmana3@inbox.ru

Kasimov Rustam Nurulloevich,

Candidate of History, Senior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
4, Lomonosova st., Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: kasdan@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 7.031

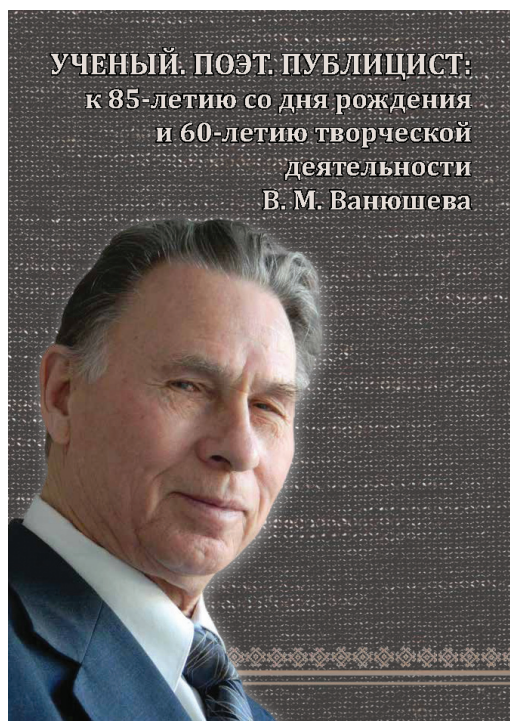
В. И. Розачев, С. Н. Степин

СЛОВО О ПОДВИЖНИКЕ

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-540-546

Рецензия на коллективную монографию: Ученый. Поэт. Публицист: к 85-летию со дня рождения и 60-летию творческой деятельности В. М. Ванюшева: коллективная монография / УдмФИЦ УрО РАН; сост. и отв. ред. Р. В. Кириллова. Ижевск, 2021. 292 с. ISBN 978-5-6044266-8-5.

В 2021 г. в Удмуртском институте истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН вышла коллективная монография «Ученый. Поэт. Публицист: к шестидесятилетию творческой деятельности В. М. Ванюшева».

Книга, представляющая собой жанр научного издания, посвящена хорошо известному в финно-угорском мире ученому, доктору филологических наук, профессору Василию Михайловичу Ванюшеву. Финно-угроведам России он знаком как личность творчески мыслящая, разносторонняя: крупный ученый, литературовед, исследователь народной культуры, фольклорист, народный писатель Удмуртии, член Союза писателей Российской Федерации, чья деятельность по своему характеру в полной мере сродни просветительской. В. М. Ванюшев – яркий публицист, неутомимый энтузиаст и поборник изучения новых направлений культуры удмуртского народа.

Коллективная монография «Ученый. Поэт. Публицист» в полной мере представляет его деятельность в новом свете, в контексте с современностью,

в связи с многочисленными открытиями в удмуртской филологии, с результативной эпохой освоения финно-угорских ценностей прошлого, с перспективными проекциями на настоящее и будущее финно-угристики. В исследованиях В. М. Ванюшева открытие мира осуществляется через личное мировосприятие, которое сформировалось в лоне удмуртской культуры, согретой теплом народных песен, добрых сказок, красивых легенд, старинных преданий, расцвеченных поэтической фантазией мифов.

Книга получилась весьма содержательной, информативно и научно насыщенной благодаря стараниям творческого коллектива авторов, умело направляемых в нужное русло составителем и ответственным редактором издания, кандидатом филологических наук Р. В. Кирилловой. Ей удалось разработать добротный проспект монографии, ее концепцию, определить содержание тематики исследований и их объем, своевременно ознакомить участников с параметрами издания, со сроками его выхода, целеустремленно и настойчиво направлять усилия авторов на завершение коллективного труда. Р. В. Кириллова смогла собрать значительный авторский коллектив и сплотить его вокруг идеи создания данной монографии. В подготовке статей приняли участие 49 ученых Поволжья и Приуралья, Сибири и Карелии, Москвы и Казани. Содержание издания обширно: всего в книге насчитывается 47 тематических статей, связанных с различными сторонами деятельности видного финно-угорского ученого, представителя удмуртского народа В. М. Ванюшева. Всего монография насчитывает 292 страницы.

Весьма уместен на страницах монографии иллюстративный ряд, представленный 36-ью характерными, хорошо подобранными фотографиями высокого качества, тематически выдержанными, отражающими жизненные реалии времен юности, учебы, научно-педагогической и общественной деятельности В. М. Ванюшева. Снимки 1950 – начала 1960-х гг. дают представление об учебе в Можгинском педучилище, Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, о работе в студенческом отряде на целине, о встречах В. М. Ванюшева с земляками; показывают трудную послевоенную жизнь людей и историю страны в лицах. Видеоряд хорошо отражает научную деятельность ученого, его работу с сотрудниками сектора литературы и фольклора в УДНИИ, встречи и сотрудничество с видными зарубежными учеными Финляндии – председателем Общества М. А. Кастрена Ильдикко Лехтинен, с ученым-фольклористом, автором перевода эпоса «Дорвыжы» на финский язык Эса-Юсси Салминеном; Франции – ученым и поэтом Ж.-Л. Моро, ученым и переводчиком Себастьяном Каньоли и др. В видеоряд вошли фотографии встреч юбиляра с учеными России на конференциях, с членами Союза писателей Удмуртии, с деятелями искусства и т.д. Достойное место в видеоряде издания заняли и семейные фотографии В. М. Ванюшева. Все фотоматериалы тщательно подобраны; сделано это с хорошим художественным вкусом, расположение иллюстраций продумано, уместно, является яркой иллюстрацией многогранной и продолжительной деятельности юбиляра.

Содержание коллективной монографии представлено, помимо традиционных предисловия и заключения, пятью разделами. В I разделе «Вслед за Элиасом Лённротом» рассматривается широкий круг насущных вопросов и проблем бытования эпических произведений у финно-угорских народов. В этот раздел вполне логично включены две аналитические статьи юбиляра. В статье «Слово об удмуртском героическом эпосе» исследователь пишет об основных этапах работы над удмуртским эпосом «Дорвыжы», о вольном поэтическом переводе этого произведения на удмуртский язык, о дополнительной текстологической обработке рукописи с восстановлением авторских вариантов отдельных слов и строк, о порядке расположения некоторых фрагментов оригинала [Ванюшев 2021, 8]. В другой своей статье «Удмуртский героический эпос «Дорвыжы» и «Биармия» Калистрата Жакова: общее и особенное» В. М. Ванюшев в русле сравнительного литературоведения сопоставляет «два авторских литературных эпоса: удмуртский «Дорвыжы» и коми «Биармия», созданных писателями и учеными М. Худяковым и К. Жаковым на основе сюжетов и образов национального фольклора. Выявляются как общие черты, восходящие к общепермским временам, так и различия, обусловленные неодинаковыми условиями жизни территориально разделенных родственных народов, а также своеобразием творческого потенциала авторов. «Дорвыжы» строится на стремительном сюжетном повествовании, тогда как «Биармия» насквозь пронизана лирикой» [Ванюшев 2021, 24]. Сопоставляя эпосы, исследователь отмечает, что «общее между этими двумя историко-культурными памятниками коми и удмуртов берет начало в генезисе родственных народов, каждый из которых в составе финно-пермской общности в VIII в. н. э. обрел свои особые этнические черты» [Ванюшев 2021, 25]. Касаясь содержания эпосов, ученый обращает внимание на то, что «те-

матический ряд произведения составляют мифологические представления о сотворении мира, происхождении религиозной веры удмуртов, борьбе между отдельными воршудно-родовыми, а также с иноэтническими племенами за овладение территориями проживания, сосредоточении объединяющей силы народа в лице родоначальников-батыров и, наконец, о потере удмуртами самого ценного – Священной книги, подаренной Кылдысином как своеобразной гарантии от забвения духовного опыта предков и постоянного саморазвития этноса» [Там же, 27]. Отмечая различия между эпосами, литературовед пишет: «В основе повествования «Дорвыжы» главенствует сюжетность, стремительное изложение происходивших событий. Иной характер внутренней структуры «Биармии». Она насквозь пронизана лирикой. Те соображения о неделимой связи человека с природой, звучащей в эпосе пермян, здесь раскрываются с предельной силой» [Ванюшев 2021, 27]. Статьи Ванюшева стали важным смысловым центром, вокруг которого сформировалась научная мысль данного раздела.

Эпическим произведениям посвящена статья венгерского исследователя Вирага Декишша «Dorgvizi – Дорвыжы – Песнь об удмуртских батырах». В ней отмечается, что «национальный эпос обобщает и популяризирует считающиеся наиболее важными для народа традиции, сведения о его древнем прошлом, главных героях [Декишш 2021, 17]. Исследователь вполне справедливо считает, что «важным шагом к национальному пробуждению стало глубокое изучение народных традиций, устного народного творчества с целью обнаружить какой-то древний, первоначальный источник, обратившись к которому, нация может определить себя и отделить себя от других. В статье венгерского ученого рассматривается история авторских реконструкций эпосов восточно-финских народов, в частности, коми, ханты и манси, удмуртов, мордвы, мари [Там же, 20–21].

Эта актуальная тема продолжена признанными исследователями мордовского эпоса А. М. Шароновым и Е. А. Шароновой в статье «Масторава» и «Дорвыжы»: поэтические параллели», в которой в сравнительном аспекте исследуются эпосы двух народов. Эпосоведы дают высокую оценку «Дорвыжы», считая, что «эпическое героическое произведение по своей художественной природе имеет общие черты с классическими эпосами древнего мира – греческим, римским, шумеро-аккадским, армянским и др.» [Шаронов, Шаронова 2021, 30]. В аналитической части ученые указывают на то, что «составными его частями («Дорвыжы», *прим. наше* – В. Р., С. С.) являются мифы о сотворении мира и о главных богах, о взаимоотношениях богов и людей, сказания о деятельности князей-правителей, легендарные предания о великанах – первопредках, предшественниках современных людей, сюжеты о подвигах богатырей и о столкновениях удмуртов с соседними племенами. Важное место в данной работе занимают воззрения ученых на прошлое, на героический век, критическое отношение к современности и будущему, социальный пессимизм и т.д. В целом в статье дается высокая оценка эпосу («Дорвыжы»): «по богатству содержания, масштабности происходящих событий, социальному и нравственному статусу совершаемых действующими лицами поступков, интеллектуальному уровню этнической философии удмуртский эпос стоит в одном ряду с европейскими эпосами» [Шаронов, Шаронова 2021, 30–31]. При анализе эпосов авторы обращают внимание на то, что «сходство сюжетов и мотивов, аналогии в пантеоне указывают на народность эпосов «Дорвыжы» и «Масторава»; показывают, что эрзяне и удмурты прошли сходные пути этноисторического и художественно-эстетического развития: мы видим совпадения в этнической и эпической их философии.

Вопросы эпоса в истории культуры финно-угорских народов всегда вызывают неподдельный исследовательский интерес. В монографии с подобной статьей «Удмуртский эпос в творческом сознании В. М. Ванюшева» выступила известный литературовед А. С. Зуева, считающая, что эпическая поэма В. М. Ванюшева «Удмурт Выжы Книга» – «современное лирико-философское осмысление культурно-исторического наследия удмуртского народа, уходящего своими корнями в седую старину, и В. М. Ванюшев поэтически реконструирует прошлое народа, в этих целях используя богатый фольклорный, этнографический, исторический материал об известном археологическом памятнике Иднакар (гнездо/ городище Идны), расположенном

на горе Солдырь Глазовского района при слиянии рек Чепца и Пызеп» [Зуева 2021, 43]. Весь этот богатый фольклорный и археологический материал, накопленный учеными XIX и XX столетий, «помог поэту и литературоведу В. М. Ванюшеву воссоздать поэтические картины средневекового периода жизни удмуртского народа. В творчестве поэта происходит принципиальное взаимообогащение и расширение художественной интерпретации целостной традиционной культуры народа и ее научного осмысления (в истории, археологии, этнографии, филологии).

Исследовательские модели в области типологии эпосов, предложенные В. М. Ванюшевым, хорошо известны ученым мари, поэтому тема «Героические эпосы «Дорвыжы» и «Югорно»: сходные мотивы» оказалась близкой и актуальной для Н. А. Федосеевой, которая отставляет мысль о том, что «удмуртский эпос «Дорвыжы» и марийский эпос «Югорно» написаны на основе народных легенд и преданий, поэтому имеют немало общего в отношении некоторых мотивов и стиливых особенностей» [Федосеева 2021, 54]. Ученый акцентирует внимание на том, что они созданы на широком фольклорно-этнографическом материале. В этих произведениях наиболее важными являются этнические корни, героические подвиги, и поэтому эпические сказания стали уникальными памятниками духовной культуры финно-угорского мира. Параллельное изучение эпосов дает возможность еще раз подчеркнуть, что культуры разных народов имеют немало общего.

В таком же сравнительном ключе разрабатывает вопросы изучения типологии эпосов ученый из Чувашской Республики И. В. Софронова в статье «Сравнительно-сопоставительное исследование чувашского «Улыпа» и удмуртского «Дорвыжы». И. В. Софронова отмечает, что «при создании произведений «Улып» и «Дорвыжы» авторы опирались на устное народное поэтическое творчество, и поэтому труд Ф. Сюина и М. Худякова можно оценить как продолжение творчества певцов-импровизаторов, сказителей» [Софронова 2021, 61]. Автор статьи обращает внимание на то, что «удмуртский и чувашский народы живут на смежных территориях, в одинаковых исторических условиях уже на протяжении долгого времени, и поэтому в эпических произведениях наблюдается немало сходных черт, которые, в основном, прослеживаются в сказаниях о богатырях-исполинах, в мифологических преданиях]. Сравнительный анализ «Улыпа» и «Дорвыжы» позволяет ученому раскрыть особенности функционирования сходных мотивов, национальную специфику героического эпоса. В статье утверждается, что «произведения «Дорвыжы» и «Улып» созданы по мотивам устных народных преданий. Сходные мотивы, сюжеты и образы из фольклора переходят и в авторский вариант героического эпоса» [Там же, 65].

Наряду с предыдущими изысканиями Г. Н. Шушакова в своей статье «Модификации фольклорно-эпических героев в литературном повествовании» предлагает новое исследовательское направление. По ее мнению, «фольклорно-эпический герой в традиционной культуре многозначен в своих проявлениях, он выражает как архаичные представления, относящиеся к периоду мифотворчества, так и последующие глубокие и возвышенные идеалы народного сознания, с его образом связаны мотивы мироустройства, консолидации рода, защиты родной земли, своей нации» [Шушакова 2021, 68]. Поэтому автор статьи считает, что «на протяжении многих веков фольклорные образы выполняли свою высокую миссию – пробуждали светлые чувства, позитивные помыслы в душе народа, вдохновляя на творческую созидательность». Исследователь утверждает, что «с появлением письменной культуры и переходом от фольклорного сознания к литературному коллективное творчество уступает место индивидуальности писателя. Однако в новых условиях архаическое сознание продолжает активно функционировать, естественно, в модифицированных формах» [Там же, 68].

Второй раздел монографии «Синтез мышления и чувств» также интересен и разнообразен по содержанию. В статье Г. Н. Шушаковой «Синтез научных и художественных начал в поэтическом мире В. М. Ванюшева» рассматривается деятельность В. М. Ванюшева, представлены материалы, связанные с научной и творческой деятельностью юбиляра, которая «хорошо вписывается в русло общей картины формирования традиций удмуртской науки и художествен-

ного творчества, а его научные интересы касаются истории удмуртской литературы и литератур Урало-Поволжья; к особо интересующим его проблемам относится проблема соотношения национального и общечеловеческого». Автор статьи обращает внимание на то, что В. М. Ванюшев «своим художественным воображением создает новые сюжеты, воссоздает картины прошлой жизни, «оживляет» историю» [Шушакова 2021, 78–79]. Справедливо отмечено, что «поэма «Как будто Книга Бытия (На Иднакаре)» В. М. Ванюшева – художественное «прочтение» археологических данных и фольклорного пласта национальной культуры.

Интересное направление изучения произведений писателя В. М. Ванюшева предложено в статье Р. В. Кирилловой «Творчество, основанное на традициях классиков». Автор отмечает, что В. М. Ванюшев «обращается к традициям русской и европейской поэзии, обогащает жанровую палитру родной словесности» [Кириллова 2021, 83]; это, несомненно, расширяло его творческий диапазон и жанровую палитру. Р. В. Кириллова, анализируя творчество поэта, делает вывод, что «произведения В. Ванюшева, с их лирико-эстетическими переживаниями, раскрытием психологии личности и народа, философскими размышлениями, дарят читателю подлинно эстетическое наслаждение. Его поэзия призывает читателя к духовному совершенству, к нравственной чистоте» [Кириллова 2021, 85].

Следует заметить, что поэтическая сторона деятельности юбиляра привлекла внимание целого ряда ученых-филологов. В раздел вошли исследования В. Л. Шибанова «Своеобразие гражданской поэзии Василия Михайловича Ванюшева», Л. В. Бусыгиной «В поисках гармонии», Е. В. Ельцовой «Образ матери в поэмах В. Попова, В. Лодыгина, В. Ванюшева», С. Л. Скопкаревой «Самостоянье человека...» (о публицистике В. М. Ванюшева), Р. Н. Петровой-Ахтимимировой «Удмурт с чувашской душой», поэтессы А. З. Диевой «К вопросу о герменевтике поэмы В. Ванюшева «Удмурт Выжы Книга (Иднакарын) = Как будто Книга Бытия (На Иднакаре)». Научные аспекты деятельности литературоведа рассмотрены в статье Н. И. Шутовой «Дорогу построим!» Путь в науку профессора В. М. Ванюшева».

Третий раздел книги «От Верещагина до наших дней» всецело освещает литературоведческую деятельность В. М. Ванюшева, ее результативность; дана характеристика концепциям, принципам, научному инструментарию, который был выработан ученым и находит активное применение в современной науке о литературе. Этой теме посвящены статьи В. А. Лимеровой и Е. К. Созиной «Научное творчество В. М. Ванюшева в контексте взаимосвязанного изучения литератур Урала», А. А. Арзамазова «Роль исследований профессора В. М. Ванюшева в становлении и развитии удмуртского теоретического литературоведения», В. Г. Пантелеевой «Научная стезя В. М. Ванюшева», Н. А. Федосеевой «Вершины корнями сильны...», Е. В. Остаповой «Научные труды В. М. Ванюшева в контексте изучения истории литературы финно-угорских народов в вузе: из опыта работы», исследователей Т. С. Степановой и А. В. Камитовой «Вклад В. М. Ванюшева в изучение творчества Г. Е. Верещагина», Л. Е. Сурниной «В. М. Ванюшев – исследователь творчества И. А. Куратова», Н. В. Чикиной «Основные тенденции развития литературы на карельском языке на рубеже XX–XXI вв. и научные взгляды В. М. Ванюшева». Авторы в полной мере отдают дань плодотворной и многогранной многолетней профессиональной деятельности ученого.

В четвертом разделе книги «Поэт не ради красивых слов...» рассматриваются вопросы о роли и месте поэта Ванюшева, о значении его художественного творчества, о гражданской позиции ученого и поэта. Сюда вошли статьи А. Г. Шкляева «Заступник, или поэт не ради красивых слов», Н. Н. Закировой «Короленковская доминанта в наследии профессора-публициста В. М. Ванюшева: национальный и интернациональный аспекты», В. М. Ванюшева «Национальный герой удмуртского народа (к 160-летию со дня рождения В. Г. Короленко)» и др.

Раздел пятый «Отчего ты, родник, вытекаешь, звеня?...» всецело посвящен художественным особенностям собственно литературного творчества В. М. Ванюшева. Об этом статьи Н. С. Братчиковой «Размышления об удмуртской поэзии: лирика В. М. Ванюшева», О. С. Зиявадиновой «Природа и человек в поэзии В. М. Ванюшева и А. Е. Ванеева», Е. Г. Красновской

«Найдется песня для души» (о лирике В. Ванюшева)», И. В. Пчеловодовой «Стихи В. М. Ванюшева в музыкальных произведениях», Н. А. Атнабаевой «*В. Ванюшев лэн сӧронтэм кабъя тупатэм кылбуръёсыз*», А. В. Камитовой «Мотивно-образная и жанровая структура книги В. М. Ванюшева «*Яратӥсько адямиез яратыны*».

В деятельности В. М. Ванюшева, не только в научной и учебной, но и в творческой, явно ощутима педагогическая направленность. Да и могло ли быть по-другому, когда изначально, с юношеских лет он мечтал о педагогической стезе, для чего и поступил в педагогическое училище, получил образование учителя. И это направление его труда тоже не осталось без внимания, нашло отражение в статьях шестого раздела «Педагог и дети» монографического издания. Эта ключевая тематика отражена в статьях И. Ф. Павловой «В. М. Ванюшев – детский писатель и мир детства в его произведениях», редактора отдела научно-методического журнала «Вордскем кыл» И. Ф. Тимирязиной «Произведения В. Ванюшева в литературном образовании младших школьников», библиотекаря М. В. Танаевой «С любовью – детям», учительницы удмуртского языка, руководителя школьного музея Н. С. Ветровой «Два батыра земли Кизнерской», Т. Г. Пантелеевой «Если есть друзья...», заместителя директора школы по учебной части Н. Я. Крючковой «Педагог. Наставник. Друг» и др.

Авторы монографии раскрыли глубину, многогранность и актуальность научных открытий В. М. Ванюшева, в своих статьях ориентируясь на те направления, которым ученый уделяет наибольшее внимание в своей исследовательской деятельности. Так, в разделах монографии нашли отражение вопросы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы, а также проблемы сравнительно-типологического изучения литератур; вопросы педагогики, литературного образования и детского чтения.

Освещенные в книге исследовательские алгоритмы позволяют глубже раскрыть литературные контексты, с которыми соотнесены как публицистические и поэтические произведения юбиляра, так и его литературоведческие работы.

Важно отметить, что деятельность В. М. Ванюшева привлекла внимание разных по профессии и возрасту людей, среди которых маститые ученые, доктора и кандидаты наук, работники вузов и научно-исследовательских институтов, школьные учителя и учащиеся старших классов, руководители музеев, библиотекари, воспитатели детских садов, что говорит о глубоком интересе к творчеству и личности юбиляра.

В целом следует отметить необходимость и ценность подобного рода изданий, где аккумулируется материал об ученых, внесших вклад в изучение культуры народа, его истории, этнографии, фольклора и литературы. Авторам коллективной монографии удалось рассмотреть круг вопросов, связанных с научной и творческой деятельностью В. М. Ванюшева, раскрыть разностороннюю работу юбиляра, проанализировать вклад ученого в изучение истории удмуртской литературы и литератур народов Урало-Поволжья, определить главные направления его работы по созданию научной школы.

Творческое и научное наследие В. М. Ванюшева является предметом многообразной исследовательской рефлексии и открывает широкие перспективы для последующих исследований и обобщений специалистами многих гуманитарных направлений.

По замыслу издателей, научное издание должно принести весомую пользу филологам, преподавателям и студентам гуманитарного профиля, профессионально занимающимся литературоведением, интересующимся удмуртской и другими финно-угорскими литературами России и мира.

ЛИТЕРАТУРА

Ученый. Поэт. Публицист: к 85-летию со дня рождения и 60-летию творческой деятельности В. М. Ванюшева: коллективная монография / УдмФИЦ УрО РАН; сост. и отв. ред. Р. В. Кириллова. Ижевск, 2021. 292 с.

Поступила в редакцию 20.08.2021

Рогачев Владимир Ильич,

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный
педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»,
430007, Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а,
e-mail: rogachev-v@bk.ru

Степин Сергей Николаевич,

кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный
педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»,
430007, Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а,
e-mail: stepin.73@mail.ru

V. I. Rogachev, S. N. Stepin

A WORD ABOUT THE ASCETIC

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-540-546

Review of the collective monograph: Scientist. Poet. Publicist: to the 85th anniversary of the birth and the sixtieth anniversary of the creative activity of V. M. Vanyushev: collective monograph / UdmFITSURO RAN; comp. and ed. by R. V. Kirillova. – Izhevsk, 2021. – 292 p. ISBN 978-5-6044266-8-5.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 540–546. In Russian.

Received 20.08.2021

Rogachev Vladimir Ilich,

Doctor of Philology, Professor,
Mordovian State Pedagogical University,
11a, Evsevevast., Saransk, 430007, Russian Federation,
e-mail: rogachev-v@bk.ru

Stepin Sergei Nikolaevich,

Candidate of Philology, Associate Professor,
Mordovian State Pedagogical University,
11a, Evsevevast., Saransk, 430007, Russian Federation,
e-mail: stepin.73@mail.ru

УДК 811.511.131

О. А. Сергеев

**НОВАЯ СТРАНИЦА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ УДМУРТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-547-549

Рец. на. кн. Русско-удмуртский словарь. В 2 т. Более 55 000 слов / Л. М. Ившин, С. А. Максимов, О. В. Титова, Л. Е. Кириллова, Л. Л. Карпова, Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, А. А. Шибанов; отв. ред. Л. М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2019. Т. 1 (А–О). 936 с.; Т. 2 (П–Я). 1016 с.

Двуязычные и толковые словари с широким охватом лексического материала являются важным справочным инструментом, способствующим усвоению мировых достижений и успешной интеграции человека в современное общество. Удмуртско-русский словарь большого объема (50 тыс. словарных статей) опубликован относительно недавно – в 2008 г. Большой русско-удмуртский словарь в последний раз издавался более чем полвека назад – в 1956 г. За данный промежуток времени наше общество испытало огромные социально-экономические и политические трансформации, что привело к неизбежным изменениям понятийной системы и лексического состава языка. В связи с этим, безусловно, назрела настоятельная необходимость составления современного большого русско-удмуртского словаря академического типа.

В основу рецензируемого академического Русско-удмуртского словаря был положен «Русско-удмуртский словарь» 1956 г., в котором каждая словарная статья подверглась критическому пересмотру – была тщательно проверена и при необходимости расширена посредством добавления и усовершенствования. На базе новейших словарей русского языка были переработаны семантические структуры заглавных слов русско-национального словаря; заменен или расширен иллюстративный материал большинства словарных статей, приведены новые устойчивые сочетания и образные выражения; пересмотрены стилистические пометы. В то же время усовершенствованный словарь освободился от некоторой части неактуальной лексики. Подбор лексики можно признать удачным, поскольку переизбытка русских заимствований и проникновений не ощущается. Составители крупнейшего лексикографического справочника приложили немало усилий к тому, чтобы отобранные в словарь лексические единицы были актуальными и наилучшим образом удовлетворяли насущные потребности современного читателя.

В соответствии с установившейся в отечественной лексикографии типологией настоящий словарь может быть охарактеризован как нормативный двуязычный переводной, филологический. Во вновь составленном словаре, по объему превосходящем предыдущий двуязычный

справочник, нашло отражение свыше 55 000 заглавных слов, открывающих словарную статью. Расширение словника осуществлено в основном за счет привлечения современной разговорной лексики и специальной терминологии таких сфер, как официально-деловая жизнь, наука, политика, торговля, религия, производство, финансы, экономика, а также архаичная и устаревшая лексика, ставшая вновь востребованной в последние десятилетия. В словарь вошло также большое количество новых значений, отражающих живые языковые процессы в русской и удмуртской лексике и фразеологии последних лет.

В выходной части настоящего лексикографического труда с возможной полнотой использована лексика «Удмуртско-русского словаря» (Ижевск, 2008), в необходимых случаях привлечены материалы терминологических (биологического, географического, химического) и системно-тематического словарей удмуртского языка.

При отборе и включении в корпус словаря заимствованной из русского или через русский язык лексики составители обратили внимание, прежде всего, на их освоенность и значимость в системе обозначений удмуртского языка. В соответствии с названным принципом в словарь внесены: а) заимствования, подвергшиеся в удмуртском языке структурным изменениям на фонетическом, морфологическом, лексико-семантическом и стилистическом уровнях; б) заимствования, которым нет эквивалента в удмуртском языке. Вместе с тем сознательно ограничен круг заимствований, имеющих удмуртские эквиваленты, употребление которых в последнее время значительно расширилось.

В настоящем издании, как и в предыдущих словарях удмуртского языка, кроме перевода и иллюстративного материала, используются и другие способы раскрытия значений представленных лексических единиц – пояснения, дополнительные указания, характеризующие и контекстуальные условия их реализации. В ряде случаев характеристика заглавного слова или его отдельного значения дается через посредство синонимических лексических единиц. В данном ценнейшем труде показаны синонимические связи в основном литературных и диалектных эквивалентов, словообразовательных и фонетических вариантов, исконных и заимствованных слов.

В словарь в качестве приложений включены краткий грамматический очерк удмуртского языка, информация о его диалектном членении и русско-удмуртский указатель названий географических объектов.

«Русско-удмуртский словарь» является одним из долгожданных и давно востребованных лингвистических словарей удмуртского языка. Открывая совершенно новую страницу функционирования и развития языков в современном мире, он станет весомым вкладом в финно-угорскую филологию. Новинку как удобный справочник по достоинству оценят, в первую очередь, специалисты-филологи пермских, в частности, удмуртского, а также других финно-угорских языков, учителя, переводчики, работники печати, радио и телевидения, мастера художественного слова. Рецензируемый словарь может быть полезен и русскоязычному читателю, живущему в условиях двуязычия и интересующемуся удмуртским языком. Словарь крайне необходим при освоении курса удмуртского языка в средних и высших учебных заведениях. Как справочное издание, он предоставляет богатый материал для разработки важных проблем взаимодействия русского и удмуртского языков, структурно различающихся вследствие их принадлежности к разным языковым семьям.

Словарь подготовлен на высоком профессиональном уровне, охватывает ценнейший пласт удмуртской лексики. Справедливо можно сказать, что двухтомный «Русско-удмуртский словарь» найдет благодарный отклик среди заинтересованного читателя и в научных кругах. Несомненное достоинство нового капитального лексикографического произведения и в том, что оно имеет электронную версию, находящуюся в свободном доступе сети Интернет на сайте Национального корпуса удмуртского языка (Удмурт йӧскалыккылшыкыс) <http://udmcorpus.udman.ru/>.

Завершая оценку двуязычного словаря, презентация которого состоялась 27 ноября 2019 г. в Доме Дружбы народов (г. Ижевск), необходимо подчеркнуть его стимулирующее значение для теоретической и практической лексикографии удмуртского языка.

Поступила в редакцию 25.05.2021

Сергеев Олег Арсентьевич,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева,
426036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44.
e-mail: olsemar@rambler.ru

O. A. Sergeev

NEW PAGE OF FUNCTIONING AND DEVELOPMENT OF UDMURT AND RUSSIAN LANGUAGES

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-547-549

Review of the book: Russian-Udmurt dictionary. In 2 volumes. More than 55,000 words. / L. M. Ivshin, S. A. Maksimov, O. V. Titova, L. E. Kirillova, L. L. Karpova, T. R. Dushenkova, A. V. Egorov, A. A. Shibanov; Edited by L. M. Ivshin; UdmFRC UB RAS. Izhevsk, 2019. Vol. 1 (A – O). 936 p.; Vol. 2 (P – Ya). 1016 p. In Russian.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 547–549. In Russian.

Received 25.05.2021

Sergeev Oleg Arsentyevich,
Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V. M. Vasilyev,
44, Krasnoarmeiskaya st., Yoshkar-Ola, 424036, Russian Federation,
e-mail: olsemar@rambler.ru

УДК 39

Л. А. Волкова, М. В. Сухова

**РЕЦЕНЗИЯ НА: ПРЕДМЕТНЫЕ РЕАЛИИ
УДМУРТСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРЫ:
КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-550-553

Появление новых трудов, выполненных в междисциплинарном поле, охватывающем целую область гуманитарных филологических и культур-антропологических смысловых ареалов, всегда важное и актуальное событие. Актуальное не только в смысле значимости исследовательской проблематики, но и потому, что предполагает тот аспект авторского видения и исполнения, который можно отнести уже к области методологии научного поиска. Представленная авторским коллективом монография – весомое тому подтверждение. Сочленение различных проблемных областей под одним этническим «знаком» и внутри одной книжной обложки – хороший способ не просто изложить очередную сумму знаний об удмуртской этнокультуре, но предложить вполне определённый концептуальный продукт – картину, системное представление, связывающее слово, образ и вещь (предмет), создать порядок – «то, что задаётся в вещах как их внутренний закон, как скрытая сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и одновременно то, что существует, лишь проходя сквозь призму взгляда, внимания, языка» [Фуко 1994, 32–33].

Словесно-вещные и предметно-образные реалии удмуртской этнической традиции рассматриваются авторами в трёх аспектах. Первая глава посвящена анализу языковой культуры вещи. Устойчивые словесные комплексы – фразеологизмы – понимаются авторами как *закодированные сообщения о мире того или иного этноса*, в данном контексте – предметного мира. Связь слова и вещи внутри этого фразеологического пространства настолько очевидна, что позволяет с наибольшей отчётливостью почувствовать самобытность и одновременную универсальность этнокультуры удмуртов. Тем более что классификация фразеологической лексики и вместе с ней, имманентно, предметного мира культуры, производится авторами в сравнительном удмуртско-русском ключе. Изучение лексики сакральных компонентов интерьера избы – красного угла и печи, а также терминологии, связанной с музыкальными инструментами, на первый взгляд, не укладывается в общую схему и мало соотносится с фразеологическим корпусом. Однако авторский выбор вполне понятен: для анализа взяты те культурные сферы, где наиболее рельефна связь «предмет – слово», которые могут служить точками концентрации этнического: это либо *сакральные*, либо *музыкальные* предметы и слова, их обозначающие. В свете сказанного выше закономерно обращение авторов к проблеме перевода удмуртских этнографических реалий на русский язык. Авторы справедливо указывают на то, что тема требует дальнейшей разработки, поскольку в языке перевода часто не имеется эквивалента, «что ставит перед каждым переводчи-

ком серьёзные проблемы» [Эко 2015, 39]. Свидетельствует об этом и тот краткий анализ, который проведён в монографии с использованием материалов Удмуртско-русского словаря (2008). А между тем проблема перевода важна не только как языковая, относимая к сфере художественной литературы. Это проблема соотнесения, контакта культур – даже если их взаимоотношения имеют давнюю историю. Это вопрос формирования смешанных идентичностей, их *пере-* и *про-*живания человеком, что особенно актуально в ценностной среде глобального мира.

Изучение вещи и её функциональности в обрядовых практиках (глава 2) предполагает как минимум два уровня: изначальное создание и использование вещи для и внутри обряда, а также изменение статуса вещи с обыденного на ритуальный, когда первичная функциональность перестаёт быть актуальной. Именно с этих позиций подходят авторы к исследованию вещного мира некоторых календарных и семейных обрядов, также и типологически родственных им целительных практик удмуртов. Интересно и обращение авторов к изучению предметного мира необрядового песенного фольклора, а также к тем сюжетам устной народной прозы, которые связаны с кладами. Последнее, ко всему прочему, даёт возможность выявить этническую специфику и универсалии в отношении к богатству: «...в одном из сюжетов младший сын дурак получает в наследство косяк, с которым идёт в лес, забирается на большую ель (!) и сидит там ни жив, ни мёртв, потому что под елью обосновались разбойники, “высыпали из кошельков всё золото и серебро и считают, кому сколько достанется. <...> Дурак задрожал и уронил косяк на деньги воров; вору испугались и убежали. Дурак слез с ёлки, собрал деньги и ушёл домой”. Дурак, понятно, тот самый счастливец, которому достаётся удача, счастье и богатство» [Ившина 2014, 99].

Удмуртская поэзия как мир смыслов, порождённых предметами, и мир предметов, созданных смыслами, стала объектом интереса в последней главе монографии. Такой выбор и формулировка проблемы важна, в первую очередь, потому, что в отечественном исполнении антропологический или междисциплинарный анализ авторского поэтического предметно-образного мира можно встретить нечасто, а в случае с удмуртской поэзией – тем более. Особый интерес вызывает не только подбор авторских текстов, но выбор образов и стоящих за ними культурных реалий – окна и двери. Российская традиция изучения пограничной культурной символики в этнокультурах мира коррелирует с теми данными, которые прослеживаются в удмуртских поэтических текстах: «Интимная связь образа окна именно с женщиной не вызывает сомнений, как и то, что мотив – мифологема женщины у открытого окна акцентирует какой-то ключевой момент, символизирующий мистирию (таинство), носительницей и преимущественной участницей которого выступает женщина» [Топоров 1984, 176], и потому «дверь для лирического субъекта становится символом любви, надежды, тайны, мистического ожидания» [Предметные реалии 2021, 171].

Рецензируемая монография, безусловно, отличается и авторским видением, и оригинальна – как в постановке проблемы, так и в компоновке материала, подборе предметов научного анализа, сочетании методик. Однако почти повсеместно текст как будто нуждается в более глобальной и широкой проработке, «включённости» в контекст мировых культур, в более смелых трактовках. Богатый этнокультурный материал, привлечённый и подобран авторами, «просится» выйти за узкие рамки своей собственной этничности, предложить себя миру.

Однако и выбранные подходы, и стилистика изложения материала, и выводы авторов носят обоснованный характер: высказанные замечания можно расценивать как стратегические предложения, рассчитанные на продолжение работы. Подготовленные материалы, безусловно, будут интересны и полезны разным категориям читателей – от студентов и учащихся до узких специалистов в области этнографии, культурологии, фольклористики и литературоведения.

ЛИТЕРАТУРА

Ившина М. В. «Дурак слез с ёлки, собрал деньги и ушёл домой»: некоторые способы обретения богатства и благополучия в удмуртском фольклоре // *Богатство и престиж в традиционной культуре: материалы Тринадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений*. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2014. С. 95–99.

Предметные реалии удмуртской этнокультуры: коллективная монография / Т. Г. Владыкина [и др.]; под общ. ред. Т. Г. Владыкиной. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2021. 215 с.: илл.

Топоров В. Н. К символике окна в мифопоэтической традиции // *Балто-славянские исследования*. 1983 / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1984. С. 164–186.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 407 с.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с ит. А. Ковалея. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 736 с.

Поступила в редакцию 11.06.2021

Волкова Люция Аполлосовна,

кандидат исторических наук, доцент,
МБУК «Глазовский краеведческий музей»,
427620, Россия, г. Глазов, ул. Кирова, 13,
e-mail: snovaluyciya@mail.ru

Сухова Мария Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный
педагогический институт им. В. Г. Короленко»,
427620, Россия, г. Глазов, ул. Карла Маркса, 29,
e-mail: salamramaswami@gmail.com

L. A. Volkova, M. V. Sukhova

REVIEW OF: UDMURT ETHNOCULTURE SUBJECT REALITIES: MONOGRAPH

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-550-553

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 3, pp. 550–553. In Russian.

REFERENCES:

Ivshina M. V. "Durak slez s yolki, sobral den'gi i ushel domoi»: nekotorye sposoby obreteniya bogatstva i blagopoluchiya v udmurtskom fol'klore" ["The fool got down from the Christmas tree, collected money and went home": some ways of acquiring wealth and well-being in Udmurt folklore]. *Bogatstvo i prestizh v traditsionno i kul'ture: materialy Trinadtsatykh Sankt-Peterburgskikh ehnograficheskikh chtenii* [Wealth and prestige in traditional culture: materials of the Thirteenth St. Petersburg ethnographic readings]. St. Petersburg, 2014. Pp. 95–99. In Russian.

Predmetnye realii udmurtskoi ehnokul'tury [Udmurt ethnoculture subject realities]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury Udmurtskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2021. 215 p. In Russian.

Toporov V. N. K simbolike okna v mifopoehticheskoi traditsii [On the symbolism of the window in the mythopoetic tradition]. *Balto-slavyanskije issledovaniya*. 1983 [Balto-Slavic studies. 1983]. Moscow: Nauka Publ., 1984. Pp. 164–186. In Russian.

Fuko M. *Slovaiveshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of the Humanities]. St. Petersburg: A-cad Publ., 1994, 407 p. In Russian.

Ehko U. *Skazat'pochti to zhesamoye. Opyty o perevode* [Say almost the same thing. Experiments on translation]. Moscow: AST: CORPUS Publ., 2015. 736 p. In Russian.

Received 11.06.2021

Volkova Lutsia Apollosovna,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Glazov Museum of Local Lore,
13, ul. Kirova, Glazov, 427620, Russian Federation,
e-mail: snovaluciya@mail.ru

Sukhova Maria Vladimirovna

Candidate of History, Associate Professor,
Glazov State Pedagogical Institute,
29, ul. Karla Marksa, Glazov, 427620, Russian Federation,
e-mail: salamramaswami@gmail.com

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании
«Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Филологические науки

Языкознание
Литературоведение
Фольклористика

II. Исторические науки

История, археология и этнография
Этнология

III. Рецензии, отзывы, научная информация

Статьи, опубликованные в «Ежегоднике финно-угорских исследований», включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и размещаются в Научной электронной библиотеке (eLibrary.ru).

В журнале публикуются статьи на русском и на английском языке.

Лицензионный договор

Авторами подписывается договор о согласии на использование статьи в открытой печати. Авторы гарантируют, что статья является оригинальным произведением, и они обладают исключительными авторскими правами на нее. Форма Лицензионного договора находится на сайте журнала <http://journals.udsu.ru/finno-ugric/finno-ugry.ru>

Редакция журнала обращает внимание авторов на правила оформления и требования к рукописям статей. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье, объемом 0,5–1 печатного листа (30000–40000 знаков), для литературного редактирования – шрифт 14, интервал 1,5. Шрифт Times New Roman. Переносы в словах не допускаются. Текстовый файл должен быть сохранен в формате doc и обязательно pdf, назван по ФИО (например, Иванов И.И.doc).

Список литературы должен содержать не менее 15–20 научно-исследовательских источников (научные статьи, монографии) и располагаться в алфавитном порядке, в т. ч. не менее 30 % зарубежных источников. Источники на иностранных языках следует располагать за источниками на русском языке. Ссылки на источники в тексте оформляются в квадратных скобках с указанием автора, года издания и цитированных страниц. Например: [Иванов 1999, 56–58] или [Материалы к словарию... 1999, 67].

Список литературы должен соответствовать ГОСТу Р 7.0.5–2008, без нумерации, включаются только те издания, ссылки на которые есть в тексте статьи.

Порядок расположения частей статьи

Классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация статьи (200–250 слов), ключевые слова (15–17 слов), текст статьи, литература, reference, поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска), инициалы и фамилия автора на английском языке, название статьи на английском языке, аннотация на английском языке, ключевые слова на английском языке, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место и адрес работы, e-mail).

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок. В рукописи указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т. п. Все сокращения должны быть расшифрованы,

за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. Пример: Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно — УдГУ, в Гербарии УдГУ и т. д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи. За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Пример оформления литературы и источников

Отрывок из статьи:

Богатые и бедные едят одно и то же: хлеб и рыбу, пьют квас, водку и кофе. Образ жизни походит на жизнь аскетов, у которых богатство не существует или не демонстрируется [Вихавайнен 2012, 35–40].

Литература

Алексеев Э. Е. Раннефольклорное интонирование: Звуковысотный аспект. Москва, 1986. 240 с.

Алдошина И. А., Приттс Р. Музыкальная акустика. СПб., 2006. 720 с.

Вихавайнен Т. Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе / пер. А. И. Рупасова. СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.

Список источников на русском языке дублируется на английском языке, транслитерируется и озаглавляется **References**, который следует сразу за списком источников на русском языке. При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом **BSI** можно воспользоваться ссылкой <http://translit.net> (транслит. по-русски).

1. Описание русскоязычной книги одного или нескольких авторов

Автор/авторы (транслит., жирн.). *Название книги* (транслит., курсив) [Перевод названия на англ. яз.]. Город (на англ. полностью), Издательство (транслит.+Publ.), год публикации. Кол-во стр. Язык оригинала на англ.

Пример:

Petrukhin V. Ya. *Mify finno-ugrov* [Myths of Finno-Ugric peoples]. Moscow, Astrel Publ., 2005. 464 p. In Russian.

2. Описание статьи из русскоязычных журналов, сборников

Авторы (транслит., жирн.). *Название статьи* (транслит.) [Перевод названия статьи на англ. яз.]. *Название русскоязычного журнала* (транслит., курсив) [Перевод названия журнала, сборника], год издания, том журнала, номер выпуска, диапазон страниц в статье. Язык оригинала на англ.

Пример:

Vladykina T. G., Panina T. I. *Obrazy lesnykh dukhov v udmurtskoi mifologii i fol'klore: II. Palesmurt (polovinchatyi chelovek)* [Forest beings in the Udmurt mythology and folklore: 2. Palesmurt (Half-Human Creature)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2015, no. 4, pp. 59–67. In Russian.

3. Описание многотомного издания

Авторы (транслит., жирн.). *Название издания* (транслит., курс.) [Перевод названия на англ. яз.]. Город (на англ. яз. полностью), Издательство (транслит.+Publ.), год издания. Название тома (транслит.). Кол-во стр. Язык оригинала на англ.

Пример:

Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. Izhevsk, 1995. Vol. 1: *Votjaki Sosnovskogo kraja* [The Votyaks of Sosnovka Area]. 260 p. In Russian.

4. Описание материалов конференций

Автор (транслит., жирн.). Название статьи (транслит.) [Перевод названия статьи на англ. яз.]. *Название сборника конференции* (транслит., курсив) [Перевод названия сборника]. Город (на англ. яз. полностью), год издания, том журнала, номер выпуска, диапазон страниц в статье. Язык оригинала на англ.

Пример:

Vladykina T. G. Obrazy lesnykh dukhov v udmurtskoi mifologii i fol'klore: I. Nyulesmurt (lesnojch-elopek/leshii) [Forest Beings in the Udmurt Mythology and Folklore: 1. Nyulesmurt (Wood Spirit)]. *Traditsionnaya kul'tura v izmenyayushhemsya mire: Materialy VIII Mezhdunarodnoi shkoly molodogo fol'klorista «Traditsionnayakul'tura v izmenyayushhemsya mire» i seminara «Permistika: yazyk i stil' fol'klora»* [Traditional culture in the changing world: Proc. 8th Int. School of young folklorist "Traditional culture in the changing world" and seminar "Permistika: the language and style of folklore"]. Izhevsk, 2009, pp. 24–30. In Russian.

5. Описание диссертации или автореферата диссертации

Автор (транслит., жирн.). *Название диссертации или автореферата* (транслит., курсив) [Перевод названия на английский]. Город (на англ. яз. полностью), год издания. Общее число страниц. Язык оригинала на англ.

Пример:

Zaitseva E. N. *Narodnaya meditsina udmurtov v kontse XIX – pervoi treti XX v.: Dis. kand. ist. nauk* [Udmurt folk medicine in the late 19th – the early 20th century. Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk, 2004. 196 p. In Russian.

Zaitseva E. N. *Narodnaya meditsina udmurtov v kontse XIX – pervoi treti XX v.: Avto-ref. dis. kand. ist. nauk* [Udmurt folk medicine in the late 19th – the early 20th century. Extended abstract of Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk, 2004. 24 p. In Russian.

6. Описание статьи из электронного журнала

Авторы (транслит., жирн.). Название статьи (транслит.) [Перевод на английский заглавия статьи]. *Название журнала* (транслитерация курсивом) – название журнала на английском языке (если есть официально зарегистрированное), год, том (vol.), номер (no.), страницы (pp.). Режим доступа (URL: <http://www...>) дата обращения (accessed).

Пример:

Sidorov S. V. *Innovatsii v razvitii sel'skoy shkoly v Rossii vtoroy poloviny XVIII – nachala XX veka* [Innovation in development of rural school in Russia of the second half of the 18th – the beginning of the 20th century]. *Pedagogika. Psychologiya* [Pedagogy and Psychology], 2010, no. 2. In Russian. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/2/Sidorov_Innovations/ (accessed 25 June 2010).

7. Описание англоязычных книг

Roper J. *English Verbal Charms*. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2005. 242 p.

8. Описание статьи из англоязычных журналов

Raal A., Sõukand R. *Classification of Remedies and Medical Plants of Estonian Ethnopharmacology*. *Trames – Journal of the Humanities and Social Sciences*, 2005, vol. 9, no. 3, pp. 259–267.

Дополнительная информация:

426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, УдГУ, корп. 6, к. 003

тел./факс: 8 (3412) 66 34 66

E-mail: rvkir@mail.ru

Роза Владимировна Кириллова (отв. редактор)

Dear Colleagues!

You are welcome to submit your manuscripts to be published
in "**Yearbook of Finno-Ugric Studies**"

The journal welcomes manuscripts in the following areas of interest:

I. Philological sciences

Linguistics
Literary studies
Folklore studies

II. Historical sciences

History, archaeology and ethnography
Ethnology

III. Reviews, comments, and news in brief

The articles published in the "Yearbook of Finno-Ugric Studies" will be included into the Russian Science Citation Index (RSCI) and registered in the Scientific Electronic Library (eLibrary.ru).

Reference list preparation guideline.

The editorial team requests authors to follow manuscript preparation guidelines. Manuscripts should meet internationally accepted requirements for academic papers. The length of the manuscript submitted should be about 4000–8000 words. Lettering in Times New Roman font size 14 pt with 1,5 line spacing is preferable. Font -Times New Roman. No automatic hyphenation. Please upload your manuscript both in *.doc and *.pdf formats, titled according to an author's name (for example, Ivanov_I.doc, Ivanov_I.pdf).

A reference list should comprise more than 15 researches (articles, monographs) including foreign ones and arranged in alphabetical order. Sources in foreign languages should be listed after sources in Russian language. In a text, references should be given in square brackets and should include an author's last name, date of publication and page number(s) where appropriate, for example . If the source has no identified author, cite the first few words of its title, date of publication and page number(s) where appropriate, for example [Material for the dictionary... 1999, 67].

The reference list should not be numbered and should comprise only sources mentioned in the paper.

Articles in Russian or English are submitted.

Manuscripts should be presented in the following order

Universal Decimal Classification No, the author's initials and surname, the title of the article, abstract (200–250 words), keywords (15–17 words), the body of the article, references, the date of submission (the date is set by the executive editor), the author's initials and surname in English, the title of the article in English, the abstract in English, keywords in English, information about the author (the author's full name, Scientific degree, position, the place of employment, Country, City, e-mail).

Manuscripts should be carefully checked and edited.

The author is held responsible for the correctness and completeness of bibliographic data.

Examples of citations in a reference list

Book

Roper J. English Verbal Charms. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2005. 242 p.

Chapter of a Book

Bergquist J. M. German Americans. In J. D. Buenker & L. A. Ratner (Eds.), *Multiculturalism in the United States: A comparative guide to acculturation and ethnicity*. New York, NY: Greenwood, 1992. pp. 53–76.

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований
“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

2021. Том 15. Выпуск 3

Технический редактор, компьютерная вёрстка *И. В. Медведева*
Редактор английского текста *Ш. Шелмеци (S. Selmeczy)*
Корректор *В. Г. Семёнов*

Подписано в печать 15.09.2021. Вышел в свет 28.09.2021.
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 20,3. Тираж 100 экз. Заказ № 1616. Цена свободная.

Издатель: Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4, каб. 207
Тел./факс: + 7 (3412) 500-295. E-mail: editorial@udsu.ru

Типография: типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, каб. 101

Научный журнал «Ежегодник финно-угорских исследований» / “Yearbook of Finno-Ugric Studies” основан в 2007 году, зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство СМИ: ПИ № ФС 77-77076 от 08.11.2019